

П. Бухарин.

Научная серия

EMIGRANTICA

Редакция

Е.Р. Пономарев (главный редактор)

А.В. Протопопова (зам. главного редактора)

Д.В. Зайцев (редактор)

М.С. Щавлинский (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия

Ю.А. Азаров

М.А. Васильева

С. Гардзонио

Т.М. Двинятина

Н.В. Корниенко

О.Ю. Панова

Ф.Б. Поляков

Р.Д. Тименчик

В.И. Хазан

М. Шруба

А.В. Бакунцев

Е.Д. Гальцова

Э. Гаретто

В.Л. Кляус

С.Н. Морозов

В.В. Полонский

К.К. Султанов

С.Р. Федякин

А.И. Чагин

E-mail: emigrantica@yandex.ru

Москва
ИМЛИ РАН
2024

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

EMIGRANTICA

Выпуск 2

*П.М. Бицилли и гуманитарная наука
русского зарубежья*

Составитель М.А. Васильева

Научные редакторы М.А. Васильева и А.В. Бакунцев

ISSN 3034-3518 (Print)

ISSN 3034-3526 (Online)

Москва
ИМЛИ РАН
2024

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Э 55

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

В подготовке выпуска участвовали:
М.А. Бирман, Т. Галчева, М.В. Ковалев, О.А. Коростелев

Рецензенты:

М.С. Киселева, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук
А.И. Серков, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

Э 55 Emigrantica. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. — М.: ИМЛИ РАН, 2024. — 480 с.
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2>
<https://elibrary.ru/TMMUWK>
ISBN 978-5-9208-0787-8

Очередной выпуск научной серии «Emigrantica» составлен по материалам международной научной конференции, приуроченной к 140-летию со дня рождения видного гуманитария-энциклопедиста русского зарубежья Петра Михайловича Бицилли (1879–1953). Конференция состоялась в 2019 г. в ИМЛИ РАН и стала первой научной встречей в России, посвященной выдающемуся соотечественнику. Разделы сборника отражают различные направления гуманитарного знания, в которых ярко проявил себя П.М. Бицилли — историческая наука, медиэвистика, литературоведение. Отдельный блок статей в издании посвящен реконструкции биографии ученого с привлечением большого числа архивных материалов из московских, одесских, петербургских, пражских и других архивов. Издание оснащено ценным иллюстративным материалом, в том числе из фонда П.М. Бицилли (Ф. 804) ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; многие фотодокументы публикуются впервые.

Издание адресовано литературоведам, лингвистам, историкам, медиэвистам, славистам и всем, интересующимся историей и современной проблематикой гуманитарных наук.

Ключевые слова: эмиграция, миграция, русская эмиграция, литература русской эмиграции, поэтика, текстология, П.М. Бицилли.

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-9208-0787-8

© М.А. Васильева, составление, 2024
© Авторы, наследники, 2024
© ИМЛИ РАН, серийное оформление, 2024

*Памяти Олега Анатольевича Коростелева,
Михаила Абрамовича Бирмана,
Бориса Соломоновича Кагановича*

Academic series

EMIGRANTICA

Editors

Evgeny R. Ponomarev (Editor-in-Chief)

Anna V. Protopopova (Deputy Editor-in-Chief)

Dmitrii V. Zaitsev (Editor)

Maksim S. Shchavlinskii (Managing Editor)

Editorial Board

Yuri A. Azarov

Maria A. Vasilieva

Stefano Garzonio

Tatiana M. Dviniatina

Natalia V. Kornienko

Olga Yu. Panova

Fedor B. Poljakov

Roman D. Timenchik

Vladimir I. Khazan

Manfred Schruba

Anton V. Bakuntsev

Elena D. Galtsova

Elda Garetto

Vladimir L. Klyaus

Sergei N. Morozov

Vadim V. Polonsky

Kazbek K. Sultanov

Sergei R. Fedyakin

Aleksei I. Chagin

E-mail: emigrantica@yandex.ru

Moscow

IWL RAS

2024

A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

EMIGRANTICA

Issue 2

*Piotr Bitsilli and the Humanities
of the Russian Emigration*

Collected by Maria A. Vasilieva

Edited by Maria A. Vasilieva and Anton V. Bakuntsev

ISSN 3034-3518 (Print)
ISSN 3034-3526 (Online)

Moscow
IWL RAS
2024

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2>

Approved for print by the Academic Council
of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Participated in the preparation of the issue:
M.A. Birman, T. Galcheva, M.V. Kovalev, O.A. Korostelev

Reviewers:

Marina S. Kiseleva, DSc in Philosophy, Chief Researcher, Scientific Institute
of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
Andrei I. Serkov, PhD in History, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World
Literature of the Russian Academy of Sciences

Emigrantica. Issue 2: Piotr Bitsilli and the Humanities of the Russian Emigration, comp. M.A. Vasilieva, ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, manag. ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024. 480 p. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2>

ISBN 978-5-9208-0787-8

The current issue of “Emigrantica” academic series is based on the materials of the international academic conference dedicated to the 140th anniversary of Piotr M. Bitsilli, a prominent scholar and intellectual of the Russian diaspora (1879–1953). The conference took place in 2019 at the IWL RAS and became the first academic event in Russia honouring our outstanding compatriot. The sections of this issue reflect various areas of humanities to which Bitsilli’s impressive accomplishments belong: history, medieval studies, literary criticism. A separate block of articles is devoted to the reconstruction of the scholar’s biography relying on the vast amount of archival materials from Moscow, Odessa, St. Petersburg, Prague and other cities. The publication is supplied with valuable visual material, some of it from the Bitsilli collection (F. 804) of the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) RAS; many photographic documents are published for the first time.

The publication is addressed to literary critics, linguists, historians, medievalists, slavists and anyone interested in the history and contemporary issues of the humanities.

Keywords: emigration, migration, Russian emigration, literature of the Russian emigration, poetics, textology, Piotr Bitsilli

This is an open access book
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

ISBN 978-5-9208-0787-8

© Research Team, 2024

© IWL RAS, 2024

*In memory of Oleg A. Korostelev,
Mikhail A. Birman,
Boris S. Kaganovich*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М.А. Васильева. От составителя</i>	16
---	----

I. Общие вопросы

<i>Т.Н. Попова. Бициллиеведение: к вопросу о научном статусе</i>	28
--	----

II. Personae

Биография: новые материалы

<i>В.В. Левченко, Т.Н. Попова. П.М. Бицилли:</i> <i>ближний круг (из семейной истории)</i>	48
<i>В.В. Левченко, Г.С. Левченко. П.М. Бицилли</i> <i>в городском пространстве Одессы: прошлое и настоящее</i>	74
<i>В.В. Левченко. К истории формирования</i> <i>и развития научных приоритетов П.М. Бицилли</i>	98

Диалог с современниками

<i>М.В. Ковалев. П.М. Бицилли и русская Прага:</i> <i>к истории взаимоотношений</i>	116
<i>Л. Кийзлик. П.М. Бицилли и К.В. Флоровская</i> <i>(по ее письмам к Г.В. и А.В. Флоровским)</i>	144
<i>Е.А Тахо-Годи. Philosophical and Aesthetic Dialogue:</i> <i>Iulii Aikhenval'd and Piotr Bitsilli</i>	158
<i>О.Т. Ермишин. Историко-культурные взгляды П.М. Бицилли</i> <i>и Л.П. Карсавина в контексте их участия</i> <i>в евразийском движении</i>	179
<i>М. Шруб. Петр Бицилли и Владимир Вейдле</i>	188
<i>Р. Мних. Петр Бицилли и Эрнст Кассирер</i>	203
<i>Л.В. Герашко. Последние годы жизни Анатолия Штейгера</i> <i>по его письмам из архива П.М. Бицилли</i> <i>в Пушкинском Доме</i>	215

III. Творческое наследие: поэтика, текстология, эдиционная практика

<i>М.А. Бирман.</i> <i>Переиздания и рецепция наследия П.М. Бицилли</i> <i>от «Русских новостей» к «Русской мысли»</i>	250
---	-----

Медиевистика, историография, философская публицистика

<i>Н.А. Селунская.</i> Бицилли-медиевист: от средневековых хроник до Нового средневековья.....	264
<i>И.В. Голубович.</i> «Неуместное отступление о средневековой автобиографии» П.М. Бицилли и «биографический поворот» в современной гуманитаристике.....	285
<i>Т. Галчева.</i> П.М. Бицилли и социализм: от «Основ социализма» (Одесса, 1917) до «История на социализма» (София, 1952).....	316
<i>А.А. Тесля.</i> История как критика: об «Опыте теории исторической науки» П.М. Бицилли	332
<i>М.Э. Байссвенгер.</i> П.М. Бицилли как теоретик европейского объединения.....	345
<i>М.А. Васильева.</i> П.М. Бицилли и журнал «Новый Град».....	367
<i>Л.А. Сыченкова.</i> Культура Франции: от средневековья до начала XX века в творческом наследии П.М. Бицилли.....	391

Литературоведение

<i>О.А. Коростелев.</i> П.М. Бицилли между формализмом и социологией	411
<i>М. Вендитти.</i> П.М. Бицилли и споры о русском языке в эмиграции	419
<i>М.Я. Вайскопф.</i> Бицилли-гоголевед.....	431
<i>А.В. Громова.</i> Рецензии П.М. Бицилли в контексте литературного процесса русского зарубежья.....	444
<i>С.Р. Федякин.</i> Партитурное мышление П.М. Бицилли.....	460

Список иллюстраций	475
Условные обозначения	477

CONTENT

<i>Maria A. Vasilieva. From the Editor.....</i>	16
---	----

I. General Questions

<i>Tatiana N. Popova. Bitsilli Studies: On the Issue of the Academic Status</i>	28
---	----

II. Personae

Biography: New Materials

<i>Valery V. Levchenko, Tatiana N. Popova. Bitsilli: Inner Circle (from Family History)</i>	48
<i>Valery V. Levchenko, Galina S. Levchenko. Piotr Bitsilli in the Urban Space of Odessa: Past and Present.....</i>	74
<i>Valery V. Levchenko. To the History of Formation and Development of Piotr Bitsilli's Academic Priorities</i>	98

Dialogue with Contemporaries

<i>Mikhail V. Kovalev. Piotr Bitsilli and Russian Prague: on the History of Relationship</i>	116
<i>Lilianna Kiejzik. Piotr Bitsilli and Klavdiia Florovskaia (According to Her Letters to Georgii and Antonii Florovskii)</i>	114
<i>Elena A. Takho-Godi. Philosophical and Aesthetic Dialogue: Iulii Aikhenval'd and Piotr Bitsilli</i>	158
<i>Oleg T. Ermishin. Views of Piotr Bitsilli and Lev Karsavin on the Cultural History in Context of Their Participation in Eurasian Movement.....</i>	179
<i>Manfred Schrub. Piotr Bitsilli and Vladimir Veidle</i>	188
<i>Roman Mnich. Piotr Bitsilli and Ernst Cassirer</i>	203
<i>Liubov V. Gerashko. The Last Years of Anatolii Shteiger's Life According to His Letters from the Archive of Piotr Bitsilli in the Pushkin House</i>	215

III. Creative Heritage: Poetics, Textual Criticism, Editorial Practice

<i>Mikhail A. Birman.</i> The Reprints and Reception of Piotr Bitsilli's Heritage.....	250
---	-----

Medieval Studies, Historiography, Philosophical Journalism

<i>Nadezhda A. Selunskaya.</i> Bitsilli as Medievalist: From Medieval Chronicles to the New Middle Ages.....	264
<i>Inna V. Golubovich.</i> “Inappropriate Digression about Medieval Autobiography” by Piotr Bitsilli and “Biographical Turn” in Modern Humanities.....	285
<i>Tania N. Galcheva.</i> Piotr Bitsilli and Socialism: From “Foundations of Socialism” (Odessa, 1917) to “History of Socialism” (Sofia, 1952).....	316
<i>Andrey A. Teslya.</i> History as Criticism: About “An Attempt at the Theory of Historical Science” by Piotr Bitsilli	332
<i>Martin E. Beisswenger.</i> Piotr Bitsilli as Theorist of European Unification.....	345
<i>Maria A. Vasilieva.</i> Piotr Bitsilli and the Journal “Novyi Grad”	367
<i>Lydia A. Sychenkova.</i> Culture of France: From the Middle Ages to the Beginning of the 20 th Century in the Creative Heritage of Piotr Bitsilli.....	391

Literary Studies

<i>Oleg A. Korostelev.</i> Piotr Bitsilli between Formalism and Sociology	411
<i>Michela Venditti.</i> Bitsilli and Discussions about Russian Language in Exile	419
<i>Michael Y. Weisskopf.</i> Piotr Bitsilli as a Gogol Scholar.....	431
<i>Alla V. Gromova.</i> Piotr Bitsilli’s Book Reviews in the Context of the Literary Process of Russia Abroad.....	444
<i>Sergey R. Fediakin.</i> Piotr Bitsilli’s Thinking in the Way of Orchestral Score.....	460

List of illustrations	475
Conventional symbols	477

Редакционная статья

Editorial

УДК 930.85

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-16-25>

<https://elibrary.ru/TUQRGA>

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

© 2024 г. М.А. Васильева

Аннотация: В статье дается обзор достижений в области изучения жизни и творческого наследия П.М. Бицилли, перечисляются научные мероприятия, связанные с именем ученого, излагаются принципы отбора и систематизации материалов для настоящего сборника.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, бициллиеведение, материалы конференции, доклады, сборник статей.

Информация об авторе: Мария Анатольевна Васильева — кандидат филологических наук, ученый секретарь, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, ул. Нижняя Радищевская, д. 2, 109240 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4197-658X>

E-mail: marijvasil@mail.ru

Для цитирования: *Васильева М.А.* От составителя // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 16–25.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-16-25>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

FROM THE EDITOR

© 2024. Maria A. Vasilieva

Abstract: The article provides an overview of achievements in the field of studying the life and creative heritage of P.M. Bitsilli, lists academic events related to the name of the scientist, outlines the principles of selection and systematization of materials for this collection.

Keywords: P.M. Bitsilli, Bitsilli studies, scientific conference “Humanities of the Russian Abroad: To the 140th Anniversary of the Birth of P.M. Bitsilli” (2019), reports, collection of articles.

Information about the author: Maria A. Vasilieva, PhD in Philology, Academic Secretary, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad, Nizhniaya Radishchevskaya St. 2, 109240 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4197-658X>

E-mail: marijavasil@mail.ru

For citation: Vasilieva, M.A. “From the Compiler.” *Emigrantica*. Issue 2: P.M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 16–25. (In Russian)
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-16-25>

Петр Михайлович Бицилли (1879–1953) — медиевист, историк, филолог, культуролог. Уроженец Одессы, выпускник и преподаватель Императорского Новороссийского университета (ИНУ). Эмигрант, оказавшийся в зрелые годы на чужбине, — сначала, в 1920–1924 гг., в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, затем, с 1924 г. и до конца жизни, — в Болгарии. Профессор Софийского университета (до 1949 г.), где четверть века возглавлял кафедру всеобщей истории. Выдающийся мыслитель, сумевший в изгнании выстроить

живейший диалог с гуманитарной наукой принявших его стран, а также русского зарубежья, славянского мира и Запада. Один из самых востребованных авторов в ведущих эмигрантских периодических изданиях. Вот весьма неполный список наиболее значимых «вех» в жизни и творчестве ученого.

Возвращение наследия П.М. Бицилли пришлось на рубежные девяностые и нулевые годы, чему способствовали неоднократные переиздания его трудов в Болгарии и России. Назовем лишь некоторые: «Избранное: историко-культурологические работы» (София, 1993); «Европейската култура и Ренесансът: Избрани студии» (София, 1994); «Элементы средневековой культуры» (СПб, 1995); «Классического изкуство: Стилизи изследвания» (София, 1995); «Избранные труды по филологии» (М., 1996), «Место Ренессанса в истории культуры» (СПб, 1996), «Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии» (М., 2000) и др.

Начало всестороннего осмысления его творчества также падает на переломную «постперестроечную» эпоху, — время архивных разысканий и разнообразных штудий (монографий, диссертаций, исследований по отдельным темам и т. д.) и публикации первой наиболее полной и выверенной библиографии ученого [1].

В 1999 г. Одесским национальным университетом им. И.И. Мечникова была проведена первая научная встреча, посвященная П.М. Бицилли¹, а затем международные конференции прошли в Болгарии и Польше.

Большой вклад в изучение наследия гуманитария-энциклопедиста внесли исследования И.В. Анненковой, М.А. Бирмана, М. Велевой, В.П. Вомперского, Т. Галчевой, И.В. Голубович, Б.С. Кагановича, Г. Петковой, Т.Н. Поповой и многих других исследователей.

Значительным событием стала публикация четырехтомного издания «“Современные записки”. Париж, 1920–1940. Из архива редакции» (М., 2011–2014) под редакцией О.А. Коростелева и М. Шрубы, где была представлена обширнейшая переписка П.М. Бицилли с главными редакторами самого авторитетного «толстого» эмигрантского журнала (публикация подготовлена М.А. Бирманом и М. Шрубой).

Без сомнения, сегодня П.М. Бицилли можно причислить к одной из наиболее изучаемых фигур русского зарубежья. Интерес к его наследию настолько высок, что некоторые авторы обратились к тер-

¹ III Историографические Чтения, посвященные 120-летию со дня рождения П.М. Бицилли (председатель оргкомитета — В.Н. Станко, заместитель председателя оргкомитета — Т.Н. Попова).

мину «бициллиеведение» (М.А. Бирман) — не вошедшему в терминологический канон, но так или иначе обогатившему понятийный язык эмигрантоведения.

Между тем в осмыслении «феномена Бицилли» до сих пор присутствует ощутимая незавершенность. Здесь уместно вспомнить вопрос, поставленный на софийской конференции 2018 г.² профессором А.В. Свешниковым: «В чем казус Бицилли?». Вопрос провокационный, но из разряда тех, что навсегда остаются открытыми. Однако в случае с П.М. Бицилли априорная «открытость» (незавершенность, не-статичность) — возможно, суть самого феномена. Форма мысли Бицилли избегает замерших дефиниций. И это сопротивление идейной статике отчасти объясняет неоспоримое значение наследия мыслителя в гуманитарной науке русского зарубежья и шире — XX столетия.

Представитель старшего поколения русской эмиграции, носитель дореволюционной научной культуры, П.М. Бицилли в изгнании оказывается не только апатридом, но и человеком мира, не только хранителем традиций, но и создателем мощного актуального диалогического поля. В межвоенные годы он — в центре животрепещущих дискуссий, — будь то спор о дальнейших путях развития русского языка или о молодой эмигрантской литературе. Его чуткая реакция на новое слово в науке поистине поражает. Так, одним из первых в русском зарубежье он отметил, например, значение полифонической теории М.М. Бахтина и философской персонологии Д.И. Чижевского и их глубинную взаимосвязь. При этом П.М. Бицилли не только предощущал, отмечал и творчески осмыслял множественные идейные перекрестья в гуманитарной мысли XX в., но и сам был зачинателем многомерных полифонических парадигм.

Автор капитальных трудов по теории исторической науки, европейскому Ренессансу и русской классической литературе, П.М. Бицилли вместе с тем проявлял неподдельный интерес к современности и стал одним из самых востребованных рецензентов в эмигрантской повременной печати. Не случайно в русском рассеянии так ценились его рецензии, а писатели первого ряда (например, И.А. Бунин) обращались к софийскому профессору с просьбой об отзыве. Эту живую включенность в живую реальность отметил современник ученого литературный критик Г.В. Адамович:

² «Петр Михайлович Бицилли (1879–1953). Возвращенное наследие» (20–25 августа 2018, София). Конференция прошла под эгидой Одесского национального университета им. И.И. Мечникова; организаторы Т. Галчева и И.В. Голубович.

В нашей здешней, эмигрантской литературе имя П. Бицилли дорого всем тем, кто ценит мысль. Когда видишь его подпись, будь то под большой журнальной статьей или случайной заметкой, сразу испытываешь какое-то особое, чисто умственное головное нетерпение... традиционное выражение будить мысль применимо не к очень большому числу наших современников: раз, два — и обчелся... Бицилли, бесспорно, из тех, кто имеет на него право. <...> Ученость его как бы творческая. В ней нет ничего непереваренного, никаких мертвых грузов — имен, названий, дат, терминов, фактов, лежащих в памяти, как груды пыльных рукописей в наглухо запертом архиве. В знании он ищет и находит смысл, оно его не тяготит, он не подавился книгами по чьему-то меткому, давнему выражению... [2].

П.М. Бицилли можно уверенно причислить к плеяде передовой эмигрантской профессуры, которая смогла творчески объединить фундаментальную науку и актуальное мировидение. То, что Зарубежная Россия в беспрецедентных и крайне драматичных исторических условиях не превратилась в исчезнувшую цивилизацию, как Атлантида, и не застыла, как Помпеи, но стала неким отсветом Возрождения, русским Ренессансом, во многом — заслуга выдающихся ученых-гуманитариев, в том числе П.М. Бицилли. Еще одна тема, требующая отдельного исследования — влияние идей и методов русского ученого-эмигранта на современную гуманитарную науку, в том числе на концепции Д.С. Лихачева, А.П. Чудакова, С.Г. Бочарова, В.Н. Топорова и др. Тема не освоенная, но представляющая сегодня несомненный интерес. Как и сопоставление метода «микроскопического анализа» в трудах П.М. Бицилли с приёмами микроанализа в современной исторической науке, в том числе в истории повседневности (Х. Медик, А. Людтке) и микроистории (Дж. Леви, К. Гинзбург).

Предлагаемый читателю сборник статей основан на материалах международной научной конференции «Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П.М. Бицилли» (2019). Ее организатором выступил Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН) при содействии Библиотеки-музея истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» и Дома русского зарубежья имени А. Солженицына (ДРЗ). Таким образом, ИМЛИ РАН стал инициатором первой в России «именной» научной встречи, посвященной П.М. Бицилли.

Тематически сборник следует разделам конференции — его открывают обзорные статьи по истории изучения наследия П.М. Би-

цилли. Далее идут разделы, посвященные новым архивным разысканиям, реконструкции биографии ученого («Биография: новые материалы»), его научным и личным связям («Диалог с современниками»). Следующие разделы посвящены вкладу Бицилли в различные направления гуманитарной науки («Медиевистика, историография, философская публицистика») и его литературоведческим трудам («Литературоведение»).

Между тем результат работы конференции и окончательный состав сборника повлияли на название книги и потребовали тематической инверсии: «П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья».

Таким образом, фигура ученого, его биография и наследие теперь вполне закономерно помещены на первый план и служат остовом издания, а гуманитарная наука русского зарубежья — идейным контекстом, историческим фоном. Смена парадигмы весьма символичная и в полной мере соответствует взглядам самого Бицилли:

Есть общий дух Культуры <...>, но именно и только в ее конкретных проявлениях, в *вещах* и в *людях*, — замечал он. — И *никаких других* причинно-следственных отношений в реальной истории не существует <...>. Поэтому *увидеть* живых людей, усмотреть их отношение к великим историческим достижениям составляет — по крайней мере должно составлять — главную цель работы историка... [3, с. 530].

Символичным оказался и год проведения конференции — юбилейный, вдохновивший на встречу в Москве и на общее дело. Вместе с тем 2019-й стал кануном нового исторического «эпоха». Сам Бицилли, как историк, философ культуры и медиевист, проявлял к переломным эпохам живейший интерес, а как свидетель тектонических социальных сдвигов проводил дерзновенные исторические параллели.

Пришедший на смену 2020 г. выстроил еще одну драматичную параллель, открыв новую эпоху социальных потрясений, пандемии, вынужденного разобщения. Именно в это непростое время началась работа над составом сборника, а завершилась она в 2021 г., который только упрочил «мемориальный» статус издания.

Невосполнимой потерей для друзей и коллег, для современной гуманитарной науки стал уход выдающихся ученых и главных вдохновителей конференции. 20 марта 2020 г. не стало заместителя директора по науке ИМЛИ РАН Олега Анатольевича Коростелева (род.

в 1959 г.). 13 октября 2020 г. ушел из жизни Михаил Абрамович Бирман (род. в 1919 г.). 25 января 2021 г. скончался Борис Соломонович Каганович (род. в 1952 г.), который, к сожалению, не смог подготовить для сборника публикацию своего исключительно ценного доклада.

Это издание посвящается их светлой памяти.

Составитель выражает сердечную признательность всем, кто содействовал работе над изданием. Отдельно благодарю Елену Аркадьевну Тахо-Годи (МГУ, ИМЛИ РАН, «Дом А.Ф. Лосева») и Таню Галчеву (София) за деятельное участие в организации конференции, а также сотрудников рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и лично Любовь Владимировну Герашко за предоставленные уникальные архивные материалы из фонда П.М. Бицилли (Ф. 804).

Октябрь 2021 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Горяинов А.Н., Бирман М.А.* Библиография опубликованных работ П.М. Бицилли и литература о нем, 1912–2003. Труды П.М. Бицилли // *Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и запад* / сост. Ф.Б. Успенский; отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 733–778.

Источники

2. *Адамович Г.* Литературные заметки // *Последние новости*. Париж, 1934. 29 августа № 4900. С. 3.
3. *Бицилли П.М.* Франциск Ассизский и проблема Ренессанса (1226–1926) // *Современные записки*. Париж, 1927. Кн. 30. С. 530.

REFERENCES

1. Goriainov, A.N., and M.A. Birman. "Bibliografiia opublikovannykh rabot P.M. Bitsilli i literatura o nem, 1912–2003. Trudy P.M. Bitsilli" ["Bibliography of P.M. Bitsilli's Published Works and Literature about Him, 1912–2003.

The Works of P.M. Bitsilli”]. Bitsilli, P.M. *Izbrannye trudy po srednevekovoi istorii: Rossiia i zapad* [Selected Works on Medieval History: Russia and the West], comp. by F.B. Uspenskii, ed. by M.A. Iusim. Moscow, Iazyki slavian-skikh kul'tur Publ., 2006, pp. 733–778. (In Russian)

Дата поступления статьи: 1 ноября 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 12 апреля 2023 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 1 November 2021

Approved after reviewing: April 12, 2023

Date of publication: December 26, 2024

**Международная научная конференция «Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П.М. Бицилли»
(Москва, ИМЛИ РАН, 18–19 ноября 2019)**

**International Academic Conference 'Humanitarian Studies of the Russian Abroad: Towards the 140th Anniversary of the Birth of P.M. Bitsilli'
(Moscow, IWL RAS, 18-19 November 2019)**

Илл. 1. Б.С. Каганович, О.А. Коростелев, М.А. Васильева

Fig. 1. B.S. Kaganovich, O.A. Korostelev, M.A. Vasilyeva

Илл. 2. О.А. Коростелев, Т. Галчева

Fig. 2. O.A. Korostelev, T. Galcheva

Илл. 3. О.А. Коростелев, С.Р. Федякин, Л.В. Герашко, М. Вендитти
Fig. 3. O.A.Korostelev, S.R. Fedyakin, L.V. Gerashko, M. Venditti

Илл. 4. Сидят: М.А. Васильева, Л.А. Сыченкова, Е.А. Тахо-Годи, М. Шруба, И.В. Анненкова. Стоят: С.И. Петряков, Т. Галчева, М. Вендитти, А.В. Антощенко, О.В. Марченко, О.А. Коростелев
Fig. 4. Sitting: M.A. Vasilieva, L.A. Sychenkova, E.A. Takho-Godi, M. Shrubu, I.V. Annenkova. Standing: S.I. Petryakov, T. Galcheva, M. Venditti, A.V. Antoshchenko, O.V. Marchenko, O.A.Korostelev

I.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Научная статья

УДК 82.02

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-28-45>

<https://elibrary.ru/TUVKLY>

БИЦИЛЛИЕВЕДЕНИЕ: К ВОПРОСУ О НАУЧНОМ СТАТУСЕ

© 2024 г. Т.Н. Попова

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы институционализации бициллиеведения в контексте дисциплинаризации науки; выделены дисциплинарные модели науки в историографии; предложены авторские модели научной дисциплины; проанализированы дисциплинарные параметры бициллиеведения; сделан вывод о научном статусе этой области гуманитарного знания.

Ключевые слова: бициллиеведение, научная дисциплина, дисциплинарная модель, дисциплинарный поворот, когнитивная и социальная институционализация.

Информация об авторе: Татьяна Николаевна Попова — независимый исследователь, г. Одесса, Украина.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2844-3463>

E-mail: tnspt2017@gmail.com

Для цитирования: Попова Т.Н. Бициллиеведение: к вопросу о научном статусе // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 28–45.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-28-45>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

BITSILLI STUDIES: ON THE ISSUE OF THE ACADEMIC STATUS

© 2024. Tatiana N. Popova

Abstract: The article provides the problems of institutionalization of Bitsilli Studies in the context of academic discipline; scholarly disciplinary models in historiography are highlighted; author's models of academic discipline are proposed; disciplinary parameters of Bitsilli Studies are analyzed; the conclusion is made about the academic status of this area of humanitarian knowledge.

Keywords: Bitsilli Studies, academic discipline, disciplinary model, disciplinary turn, cognitive and social institutionalization.

Information about the author: Tatiana N. Popova, Independent Researcher, Odessa, Ukraine.

ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0003-2844-3463>

E-mail: tnspt2017@gmail.com

For citation: Popova, T.N. "Bitsilli Studies: On the Issue of the Academic Status." *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 28–45. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-28-45>

Что в имени тебе моем?

А.С. Пушкин

Mini-Преамбула. Движение науки, как известно, происходит в движении понятий: научный неологизм (scientific neologism) — результат категориального синтеза — имеет многообразие истоков и вариаций своего рождения. Появление слова «бициллиеведение» (Bitsillian Studies) связано с началом рефлексивного постижения самого процес-

са освоения творческого наследия *Петра Михайловича Бицилли*, профессора Новороссийского (Одесса) и Софийского университетов.

Масштаб публикаций трудов П.М. Бицилли и работ о его творческом пути позволяет говорить о том, что в рамках современного научного пространства интенсивно формируется новая область гуманитарного знания, сложноструктурированным объектом которого выступает сам Петр Михайлович Бицилли — «он в мире» и «мир в нем». Это исследовательское поле, стремительно расширяющееся, требует самоидентификации¹, которая выступает ведущим маркером *институционального процесса*.

Об институционализации. Термином *институционализация* ученые оперируют уже более шестидесяти лет: возникнув в «западной» социологии, это понятие уже в 1980-е гг. перекочевало в восточноевропейский ареал. Сначала спорадически, а затем (с 2000-х гг.) им достаточно широко стали пользоваться историки, обозначая этим словом процесс формирования различных организационных структур научного знания. С последней трети XX в. начался переход от изучения отдельных параметров развития науки к анализу их совокупности: в менталитете ученых постепенно утверждался «многомерный образ» науки. В связи с этим возникло и новое понимание процесса институционализации, в котором стали выделять внутреннюю логику становления научных областей по предметно-методологическому принципу и административно-организационную — создание различных структур науки (кафедр, исследовательских центров и т. п.).

Из многочисленных подходов к интерпретации понятия *институционализация науки* наиболее привлекательной представляется теория *Ричарда Уитли* (Whitley, Манчестерская школа социологов науки). Исходя из признания единства двух аспектов научной деятельности — когнитивного и социального, их «неразделимости», Р. Уитли выделил два «типа институционализации» — *когнитивный* и *социальный*.

Когнитивная институционализация (КИ) предполагает взаимопонимание между учеными на уровне когнитивных параметров науки, способствуя их консолидации на исследовательском уровне. При низкой степени интеллектуального согласия деятельность ученых будет некоординированной из-за недостатка общих определений и общих способов употребления терминов.

¹ Можно провести аналогию с появлением терминов-понятий «диаспороведение» и «эмигрантоведение» / «эмигрантика».

Ремарка-цитата: «Чем более когнитивно институционализирована та область, в которой он [ученый] работает, тем четче будут его представления о собственной когнитивной идентичности и тем легче будет ему отличить “свою” область от других и выделять те знания, которые так или иначе относятся к его текущей проблемной ситуации. В этом смысле институционализация соотносится с общей способностью отличать одну когнитивную структуру от другой, распределять проблемы по их принадлежности именно к данной, а не к другой области» [7, с. 226].

Социальная институционализация (СИ) определяет степень интегрированности «интеллектуального движения» — научного сообщества, объединенного взаимопониманием содержания и специфики своей научной деятельности — в социальных структурах.

Организационный аспект СИ выражен в виде профессиональных обществ, ведущих журналов и этических кодексов и т. п., в итоге «социально институционализированные области исследования» обеспечивают основу для «социальной идентификации». При недостаточной степени СИ личные контакты будут более важны как средство получения информации и признания работ данного ученого [7, с. 220–228].

По мнению большинства исследователей, основные параметры институционализации приобретают свой завершенный образ именно на дисциплинарной стадии развития науки.

О дисциплине и дисциплинарности. Проблема дисциплины и дисциплинарности в наукознании (= комплекс наук о науке) как предмет исследовательского интереса за последние десятилетия пережила падения и взлеты. Еще «вчера» дисциплинарное строение науки считали анахронизмом, идея междисциплинарности нивелировала идею дисциплинарности, тезис о раздисциплинировании науки признавался аксиоматичным, на первый план выдвигался проблемный образ науки и проблемно ориентированная организация науки.

Однако с 2010-х гг. идея дисциплинарности обрела «новое дыхание».

Во-первых, интерес к дисциплинарности заявил о себе в контексте *дисциплинарной истории*, которая получила особый статус в истории науки: «В эпоху потрясений устоев знаний, — писал известный французский историк Пьер Нора, — каждая дисциплина стремится проверить свои основания с помощью их ретроспективного просмотра» [12, с. 32].

Во-вторых, анализ специфики институционализации отдельных областей знания актуализировал проблемы собственно процессов дисциплинаризации [6].

В-третьих, размах междисциплинарных исследований спровоцировал обращение к исходной единице — научной дисциплине; «дуэт» дисциплинарность / междисциплинарность составил особое поле изысканий.

Дисциплинарный поворот (один из многочисленных поворотов в эпистемологических поисках ученых) — своеобразный «ренессанс дисциплинарного принципа» — явственно проявил себя как реакция на постмодернистский «натиск» культурных исследований, когда науки о человеке в XXI в. вступили «в революционную стадию развития, период турбулентности и потрясения основ» [6, с. 7–38]. В это время были «проблематизированы вопросы об основаниях исторической дисциплины» [4, с. 19] — ученые пришли к выводу о том, что «...дисциплинарная матрица обнаружила способность к восстановлению...» [10, с. 550]; в междисциплинарности выявились собственные проблемы, а институциональные структуры, несмотря на лозунг «раздисциплинирования науки», упорно не желали уступать своих дисциплинарных позиций.

Новый «поворот» был спровоцирован целым спектром разнообразных факторов.

1. *Интеллектуально-научных*: кардинальная смена научно-мировоззренческих платформ, трансформация дисциплинарных полей, размах междисциплинарных исследований наряду с обозначившимися проблемами собственно междисциплинарности, углубляющаяся дифференциация научного знания, вступление в «историкографический возраст» научной мысли, интенсивные поиски новых эпистемологических идеалов, которые чаще всего происходят на позициях «отрицания» предшествующего опыта, «ветшание» классической академической системы знания, расслоение научных сообществ, теряющих базовые основы профессиональных принципов и т. п.

2. *Социокультурных*: наметившийся кризис либеральной идеи и мультикультурализма, толерантность «без берегов», утверждение «общества потребления» с его мозаично-фрагментарным мышлением, с амбициозностью и агрессивностью невежд, с масс-культурой и информационными фейками, подменой и смещением основополагающих культурных понятий / ценностей, с тенденцией трансформации демократии в охлократию и т. п.

3. *Геополитических*: «конец знакомого мира» (выражение И. Валлерстайна [3]) ознаменовался перманентными гибридными войнами,

разрушением межгосударственной «договорной системы» и игнорированием международных норм во взаимоотношениях стран и народов, практическим санкционированием системы «двойных-тройных и т. п.» стандартов общения, расцветом политического «закулисья» и т. п.

В основе этих «тектонических сдвигов» — разрушение (среди прочих) идеи дисциплинарности, цивилизационного феномена, конституционного стержня существования государств, которую пытаются изъять из обихода сообществ, превращая их из собственно со-обществ, т. е. структур, объединенных некой общностью взглядов, норм общежития и правил деятельности, в аморфные, не поддающиеся когнитивной интерпретации, явления.

«Дисциплина» в широком значении этого слова — неотъемлемая форма социального бытия. Пронизывая все сферы социума, устанавливая правила общественных связей и отношений, поддерживая и сохраняя некий «порядок вещей», дисциплина способствует нормальному функционированию и воспроизводству социума.

Институционально-дисциплинарные процессы в науке как компоненте социокультурного организма в целом имеют относительную автономию, но неразрывно связаны с единым «регламентационным» цивилизационным процессом.

«Дисциплинарный поворот» в науке — не возвращение назад к дисциплинарному образу эпохи классической науки, а новое видение организации науки как симбиоза дисциплинарного и проблемно ориентированного пространств единого поля научного познания, это — перемещение фокуса исследовательского интереса от дисциплинарности к междисциплинарности и далее — к восприятию этих форм бытия науки как взаимодополняющих.

Ремарка-мнение. Современная наука имеет проблемно-дисциплинарную структуру и три «фазы» функциональной деятельности с точки зрения «движения» знаний и их институционализации. Первая фаза — проблемно ориентированные исследования, так называемый «передний край» науки, осуществляющий «прорыв» в познании чаще всего на «перекрестке» дисциплинарных традиций и, таким образом, междисциплинарно нацеленный. Вторая фаза — научная дисциплина как исследовательская сфера дисциплинарной организации: здесь аккумулируются и апробируются новые идеи часто в борьбе с устоявшимися канонами; «пробивает» себя новое научное направление и происходит (или не происходит) его институционализация. Третья фаза — «учебный лик» науки, в рамках которого передаются неофи-там новые научные нормативы [8, с. 154–161].

Практика показала, что разнообразные формы «междисциплинарности» вырабатывают собственный механизм регулятивов, создавая таким образом новый «образ дисциплинарности в междисциплинарности».

Научная дисциплина как трансдисциплинарное явление и определенный институциональный таксон обладает весьма подвижными контурами своего силуэта, так как на национально-государственном / региональном уровне одна и та же область знания предстает в собственном облике в соответствии с культурными традициями ее институционализации. Специфика проявляет себя в дисциплинарном / недисциплинарном статусе, в наименовании, в проблемно-предметном поле, в структуре и ментальности сообщества ученых. Каждая научная дисциплина как сложная система обладает специальными механизмами самоорганизации и складывается под воздействием разнообразных факторов интеллектуального и социокультурного характера, в результате чего процесс дисциплинаризации обретает свой «персональный маршрут». Подходы к изучению научной дисциплины, детерминированные ее образами, — онтологическим, гносеологическим, методологическим, организационно-коммуникационным, деятельностным, когнитивно-мировоззренческим и т. п. — должны сегодня восприниматься не в линейно-временной плоскости, а в различных вариациях синтеза либо избирательно в зависимости от исследовательской стратегии. При этом важно ориентироваться на конкретную *модель дисциплины*.

О дисциплинарных моделях. Со второй половины XX в. в науковедческой литературе была поставлена проблема таксономических единиц науки — ориентация на дифференцированный подход к анализу различных уровней и форм научного знания. *Научная дисциплина* была признана оптимальной таксономической единицей для изучения науки с позиций различных исследовательских подходов. Однако универсальной модели дисциплины не существует. На сегодняшний день предложен значительный репертуар дисциплинарных моделей, среди которых с большой долей условности можно выделить три типа: 1) *институционально-дисциплинарные модели*, в которых акцент сделан на институциональные процессы; 2) *популятивные модели* с акцентом на характеристику дисциплины в качестве сообщества; 3) *комплексно-системные модели*, в которых в той или иной степени объединяются разные параметры дисциплинарности: когнитивные, социальные, инфраструктурные, деятельностные, аксиологические, дискурсивно-стилевые, коммуникативные, дидактические и проч.; к этому типу принадлежит большинство моделей [8, с. 238–247].

В стадийном ракурсе научную дисциплину (НД) можно представить как наиболее высокую степень институционализации, уровень, на котором дисциплина предстает как социокогнитивная система, вписанная в определенный социокультурный контекст. Основываясь на идеях Р. Уитли, можно предложить следующую системную модель НД.

1. *Дисциплинарный субъект* — в личностном (ученый) и коллективном (научное сообщество) измерениях, — который:

- идентифицирует себя со своей дисциплиной и имеет самоназвание, соответствующее наименованию дисциплины;
- придерживается системы общепризнанных канонов, дисциплинарно-научных образцов и идеалов;
- способен вырабатывать стратегии по поддержанию своего профессионального статуса: утверждать «имя» своей дисциплины и ее «гражданский статус» как самостоятельного профессионального образования в научном сообществе в целом, в социокультурном и политическом пространстве.

Ремарка-уточнение. Как член научного сообщества и одновременно как индивидуальность, обладающая неповторимым набором личностных свойств и психофизиологической структуры, ученый-исследователь, находясь в перманентном состоянии «амбивалентности» (Р. Мертон), всегда вынужден делать выбор, балансируя между дисциплинарными стандартами и личностными пристрастиями; его креативно-творческий потенциал проявляется в том, какое место он займет между этими полюсами.

2. *Когнитивная система* включает:

- исследовательскую проблематику;
- фактуальный блок (дисциплинарный фонд научного знания — «генофонд» дисциплины);
- источниковый блок (дисциплинарный фонд источников — источниковедческая база дисциплины);
- методы, методологии и теории познания;
- категориальный аппарат;
- концептуальный аппарат.

Важнейшим показателем завершения дисциплинаризации является формирование рефлексивного уровня дисциплинарного знания, в который наряду с теоретико-методологическим входит блок историографического знания и дисциплинарная история.

3. *Инфраструктура* — система обеспечения когнитивной системы — включает:

- систему специализированных научных учреждений с само-названиями, соответствующими наименованию дисциплины;
- систему профессионального образования (с соответствующим дисциплинарным «учебным ликом» и его самоназванием), цель которой — сохранение и передача традиций («дисциплинарной матрицы»), воспроизводство научного сообщества в общепринятых для данного этапа развития науки нормативах;
- систему книго- и архивохранилищ и специализированную информационную систему, включая электронный ресурс;
- систему издательств / издания научной продукции;
- коммуникационную систему — формы научного общения (формальные и неформальные);
- материально-финансовую базу;
- систему вознаграждений и квалификационных нормативов профессиональной деятельности и т. п.

Социокультурная система (социокультурное пространство) — политико-идеологические, социальные, информационные, ментальные структуры, духовная и интеллектуальная культура социума в конкретном регионально-темпоральном режиме; это — условия, в которых происходит возникновение и функционирование научной дисциплины как социокогнитивной системы.

Ремарка-позиция. Предложенная модель — рабочий инструмент в исследовательской деятельности. Подчиняясь стратегии поиска, модели будут менять свою конфигурацию, уточняться и корректироваться, отражая в первую очередь авторское — творческое — начало как безусловный атрибут научного познания вне зависимости от любых дисциплинарных ограничений.

Если научная дисциплина — это сложившаяся *социокогнитивная система* («антропо-социокогнитивная»), вписанная в интеллектуальное и социокультурное пространство, высший уровень и форма *институционального процесса*, то стадияльно предшествующие институциональные формы могут иметь вариативное разнообразие: «невидимый колледж», ветвь, область, отрасль, направление, проблемное (исследовательское) поле / пространство и т. п., которые, как и научная дисциплина, предстают в качестве «институциональных единиц / таксонов».

Реактуализация идеи дисциплинарности провоцирует ресемантизацию этого понятия, что включает анализ различных форм когнитивной институционализации на разных уровнях социальной интегрированности.

Институциональный процесс в науке — процесс длящийся, и на каждом темпорально-региональном уровне имеет свой «лик». Предложенные параметры научной дисциплины могут выступать как параметры любого институционального таксона, при этом *фактор институционализации* (понятие Р. Уитли) — показатель способов «схематизации действий и значений» в конкретной научной области — будет отражать «степень когерентности» («сцепления») социо-когнитивных компонентов на определенной стадии институционального процесса [7, с. 220–221]. Данный подход к анализу любого институционального таксона позволяет видеть «движение» научного знания в его разнообразных модуляциях.

Об институционально-дисциплинарных параметрах бициллиеведения.

Сегодня бициллиеведению вряд ли можно придать статус научной дисциплины: социокогнитивные параметры не приобрели системную завершенность, когерентность компонентов дисциплинарности — относительна, инфраструктура не сформирована. Авторы бициллиеведческих работ в своем большинстве не идентифицируют себя как «бициллиеведы»: объективная причина в том, что бициллиеведческие исследования не являются для многих из них доминантными (за исключением, пожалуй, «позднего Бирмана»).

И, тем не менее, можно выделить ряд показателей, которые свидетельствуют о том, что институциональный процесс набирает темпы.

Когнитивная институционализация бициллиеведения в своих основных чертах обрела более-менее отчетливый силуэт системности:

- определилось предметное поле новой области знания с четкой тенденцией к расширению;
- сформировался совокупный объект исследований — за 1912–2000-е гг. труды П.М. Бицилли, опубликованные ранее, републикованные и новые, неизвестные доньше, стали достоянием исследователей;
- архивные документы, материалы личных / семейных архивов, эпистолярий, мемуаристика и проч. составили значительную источниковую базу персональной истории П.М. Бицилли;
- сложился полидисциплинарный исследовательский инструментарий в научной деятельности «бициллиеведов» различной дисциплинарной принадлежности; формируется историографический и теоретический блок бициллиеведческих изысканий;
- подходы к оценке личности, творчества П.М. Бицилли, его роли и места в мировой науке в своих принципиальных чертах получили универсальное понимание в сообществе «бициллиеведов»; пред-

ложены первые концептуальные обобщения по ряду бициллиеведческих проблем и т. п.

Феномен бициллиеведения (как и любое научное образование) требует своего инструментария, в первую очередь — категориального аппарата. Сегодня уже сформировался блок понятий, которым оперируют исследователи. Понятия *бициллиевед*, *бициллиеведческие труды и публикации*, *бициллиана*, *бициллиеведение* впервые вводит М.А. Бирман [1, с. 13–14]. Предварительная экспликация понятий *институционализация бициллиеведения*, *бициллиеведческий процесс*, *историографические ландшафты бициллиеведения*, *параметрический образ бициллиеведения* и др., а также периодизация бициллиеведческого процесса (из четырех периодов) были предложены автором данной статьи [8, 9].

Социальная институционализация бициллиеведения (преимущественно инфраструктурные компоненты), а также *Субъект-репрезентант* новой исследовательской области проявляются по ряду параметров:

- в основных «ландшафтах» бициллиеведения — в Болгарии, России и Украине — более-менее скомпоновались сообщества «почитателей Бицилли», между многими из которых установлены достаточно прочные личные контакты: происходит обмен информацией, что способствует консолидации «бициллиеведов» не только в государственных границах внутринаучного поля, но и в межгосударственном пространстве;
- неоценима роль «лидеров» и «инициаторов» институционального процесса; в этом плане нужно отдать должное М.А. Бирману (Израиль; 1919–2020), который много лет выступал в качестве своеобразного связующего центра между различными регионами бициллиеведения; в последние годы очень многое в установлении личных творческих контактов между бициллиеведами Европы, России и Украины сделала Т. Галчева (Болгария);
- изданы фундаментальные работы в широком проблемно и дисциплинарно ориентированном диапазоне; информационно-коммуникационным «сетевым» координатором явился блок библиографических трудов, расширяющийся и уточняющийся с каждым очередным изданием и т. п.

Одним из важнейших коммуникативных маркеров в институционализации является организация персоналогических конференций.

1. Историографические чтения, посвященные 120-летию со дня рождения П.М. Бицилли — первая региональная персоналогическая

конференция (Одесса, 1999); Чтения были организованы историческим факультетом Одесского национального университета имени И.И. Мечникова и Научной библиотекой университета; в конференции приняли участие представители вузов, музеев, библиотек города, краеведы региона; почетным гостем стал внук младшего брата П.М. Бицилли — Михаила Михайловича — С.В. Бицилли (Одесса).

2. Круглый стол «Бициллиеведение в международном интеллектуальном пространстве: состояние и перспективы» был организован в рамках международной украино-болгарской конференции «Болгары в Северном Причерноморье» (Одесса, сентябрь 2007); участники — представители Болгарии (М. Велева, Д. Григорова), Израиля (М.А. Бирман) и Украины (О.Б. Демин, В.В. Левченко, Т.Н. Попова, Д.А. Шумейко (Одесса), И.И. Колесник (Киев), В.Г. Пикалов (Харьков)).

3. Международные научные чтения, посвященные 130-летию со дня рождения П.М. Бицилли, состоялись в Одессе в 2009 г. Инициатором чтений стал Научно-исследовательский и образовательный центр имени Г.В. Флоровского философского факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова (ОНУ). Состав участников приобрел новые географические контуры: Одесса, Киев (Украина), Москва, Санкт-Петербург, Казань, Пермь (Россия), Ашдод (Израиль), София (Болгария), Кишинев (Молдавия) и др.

4. Международные научно-образовательные семинары «ESCHATOS (Одесса, 2010–2012); организаторы: структуры ОНУ — кафедра философии, истории древнего мира и средних веков, новой и новейшей истории; Научная библиотека университета, Пермский государственный университет, Одесское отделение Российского философского Общества; география участников: Украина, Россия, Болгария, Израиль.

5. Международный семинар памяти П.М. Бицилли и Г.В. Флоровского (Одесса, 2013) прошел в ОНУ; участники — бициллиеведы Украины, России (Л.А. Сыченкова), Болгарии (Т. Галчева); почетным гостем стала внучка П.М. Бицилли — Н.А. Галь (Швейцария).

6. Международная конференция «Петр Михайлович Бицилли (1879–1953). Возвращенное наследие» (София, 2018) была организована по инициативе Т. Галчевой; участники — исследователи из Ашдода, Брянска, Казани, Минска, Москвы, Омска, Перми, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Саратова, Ташкента, Одессы, представлявшие Институт болгарской философской культуры, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук,

Российский государственный гуманитарный университет, Ташкентскую православную духовную семинарию, Петрозаводский государственный университет, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Белорусский государственный университет, Казанский федеральный университет и пр. От Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва) выступила ученый секретарь М.А. Васильева.

7. Первая в России международная конференция «Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П.М. Бицилли» состоялась в Москве 18–19 ноября 2019 г.; организаторы: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Библиотека-музей истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. Конференция собрала ученых из России, Болгарии (Т. Галчева), Израиля (М.А. Бирман, М.Я. Вайскопф), Италии (М. Шруба, М. Вендитти), Польши (Р. Мних, Л. Киевзик, Н. Орлова), Украины (В.Ю. Даренский, В.В. Левченко, Т.Н. Попова).

Нельзя не отметить роль международных тематических конференций и круглых столов, в которых фигура П.М. Бицилли предстала среди плеяды ученых и мыслителей, вошедших в классику гуманитарного наследия:

- Международная конференция «Классика и канон в русской литературе. Юбилей» (София, 6–8 ноября 2014 г., Софийский университет имени Св. Климента Орхидского); доклады, посвященные 135-летию юбилею П.М. Бицилли были представлены Г. Петковой (София), Л. Мних (Польша), В. Кашеевым (Саратов), А. Каравашкиным (Москва);

- 24–25 октября 2019 г. Варшавский университет, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, Лозаннский университет, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Институт региональной культуры и литературоведческих исследований им. Ф. Карпиньского провели международную научную конференцию «Феномен русского зарубежья: философия, культура, литература, литературоведение» (председатель Роман Мних), в которой приняли участие ученые из Польши, России, Белоруссии, Италии, Болгарии и др.;

- 25–26 сентября 2020 г. на международной конференции, организованной Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [«Тема

славянства у русских мыслителей» (Достоевский, Тютчев, Чижевский, Герцен, Данилевский и др.)), прозвучали доклады, посвященные П.М. Бицилли (М.А. Васильева, Москва) и Т. Галчева (София);

- в августе 2021 г. журналом «Вопросы философии» (Москва) был организован «круглый стол» «Кризис современной культуры: взгляд из истории русской философии (Федотов — Вейдле — Ландау — Бицилли)», участники которого — Б.И. Пружинин, А.В. Антощенко, Т. Галчева, И.В. Голубович, Д.В. Гурин, И.О. Щедрина, Т.Г. Щедрина, В.В. Янцен — из России, Болгарии, Германии, Украины.

Об имени. Термин «бициллиеведение» по своему предметному полю достаточно понятен большинству исследователей «темы Бицилли», поскольку бициллиеведческий процесс насчитывает уже более столетия — с 1913 г. [9, с. 50–107]. Однако в сообществе ученых нет согласия по поводу необходимости применения данного термина, который вызывает определенное критическое отторжение среди некоторых исследователей, обратившихся к изучению жизни и творчества П.М. Бицилли.

Новое слово появляется тогда, когда возникает потребность обозначить неологизмом новое, но уже существующее явление. Для А.Ф. Лосева — «имя и есть сама вещь»: «Знать имя — значит уметь пользоваться вещью в том или другом смысле. Знать имя вещи — значит быть в состоянии общаться и других приводить в общение с вещью» [5, с. 185]. Самоидентификация любого явления начинается с наделением его именем, с осознанием принадлежности ему его имени, что позволяет этому явлению приобрести определенный социальный статус: «...только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления...» [5, с. 20].

Самоназвание — едва ли не главный показатель институционализации науки, маркер самоидентификации исследователей, репрезентантов новой области знания. По традиции подобные персонологические направления называют по имени «героя» (пушкиноведение и т. п.), и этот «именной показатель» — свидетельство начавшегося рефлексивного процесса в системе нового знания.

Термин *бициллиеведение* / *бицилливедение* как самонаименование / самоназвание новой исследовательской области, уже используемый в современной полидисциплинарной литературе, посвященной жизни и творчеству Петра Михайловича Бицилли, «остается спорным», но, тем не менее, «постепенно входит в силу» [11, с. 473].

В любом случае слово «бициллиеведение» уже существует, и его консолидирующий потенциал вряд ли стоит недооценивать.

Resume. Дисциплинарная завершенность (конституирование) конкретной области знания происходит в общенаучном пространстве, на пересечении разнообразных когнито-социо-культурно-идеологически-политических и прочих линий, непосредственно / опосредованно влияющих на итоговый статус, который обретает эта ветвь научного знания.

Безусловно, этап «невидимого колледжа», для которого характерно интеллектуальное «взаимопризнание» исследователей творчества П.М. Бицилли и установление первых форм общения между ними, уступил место новому качественному этапу. Сейчас уже можно, пожалуй, говорить о переходе к пятому периоду в «бициллиеведческом процессе». Интенсификация и экстенсификация бициллиеведческих изысканий выразилась:

- в издании многожанровой научной продукции достаточно высокого (по сравнению с предшествующими годами) качества — от монографий и статей до публикации эго-материалов с фундаментальными комментариями;
- в появлении историографической аналитики и монографических изданий персональной истории П.М. Бицилли и т.д.;
- в расширении коммуникативной сети не только на уровне личных контактов, но и в плоскости «взаимоузнаваемости» авторов бициллиеведческих трудов;
- в создании Интернет-сайта «Saved Archives. Документи. Спомени. Публикации. Фото. Контакты» (София, 2012);
- в стремительном росте электронного ресурса, посвященного П.М. Бицилли;
- в организации международных персонологических конференций;
- в установлении так называемых «формальных» связей между университетами, кафедрами, академическими структурами и проч.

«Наука о Бицилли» — *бициллиеведение* — «...неуклонно движется к своему становлению от углубленного текстуального знания до аналитического осмысления...» [2, с. 594]

Бициллиеведение сегодня предстает в качестве:

- самостоятельной комплексной междисциплинарной ветви гуманитарных знаний (М.А. Бирман);
- относительно автономного, полидисциплинарного по структуре и многонационального по составу репрезентантов научного пространства в области гуманитаристики;
- относительно самостоятельного направления исследований в границах отдельных дисциплин — истории, историографии (как

истории исторической науки), философии, культурологии, филологии, лингвистики, социологии, политологии, биографистики и проч.;

- полидисциплинарного проблемного поля, рассекающего дисциплинарные и государственные демаркации;
- самостоятельного раздела гуманитаристики с междисциплинарным инструментарием и т. п.

Последующие институционально-дисциплинарные модуляции бициллиеведческого процесса неизбежно приведут к новым форматам этого интеллектуально-научного пространства в современной культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
2. Васильева М. [Рец. на кн.:] Анненкова И.В. Незыгнанная мысль: Филология П.М. Бицилли. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 148 с. // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2012. С. 591–594.
3. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / пер. с англ. под ред. Б.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 368 с.
4. Историки в поисках новых перспектив: Коллективная монография / под общ. ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. 416 с.
5. Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. 271 с.
6. Науки о человеке: история дисциплин: Коллективная монография / сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 651 с.
7. Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов с англ. и нем. / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э.М. Мирского, Б.Г. Юдина; пер. с англ., нем.: Л.А. Седова, М.К. Петрова, А.П. Огурцова; науч. ред. Л.В. Блинные. М.: Прогресс, 1980. 431 с.
8. Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: М.А. Бондаренко, 2019. 392 с.
9. Попова Т.Н. Петр Михайлович Бицилли: портрет в манере «сфумато». Одесса: Бондаренко М.А., 2021. 560 с.

10. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
11. Селунская Н.А. Интеллектуальная биография П.М. Бицилли в интерпретации М.А. Бирмана // Славянский Альманах / Институт всеобщей истории РАН, Россия; глав. ред. К.В. Никифоров. М.: «Индрик», 2020. № 1–2. С. 472–481. DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.6.01
12. Франция-память / Пьер Нора и др.; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 325 с.

REFERENCES

1. Birman, M.A. *P.M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo* [P.M. Bitsilli (1879–1953). *Life and Work*]. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 444 p. (In Russian)
2. Vasilieva, M.A. “[Retsenziia na knigu:] Annenkova, I.V. Neizgnannaia mysl': Filologiiia P.M. Bitsilli. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2011. 148 p.” [“Book review: Annenkova, I.V. Unexiled Thought. Philology of P.M. Bitsilli. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2011. 148 p.”]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 2012* [Yearbook of Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad, 2012]. Moscow, 2012, Aleksandr Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad Publ., pp. 591–594. (In Russian)
3. Wallerstein, I. *Konets znakovogo mira: Sotsiologiiia XXI veka* [The End of the World as We Know It: Social Science for the 21st Century], transl. with ed. by B.L. Inozemtsev. Moscow, Logos Publ., 2003. 368 p. (In Russian)
4. Chekantseva, Z.A., editor. *Istoriki v poiskah novykh perspektiv* [Historians in Search of New Perspectives]. Moscow, 2019. 416 p. (In Russian)
5. Losev, A.F. *Filosofiia imeni* [Philosophy of the Name]. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1990. 271 p. (In Russian)
6. Dmitriev, A.N. and I.M. Savel'eva, comp., editors. *Nauki o cheloveke: istoriia disciplin* [Human Sciences: History of Disciplines]. Moscow, HSE University Publ., 2015. 651 p. (In Russian)
7. Mirskoi, E.M. and B.G. Yudin, comp., editors. *Nauchnaia deiatel'nost': struktura i instituty* [Scientific Activity: Structure and Institutes]. Moscow: Progress Publ. 431 p. (In Russian)
8. Popova, T.N. *Distsiplinarnyi obraz nauki: podkhody i poniatiia* [Disciplinary Image of Science: Approaches and Concepts]. Odessa, M.A. Bondarenko Publ., 2019. 392 p. (In Russian)
9. Popova, T.N. *Piotr Mihaylovich Bitsilli: portret v manere «sfumato»* [Piotr Mikhailovich Bitsilli: A Portrait in “Sfumato” Technique]. Odessa, M.A. Bondarenko Publ., 2021. 560 p. (In Russian)

10. Repina, L.P. *Istoricheskaia nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial’nye teorii i istoriograficheskaia praktika* [*Historical Science at the Turn of the 20th–21st Centuries: Social Theories and Historiographical Practice*]. Moscow, Krug Publ., 2011. 560 p. (In Russian)
11. Selunskaja, N.A. “Intel’ktual’naya biografiya P.M. Bitsilli v interpretacii M.A. Birmana” [“Intellectual Biography of P.M. Bitsilli in the Interpretation of M.A. Birman”]. *Slavianskii Al’mankh* [*Slavic Almanac*], Institute of World History RAS, Rossiia, ed. by K.V. Nikiforov, vol. 1–2. Moscow, Indrik Publ., 2020, pp. 472–481. DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.6.01 (In Russian)
12. Nora, P., editor. *Frantsiia-pamiat’* [*France as Memory*], trans. from French D. Hapaeva. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1999, 325 p. (In Russian)

Дата поступления статьи: 6 сентября 2020 г.

Дата одобрения рецензентами: 14 сентября 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 6 September 2020

Approved after reviewing: September 14, 2022

Date of publication: December 26, 2024

II.

PERSONAE.

БИОГРАФИЯ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ДИАЛОГ С СОВРЕМЕННОКАМИ

БИОГРАФИЯ:

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-48-71>

<https://elibrary.ru/SHRYNR>

П.М. БИЦИЛЛИ: БЛИЖНИЙ КРУГ (ИЗ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ)

© 2024 г. В.В. Левченко, Т.Н. Попова

Аннотация: Статья посвящена семейной истории П.М. Бицилли. Авторы систематизировали данные фрагментарного характера, введенные в научное пространство; выделены четыре линии генеалогического поля: отца (Бицилли), матери (Вейнберг), крестной (Шведова / Вейнберг), жены (Полянкевич / Бицилли); уточнен ряд фактов, акцентированы проблемные зоны поиска.

Ключевые слова: семейная история, генеалогия, поисковые поля, родственные связи, ближний круг, микромир, фрагментарная фактография.

Информация об авторах: Валерий Валерьевич Левченко — кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, Одесса, Украина.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6907-7768>

E-mail: levchenko_lav@ukr.net

Татьяна Николаевна Попова — кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, Одесса, Украина.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2844-3463>

E-mail: tnspt2017@gmail.com

Для цитирования: Левченко В.В., Попова Т.Н. П.М. Бицилли: ближний круг (из семейной истории) // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 48–71.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-48-71>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

PIOTR BITSILLI: INNER CIRCLE (FROM FAMILY HISTORY)

© 2024. Valery V. Levchenko, Tatiana N. Popova

Abstract: This article is devoted to the family history of Piotr M. Bitsilli; the authors systematized fragmentary data introduced into the academic space; four lines of the genealogical field were identified: father (Bitsilli), mother (Weinberg), godmother (Shvedova / Weinberg), wife (Poliankevich / Bitsilli); a number of facts were clarified, problem areas of the search were emphasized.

Keywords: family history, genealogy, search fields, family ties, inner circle, microcosm, fragmentary factography.

Information about the authors: Valery V. Levchenko, PhD in History, Associate Professor, Independent Researcher, Odessa, Ukraine.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6907-7768>

E-mail: levchenko_lav@ukr.net

Tatiana N. Popova, PhD in History, Associate Professor, Independent Researcher, Odessa, Ukraine.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2844-3463>

E-mail: tnspt2017@gmail.com

For citation: Levchenko, V.V., and T.N. Popova. "Piotr Bitsilli: Inner Circle (from Family History)." *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 48–71. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-48-71>

Личность Петра Михайловича Бицилли (1879–1953), блистательного ученого, профессора Новороссийского (Одесса), затем Софийского университетов, грани его профессионального профиля, перипетии его судьбы неразрывно связаны и во многом обусловлены его микромиром. Для понимания формирования неповторимой инди-

видуальности П.М. Бицилли, его характера, гражданских позиций и системы ценностей важно знакомство с семейной историей ученого — его ближним кругом. Однако эта тематика находится еще в стадии фрагментарной фактографии (см.: [1–10; 12–16; 18–21]). Причина — в ограниченности информационного поля. Факты, набираемые по крупицам в результате трудоемкого поиска в архивы и книгохранилищах, заимствованные из семейных анналов и т. п., требуют тщательного анализа и, безусловно, в процессе дальнейших исследований будут дополняться и неоднократно уточняться, постепенно расширяя генеалогическую картину. Предлагаемая статья отражает попытку систематизировать имеющийся в распоряжении авторов мозаичный материал с целью создания отправного блока данных для последующей поисковой работы.

Генеалогическое древо рода Бицилли, история семьи по линии отца П.М. Бицилли — первое поисковое поле. *Петр Михайлович* — уроженец Одессы, его предки были первопроходцами Новороссийского края, участвовали в русско-турецких войнах второй половины XVIII — начала XIX вв., в Отечественной войне 1812 г. «Открытой темой» остается вопрос о происхождении рода Бицилли. В литературе на основе известных на сегодняшний день архивных источников и автобиографий самого П.М. Бицилли наличествуют три версии о происхождении рода: «греческая», «итальянская» и «албанская», каждая из которых имеет своих приверженцев.

Можно считать достоверным фактом только географию проживания первых поколений родового клана — Албания, область Эпир, провинция Химара (от наименования гор). Известно, что Эпир (у древних греков — материк) называют «колыбелью» греческого народа, ибо расселение эллинов с севера на юг началось именно с этих территорий, которые позже были заселены соседними северными племенами, превратившими это пространство в «котел народов».

«Греческая версия». По материалам Российского государственного исторического архива (РГИА) основатель рода — *Гика Бицилли*, штаб-офицер российской армии, дворянин. У Гики Бицилли было два сына — Константин и Николай. Именно Константин Гика Бицилли (1752 – 24 декабря /5 января/ 1813) стал основоположником той ветви рода Бицилли, одним из потомков которого является Петр Михайлович Бицилли. Николай Бицилли основал другую ветвь рода. У него родилось двое сыновей — Гика и Дмитрий; у последнего был сын Андрей и три дочери [7, с. 178].

Согласно данным Государственного архива Одесской области (ГАОО), представители российских Бицилли в 1830-е гг. основоположником рода считали *Константина Гико Бицилля* и настаивали на греческих корнях фамилии. «Уроженец Греческой нации» «законно прижил» четырех сыновей, все они так или иначе продвинулись по службе: Иван, военный переводчик, в 1830-е гг. — российский консул в Испании (Малага, Андалусия); Савва — «майор и кавалер» (служил в Алексопольском пехотном полку; погиб в Бородинском сражении); Павел — губернский секретарь, депутат от Одесского уезда в Дворянском собрании Херсонской губернии (1830-е гг.); Михаил — коллежский секретарь, проживал в своем поместье в Одесском уезде¹.

В прошении Павла Константиновича Бицилли, поданном 19 июня 1831 г. в Дворянское депутатское собрание Херсонской губернии от своего имени и от имени своих братьев — Ивана и Михаила, приводились данные о семье и в первую очередь об отце с целью внесения «законных» потомков основоположника рода Константина Бицилли в дворянскую родословную книгу. 30 декабря 1855 г. копия протокола заседания Дворянского собрания, подтвердившего происхождение рода, была выдана «дворянину Михаилу Бицилли», «сыну Коллежского Секретаря Фомы, внуку дворянина Михаила и правнуку Подполковника и Кавалера Константина Бицилли»². Михаил Бицилли стал отцом Петра Михайловича, а Константин был его прапрадедом.

Константин «Гикин сын Бицилий», или просто «Гика Бицилий» (в источниках даны различные варианты имени), по свидетельству его сына Павла Бицилли, происходил «из дворян Греческой нации и Закона» и имел крестьян 20 душ. 10 марта 1770 г. он поступил на службу в российскую армию в чине прапорщика. В составе Архипелагского флота «на собственном военном судне с 75 людьми» участвовал в русско-турецких войнах второй половины XVIII в. Постепенно поднимался по служебной лестнице: 14 января 1775 г. ему был присвоен чин поручика; в период войны 1787–1891 гг. воевал в составе добровольческой флотилии Л. Кациониса³ в Средизем-

¹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 30.

² Там же. Л. 25, 30.

³ Ламброс Кационис (Качиони, греч. Λάμπρος Κατσιώνης, 1752–1805) — известный греческий корсар, «пиратский адмирал»; его флот Екатерина II признала в качестве флотилии России, поэтому Л. Кационис действовал под российским военно-морским флагом; позже он бежал в Россию и находился при дворе Екатерины II; его родственники принимали участие в расселении греко-албанских беженцев на территории будущей Одесщины.

ном море; с 10 июля 1790 г. стал капитаном, с 24 апреля 1795 г. — майором. Получив в середине 1790-х гг. значительные земельные владения в Тираспольском уезде и в районе Хаджибея, Константин Бицилли «по собственному прошению» был уволен со службы в Черноморском флоте с присвоением ему гражданского чина надворного советника и пенсионом⁴.

В период русско-турецкой войны 1806–1812 гг. он опять на военной службе — формирует Волонтирский конный полк. 9 марта 1807 г. К. Бицилли с двумя ротами Алексопольского Мушкетерского полка совершил десант на «неприятельскую сторону» Дуная и целый день удерживал значительно превосходящие силы противника. За этот подвиг 28 марта 1807 г. он был награжден Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV класса и его имя было внесено в дворянскую родословную книгу. Константин Бицилли, участник многих крупных сражений русско-турецких войн, служил под началом великих людей своего времени — А.Г. Орлова, И.М. Дерибаса, Армана де Ришелье, И.А. Ганнибала. Он возглавлял Греческий дивизион, участвовал в организации размещения греко-албанских переселенцев на южных территориях; окончил службу в чине подполковника⁵.

О первых двух сыновьях Константина Бицилли на сегодняшний день ничего не известно. Третий сын — Павел Константинович (1786–?) — был на военной службе, в последующие годы он — губернский секретарь (с 1810 г.), чиновник в Одесском коммерческом суде (с 30 декабря 1807 г. по 8 февраля 1812 г.); депутат Дворянского депутатского собрания Херсонской губернии от Одесского уезда (с 1830 г.); крупный землевладелец (свыше 3000 десятин земли и более 100 крепостных крестьян); женился на дочери помещика Одесского уезда Михаила Гилескула — Анне (1807–?); детей (к 1831 г.) не имел.

Наиболее «ветвистой» оказалась линия четвертого, младшего сына Константина Бицилли — *Михаила Константиновича*⁶. Михаил Константинович, коллежский секретарь, проживал в Одесском уезде в имении отца, был женат на «греческой уроженке» Христине Ивановой⁷, имел двух детей (сына Фому и дочь Анну) и являлся ос-

⁴ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 25.

⁵ Там же. Л. 25, 30.

⁶ Годы жизни неизвестны.

⁷ Не исключено, что Христина Иванова была болгаркой.

новоположником той ветви рода Бицилли, к которой принадлежал Петр Михайлович.

Фома Михайлович Бицилли (1808?–1861), дворянин, коллежский секретарь, имел шестерых детей. Отец Петра Михайловича — Михаил Фомич (22.XII.1843–1914?), был старшим сыном Фомы Михайловича. Петр Михайлович и его сестра Олимпиада (род. 5.VII.1839) были детьми от первого брака Фомы Михайловича⁸. Во втором браке (с Сусаной Спиридоновной Замария, дочерью купца)⁹ родились: сын *Спиридон* (род. 1.II.1849)¹⁰ и три дочери — *Христина* (род. 1.XI.1847), *Екатерина* (род. 14.X.1851) и *Александра* (род. 21.IV.1854).

В 1850-е гг. Фома Михайлович проживал с семьей в своем имении. Благоустроенный дом находился возле села Бицилово, которое принадлежало Ф.М. Бицилли с 1851 г., получив свое название по имени владельца; имел 60 душ крестьян мужского пола. Оставил о себе память жестокого помещика. Трагически погиб в 1861 г.: бричка, в которой он ехал, перевернулась. После смерти Ф.М. Бицилли имение перешло в собственность племянника Михаила Фомича, сына его младшего брата Спиридона Фомича — *Сусана Спиридоновича Бицилли*, коллежского секретаря¹¹. В последней трети XIX в. эти земли перестали быть собственностью семьи Бицилли [3, с. 9–21].

Архивные данные свидетельствует о том, что, включая отца П.М. Бицилли — Михаила Фомича, все представители рода причисляли себя к грекам, входили в греческую общину Одессы и участвовали в разнообразных греческих обществах¹².

Албанская версия. В период двух русско-турецких войн второй половины XVIII в. на службу Российской империи поступили «два

⁸ О первом браке Ф.М. Бицилли пока ничего неизвестно.

⁹ Венчание состоялось 11 февраля 1945 г. в Одесской Греческой Свято-Троицкой церкви.

¹⁰ Младший брат Михаила Фомича — *Спиридон Фомич Бицилли* — служил брандмейстером Александровской пожарной части одесской городской пожарной команды и проживал в 1913 г. в Одессе по адресу Судебный пер., 13. *Михаил Фомич Бицилли* в это время проживал по адресу: ул. Успенская, 24; его сын — *Петр Михайлович* — на улице Черноморской, 26. Кроме них в адресной книге на 1914 г. числится *Ел. Фоминична* (возможно, это сестра Екатерина), проживавшая на улице Садовой, 7 [17, с. 39–40].

¹¹ В год смерти отца (1861) Спиридону Фомичу было 12 лет, Петру Михайловичу — 18. Вероятно, наследницей стала Сусана Спиридоновна, которая и завещала село Бицилово своему родному внуку.

¹² ГАОО. Ф. 361. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 7; Д. 4. Л. 21 об-22.

“благородных албанца”», предки которых служили Венецианской республике, — *Джика и Пано Бицилли* [1, с. 17–18].

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. вызвала в Албании широкий отклик. Химариоты, которых полностью так и не смогла покорить Порты, становились капитанами полков в других государствах (Испания, Франция, Сицилия, Венеция, Неаполь), но не оставляли надежду на достижение самостоятельности своей земли и искали поддержку у своих нанимателей.

В XV в. Химара попала под контроль Неаполя, что позволило химариотам пойти на военную службу к итальянцам. Население южной Албании конфессионально разделялось на православных, католиков и мусульман. В округе Влёра (Химара) было много сел [в том числе — Дерми / Дермиу, (алб.), или Дримáдес (греч.)], в которых проживали и греки, и албанцы. Служба химариотов османам и в католических странах способствовала исламизации и католизации части населения. Православные греки и «арваниты» (православные албанцы) составляли основу «арнаутских отрядов» Турции, но пытались сохранить свою веру, а с началом проникновения России на Балканы стали ориентироваться на православную державу и со временем вошли в контингент «албанских», или «греческих», войск Российской империи.

По материалам Архива Внешней политики Российской империи (Москва, АВПРИ) имя капитана *Пано Спиро Бичила*¹³ (1730-е? — не ранее конца 1790-х?), представителя албанской знати, впервые появляется в официальных документах в 1760 г. Вместе с архимандритом Анфимием Василико он, на основании решения первых лиц Химары (1759), обратился с предложением к Российскому престолу набрать «национальные полки» химариотов, которые ранее служили Сицилии и Венеции, для помощи России в возможной войне с турками. Брат Пано Бичила — *Джика* (1740-е? — не ранее конца 1790-х?), бывший венецианский офицер, отказавшись от звания капитана венецианской службы, хорошего жалования и пенсии для себя и своей семьи, в 1764–1768 гг. совершил несколько рейдов «по различным местам Греции» для того, чтобы побудить «главных приматов» (наиболее влиятельных глав семейств) и простых «жителей-христиан сформировать группы в пользу оружия» России. Джика сумел убедить многих молодых людей отправиться в Архипелаг на российский флот. Он совершил также поездку в Черногорию для пе-

¹³ Переделанная на русский манер эта фамилия в большинстве документов звучала как Бицилий / Бицилий / Бицили / Бицилли.

реговоров с ее правителем Степаном Малым; оттуда прибыл в Пизу, где находился граф А.Г. Орлов с важным поручением.

В 1770–1774 гг. 11 батальонов из выходцев с Балкан вместе с российским флотом участвовали в морской войне в Архипелаге. Состав этих батальонов был полиэтническим, но обычно термин «албанец», или «арнаут», стал нарицательным для обозначения наемного солдата иррегулярных пехотных войск, поэтому все балканское «воинство» называлось «албанским войском». *Пано и Джика Бичила*, братья-химариоты, бывшие венецианские офицеры, стали командирами двух «албанских» батальонов.

В 1775 г. капитан Пано Бицилли был послан А.Г. Орловым в Петербург «в звании депутата от своей нации» с прошением взять под протекторат России Химару. Летом 1779 г. состоялась встреча графа А.Г. Орлова, руководителя первой Архипелагской экспедиции российского флота, с Джикой Бицилли, который в поданном через А.Г. Орлова прошении на имя Екатерины II (от 20/31 июля 1779 г.), сообщал о намерении посвятить себя подготовке антитурецких выступлений, в которых бы участвовала не только Химара, но и прилегающие греческие области¹⁴.

Химариоты, как правило, владели греческим и итальянским языками — международными языками Балкан и Леванта в XVIII в. — и использовались российским правительством для консульской службы в средиземноморском регионе. В 1785 г. Пано Бицилли (подполковник с 1788 г.) получил консульскую должность с характерным титулом «Генеральный консул России в Албании и Химаре». Во время кампании в Архипелаге Джика Бицилли исполнял должность коменданта острова Санторин (Тира). В 1783 г. он был назначен генеральным консулом России на о. Кефалония (наибольший из Ионийских островов) [5, с. 452, 485–487, 495, 505, 517].

Два факта указывают на возможные контакты Константина Бицилли со своим отцом и дядей: в 1780 г. Пано Бицилли служил в Херсоне, куда 13 апреля этого же года генерал-поручиком И.А. Ганнибалом был направлен Константин Бицилли; 15 декабря 1783 г. К. Бицилли по распоряжению Коллегии иностранных дел был командирован в порт Цефалонию (о. Кефалония) «под команду Гико Бицилли, где и находился по 1789 г.»¹⁵.

Константин Гикин сын Бицилий — основоположник «одесских» Бицилли, вероятно, сначала пошел служить — по примеру отца и

¹⁴ Таким образом, Джика Бицилли (Бичила) как химариот отделял себя от греков.

¹⁵ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 25–30.

дяди — итальянцам (до 1770 г.), затем в восемнадцатилетнем возрасте поступил на русскую службу и уже в 1770 г. участвовал в двух крупнейших битвах — под Наварином и в Чесменском сражении, получив тяжелое ранение. В том же году К. Бицилли был присвоен сразу младший офицерский чин прапорщика; этот факт свидетельствует о том, что он уже имел какой-то офицерский чин в венецианских или неаполитанских войсках, т. к. обычно иностранцам, поступавшим на российскую службу, давали чин «с понижением».

Сын Джики (Гики) Бичила — Константин Гикин сын Бицилий в начале XIX в., в условиях социокультурной специфики Одессы, вероятно, считал себя более греком, нежели албанцем. Согласно его завещанию¹⁶, значительные суммы были выделены Одесскому Греческому благотворительному обществу и Греческому училищу в селе Дримадес¹⁷. Данный факт позволяет предполагать, что это село — «малая родина» Константина, который, возможно, родился здесь в 1752 г. и не забывал о ней, стремясь поддержать православную общину села в условиях усиливающегося процесса исламизации албанских земель. Сыновья Константина — Павел и Михаил — жители Одесщины, органично вошли в греческую общину региона и стали считать своих предков тоже греками.

При анализе этнической самоидентификации нельзя не учитывать такой фактор, как процесс *эллинизации албанцев* как в Химаре, так и в Северном Причерноморье — на Одесщине. Можно выделить два главных обстоятельства, которые, возможно, повлияли на то, что этнически коренные албанцы стали считать себя греками. Во-первых, это — естественный процесс ассимиляции части албанцев среди более многочисленного греческого населения, в первую очередь — благодаря брачным союзам¹⁸. Во-вторых, это — осознанный выбор некоторых албанцев («арманитов», которые хорошо владели греческим языком, хотя он не был для большинства из них родным) в пользу новой «национальности», престижность и социальный статус которой в это время были более весомыми.

¹⁶ ГАОО. Ф. 765. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2, 4.

¹⁷ Сегодня Дерми [Дермиу / Дримадес] (округ Влёра) — село, расположенное на высоте 200 метров от уровня Ионического моря, одно из семи сел, административно принадлежащих муниципалитету города Химара, насчитывает 1800 жителей, национальный состав которых — греки и албанцы, язык — греческий, химариотский диалект.

¹⁸ Неизвестно, из каких семей были жены Пано и Джики Бицилли, Константина и Николая Бицилли; архивные материалы свидетельствуют о том, что в первой половине XIX в. представители рода Бицилли брали в супруги преимущественно гречанок.

С полным порабощением Химары Османами, по сути — с ликвидацией Албании с его частично православным албанским населением, выросла роль Греции и греков как главных носителей Православия. Усиление османского ига на Балканах и привлекательность православной иммиграции в Северное Причерноморье из регионов, подвластных Турции, колонизация Крыма и Одесщины привели к тому, что «греческий поток» вобрал в себя другие балканские народы: бывшие химариоты-албанцы стали восприниматься (и воспринимать себя!) как греки. С развертыванием национально-освободительного движения в Греции, с образованием «Филики Этерии» в Одессе (1814) и ее отделений на Балканах, на волне Греческой революции 1821–1829 гг. — быть греком на Одесщине становилось почетным [13, с. 335–340].

Значительную роль в «эллинизации» албанцев сыграл знаменитый Греческий Проект Екатерины II — создание Греческого царства во главе с внуком императрицы Константином, которое должно было контролировать Балканы и средиземноморские проливы. Этот Проект способствовал выдвижению на первый план именно греков с их православной миссией. Указы Екатерины II давали большие льготы грекам Одесщины: создание специального воинского подразделения — Одесского Греческого дивизиона (указ от 19 апреля 1795 г.), размещение военных и гражданских лиц в городе и окрестностях, наделение их земель и проч. К осени 1795 г. из Архипелага на Одесщину переселилось около ста греческих семей. С началом правления Павла I (1796) Албанское войско все чаще стали называть Греческим (Таврическим) полком; 30 января 1797 г. полк был переформирован в Греческий батальон: название «Албанское войско» фактически было ликвидировано. При Александре I был создан Одесский Греческий батальон (22 октября 1803 г.), в который принимали греков и албанцев, ранее служивших в разных войсках, и наделяли их землей. Под Одессой в селе Александровка (Арнаутовка) была выделена территория, которую позже стали называть «Греческое селение», для размещения служащих батальона. Здесь земельные участки получили Константин (майор) и Николай (капитан) Бицилли¹⁹ [18, с. 140–183].

Можно ли причислить Константина Бицилли к известному балканскому роду албанского происхождения *Гиков*? Вопрос открыт, однако известно, что за представителями этого рода в Российской империи признавался княжеский титул; Константин этого титула

¹⁹ ГАОО. Ф. 1. Оп. 218 (1797 г.). Д. 1. Ч. 3-а. Л. 29 об.–32

не имел, но, вероятно, авторитет, происхождение, должности и звания, которыми он обладал уже в России, способствовали особому, уважительному к нему обращению, — *Гика*, распространенному на Балканах, в молдавских землях и т. п.²⁰

Итальянская версия. Сам Петр Михайлович никогда не соотносил себя с греческой диаспорой Одессы, а в «автобиографии» категорически написал: «...предки — выходцы из Албании, итальянского происхождения» [20, с. 135–136]. Не исключено, что П.М. Бицилли, восхищавшийся Италией, изучавший историю ее культуры, внес свою лепту в создание мифа об итальянских корнях предков. В то же время, известно, что возможные предки Петра Михайловича — братья Пано и Джика Бичила — бывшие венецианские офицеры. Жители Ионических островов отличались своими итальянскими фамилиями и даже некоторыми языковыми особенностями, т. к. традиционно элита Ионических островов получала образование и дворянские титулы в Италии [18, с. 227].

Архивные данные позволяют говорить о том, что с середины XVIII в., в течение полутора столетий, из документа в документ, представители албанского рода из Химары — *Бичила* — постепенно меняли орфографию своего родового имени «Бичилли — Бицилий — Бицилий — Бицили — Бицилли» (не исключено, что Пано и Джика воспринимали в российском военном ведомстве как бывших итальянских офицеров)²¹. Но во всех документах, написанных рукой самого Петра Михайловича, фамилия семьи представлена только в последнем варианте, который соответствует копии протокола Дворянского депутатского собрания Херсонской губернии.

Отец Петра Михайловича — *Михаил Фомич Бицилли*, дворянин, — служил секретарем в канцелярии Одесского городского кредитного общества (ОГКО), которое было учреждено 20 апреля 1871 г. и начало функционировать 6 июля 1871 г. Согласно источникам, М.Ф. Бицилли был «служащим по назначению» и имел заработную плату в размере 3350 рублей (на 22 ноября 1903 г.). В 1913 г. М.Ф. Бицилли вышел в отставку и ему была назначена пенсия в размере 3000 рублей²². Положение М.Ф. Бицилли считалось весьма почетным

²⁰ Возможно, обращение Гика происходило от отчества — *Гикин (Джикин) сын*.

²¹ Трудно сказать, насколько осознанно проблема орфографии родового имени стояла перед первыми поколениями семьи Бицилли. В то же время изменения в написании фамилии могли осуществляться в результате делопроизводственной практики — случайно или намеренно.

²² Аналогичная пенсия была назначена М.Ф. Бицилли на 1914 г. (см.: [25, с. 371–376]).

в городе, о чем свидетельствует оценка семьи Бицилли, данная директором 2-й одесской гимназии в характеристике на ее выпускника: «Бицилли Петр, 20 лет, из весьма почтенной и образованной семьи служащего из банка. Средствами отец владеет не большими, но достаточными для воспитания детей <...> Пользовался самым лучшим надзором и добрыми советами почтенного и образованного отца...»²³.

История семьи П.М. Бицилли по материнской линии — второе поисковое поле. *Мать Петра Михайловича — Екатерина Адольфовна (Михайловна)*²⁴ родилась 7 ноября 1852 г. в Одессе; 7 декабря 1852 г. была крещена в одесской Покровской церкви. Крестными (восприемниками) Екатерины Адольфовны стали купец третьей гильдии *Исай Семенович Вейнберг* и жена присяжного Коммерческого суда Одесского градоначальства, коллежского секретаря Якова Исаевича Вейнберга *Любовь Григорьевна Вейнберг (Рубинштейн)*²⁵.

Отец *Екатерины Адольфовны — Адольф Васильевич Штейнгард*²⁶ — лютеранского вероисповедания²⁷; купец второй гильдии (1848); имел магазин на улице Ришельевской (1863); в середине 1860-х гг. состоял купцом-аукционистом при Аукционной камере Одесского городского общественного управления Одесского градоначальства [28, с. 6; 29, с. 6]²⁸.

Во всех вариантах своей автобиографии П.М. Бицилли писал: «Мать из еврейской, перешедшей в православие семьи» [19, с. 50, 53, 56]; аналогично написано в оригинале автобиографии 10 января 1948 г.: «Мать, урожденная Штейнгард, — из еврейской семьи»²⁹. Свидетельства Петра Михайловича соответствуют генеалогическим

²³ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 2; Оп. 5. Д. 1254. Л. 2, 26.

²⁴ Пока неизвестно, когда состоялась замена отчества — *Адольфовна* на *Михайловну*, но, вероятнее всего, причина — начавшаяся Первая мировая война и связанные с ней антинемецкие настроения в российском обществе.

²⁵ ГАОО. Ф. 37. Оп. 3 а. Д. 8. Л. 110 об.

²⁶ В разных источниках написание фамилии варьируется — с буквами «д», «т» и «дт» в конце слова.

²⁷ Неизвестно, перешел ли А.В. Штейнгард в православие после женитьбы, и каковы были его корни (возможно, еврей немецкого происхождения).

²⁸ В этих изданиях приводятся разные написания фамилии Адольфа Васильевича: в 1864 г. — Штейнгард*т*, в 1865 г. — Штейнгар*т*.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р 7523. Оп. 59. Д. 4330. Л. 5.

реалиям: мать *Екатерины Адольфовны* — *Мария Исаевна Вейнберг*, — действительно, происходила из еврейского рода Вейнбергов, перешедших в православие.

Дед Екатерины Адольфовны, ставший позже ее крестным отцом, — *Исай / Исайя Семенович Вейнберг (Шая Вольфович; 1794–1865)* родился в семье купца 3-й гильдии в местечке Немеривка Брацлавского уезда Каменец-Подольской губернии³⁰.

Жизненный путь Ш.В. Вейнберга был сложным. В 1808 г., в раннем возрасте, отец женил его на дочери барского мещанина Кофии Гуди. В 1815 г. молодая семья вместе с родителями и двухлетней дочерью Сусанной переехала в Одессу, где Ш.В. Вейнберг с отцом стал заниматься торговлей. В 1817 г. он овдовел, а в 1823 г. женился второй раз: его супругой стала дочь уманского купца Абрама Вайнберга — Руаль. В 1818–1822 гг., отделившись от отца, Ш.В. Вейнберг стал работать приказчиком у купца 1-й гильдии Бермана Бернштейна, затем записался купцом 3-й гильдии и самостоятельно вел торговые дела, но в середине 1825 г. вынужден был объявить себя банкротом и переехать с семьей в Николаев, где подрабывал на строительство кораблей. 2 июня 1830 г. в Николаевском адмиралтейском соборе вместе со старшим сыном Яковом Ш.В. Вейнберг принял православие, выбрав при крещении имя Исаия. В 1832 г. И.С. Вейнберг вернулся в Одессу, получив статус одесского мещанина, а 14 апреля 1833 г. вступил в должность публичного нотариуса, в которой пробыл до конца своих дней³¹.

В двух браках у И.С. Вейнберга родилось десять детей — Сусанна (1813), Яков (1824), Иосиф (1828), Петр (1831), Мария (18??), близнецы Андриан и Семен (1835), Анна (1837), Павел (1846), Вольф (18??). И.С. Вейнберг строго следил за исполнением семьей всех церковных обрядов, подавая пример своим детям. Роза Абрамовна сама выучила детей главным молитвам и рассказывала эпизоды из священной истории. По праздникам в дом Вейнбергов приезжали священники и вели с детьми назидательные беседы. Судьба сыновей и дочерей И.С. Вейнберга сложилась по-разному.

Старший сын *Яков Исаевич Вейнберг (1824–1899)* был довольно известным в Одессе человеком. В 1844 г. он закончил Ришельевский лицей и начал карьеру на государственной службе. Служил

³⁰ Сегодня Немиров — город в Винницкой области Украины, входит в Винницкий район (до 2020 г. был административным центром упраздненного Немировского района Винницкой области).

³¹ ГАОО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 217. Л. 4, 16–16 об., 27; Оп. 9. Д. 281. Л. 1.

в Одесской портовой таможне, получив чин коллежского секретаря; в 1850-е гг. занимался коммерческими делами. На протяжении более тридцати лет являлся гласным Одесской городской Думы, присяжным стряпчим и биржевым нотариусом Одесского коммерческого суда, адвокатом Одесской главной конторы Русского общества пароходства и торговли [31, с. 100; 33, с. 191, 194; 34, с. 63]. Жена Я.И. Вейнберга — Любовь Григорьевна (1833–1903) — родом из знаменитой музыкальной семьи Рубинштейнов. Ее братьями были известнейшие деятели музыкальной культуры Антон Григорьевич Рубинштейн (1829–1894) и Николай Григорьевич Рубинштейн (1835–1881), а сестрой — Софья Григорьевна Рубинштейн (1841–1919) — камерная певица и музыкальный педагог. С.Г. Рубинштейн — «легальная жительница Одессы и покровительница всех нелегальных» [24, с. 7], имела широкие связи в революционной среде Одессы, предоставляла кров А.И. Желябову и другим революционерам и находилась под надзором полиции [11, с. 87, 214, 222].

Представители семейств Вейнбергов и Рубинштейнов были связаны церковными узами. 28 января 1873 г. «свободный художник» А.Г. Рубинштейн стал крестным сына Якова и Любви Вейнбергов — Якова Яковлевича Вейнберга (10 ноября 1872–19??)³². Еще один сын Якова и Любви Вейнбергов — Григорий Яковлевич Вейнберг (1864–1942) — с семьей Рубинштейнов был связан брачными узами: он был женат на Нине Викторовне, одной из родственниц А.Г. Рубинштейна. Г.Я. Вейнберг был инженером-металлургом, профессором. 15 мая 1881 г. стал восприемником при крещении Михаила Михайловича Бицилли (младшего брата П.М. Бицилли)³³. Судьба Г.Я. Вейнберга была типичной для судеб многих представителей научной интеллигенции послереволюционного времени: в 1919 г. арестован, затем освобожден, уволен с работы (в его большую и богатую квартиру на Подольской улице вселили несколько семей); умер в блокадном Ленинграде. Владимир Григорьевич Вейнберг (18??–19??), его сын, — троюродный брат П.М. Бицилли, талантливый инженер и спортсмен — был арестован по ложному доносу после убийства С.М. Кирова, сослан в лагерь и вскоре расстрелян. Надежда Яковлевна Вейнберг (1852–1892), дочь Якова и Любви Вейнбергов, 25 мая 1852 г. была крещена в Покровской церкви; ее крестными родителями стали дед — И.С. Вейнберг и тетя — С.И. Вейнберг (Мулен)³⁴.

³² ГАОО.Ф. 37. Оп. За. Д. 19а. Л. 8 об.

³³ Там же. Оп. 11. Д. 21. Л. 165 об.–166.

³⁴ Там же. Оп. За. Д. 8. Л. 45 об.

Наибольшую известность среди детей И.С. Вейнберга получили братья Петр и Павел. *Петр Исаевич Вейнберг* (1831–1908) стал поэтом, академиком, педагогом, издателем, редактором, переводчиком, историком литературы — вошел в историю российской словесности [15, с. 150–163; 17, с. 401–402]. О его приездах в Одессу из Санкт-Петербурга сообщали газеты, его чествовали в Литературно-артистическом обществе³⁵ [10, с. 233–237]. Его сын, Борис Петрович Вейнберг (1871–1942) — физик-гляциолог, был двоюродным дядей П.М. Бицилли. Внук Б.П. Вейнберга — Всеволод Борисович Вейнберг (1907–1978) — инженер-теплотехник, доктор технических наук — троюродный брат П.М. Бицилли [7, с. 176–189].

Павел Исаевич Вейнберг (1846–1904) учился во 2-й одесской гимназии, позже служил на железной дороге, играл в Одесском русском театре. С конца 1860 х гг. выступал в качестве чтеца и рассказчика сцен из еврейского, русского и армянского быта, выпустил ряд сборников анекдотов и рассказов. В 1880 г. был принят в труппу Александринского театра. Умер в Санкт-Петербурге тяжело больным и всеми забытым [15, с. 401]. Его сын Павел Павлович Вейнберг (1874–1910) — актер, драматург, беллетрист.

Из двух братьев-близнецов — *Андреан Исаевич Вейнберг* (1835–19??), «вольный штурман» (1861)³⁶, в 1868 г. был приглашен городской головой Н.А. Новосельским в качестве бухгалтера в Одесскую городскую управу [36], где прослужил долгие годы. Второй брат-близнец — *Семен Исаевич Вейнберг* (1835–19??) — купец 3-й гильдии; в октябре-декабре 1870 г. организовывал концертное турне А.Г. Рубинштейна по городам Российской империи [33, с. 169, 216]. Дочь С.И. Вейнберга — Елизавета Семеновна Вейнберг (1867, Одесса – 1933, Ницца) — двоюродная тетя П.М. Бицилли. Внуком С.И. Вейнберга и сыном Е.С. Вейнберг был известный русский поэт-акмеист, литературный критик и переводчик Георгий Викторович Адамович (1892–1972). П.М. Бицилли и Г.В. Адамович — троюродные братья [10, с. 233–237; 15, с. 322–329]³⁷.

³⁵ 20 апреля 1902 г. газета «Одесские новости», в частности, сообщала: «Вчера в Литературно-артистическом обществе был прочитан П.И. Вейнбергом реферат о Викторе Гюго. При появлении литератор был встречен громкими аплодисментами. Председатель И. А. Смирнов приветствовал П.И. Вейнберга от имени Литературно-артистического общества. Реферат о В. Гюго был прослушан собравшейся публикой с большим интересом. По окончании чтения группа местной интеллигенции, в состав которой вошли литераторы и др. члены общества, чествовали Петра Исаевича в помещении клуба ужином» [10, с. 236–237].

³⁶ ГАОО. Ф. 37. Оп. За. Д. 205. Л. 146.

³⁷ Неизвестно, встречались ли П.М. Бицилли и Г.В. Адамович лично, но они переписывались и публиковали рецензии на работы друг друга.

Вольф Исаевич Вейнберг (18??–19??) был купцом; его сын Яков Владимирович (Вольфович) Вейнберг (1879–1956) — композитор, преподавал в Одесской консерватории (1916–1921), в 1921 г. эмигрировал в Палестину, с 1926 г. проживал в США [37]. Анна Исаевна Вейнберг (1827–18??) в 1861 г. вышла замуж за одесского городского врача Дмитрия Михайловича Левенсона (1830–1883), внуком его брата Соломона был известный писатель К.И. Чуковский. Поручителями на венчании были братья Анны — Андриан и Яков [10, с. 233–237].

Сусанна Исаевна Вейнберг (1813–18??) — дочь от первого брака И.С. Вейнберга; вышла замуж за херсонского купца Мулена. 28 января 1873 г. стала крестной Якова Яковлевича Вейнберга (1872–19??), сына Я.И. Вейнберга и Л.Г. Вейнберг (Рубинштейн), двоюродного брата Е.А. Бицилли (Штейнгард) и двоюродного дяди П.М. Бицилли. После таинства крещения Я.Я. Вейнберга ее кумом стал А.Г. Рубинштейн (брат Л.Г. Вейнберг)³⁸.

На сегодня у нас полностью отсутствуют сведения об Иосифе Исаевиче Вейнберге; очень мало информации о жизни Марии Исаевны Вейнберг (18??–18??), родной бабушки П.М. Бицилли.

В 1870-е гг. Е.А. Штейнгард вышла замуж за М.Ф. Бицилли. 1 октября 1879 г. в их семье родился первенец — Петр, который был крещен 25 ноября 1879 г. Крестные родители: дядя Петра Михайловича — Петр Адольфович Штейнгард (родной брат мамы, инженер, титулярный советник) и Н.Я. Вейнберг (Шведова), родная тетя по линии матери³⁹. 18 марта 1881 г. родился второй сын — Михаил (1818–1951), крещенный 15 мая 1881 г.⁴⁰. В обоих случаях крещения детей чета Бицилли в качестве восприемников выбирала родственников исключительно со стороны Екатерины Адольфовны.

Екатерина Адольфовна была очень обеспеченной женщиной: по состоянию на 1901 г. в ее собственности находились два участка земли площадью соответственно 1 118 десятин (1 218 га) и 600 десятин (654 га)⁴¹ в районе между Малым и Средним Фонтанами [16, с. 134]. В собственноручно заполненном 15 августа 1911 г. формуляре П.М. Бицилли в графе «Родовое имение» указал: «У матери дача в г. Одессе на Мало-Фонтанской дороге»⁴². Будучи в эмиграции, Петр

³⁸ ГАОО. Ф. 37. Оп. За. Д. 19а. Л. 8 об.

³⁹ Там же. Оп. 6. Д. 126. Л. 185 об.

⁴⁰ Там же. Оп. 11. Д. 21. Л. 165 об.

⁴¹ Перевод единиц измерения площади из десятин в гектары осуществлены В.В. Левченко.

⁴² ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 1 об., 6 об.

Михайлович ностальгически вспоминал об Аркадии, о том, что часто ходил на собственной яхте [1, с. 21].

Малофонтанская дорога (в 1902 г. переименована во Французский бульвар в честь визита Николая II во Францию) находилась в старой части города и тянулась вдоль береговой линии, застроенной особняками состоятельных горожан (владелец авиазавода А.А. Анатра, городской голова Г.Г. Маразли, крупный землевладелец М.А. Рено, промышленник, судовладелец и банкир Ф.П. Родоканаки и многие другие «отцы города»⁴³).

После отъезда 28 января 1920 г. П.М. Бицилли с семьей в эмиграцию Екатерина Адольфовна осталась в Одессе с младшим сыном М.М. Бицилли. В 1925 г. Петру Михайловичу удалось перевезти мать в Болгарию⁴⁴.

Особую роль в жизни П.М. Бицилли сыграла двоюродная сестра Екатерины Адольфовны и его крестная — *Надежда Яковлевна Шведова (Вейнберг)*. Она была женой Федора Никифоровича Шведова (1840–1905), крупного ученого-физика, профессора, декана физико-математического факультета (1877–1880, 1889–1895), ректора (1895–1903) Императорского Новороссийского университета. Всю свою жизнь Н.Я. Шведова посвятила благотворительности: была активной участницей Одесского женского благотворительного общества; в течение многих лет принимала участие в делах Общества Красного Креста (член попечительства Касперовского отдела сестер Красного Креста), занимаясь проблемой подготовки женского санитарного персонала [26, с. 3–26]; стала одной из главных учредительниц основанного по ее почину в 1887 г. Общества попечения о больных детях в Одессе⁴⁵, в котором состояла товарищем председателя. 2 июня 1892 г. Н.Я. Шведова скончалась, а 4 июня была погребена на Втором Христианском кладбище⁴⁶. Церемония похорон свидетельствовала о глубоком уважении одесской общественности к ее персоне. Газета «Одесский вестник» дала некрологическое объявление одесского Управления и Попечи-

⁴³ Сведения о «даче» (1911), приведенные Петром Михайловичем, возможно, свидетельствуют об изменении в финансовом положении семьи к этому времени; неизвестно, сохранились ли эти земли в собственности Екатерины Адольфовны к 1917 г.

⁴⁴ Генеалогия Бицилли и Вейнбергов представлена в одном из изданий Т.Н. Поповой [15, с. 523–528].

⁴⁵ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1645. Л. 2.

⁴⁶ Там же. Ф. 37. Оп. 13. Д. 223. Л. 178 об.–179.

тельства Общества Красного Креста о ее кончине [30] и опубликовала развернутый материал о похоронах [27]. Отдать последний долг почившей пришел весь состав местного управления Красного Креста, в том числе: старейший из представителей общества — почетный член, генерал от инфантерии А.П. Нагель, исполняющий должность городского головы В.Н. Лигин, Л.И. Курис, возглавлявшая Общество попечения о больных детях Одессы, попечительница графиня Е.П. Капнист, весь состав сестер Общества, члены управы, многие профессора Императорского Новороссийского университета, врачи и многочисленные представители общественности города.

После смерти жены Ф.Н. Шведов активно занимался благотворительной деятельностью: организацией детского санатория на Хаджибеевском лимане, участвовал в строительстве детской больницы Красного Креста, ходатайствовал о постройке больницы для детей на Старопортофранковской улице. Общественная деятельность Ф.Н. Шведова в эти годы во многом — продолжение дела его супруги. Бесспорно, что Ф.Н. Шведов не мог отказать и в покровительстве крестнику и племяннику своей горячо любимой жены, улаживая проблемы, возникающие у студента П.М. Бицилли [12, с. 341; 15, с. 170].

Верной спутницей жизни Петра Михайловича была его супруга — *Мария Тимофеевна (Тадеушевна)* (1878–1959). Отец Марии Тадеушевы — *Тадеуш-Юзеф (Тимофей Осипович) Полянкевич* (1816?–1876?), польский дворянин, надворный советник. Мать — *Мария Александровна Полянкевич* (1816?–1876?), в девичестве *Штейнхаузер*, была дочерью *Александра Штейнхаузера* и *Анны Францевны Штейнхаузер*. По линии бабушки — *Анны Францевны Штейнхаузер* — предками Марии Тимофеевны были: знаменитый немецкий художник XVI в. *Лука Кранах* (1472–1553) и великий немецкий поэт *Иоганн Вольфганг Гёте* (1749–1832)⁴⁷ [16, с. 145].

В семье *Тимофея Осиповича Полянкевича* и *Марии Александровны Полянкевич (Штейнхаузер)*, кроме Марии, была дочь *Елизавета*

⁴⁷ *Анна Францевна Штейнхаузер* — дочь *Иоганна-Иоса Текстора* (1739–1792); его родители — *Иоганн Вольфганг Текстор* (1693–1771) и *Анна Маргарита Текстор* (в девичестве *Линдхеймер*). Дочерью *Иоганна Вольфганга Текстора* и *Анны Маргареты Текстор* и, соответственно, сестрой *Иоганна-Иоса Текстора* была *Катарина-Элизабет Гёте* (1731–1808). *Катарина-Элизабет Гёте (Текстор)* и ее муж — *Иоганн Каспар Гёте (Goethe; 1710–1782)* стали родителями великого немецкого поэта *Иоганна Вольфганга Гёте* (1749–1832). Таким образом, *Иоганн Вольфганг Гёте* был сыном сестры прадеда *Марии Тадеушевы Полянкевич*.

и три сына: *Иосиф (Юзя)* (1851?–1911?), *Александр* (1851?–1911?), и *Михаил* (1851?–1911?)⁴⁸. Сестра Марии Тимофеевны — известная русская драматическая актриса *Елизавета Тимофеевна Жихарева* (1875–1967). Е.Т. Жихарева (по первому мужу) была ученицей В.И. Немировича-Данченко. С 1917 г. в течение 10 лет скиталась по Европе: Турция, Югославия, Болгария, Латвия, Эстония (в Ревеле / Таллине выступала в труппе местного Русского театра (1922), затем имела свою студию). В 1927 г. вернулась в СССР, с 1936 по 1956 гг. играла в труппе Ленинградского театра драмы имени А.С. Пушкина (бывший Александринский). Заслуженная артистка РСФСР (1939). Пережила с двумя дочерьми блокаду Ленинграда. В 1956 г. ушла на пенсию, остаток дней провела в пансионате ленинградского Дома актера. Похоронена на Серафимовском кладбище. Ее второй муж — Илларион Николаевич Певцов (25 ноября 1879 г., Антополь Гродненской губ. – 25 октября 1934 г., Ленинград), известный русский и советский актер, театральный педагог, Народный артист РСФСР (1932); с 1925 г. и до конца жизни — актер Ленинградского театра драмы имени А.С. Пушкина [16, с. 146–147], похоронен в некрополе мастеров искусств Александрово-Невской лавры.

Мария Тимофеевна окончила, по собственному свидетельству⁴⁹, одесскую женскую гимназию в 1897 г. и поступила в Музыкальную академию по классу вокала⁵⁰, совершенствовала голос (камерная певица, меццо-сопрано) в Италии, по возвращении в Одессу (1898) выступала с концертами, давала уроки пения, работая на музыкальных курсах К.Ф. Лаглера⁵¹.

Первый муж (вышла замуж в 1898 г.) — *Орехов Петр Дмитриевич* (1847?–1901?) — служил, по свидетельству Марии Тимофеевны, чиновником по Министерству юстиции (юрист, статский советник, товарищ окружного прокурора в Виннице).

В автобиографии М.Т. Бицилли пишет: «...скорая смерть мужа, оставившего меня с дочерью Анной без всяких средств к существованию, заставила меня обратиться к старому занятию — урокам му-

⁴⁸ В своей автобиографии М.Т. Бицилли сообщает о том, что с ней росла и воспитывалась сестра Елизавета, никаких сведений о братьях она не приводит (см.: ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 59. Д. 4330. Л. 10).

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Учреждений с такими названиями в эти годы в Одессе не было.

⁵¹ В 1913 г. Мария Тимофеевна проживала по адресу: ул. Херсонская, 48; ее мать — Мария Александровна Полянкевич в это же время проживала по адресу: ул. Преображенская, 25 [22, с. 76–77, 303, 326]. На рубеже XIX–XX вв. на курсах К.Ф. Лаглера работала *Любовь Григорьевна Вейнберг* (Рубинштейн).

зыки. <...> Через несколько лет после смерти моего мужа я вторично вышла замуж за профессора по истории Одесского университета Петра Михайловича Бицилли» (цит. по: [9, с. 156]).

По семейным преданиям, Мария Тимофеевна и Петр Михайлович встретились еще при жизни М.Д. Орехова, который не давал развода, из-за чего первые годы совместной жизни прошли в гражданском браке. Молодые люди поженились только в 1918 г. [2, с. 648–649]. В эмиграции, в Болгарии, Мария Тимофеевна давала уроки пения и игры на фортепиано. По воспоминаниям современников, Мария Тимофеевна была очень красивой женщиной, веселым человеком, всегда в хорошем настроении, верным другом и соратницей Петра Михайловича.

Четыре выделенных нами поисковых поля семейной истории П.М. Бицилли имеют много лагун и являются лишь частью обширного исследовательского пространства, которое еще предстоит освоить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
2. Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / сост. Ф.Б. Успенский; отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 648–649.
3. Буковский В.Я. Горькая правда. Исторический очерк села Бицилово и района. Раздельная, 1998. 221 с.
4. Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”»: П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. 320 с.
5. История Балкан: Век восемнадцатый / отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2004. 546 с.
6. Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 244 с.
7. Левченко В.В. «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова...»: еврейская ветвь родословной П.М. Бицилли // Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность: Материалы международной науч. конференции 14 апреля 2019 г. / отв. ред. В.Г. Вовина, М.О. Мельцин. СПб.: Петербургский ин-т иудаики, 2019. С. 176–189.

8. Левченко В.В., Левченко Г.С. Историографические рефлексии в области бициллиеведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 1. С. 307–313. DOI: 10.21638/11701/srbu02.2022.120
9. Левченко В.В., Попова Т.Н. П.М. Бицилли: новые архивные материалы (к 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения: сб. науч. ст. и материалов. Брянск: Ладомир, 2014. Вып. 16. С. 148–157.
10. Панасенко Н. «Обыкновенная буржуазная семья». Об одесских корнях Георгия Адамовича // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах. 2013. № 52. С. 233–237.
11. Першина З.В. Очерки истории революционного движения на Юге Украины (к 100-летию «Южнороссийского союза рабочих»). Киев; Одесса: Віща школа, 1975. 247 с.
12. Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: М.А. Бондаренко, 2017. 456 с.
13. Попова Т.Н. Историография, биоисториописание, бициллиеведение: теория, методология, практика. Одесса: М.А. Бондаренко, 2022. 472 с.
14. Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.
15. Попова Т.Н. Петр Михайлович Бицилли: портрет в манере «сфумато». Одесса: М.А. Бондаренко, 2021. 560 с.
16. Попова Т.Н., Левченко В.В. П.М. Бицилли: фрагменты семейной истории // Проблемы славяноведения: сб. науч. ст. и материалов. Брянск: РИО Брянского гос. ун-та, 2018. Вып. 20. С. 126–147.
17. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1: А–Г. 671 с.
18. Сапожников И.В., Белоусова Л.Г. Греки под Одессой (Очерки истории поселка Александровка с древнейших времен до начала XX века). Одесса-Ильичевск: «Элтан-2» — «Гратек», 1999. 262 с.
19. Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Гуттенберг, 2004. 162 с.

Источники

20. Бицилли П.М. Статьи: История, культура, литература / вступ. ст. В.А. Туниманова // Русская литература. 1990. № 2. С. 134–154.
21. Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / сост., вступ. ст., коммент. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. 608 с.
22. Вся Одесса. Адресная и справочная книга всей Одессы с отделом. Одес-

- ский уезд на 1914 год. Год издания четвертый. Одесса: Одесские новости, 1913. 1412 с.
23. Вся Одесса. 1901 год: иллюстрированная адресная и справочная книга. Справочник недвижимых имуществ всего Одесского градоначальства до границы Одесского уезда включительно. Год издания третий. Одесса: Тип. Акционерного Южно-Русского О-ва Печатного Дела, 1901. 317 с.
24. Давыдов Ю.В., Ляшенко Л.М. Анатомия террора: сб. историко-литературных произведений. М: Дрофа, 2007. 736 с.
25. Исторический очерк XXXV-летия Одесского городского кредитного общества. Одесса: Тип. Акционерного Южно-Русского О-ва Печатного Дела, 1906. 420 с.
26. Маркевич А.И. Заботы о бедных детях в России: Публичная лекция: (Памяти Надежды Яковлевны Шведовой). Одесса: Тип. Штаба войск Одес. воен. окр., 1893. 27 с.
27. Местная хроника // Одесский вестник. 1892. 5 июня. № 142. С. 3.
28. Новороссийский календарь на 1865 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1864. 408 с.
29. Новороссийский календарь на 1866 год. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1865. 364 с.
30. Н.Я. Шведова (Некролог) // Одесский вестник. 1892. 4 июня. № 141. С. 3.
31. Одесса. 1794–1894. Издание Городского общественного управления. К столетию города. Одесса: Тип. А. Шульце, 1895. LXXX, 836 с.
32. Отчет Одесского городского кредитного общества за 1913 год. Сорок второй год. Одесса: Тип. Акционерного Южно-Русского О-ва Печатного Дела, 1914. XXV, 226 с.
33. Памятная книжка для Херсонской губернии, изд. Херсонск. губерн. статистич. комитетом на 1864 год. Херсон: Тип. Губерн. правления, 1864. 299 с.
34. Памятная книжка Херсонской губернии на 1901 год / сост. Херсонск. губерн. правлением. Херсон: Тип. Херсонск. губерн. правления, 1901. 418 с.
35. Рубинштейн А.Г. Литературное наследие: в 3 т. М.: Музыка, 1984. Т. 2: Письма (1850–1871). 219 с.
36. У А.И. Вейнберга // Одесский листок. 1898. 29 сентября № 226. С. 3.
37. Dr. Jacob Weinberg, Noted Jewish Composer, Dies In New York // The Canadian Jewish Chronicle. 1956. November 9. P. 13.

REFERENCES

1. Birman, M.A. *P.M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo [P.M. Bitsilli (1879–1953). Life and Work]*. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 444 p. (In Russian)
2. Birman, M.A. "P.M. Bitsilli (1879–1953). Shtrikhi k portretu uchenogo"

- [“P.M. Bitsilli (1879–1953). Strokes to the Portrait of a Scholar”]. Bitsilli, P.M. *Izbrannye trudy po srednevekovoi istorii: Rossiia i Zapad* [Selected Works on Medieval History: Russia and the West], comp. by F.B. Uspensky, ed. by M.A. Iusim. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006, pp. 648–649. (In Russian)
3. Bukovsky, V.Ia. *Gor'kaia pravda. Istoricheskii ocherk sela Bitsilovo i raiona* [Harsh Truth. Historical Essay on Bitsilovo Village and the District]. Razdel'naia, 1998. 221 p. (In Russian)
 4. Galcheva, Tania N., and I.V. Golubovich. “Ponemnogu prisposobliaiushchiesia k ‘nezavisishchim obstoiatel'stvam’: P.M. Bitsilli i sem'ia Florovskikh v pervyye gody emigratsii” [“Little by Little I Am Adapting Myself to the ‘Circumstances beyond Control’: P.M. Bitsilli and the Florovsky Family in the Early Years of Emigration”]. Sofia, Solntse Publ., 2015. 320 p. (In Russian)
 5. *Istoriya Balkan: Vek vosemnadsyatiy* [History of the Balkans: The Eighteenth Century], ed. by V.N. Vinogradov. Moscow, Nauka Publ., 2004. 546 p. (In Russian)
 6. Kaganovich, B.S. *Russkie medievisty pervoi poloviny XX veka* [Russian Medievalists of the First Half of the 20th Century]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2007. 244 p. (In Russian)
 7. Levchenko, V.V. “‘Avraam rodil Isaaka; Isaak rodil Iakova...’: evreiskaia vetv' rodoslovnoi P.M. Bitsilli” [“‘Abraham Begat Isaac; Isaac Gave Begat to Jacob...’: the Jewish Branch of P.M. Bitsilli’s Genealogy”]. Vovina, V.G., and M.O. Mel'tsin, editors. *Evrei Rossii, Evropy i Blizhnego Vostoka: istoriia, kul'tura i slovesnost'* [Jews of Russia, Europe and the Middle East: History, Culture and Literature]. St. Petersburg, St. Petersburg Institute of Judaica, 2019, pp. 176–189. (In Russian)
 8. Levchenko, V.V., and H.S. Levchenko. *Istoriograficheskie refleksii v oblasti bitsillievedeniia* [Historiographic Reflections in the Field of Bitsilli Studies]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, no. 67, issue 1, 2022, pp. 307–313. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2022.120 (In Russian)
 9. Levchenko, V.V., and T.N. Popova. “P.M. Bitsilli: novye arkhivnye materialy (K 135-letiiu so dnia rozhdeniia)” [“P.M. Bitsilli: New Archival Materials (on the Occasion of the 135th Birthday)”]. *Problemy slavianovedeniia*, issue 16. Briansk, Lodomir Publ., 2014, pp. 149–157. (In Russian)
 10. Panasenko, N. “‘Obyknovennaia burzhuaiznaia sem'ia’. Ob odeskikh korniakh Georgiia Adamovicha” [“‘An Ordinary Bourgeois Family’. About Odessa Origin of George Adamovich”]. *Deribasovskaia-Rishel'evskaia: Odesskii al'manakh* [Deribasovskaya-Rishelievskaya: Odessa Almanac], no. 52, 2013, pp. 233–237. (In Russian)
 11. Pershina, Z.V. *Ocherki istorii revoliutsionnogo dvizheniia na Iuge Ukrainy (k 100-letiiu ‘Iuzhnorossiiskogo soiuza rabochikh’)* [Essays on the History of

- the Revolutionary Movement in Southern Ukraine (To the 100th Anniversary of the “South Russian Union of Workers”)*]. Kiev, Odessa, Vishcha shkola Publ., 1975. 247 p. (In Russian)
12. Popova, T.N. *Zhizneopisanie uchenogo-istorika na perekrestke istoriograficheskikh traditsii. Teoriia. Metodologiya. Praktika* [Biography of a Historian at the Crossroads of Historiographical Traditions. Theory. Methodology. Practice]. Odessa, M.A. Bondarenko Publ., 2017. 456 p. (In Russian)
 13. Popova, T.N. *Istoriografiya, bioistoriopisanie, bitsillievedenie: teoriya, metodologiya, praktika* [Historiography, Biohistorical Writing, Bitsilli Studies: Theory, Methodology, Practice]. Odessa, M.A. Bondarenko Publ., 2022. 472 p. (In Russian)
 14. Popova, T.N. *Istoriografiya v litsakh, problemakh, distsiplinakh. Iz istorii Novorossiiskogo universiteta* [Historiography: People, Problems, Disciplines. From the History of Novorossia University]. Odessa, Astroprint Publ., 2007. 536 p. (In Russian)
 15. Popova, T.N. *Petr Mihaylovich Bitsilli: portret v manere “sfumato”* [Piotr Mikhailovich Bitsilli: Portrait in “Sfumato” Technique]. Odessa, M.A. Bondarenko Publ., 2021. 560 p. (In Russian)
 16. Popova, T.N., and V.V. Levchenko. “P.M. Bitsilli: fragmenty semeinoi istorii” [“P.M. Bitsilli: Fragments of Family History”]. *Problemy slavianovedeniia*, issue 20. Briansk, Briansk State University Publ., 2018, pp. 126–147. (In Russian)
 17. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar’* [Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary], vol. 1. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989. 671 p. (In Russian)
 18. Sapozhnikov I.V., and L.G. Belousova. *Greki pod Odessoj (Ocherki istorii poselka Aleksandrovka s drevneyshih vremen do nachala XX veka)* [Greeks near Odessa (Essays on the History of the Village of Aleksandrovka from the Ancient Times to the Beginning of the 20th Century)]. Odessa-Ilichevsk: “Eltan-2” — “Gratek”, 1999. 262 p. (In Russian)
 19. Veleva, Maria. *Balgarskata sadba na prof. P.M. Bitsilli* [The Bulgarian Destiny of Professor P.M. Bitsilli]. Sofia, Guttenberg Publ., 2004. 162 p. (In Bulgarian)

Дата поступления статьи: 12 августа 2020 г.

Дата одобрения рецензентами: 28 апреля 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 12 August 2020

Approved after reviewing: April 28, 2022

Date of publication: December 26, 2024

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-72-97>

<https://elibrary.ru/SOORYZ>

П.М. БИЦИЛЛИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОДЕССЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

© 2024 г. В.В. Левченко, Г.С. Левченко

Аннотация: В статье реконструированы основные физические составляющие городского пространства (дома, церковь, учебные заведения, научные учреждения и т. п.), с которыми была связана жизнь П.М. Бицилли в Одессе. Исследуется повседневная жизнь П.М. Бицилли на фоне реконструкции городского пейзажа Одессы рубежа XIX–XX вв. Определение маркеров личного городского пространства П.М. Бицилли, с малоизвестным для нас его пониманием физических мест пребывания, в которых он рос, учился, работал и в целом проводил повседневную жизнь, дают возможность делать предположения относительно их влияния на его образ жизни, личностное развитие, социализацию и самоидентификацию.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, Одесса, городское пространство, городская среда, образовательное пространство, педагогическое пространство, научное пространство, повседневная жизнь, личностное развитие, социализация.

Информация об авторах: Валерий Валерьевич Левченко — кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, Одесса, Украина.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6907-7768>

E-mail: levchenko_lav@ukr.net

Галина Сергеевна Левченко — кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, Одесса, Украина.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8659-5804>

E-mail: levchenkoukrlav@ukr.net

Для цитирования: Левченко В.В., Левченко Г.С. П.М. Бицилли в городском пространстве Одессы: прошлое и настоящее // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубе-

жбя / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 72–97.
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-72-97>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

PIOTR BITSILLI IN THE URBAN SPACE OF ODESSA: PAST AND PRESENT

© 2024. Valery V. Levchenko, Galina S. Levchenko

Abstract: The article reconstructs the main physical components (houses, church, educational institutions, academic institutions, etc.) of the urban space connected with Piotr M. Bitsilli's life in Odessa. The study of Bitsilli's everyday life on the background of the reconstructed Odessa cityscape of the end of the 19th — beginning of the 20th centuries promotes familiarization with his fellow citizens. Defining the markers of Bitsilli's personal urban space, with his little-known understanding of the physical places of residence where he grew up, studied, worked and generally spent his daily life, it is possible to assume their influence on his lifestyle, personal development, socialization and self-identification.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, Odessa, urban space, urban environment, educational space, pedagogical space, academic space, everyday life, personal development, socialization.

Information about the authors: Valery V. Levchenko, PhD in History, Associate Professor, Independent Researcher, Odessa, Ukraine.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6907-7768>

E-mail: levchenko_lav@ukr.net

Galina S. Levchenko, PhD in History, Associate Professor, Independent Researcher, Odessa, Ukraine.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8659-5804>

E-mail: levchenkoukrlav@ukr.net

For citation: Levchenko, V.V., and G.S. Levchenko. "Piotr Bitsilli in the Urban Space of Odessa: Past and Present." *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the

Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 72–97. (In Russian)
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-72-97>

Любовь к тому или иному городу обусловлена чувствами,
которые в нем пришлось испытать, а не самим городом.

Марлен Дитрих

Формирование внутреннего мира любого человека состоит из его личных представлений о происходящих вокруг него в пространственных формах явлений (гармония, любовь, красота и т. д.). Отчетливо это можно наблюдать в городском пространстве как в структурированной жизненной среде. Бытие горожанина прочно связано с окружающей его средой — городским пространством, которое имеет физические составляющие — определенные локации, представленные улицами, площадями, парками, садами, зданиями, памятниками и т. п. В исторической, социальной и культурной действительности на фоне силуэта физического городского пейзажа вызывает интерес жизнь любого человека. Не исключением является и П.М. Бицилли, жизнь которого была связана более 40 лет с городским пространством Одессы рубежа XIX–XX вв.

Город является не просто внешней средой обитания, а особым пространством взаимоотношения человека и окружающей среды, своеобразным элементом, структурирующим жизнь отдельного индивидуума, совокупностью действий и событий людей в повседневной жизни [2, с. 230]. Влияние фактора городского пространства на личностное развитие, социализацию и самоидентификацию любого человека связано как с изменением окружающего сообщества, так и с трансформациями городской среды, которая генерирует и ретранслирует новые идеи, ценности, приоритеты и традиции, формируя современное социокультурное пространство. В этом контексте особенностью городского пространства является наличие у его субъектов возможностей выбора деятельности в разных сферах, что создает условия для развития и реализации субъективных стремлений. В свою очередь тот или иной выбор конкретного человека определяется его семейными условиями, социальным окружением, к которому он принадлежит, а также физическими составляющими города как определенного «локуса» (место жительства, учебы, работы, проведения досуга, занятий любимым делом), т. е. пространством со-

вместной жизнедеятельности и встречи людей разных возрастных групп и социальных слоев, где определяются общие цели, разворачивается образовательный процесс, проявляется творческий потенциал, осуществляется осознание и взаимодействие с окружающим миром.

Тема роли городского пространства Одессы в жизни П.М. Бицилли рассмотрена в работах современных исследователей лишь отчасти [1, с. 17–31; 5; 8, с. 328–342; 9, с. 340–376]. Многие биографы П.М. Бицилли не обращались к истории городской антропологии его «одесского» периода жизни, еще реже — к истории образовательно-го и научного пространств, в среде которых формировались основы, определившие форму и развитие его высоких интеллектуальных достижений. На этом уровне также формировалось академическое сознание и интерес ученого к разным аспектам отраслей социогуманитарных дисциплин. Попытка антропологической реконструкции жизнедеятельности П.М. Бицилли в условиях городского пространства Одессы открывает дополнительные возможности для осмысления коммуникативных отношений, преодоления детерминистских излишеств в биографическом анализе, с целью более детального понимания влияния социокультурных процессов в его жизни. Для реализации поставленных задач была проведена исследовательская работа, основанная на лично собранном авторами текстовом и визуальном материале.

Данные об улице и доме, в котором родился П.М. Бицилли на сегодня остаются нам неизвестными. Документально подтвержденной первой локацией городского пространства, с которой непродолжительное время была связана жизнь ученого, является церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы (см. илл. 1), располагавшаяся в центре Одессы (в одном квартале ходьбы от Греческой площади) по южной стороне Александровского проспекта между улицами Жуковского и Еврейской. Освященная в 1822 г. приходская Покровская церковь после кафедрального Спасо-Преображенского собора считалась в Одессе одним из первостепенных и почитаемых храмов. В определенной мере эту церковь можно считать семейным храмом для семьи П.М. Бицилли, где обряд таинства крещения приняли многие его родственники [3]. Именно в Покровской церкви 25 мая 1852 г. была крещена его тетя и в будущем крестная — Надежда Яковлевна Вейнберг (в замужестве Шведова, 1852–1892)¹. В этом же храме 7 декабря 1852 г. была крещена его мать — Екате-

¹ ГАОО. Ф. 37. Оп. 3а. Д. 8. Л. 45 об.

рина Адольфовна Штейнгард (в замужестве Бицилли, 1852–1937)². Там же были крещены: 25 ноября 1879 г. — П.М. Бицилли³, 15 мая 1881 г. — его брат Михаил Михайлович Бицилли (1818–1951)⁴. Покровская церковь не избежала участи разрушения и забвения в период инициированного советской властью богоборчества: в 1936 г. она была уничтожена.

Единственной установленной на сегодня нами локацией среди физических составляющих городской среды Одессы, с которой наиболее продолжительное время была связана жизнь П.М. Бицилли — как члена семьи Михаила Фомича Бицилли (1843–19??), является квартира № 3 в доме № 1 по улице Надеждинской⁵. Единственное документальное упоминание о проживании П.М. Бицилли по этому адресу выявлено в его прошении о зачислении в число студентов юридического факультета Императорского Новороссийского университета, поданного 19 июля 1899 г. на имя ректора Федора Никифоровича Шведова⁶, который являлся мужем тети и крестной П.М. Бицилли — Надежды Яковлевны Шведовой.

На сегодня не удалось установить, с какого и по какое время, и на каких правах (владели жильем или арендовали) семья Бицилли проживала в этой квартире. Возможно, семья жила по этому адресу более тридцати лет до выхода главы семейства М.Ф. Бицилли приблизительно в 1912 г. на пенсию⁷ по окончании службы в Одесском городском кредитном обществе (1871–1919) (см. илл. 2), начавшем работу с 6 июля 1871 г. и выполнявшем, по сути, функции крупного банка [5, с. 130–133]. На сегодня мы не располагаем данными о годах службы и должности М.Ф. Бицилли в Одесском городском кредитном обществе⁸. По свидетельству П.М. Бицилли⁹ и в соответствии с до-

² Там же. Л. 110 об.

³ Там же. Оп. 6. Д. 126. Л. 185 об.

⁴ Там же. Ф. 37. Оп. 11. Д. 21. Л. 165 об.

⁵ Улица Надеждинская была заложена в 1828 г., в 1902 г. переименована в улицу Н.В. Гоголя, в год 50-летия со дня его смерти, так как в свой второй приезд в Одессу в 1850 г. писатель жил около года на этой улице в доме его родственника по материнской линии — отставного генерал-майора А.А. Трощинского (дом № 11).

⁶ ГАОО. Ф. 45. Оп. 12. Д. 697. Л. 341.

⁷ На 1913 г. М.Ф. Бицилли, как «бывшему секретарю» Одесского городского кредитного общества, была назначена пенсия в размере 3000 рублей. Пенсия была в этом году израсходована и назначена в том же размере на 1914 г. [22, с. II].

⁸ Предположительно М.Ф. Бицилли начал службу в Одесском городском кредитном обществе после 1873 г. В отчете Кредитного общества за 1873 г. данные о нем не установлены (см.: [21, с. I–IV]).

⁹ ГАРФ. Ф. Р 7523. Оп. 59. Д. 4330. Л. 5.

кументальными материалами, М.Ф. Бицилли служил секретарем Одесского городского кредитного общества, а не «...секретарем наблюдательного совета в банке (Одесском торгово-кредитном обществе)» [1, с. 20]. В Наблюдательном комитете Одесского городского кредитного общества не было должности секретаря, в его состав входили председатель и пять членов [20, с. 26–27; 21, с. IV; 22, с. I–II]. За первые 35 лет деятельности Одесского городского кредитного общества (1871–1906) М.Ф. Бицилли не входил в состав его администрации [20, с. 372–374], равно как и в последующие годы своей службы. Сопоставляя обнаруженные документальные материалы, свидетельствующие о том, что М.Ф. Бицилли как «бывшему секретарю» Одесского городского кредитного общества на 1913 и 1914 гг. была назначена пенсия в размере 3000 руб. в год [22, с. II], и тот факт, что содержание секретаря канцелярии Кредитного общества также составляло 3000 руб. в год [20, с. 375], то позволим себе предположить, что он входил в число «служащих по назначению» и занимал должность секретаря канцелярии.

Исходя из вышеизложенного, позволим себе предположить, что семья Бицилли гипотетически могла жить в доме № 1 по улице Надеждинской начиная с 1879 г., когда Одесское городское кредитное общество приобрело у известного коммерсанта А.И. Зарифи здание торгового дома по адресу: улица Надеждинская, дом № 12. В связи с этим семья Бицилли поселилась в доме на одной улице с местом службы ее главы — М.Ф. Бицилли.

Узкая и короткая, тихая и уютная улочка Надеждинская (Гоголя) с 23 домами, расположенная в историческом районе Одессы, спускающаяся от Малого переулка (находящегося между улицами Гаванной и Преображенской) к морскому обрыву с видом на порт и его акваторию наряду с Приморским бульваром и Маразлиевской улицей, во все времена истории города считалась одной из наиболее престижных. С улицей Надеждинской связаны истории многих знаменитых семей — Фальц-Фейн, Бжозовских, Заблудовских, Вальтух, Трошинских, Толстых, Фон-Дешей, Вассаль и др. Дома, построенные представителями этих семей в разных архитектурных стилях, и сегодня украшают эту восхитительную улицу. Многие дома были созданы известными зодчими из плеяды выдающихся российских архитекторов второй половины XIX – начала XX вв. (А.О. Бернардацци, Ф.В. Гонсиоровский, К.О. Даллакка, Л.Л. Влодек, С.А. Ландесман, В.И. Прохаска и др.). Как архитектурные шедевры, сегодня эти здания получили официальный статус памятников архитектуры и градостроительства, истории и архитектуры.

Ажурно-утонченная, романтическая Надеждинская улица вместе с тем лишена городской суеты. Она представляет яркий контраст со многими большими и шумными центральными улицами.

В путеводителях по Одессе улицу Надеждинскую неизменно описывают, как неотъемлемую часть наилучшего, аристократического локуса «старого» района города, насыщенного ярчайшими достопримечательностями («Шахский дворец», «Дом с атлантами», «Дом Вассалья» и др.), что придает ей статус одной из красивейших и феешенебельных улиц Южной Пальмиры.

По всей видимости, детство, юношеские и молодые годы П.М. Бицилли протекали в окружении рафинированной городской среды. Атмосфера богатства и изысканности в разных проявлениях жизни представителей элитарного общества в определенной степени влияла на развитие молодого человека, его восприятие внешнего мира. Безусловно, данные проекции окружающего социокультурного пространства, заложенные с ранних лет жизни в сознании П.М. Бицилли, отразились на формировании его мировосприятия.

Из известных одесских интеллектуалов на улице Надеждинской (Гоголя) в начале XX в. проживали выдающийся ученый офтальмолог В.П. Филатов, авторитетный и состоятельный юрист Л.Н. Рубинштейн, четверо сыновей которого стали докторами наук в разных областях знания: психологии — С.Л. Рубинштейн (1889–1960), экономики — Г.Л. Рубинштейн (1891–1959), биологии — Д.Л. Рубинштейн (1893–1950), истории — Н.Л. Рубинштейн (1897–1963) [4], и др.

Во время Второй мировой войны дом № 1 вместе с домом № 3 по улице Надеждинской (Гоголя) был взорван немецко-румынскими войсками. Сегодня на месте двух дореволюционных строений стоит шестиэтажная «сталинка» под общим № 1/3, во дворе которой расположен один из «уголков старой Одессы», ставший излюбленным местом для молодоженов для фото- и видеосъемок и от которого берет свое начало пешеходный мост, известный как «тёщин мост». Единственное, что сохранилось с того времени, когда здесь находился дом, в котором жил П.М. Бицилли, — это вид на порт и его акваторию, соответственно приобретших современный облик.

Очевидно, что П.М. Бицилли, как и подобает каждому коренному одесситу, была присуща любовь к морю и всему, что было с ним связано. Доказательством этому может послужить переезд семьи Бицилли (по неизвестным на сегодня причинам) около 1911 г. в приморскую часть города на улицу Черноморскую, в дом № 26 с открытым видом на море. По этому адресу П.М. Бицилли про-

живал на протяжении 1911–1915 гг. [13, с. 250; 14, с. 257, 267; 19, с. 21]. Начиная с 1916 г. в качестве официального адреса он указывал дом № 14 по улице Черноморской [15, с. 247, 257]¹⁰. По всей видимости, причиной перемены адреса стал гражданский брак ученого с Марией Тимофеевной Полянкевич (Ореховой).

Уютная и тихая улица Черноморская тянется вдоль возвышающегося на несколько десятков метров над уровнем моря обрыва в районе Александровского парка¹¹, через который пролегает один из маршрутов от улицы в центр города. Первые здания на улице Черноморской появились в начале XX в., которые являлись особняками и дачами состоятельных одесситов. Всего было возведено около трех десятков домов, среди которых наиболее известными были частная лечебница доктора Я.У. Ландесмана, генеральное консульство Австро-Венгрии. В некоторых домах в разные годы в начале XX в. гостили знаменитые деятели культуры: А.А. Ахматова, В.М. Инбер, В.Г. Короленко, К.Г. Паустовский, С.А. Толстая-Есенина и др.

По состоянию на 1919 г. на одной улице рядом с П.М. Бицилли жили многие его коллеги по Новороссийскому университету — медик А.В. Корш (1846–1925) и экономист С.И. Солнцев (1872–1936) в доме № 8, химик Е.С. Ельчанинов (1879–1922) и П.С. Кравцов в доме № 13, математик В.Ф. Каган (1869–1953) в доме № 20, филолог П.И. Потапов (1882–1945) в доме № 26¹², историк А.И. Покровский (1873–1940) в доме № 18¹³. С улицы Черноморской добраться в центральную часть города, где находились корпуса Новороссийского университета (приблизительно расстояние около 4 км¹⁴) и многие другие общественные заведения, можно было по нескольким маршрутам пешком или на экипаже с кучером.

Возведенная вблизи края обрывистого берега улица Черноморская на протяжении чуть более четверти века дважды вследствие оползней теряла значительное количество домов. В 1918 г. масштабный оползень снес расположенные по нечетной стороне улицы все дома, а в 1944 г. расположенные в начале «четной» стороны

¹⁰ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2033. Л. 17 об.

¹¹ Александровский парк 10 сентября 1875 г. был назван в честь посещения Одессы 7 сентября 1875 г. императором Александром II. 30 апреля 1920 г. был переименован в «Парк имени Т.Г. Шевченко». Ныне — Центральный парк культуры и отдыха имени Т.Г. Шевченко.

¹² ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2033. Л. 17 об.

¹³ Там же. Д. 2067. Л. 6 об., 23 об.

¹⁴ В статье во всех случаях расчеты расстояний между зданиями осуществлены авторами.

улицы пять домов также сползли по неукрепленному склону. Вследствие чего изменилась общая нумерация домов и дом № 14 получил № 4 (см. илл. 3). До наших дней сохранились только семь зданий по «четной» стороне улицы, которая теперь тянется от улицы Веры Инбер до Батарейного переулка. Из общего ландшафта Черноморской улицы начала XX в. сохранился только вид на море, который просматривается через густую зелень, выросшую на месте «нечетной» стороны улицы.

О любви П.М. Бицилли к морю свидетельствует также воспоминание в одном из его писем:

...я как будто попал в родную «Аркадию», дачное место под Одесой¹⁵, где у нас была дача. Яхта, идущая под креном, — великолепно [1, с. 21]¹⁶.

Следовательно, еще одной локацией П.М. Бицилли в городском пространстве Одессы на протяжении многих лет была дача. По состоянию на 1901 г. в собственности его матери Е.А. Бицилли — вероятно, по наследству от родителей или по материнской, или отцовской линиям — были два участка площадью 1118 десятин (1218 га) и 600 десятин (654 га¹⁷) в районе между Малым и Средним Фонтанами [17, с. 134].

Согласно данным собственноручно заполненного формуляра П.М. Бицилли от 15 августа 1911 г., в графе «Родовое имение» он указал: «У матери дача в г. Одессе на Мало-Фонтанской дороге»¹⁸. Малофонтанская дорога¹⁹ находилась в старой части города и тяну-

¹⁵ Сегодня «Аркадия» является курортным районом с одноименным пляжем в престижном Приморском районе Одессы на берегу Черного моря между Французским бульваром и 5–7 станциями Большого Фонтана.

¹⁶ Вызывает сомнение утверждение М.А. Бирмана, что «Одним из любимейших занятий в детстве у Петра, как и у многих одесских мальчишек, была яхта». По состоянию на начало XX в. в Российской империи владельцами яхт и членами яхт-клуб могли быть только представители привилегированных слоев общества. В качестве подтверждения достаточно вспомнить главных героев повести В.П. Катаева «Белеет парус одинокий» — Петю и Гаврика. Например, допуск «безденежной молодежи» в Санкт-Петербургский Речной яхт-клуб для комплектования экипажей-любителей начался в 1912 г. [16].

¹⁷ Перевод единиц измерения площади из десятин в гектары осуществлен авторами.

¹⁸ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 1 об., 6 об.

¹⁹ В 1902 г. Малофонтанская дорога в честь визита Николая II во Францию была переименована во Французский бульвар, который сегодня проходит, примерно следуя береговой линии, от Итальянского бульвара до улицы Гагаринское плато.

лась вдоль береговой линии, застроенной особняками состоятельных горожан (например, владельца авиазавода А.А. Анатры, городского головы Г.Г. Маразли, крупного землевладельца М.А. Рено, промышленника, судовладельца и банкира Ф.П. Родоканаки и др.).

Таким образом, установленные на сегодня четыре локации мест проживания П.М. Бицилли располагались в аристократических районах Одессы с видом на море, что в целом, скорее всего, способствовало плодотворной интеллектуальной жизни ученого.

Вторым сегментом городской среды П.М. Бицилли было образовательное пространство — физические составляющие города, в которых он получил образование. Первым таким местом является Одесская мужская вторая гимназия (см. илл. 4), где он обучался с четвертого по восьмой класс в 1894–1899 гг.²⁰ Гимназия, разместившаяся с 1889 г. в собственном здании на Старопортофранковской улице в доме № 26, была учреждена в 1848 г. Улица Старопортофранковская располагалась на окраине «старой» Одессы и считалась границей исторической части города между центральной частью и районом Молдаванки (предместье, а позже — микрорайон).

Появление и название улицы предопределено учреждением в городе 10 мая 1817 г. свободной экономической зоны — порто-франко (свободный порт). Юному П. Бицилли, чтобы добраться до гимназии из дома на улице Надеждинской, приходилось пройти около двух километров по улицам центральной части города. Некоторые аспекты гимназического периода его жизни частично представлены в работах современных биографов [1, с. 22–23; 9, с. 345–346]. В 1920 г. здание гимназии стало одним из корпусов Одесского института народного образования²¹, ныне оно является главным корпусом Южноукраинского национального педагогического университета имени К.Д. Ушинского (см. илл. 5).

Вторым местом образовательного пространства П.М. Бицилли являлся Императорский Новороссийский университет (см. илл. 6, кладка), в котором он, вопреки общему правилу, в силу разных обстоятельств, учился не четыре года, а семь лет, с 1899 по 1906 гг. Там же в 1908–1910 гг. он прошел подготовку и к профессорскому званию. Об этой странице биографии П.М. Бицилли рассказывается на основе имеющихся документальных материалов в работах

²⁰ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 2.

²¹ Одесский институт народного образования в 1921–1930 гг. — один из правопреемников Новороссийского университета (подробнее см.: [10]).

Т.Н. Поповой [8, с. 338–342; 9, с. 346–352]. Отметим, что обучение будущего ученого в Новороссийском университете проходило не только в корпусе, расположенном по адресу улица Дворянская, дом 2, как указано в некоторых исследованиях (см., например: [1, с. 29]), а еще в одном корпусе, который находился в доме № 24 по улице Преображенской.

Обе улицы — Дворянская и Преображенская — расположены в исторической части «старой» Одессы. Дворянская²², о которой находим упоминания в историографии города уже с 1814 г., соединяет улицы Новосельского и Елисаветенскую. Преображенская улица, проложенная в 1817 г., тянется от Приморского бульвара — через Соборную площадь — до центральных ворот Первого Христианского кладбища. Название получила по расположенному на Соборной площади крупнейшему православному храму Одессы — Спасо-Преображенскому кафедральному собору.

Дом № 2 по улице Дворянской был возведен в 1857 г. для Ришельевского лицея. Через восемь лет стараниями бывшего попечителя (1856–1857) Одесского учебного округа Н.И. Пирогова на базе лицея был открыт Императорский Новороссийский университет.

Дом № 24 по улице Преображенской, построенный в 1850–1852 гг. на углу со входом в Городской сад²³, принадлежал купцу 1-й гильдии Вильгельму Вагнеру. Начиная с весны 1868 г. здание было приспособлено для нужд Императорского Новороссийского университета. В нем размещались учебно-вспомогательные учреждения естественного отделения физико-математического факультета, а также часть здания использовалась для проживания преподавателей. В 1884 г. в здании размещались квартиры преподавателей, минералогический кабинет с лабораторией, химическая лаборатория и кабинет, кабинет биологический и палеонтологический, ботанический кабинет, зоотомический кабинет с лабораторией, физиологический кабинет, технический кабинет с лабораторией, агрономический кабинет с лабораторией [12, с. 150–156]. В 1900–1901 гг. было достроено «крыло» здания со стороны городского сада для библиотеки с книгохранилищем на 400 томов и котельной, а в 1901–1902 гг.

²² До революции улица дважды переименовывалась: 21 мая 1902 г. в честь выпускника университета, российского государственного деятеля, министра финансов (1892–1903) С.Ю. Витте; 19 июня 1909 г. — в ознаменование 200 летия победы в Полтавской битве в честь Петра Великого.

²³ Городской сад — парк, заложенный в 1803 г., находится в центре Одессы, на улице Дерибасовской.

осуществилась реконструкция фасадного здания для Музея изящных искусств и аудиторий историко-филологического и юридического факультетов (подробнее см.: [7]). Начиная с 1902/03 учебного года в здании были размещены библиотека, Музей изящных искусств (см. илл. 7, 7а) и аудитории историко-филологического и юридического факультетов.

Таким образом, в 1899–1902 гг. обучение П.М. Бицилли проходило в корпусе Новороссийского университета по адресу: улица Дворянская, дом 2, а в 1903–1906 и 1908–1910 гг. — в корпусе по адресу: улица Преображенская, дом 24. От своего дома по улице Надеждинской до обоих университетских зданий П.М. Бицилли следовало преодолеть приблизительно одинаковое расстояние (до Преображенской, 24 — около 700 м, до Дворянской, 2 — около 1 км).

В послереволюционные годы судьбы университетских корпусов были такими же калейдоскопическими, как и всей системы высшей школы Одессы. Здание по улице Дворянской, дом 2, в 1920/21 учебном году являлось главным корпусом двух вузов — Одесского гуманитарно-общественного института и Одесского физико-математического института, а с 1921/22 по 1929/30 учебный год находилось в ведении Одесского института народного образования. Здание по улице Преображенской, дом 24, в 1920/21 учебном году принадлежало Одесскому гуманитарно-общественному институту и Библиотеке высшей школы Одессы. С 1921/22 по 1930/31 учебный год в нем функционировали Одесский институт народного хозяйства и Одесская центральная научная библиотека (подробнее см.: [11]).

Образовательное пространство П.М. Бицилли в городской среде Одессы сводилось к двум локусам (гимназия и университет), определяющим его как субъекта в статусе учащегося (гимназиста, студента, аспиранта) в процессе взаимодействия с образовательными заведениями в двух плоскостях: 1) пространство общего, «казенного» образования и 2) пространство для образования, результатом которого стало наращивание индивидуальной культуры будущего ученого.

Следующий сегмент в городской среде П.М. Бицилли — педагогическое пространство, которое может быть определено как совокупность социальных, организационно-педагогических и личностных условий его образовательной деятельности как педагогического субъекта — сотрудника образовательных заведений. Одним из основных условий вхождения субъекта в педагогическое пространство города является его активность в этом процессе, творческая деятельность, восприятие и осмысление содержания, форм и методов

образовательной деятельности, реализация личного педагогического потенциала.

Первой локацией, где начала осуществляться педагогическая деятельность П.М. Бицилли, была частная Одесская женская гимназия, расположенная на пересечении улиц Канатной, дом 40, и Успенской, дом 20 (см. илл. 8). Это учебное заведение было учреждено Генриеттой Робертовной Березиной в 1857 г. в виде училища 1 го разряда, а 20 мая 1893 г. — преобразовано ею же в гимназию. С 1909 г. до 1920 г. гимназией руководила Ольга Семеновна Беленде-Баллю²⁴. Председателем попечительного совета гимназии с 1910 по 1914 гг.²⁵ являлся коллега П.М. Бицилли по Новороссийскому университету — исправлявший должность экстраординарного профессора кафедры русского языка и русской словесности, проректор (1912–1917) Сергей Григорьевич Вилинский (1876–1950).

С 17 августа 1907 г. П.М. Бицилли исполнял в гимназии обязанности преподавателя истории²⁶. 31 декабря 1908 г. он был утвержден в должности учителя истории с исчислением стажа с 17 августа 1907 г.²⁷

По имеющимся на сегодня в нашем распоряжении данным, П.М. Бицилли преподавал в Одесской женской гимназии до 1916 г. [15, с. 247], хотя не исключено, что его сотрудничество в этом учебном заведении продолжалось и позднее.

Чтобы попасть в гимназию, П.М. Бицилли приходилось преодолевать расстояние около 3,4 км — от своего дома по улице Гоголя, 1, и более 1,2 км — от дома по улице Черноморская, 26.

Второй локацией в педагогическом пространстве Одессы для П.М. Бицилли стали Одесские высшие женские курсы (см. илл. 9), размещавшиеся в частном, приспособленном для этой цели, большом здании, построенном архитектором Ф.П. Нестурхом в 1904 г., по улице Торговой, дом 15. Одесские высшие женские курсы были открыты осенью 1906 г. [18, с. 103]. П.М. Бицилли преподавал на них в 1908–1920 гг. Об этом очень бегло, буквально в нескольких словах говорится в биографической литературе об ученом [1, с. 36; 9, с. 353]. До курсов П.М. Бицилли приходилось идти почти 1,3 км с улицы Гоголя, 1, и около 4,3 км с улицы Черноморской, 26.

²⁴ В 1920–1930-е гг. в здании гимназии располагалась средняя школа.

²⁵ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1167. Л. 9 об., 14 об.

²⁶ Там же. Д. 1119. Л. 1 об.

²⁷ Там же. Л. 2 об.

С установлением советской власти Одесские высшие женские курсы были последовательно реорганизованы в Одесский гуманитарно-общественный институт и Одесский институт народного образования. С 1924 г. в здании курсов располагался Одесский государственный химико-фармацевтический институт, который в 1933 г. был присоединен к Одесскому индустриальному институту [6, с. 136]. С 1971 г. в здании размещается Одесская областная клиническая стоматологическая поликлиника.

Третьим «педагогическим» локусом для П.М. Бицилли в Одессе стало ранее неизвестное бициллиевцам среднее учебное заведение — частная Одесская женская гимназия, учрежденная Ксенией Львовной Мякенко и разместившаяся в здании по улице Канатная, дом 4 [19, с. 21]. Первоначально в этом здании между 1894 и 1900 гг. было открыто женское училище 2-го разряда К.Л. Маковской. Между 1906 и 1907 гг. основательница гимназии сменила фамилию на Мякенко, а заведение было преобразовано в женскую гимназию К.Л. Мякенко²⁸. От этой гимназии до дома П.М. Бицилли на улице Гоголя, 1, — 3,2 км, а до улицы Черноморской, 26, — 2,2 км.

В здании гимназии с 1938 г. на протяжении более семидесяти лет размещалась средняя школа № 70. С 2010 г. помещение принадлежит учебно-воспитательному комплексу «Одесская гимназия № 2».

Четвертым локусом в педагогической среде Одессы для П.М. Бицилли было одно из престижных средних учебных заведений — частная Одесская женская гимназия Ольги Владимировны Кандыбы (см. илл. 10), в которой он преподавал историю, начиная с осени 1913 г. Основанием для этого стало уведомление от 20 сентября 1913 г., направленное ректором Императорского Новороссийского университета Дмитрием Павловичем Кишенским председателю Педагогического совета Одесской женской гимназии О.В. Кандыбе. В этом документе отмечалось, что со стороны ректора, равно как и со стороны декана историко-филологического факультета Александра Павловича Доброклонского, не встречается препятствий к предоставлению уроков истории в 8-м классе данной гимназии приват-доценту П.М. Бицилли²⁹. Исходя из официальных документов мы можем утверждать, что его преподавание в этой гимназии продолжалось до 1916 г. [15, с. 257]. Не исключено, что он мог учительствовать в ней и более продолжительное время.

²⁸ Там же. Ф. Ф-16. Оп. 87. Д. 445. Л. 257–258.

²⁹ Там же. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 69–72.

Гимназия, учрежденная в 1907 г., занимала здание по адресу: улица Пастера, дом № 17 (оно было построено в 1834 г. по проекту архитектора Г.И. Торричелли). От дома П.М. Бицилли по адресу Черноморская, 26, гимназия находилась приблизительно в 5 км.

В дальнейшем, с середины 1930-х гг., в здании бывшей гимназии размещалась трудовая школа № 36 (ныне средняя школа № 105).

Пятым локусом в педагогическом пространстве Одессы для П.М. Бицилли стал Императорский Новороссийский университет, в котором ученый проработал более восьми лет и который сыграл, пожалуй, решающую роль не только в формировании его профессиональных качеств университетского преподавателя, но и в его интеграции в научную среду [1, с. 32–63; 8, с. 351–366; 9, с. 351–368].

Среди локусов городского пространства в жизни П.М. Бицилли выявленными, но не исследованными остаются следующие: гимназия и прогимназия, в которых он был утвержден в звании учителя истории с 20 декабря 1908 г.³⁰ и Одесская инженерная дистанция, где он в 1905–1906 гг. отбывал воинскую повинность и вышел в запас в чине унтер-офицера [8, с. 341]. Также остаются не изученными вопросы относительно показателей благоприятности и качества образовательной, педагогической и научной среды.

Осуществив попытку реконструкции городского пространства как системы влияний и условий формирования личности П.М. Бицилли, а также возможностей для развития его профессиональных качеств, выражавшихся в социальном и пространственно-культурном окружении, можем констатировать, что практически все здания в Одессе (за исключением мест проживания), с которыми были связаны его жизнь и профессиональная деятельность, являются памятниками архитектуры и градостроительства местного значения и памятниками истории местного значения. Однако ни на одном из них до сих пор не было установлено памятного знака или мемориальной доски в память о выдающемся ученом — уроженце Одессы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.

³⁰ Там же. Л. 1 об.

2. Вильковский М.Б. Социология архитектуры. М.: Фонд «Русский авангард», 2010. 592 с.
3. Левченко В.В. «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова...»: еврейская ветвь родословной П.М. Бицилли // Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность: Материалы международной науч. конференции 14 апреля 2019 г. / отв. ред. В.Г. Вовина, М.О. Мельцин. СПб.: Петербургский ин-т иудаики, 2019. С. 177–179.
4. Левченко В.В. Научная династия «одесских» Рубинштейнов — феномен мировой культуры // Евреи Европы и Ближнего Востока: история, языки, традиция, культура: Материалы международной науч. конференции памяти Т.Л. Гуриной 26 апреля 2015 г. СПб., 2015. С. 151–158.
5. Левченко В.В., Попова Т.Н. П.М. Бицилли: фрагменты семейной истории // Проблемы славяноведения: сб. науч. ст. и материалов. Брянск: РИО Брянского гос. Ун-та, 2018. Вып. 20. С. 126–147.
6. Никулин В.В., Цымбал Е.И. Одесский политехнический институт. Краткий исторический очерк (1918–1968). Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1968. 224 с.
7. Подрезова М.А., Самодурова В.В. Летопись Научной библиотеки Одесского национального университета имени И.И. Мечникова в событиях и фактах. Ч. 1. Первоначальные годы // Вісник Одеського національного університету імені І.І. Мечникова. 2010. Т. 15. Вип. 21. С. 5–27.
8. Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: М.А. Бондаренко, 2017. 456 с.
9. Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.
10. Левченко В.В. Історія Одеського інституту народної освіти (1920–1930 рр.): позитивний досвід невдалого експерименту / відп. ред. В.М. Хмарський; наук. ред. Т.М. Попова. Одеса: ТЕС, 2010. 428 с.
11. Левченко В.В. Одеський гуманітарно-суспільний інститут (1920–1921): до питання спадкоємності традицій університетської освіти // Записки історичного факультету. Одеса, 2008. Вип. 19. С. 207–216.

Источники

12. Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1885 год. Одесса: Тип. Штаба Одес. воен. округа, 1885. 430 с.
13. Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1911 год. Одесса: Изд. «Вед. Одес. градоначальства», 1911. 310 с.
14. Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1915 год. Одесса: Изд. «Вед. Одес. градоначальства», 1915. 572 с.

15. Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1916 год. Одесса: Изд. «Вед. Одес. градоначальства», 1916. 395 с.
16. А. III. Наши парусные гонки в 1912 году // Рулевой. СПб., 1913. № 2. С. 2–3.
17. Вся Одесса. 1901 год: иллюстрированная адресная и справочная книга. Справочник недвижимых имуществ всего Одесского градоначальства до границы Одесского уезда включительно. Год изд. третий. Одесса, 1901. 317 с.
18. Вся Одесса: Адресная и справочная книга г. Одессы на 1906 г. Одесса: Изд. Л.А. Лисянского, 1906. 267 с.
19. Вся Одесса. Адресная и справочная книга всей Одессы с отделом Одесский уезд на 1911 г. Год издания I-й. Одесса: Одесские новости, 1911. Ч. III: Алфавитный указатель жителей гор. Одессы. 505 с.
20. Исторический очерк XXXV-летия Одесского городского кредитного общества. Одесса: Тип. Акционерного Южно-Русского О-ва Печатного Дела, 1906. 420 с.
21. Отчет Одесского городского кредитного общества за 1873 г. Второй год. Одесса: Тип. П. Францова, 1874. 244 с.
22. Отчет Одесского городского кредитного общества за 1913 г. Сорок второй год. Одесса: Тип. Акционерного Южно-Русского О-ва Печатного Дела, 1914. XXV, 226 с.

REFERENCES

1. Birman, M.A. *P.M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo [P.M. Bitsilli (1879–1953). Life and Work]*. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 444 p. (In Russian)
2. Levchenko, V.V. “‘Avraam rodil Isaaka; Isaak rodil Iakova...’ evreiskaia vetv' rodoslovnoi P.M. Bitsilli” [“‘Abraham Begat Isaac; Isaac Begat to Jacob...’ the Jewish Branch of P.M. Bitsilli’s Genealogy”]. Vovina, V.G., and M.O. Mel'tsin, editors. *Evrei Rossii, Evropy i Blizhnego Vostoka: istoriia, kul'tura i slovesnost' [Jews of Russia, Europe and the Middle East: History, Culture and Literature]*. St. Petersburg, St. Petersburg Institute of Judaica, 2019, pp. 176–189. (In Russian)
3. Levchenko, V.V. *Istoriia Odes'kogo instytutu narodnoi osvity (1920–1930 rr.): pozytyvnyi dosvid nevdalogo eksperymentu [History of the Odessa Institute of Public Education (1920–1930): a Positive Experience of a Failed Experiment]*. Odessa, TES Publ., 2010. 428 p. (In Ukrainian)
4. Levchenko, V.V. “Nauchnaia dinastiia ‘odesskikh’ Rubinshteinov — fenomen mirovoi kul'tury” [“Scientific Dynasty of ‘Odessa’ Rubinsteins — a Phenomenon of World Culture”]. *Evrei Evropy i Blizhnego Vostoka: istoriia, yazyki, tradiciia, kul'tura: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati*

- T.L. Gurinoi 26 aprilia 2015 g. [Jews of Europe and the Middle East: History, Languages, Tradition, Culture: Materials of the International Scientific Conference in Memory of T.L. Gurina on April 26, 2015].* St. Petersburg, 2015, pp. 151–158. (In Russian)
5. Levchenko, V.V. “Odes’kyi humanitarno-suspil’nyi instytut (1920–1921): do pytannia spadkoiemnosti tradytsii universytets’koi osvity” [“Odessa Humanitarian and Social Institute (1920–1921): on the Issue of Continuity of University Education Traditions”]. *Zapysky istorychnogo fakul’tetu [Notes of the Faculty of History]*, issue 19. Odessa, 2008, pp. 207–216. (In Ukrainian)
 6. Levchenko, V.V., and T.N. Popova. “P.M. Bitsilli: fragmenty semeinoi istorii” [P.M. Bitsilli: Fragments of Family History]. *Problemy slavianovedeniia [Problems of Slavic Studies]*, issue 20. Briansk, Briansk State University Publ., 2018, pp. 126–147. (In Russian)
 7. Nikulin, V.V., and E.I. Tsimbal. *Odesskii politekhnicheskii institut. Kratkii istoricheskii ocherk (1918–1968) [Odessa Polytechnic Institute. A Brief Historical Essay (1918–1968)]*. Kiev, Kiev State University Publ., 1968. 224 p. (In Russian)
 8. Podrezova, M.A., and V.V. Samodurova. “Letopis’ Nauchnoi biblioteki Odesskogo natsional’nogo universiteta imeni I.I. Mechnikova v sobyitiakh i faktakh. Chast’ 1. Pervonachal’nye gody” [“Chronicle of the Scientific Library of I.I. Mechnikov Odessa National University in Events and Facts. Part 1. The Early Years”]. *Visnik Odes’kogo natsional’nogo universitetu imeni I.I. Mechnikova*, vol. 15, issue 21, 2010, pp. 5–27. (In Russian)
 9. Popova, T.N. *Istoriografiia v litsakh, problemakh, distsiplinakh. Iz istorii Novorossiiskogo universiteta [Historiography: People, Problems, Disciplines. From the History of Novorossia University]*. Odessa, Astroprint Publ., 2007. 536 p. (In Russian)
 10. Popova, T.N. *Zhizneopisanie uchenogo-istorika na perekrestke istoriograficheskikh traditsii. Teoriia. Metodologii. Praktika [Biography of a Historian at the Crossroads of Historiographical Traditions. Theory. Methodology. Practice]*. Odessa, M.A. Bondarenko Publ., 2017. 456 p. (In Russian)
 11. Vilkovskii, M.B. *Sotsiologiiia arkhitektury [Sociology of Architecture]*. Moscow, Fond Russkii avangard Publ., 2010. 592 p. (In Russian)

Дата поступления статьи: 27 июля 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 14 октября 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

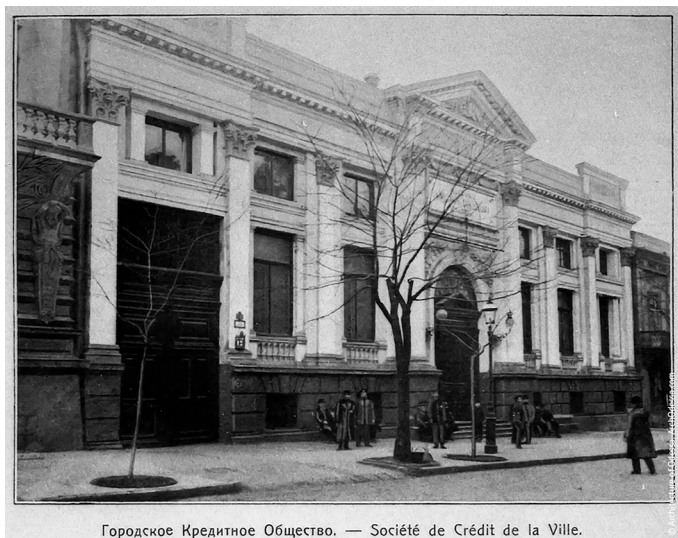
Received: 27 July 2021

Approved after reviewing: October 14, 2022

Date of publication: December 26, 2024

Илл. 1. Одесса. Покровская церковь. 1898
Fig. 1. Odessa. Church of the Intercession. 1898

Городское Кредитное Общество. — Société de Crédit de la Ville.

Илл. 2. Одесса. Одесское городское кредитное общество. Конец XIX в.
Fig. 2. Odessa. Odessa City Credit Society. The end of the 19th century.

Илл. 3. Одесса. Дом № 4 на ул. Черноморской.

Фото В.В. и Г.С. Левченко, 2013

Fig. 3. Odessa. House No. 4 on Chernomorskaya Street. Photo by V.V. and G.S. Levchenko, 2013

Илл. 4. Одесса. Здание Одесской мужской 2-й гимназии. 1898
Fig. 4. Odessa. Building of Odessa men's 2nd gymnasium. 1898

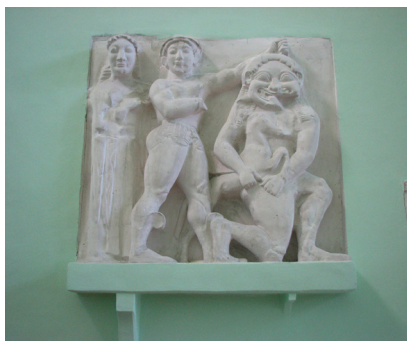

Илл. 5. Одесса. Здание Южноукраинского национального педагогического университета имени К.Д. Ушинского. Фото В.В. и Г.С. Левченко, 2018
Fig. 5. Odessa. The building of the K.D. Ushinsky South Ukrainian National Pedagogical University. Photo by V.V. and G.S. Levchenko, 2018

Илл. 6. Одесса. Здание Императорского Новороссийского университета. Открытка, начало XX в.

Fig. 6. Odessa. Building of the Imperial Novorossiysk University. Postcard, early 20th century.

Илл. 7, 7а. Одесса. Барельефы в Музее изящных искусств. Фото В.В. и Г.С. Левченко, 2018

Fig. 7, 7a. Odessa. Bas-reliefs in the Museum of Fine Arts. Photo by V.V. and G.S. Levchenko, 2018

Илл. 8. Одесса. Здание бывшей Одесской женской гимназии О.С. Белен-де-Баллю. Фото В.В. и Г.С. Левченко, 2018

Fig. 8. Odessa. The building of the former Odessa women's gymnasium of O.S. Belen-de-Ballou. Photo by V.V. and G.S. Levchenko, 2018

Илл. 9. Одесса. Здание бывших Одесских высших женских курсов.
Фото В.В. и Г.С. Левченко, 2018

Fig. 9. Odessa. The building of the former Odessa Higher Women's Courses.
Photo by V.V. and G.S. Levchenko, 2018

Илл. 10. Одесса. Здание бывшей Одесской женской гимназии О.В. Кандыбы. Фото В.В. и Г.С. Левченко, 2018

Fig. 10. Odessa. The building of the former Odessa Women's Gymnasium of O.V. Kandyba. Photo by V.V. and G.S. Levchenko, 2018

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-98-115>

<https://elibrary.ru/SVEFHS>

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ НАУЧНЫХ ПРИОРИТЕТОВ П.М. БИЦИЛЛИ

© 2024 г. В.В. Левченко

Аннотация: В статье осуществлена попытка исследования малоизученного аспекта биографии П.М. Бицилли — история формирования и развития его научных приоритетов. В основу исследования этого вопроса легли имеющаяся в историографии научная литература и новые исторические источники, выявленные в одесских архивохранилищах. Данные материалы позволяют констатировать, что П.М. Бицилли самостоятельно определил свой путь в науке. Среди ученых оказавших незначительное влияние на формирование его научных приоритетов был В.Э. Крусман, тогда как Э.Р. фон Штерн, Е.Н. Щепкин и Б.В. Варнеке формально содействовали его продвижению по карьерной лестнице высшей школы.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, научные приоритеты, интеллектуальное творчество, историография, методология, гуманитарные науки, культурология, генерация.

Информация об авторе: Валерий Валерьевич Левченко — кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, Одесса, Украина.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6907-7768>

E-mail: levchenko_lav@ukr.net

Для цитирования: *Левченко В.В. К истории формирования и развития научных приоритетов П.М. Бицилли // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 98–115.*

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-98-115>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

TO THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF PIOTR BITSILLI'S ACADEMIC PRIORITIES

© 2024. Valery V. Levchenko

Abstract: The article attempts to examine the poorly studied aspect of Piotr M. Bitsilli's biography — the history of the formation and development of his academic priorities. The study of this issue was based on the literature available in historiography and new historical sources identified in Odessa archives. These materials allow us to state that P.M. Bitsilli independently determined his academic path. Among the scholars who had a slight influence on the formation of his scientific priorities was V.E. Krusman, whereas E.R. von Stern, E.N. Shchepkin and B.V. Varneke formally contributed to his career advancement in higher education.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, academic priorities, intellectual creativity, historiography, methodology, humanities, cultural studies, generation.

Information about the author: Valery V. Levchenko, PhD in History, Associate Professor, Independent Researcher, Odessa, Ukraine.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6907-7768>

E-mail: levchenko_lav@ukr.net

For citation: Levchenko, V.V. "To the History of the Formation and Development of Piotr Bitsilli's Academic Priorities." *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 98–115. (In Russian)
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-98-115>

Историк, сознательно умалчивающий о событиях,
совершает не меньший обман, чем тот,
кто сочиняет никогда не происходившее.

Аммиан Марцеллин

История формирования и развития научных приоритетов является одним из главных аспектов биографии любого ученого. Не исключением в этом вопросе является история зарождения и эволюции научных интересов ученого-социогуманитария, автора большого числа трудов по истории разных времен и народов, теории истории, культурологии, филологии, лингвистики, литературоведения и истории литературы, преподавателя Одесских высших женских курсов (1908–1920), Императорского Новороссийского университета (1911–1920), Одесского политехнического института (1918–1920)¹, филиала Белградского университета в Скопье (Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, 1920–1924) и Софийского университета (Болгария, 1924–1948) — Петра Михайловича Бицилли (1879–1953).

История формирования и развития научных приоритетов до сих пор слабо изучена в биографии П.М. Бицилли, хотя за последние двадцать с лишним лет в современной историографии генезису и эволюции интеллектуального поля деятельности П.М. Бицилли исследователи уделяли немалое внимание, особенно два ведущих бициллиеведа — Т.Н. Попова и М.И. Бирман. При всем аргументированном изложении, высказанные ими гипотезы не лишены неточностей и заслуживают уточнений, исправлений и верификации.

Отдельного внимания заслуживает тема генезиса и эволюции приоритетов научных исследований П.М. Бицилли, не имеющая на сегодня подтвержденных историческими источниками изысканий. На современном этапе в историографии представлены две объемные попытки осмысления этой проблематики — Т.Н. Поповой [12, с. 332–336, 350–363] и М.И. Бирмана [4, с. 32–36, 40–42]. Несмотря на отличия в изложении проблемы, оба автора высказывают одинаковые предположения относительно процесса формирования и развития научных приоритетов П.М. Бицилли. Авторы сходятся в двух предположениях: в определении роли трех ведущих ученых-гуманитариев Новороссийского университета (Э.Р. фон Штерна, Е.Н. Щепкина и В.Э. Крусмана), оказавших в разной степени вли-

¹ М.А. Бирман ошибочно обозначает начало педагогической деятельности П.М. Бицилли в этом институте с 1911 г. [4, с. 36].

ание на становление молодого ученого; в утверждении, что формированию интеллектуального облика Бицилли были присущи «научный индивидуализм» [12, с. 333] и «самостоятельный путь исследователя» [4, с. 35]. При всей важности изложенных результатов явным пробелом в этих трудах является ограниченное использование исторических источников, которые придали бы суждениям и гипотезам большую аргументированность.

Данная статья посвящена реконструкции интеллектуального пространства П.М. Бицилли, — попытке исследовать факторы и обстоятельства, которые повлияли на процесс зарождения и становления его научных увлечений. Для решения этой задачи привлечены ранее не вводившиеся в научный оборот архивные документы, позволяющие существенно уточнить и дополнить накопленные в историографии сведения.

Генезис и эволюция научных интересов ученого — не одномоментный акт, а продолжительный, перманентный и сложный процесс, слагаемый из многих личностных и внешних факторов. Внутренним источником формирования интереса ученого к тем или иным исследованиям является наличие у него увлеченности к определенным отраслям науки. Основополагающими, обеспечивающими формирование научных приоритетов ученого являются такие личностные факторы, как природный дар к занятиям наукой, интеллектуальные способности, наличие объема необходимых знаний, трудолюбие, энтузиазм и т. д. Вопрос формирования индивидуальных научных приоритетов в широком понимании зависит от общественно-политического, социально-экономического и культурного контекста.

На протяжении чуть более сорока лет своей жизни — со дня рождения (1 (13) октября² 1879 г.) и до дня отъезда из России (28 января 1920 г.) — П.М. Бицилли жил в Одессе, где состоялись его социализация, выбор профессии, формирование научных приоритетов, знакомство с любимой женщиной, рождение ребенка и другие значимые события в жизни, способствующие формированию и становлению его индивидуальности. В «одесский» период жизни Бицилли вошел в число российских ученых гуманитарной корпорации, его

² Авторы ряда статей, посвященных П.М. Бицилли, ошибочно указывают в качестве даты его рождения 13 (25) сентября 1879 г. [2, с. 381; 3, с. 89; 5, с. 46; 11, с. 524]. Между тем, согласно актовой записи в «Метрической книге, данной из Херсонской духовной консистории в Покровскую церковь г. Одессы для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1879 год», в первой ее части «О родившихся» записано, что П.М. Бицилли родился 1 октября 1879 г. (ГАОО. Ф. 37. Оп. 6. Д. 126. Л. 185 об.).

научные работы получили высокие оценки и признание среди коллег, что позволило ему на протяжении 1910 х гг. интегрироваться в одесское академическое сообщество гуманитариев.

В соответствии с представленной нами парадигмой поколений одесских ученых-гуманитариев [7], история жизни П.М. Бицилли неразрывно связана с характеристиками представителей двух поколений — «реакционно-имперской» (1884–1917) и «раннесоветской» (1917–1941).

Отношение П.М. Бицилли к «реакционно-имперской» поколению ученых-гуманитариев состоялось согласно действующим нормам социального устройства Российской империи.

В свою очередь «реакционно-имперская» поколение ученых-гуманитариев делилась на две ветви — адептов и неконформистов. Представители первой из них были приверженцами действующей формы государственного устройства и политического режима и не воспринимали педалированные разными политическими силами революционные изменения в стране. Представители второй выступали в поддержку трансформаций общественно-политических устоев в государстве с принципами политической демократии, социальной справедливости, с неотъемлемыми и общепринятыми правами человека. Учитывая известные факты участия П.М. Бицилли в студенческих сходах с поддержкой идей радикальных изменений в стране, членство в партии социал-революционеров и его принятие выдвинутых Февральской революцией 1917 г. новых общественно-политических ориентиров [12, с. 340, 369], относим его к типичным представителям ветви неконформистов «реакционно-имперской» поколения интеллектуалов.

«Раннесоветская» поколение появилась в научном сообществе на территории Российской империи вследствие общественно-политических и социокультурных катаклизмов 1917–1920 гг. В свою очередь «раннесоветскую» поколение ученых-гуманитариев разделяем на три ветви — адептов, конформистов и неконформистов.

К ветви адептов относим ученых, родившихся на рубеже XIX–XX вв. и являвшихся «ровесниками» активизации революционной ситуации в начале XX в. Их социализация зарождалась в условиях трех революций, формирование нравственных ценностей и жизненных приоритетов происходило в условиях революционного романтизма, пролетарской идентификации и идейно-корпоративного патернализма. В период становления первого в мире социалистического государства они сознательно обслуживали потребности советской власти, лояльно относились к действующему политическому режиму, истинно верили в идеи марксизма-ленинизма, авторитет партии большевиков, ее вождей и их установки.

К ветви конформистов относим ученых, родившихся во второй половине XIX в. Их первичная социализация происходила в условиях либерализации и модернизации Российской империи, интеллектуальное становление они получили в имперской системе образования, преподавали в вузах, имели научные публикации, написанные в соответствии с теоретической парадигмой развития исторической науки в имперское время. В революционные годы они не воспринимали педалированную большевиками идеологию построения общества социальной справедливости, свободы и равенства трудящихся и навязанных новых концепций в профессиональной деятельности, но революционные события 1917–1920 гг. и утверждение советской власти заставили их переориентироваться и приспособиться к реалиям новых условий жизни.

Ветвь нонконформистов «раннесоветской» генерации состояла из ученых, которые не приняли идеи советской власти, оставались в оппозиции к ее политике и со временем оказались в числе жертв политических репрессий.

Среди ученых-гуманитариев «раннесоветской» генерации П.М. Бицилли относим к ветви конформистов, формирование нравственных ценностей и жизненных приоритетов которых происходило в условиях революционного романтизма. В студенческие годы он примыкал к левым политическим течениям, впоследствии присоединился к партии социалистов-революционеров, в период становления и утверждения первого в мире социалистического государства в 1917–1920 гг. не разделял его идеологических обоснований. С начала 1920 х гг. постепенно меняя представление о коммунистических идеях советской власти, в 1940 х гг. пришел к выводу о необходимости принять гражданство СССР, в 1946–1948 гг. предпринял три попытки получить его, но все они окончились ничем [9, с. 154–155].

В формировании интеллектуальных интересов П.М. Бицилли главную роль сыграли семья и ее окружение. Несмотря на то, что его отец греческого происхождения был потомственным дворянином, доминирующее положение в управлении делами семьи принадлежало матери, которая имела еврейские корни [6].

В соответствии с традиционной культурой еврейского народа образование воспринимается в семье не только как средство сохранения жизни, но и как самоцель, а воспитание и образование детей является важным процессом, от которого зависит будущее ребенка. Традиционно еврейские родители ставят своих детей превыше всего в жизни, не поощряя при этом лень и праздное времяпрепровождение. С малых лет еврейские дети приучены к постоянной занятости

(учеба, помощь по дому или ремеслу, чтение, музыка, увлечения).

Даже в смешанных супружеских парах, каким являлся брак родителей П.М. Бицилли, приоритетным в воспитании было — привить мотивацию к обучению, вежливое отношение и уважение к взрослым, положительные человеческие качества, равнодушие к сиюминутным увлечениям, бережное отношение к наличным благам, которыми не могут блеснуть сверстники других культур.

Сохранению этнических ценностей также способствовали примеры многие родственников матери, которые составляли основной круг семьи П.М. Бицилли и были видными представителями российского интеллектуального сообщества [6; 10]. В контексте этнического самосознания евреев престижное высшее образование понималось как интеграция в действующее культурное пространство с возможным дальнейшим продвижением в привилегированные слои российского сословного общества.

Благодаря традиционному воспитанию еврейской семьи П.М. Бицилли, равно как и его младший брат М.М. Бицилли, получили образцовое домашнее образование, включающее в себя не только программу начальных классов классической гимназии, но и любовь к чтению, изучению иностранных языков, рисованию, занятию музыкой и т. п., что стало фундаментом высокого интеллектуального уровня и дальнейшего успешного обучения.

В 1894 г. в неполных пятнадцать лет П.М. Бицилли поступил в четвертый класс 2-й гимназии, где учился на протяжении пяти лет и практически в двадцатилетнем возрасте (без четырех месяцев) окончил ее с серебряной медалью. Из одиннадцати итоговых отметок за восьмой класс четыре были «5» (по русскому языку с церковнославянским и словесностью, логике, латинскому языку и греческому языку) и семь «4» (по Закону Божию, математике, физике, математической географии, истории, географии и немецкому языку). По результатам семи испытаний, проходивших в апреле-мае 1899 г., он получил шесть отметок «5» (по Закону Божию, русскому языку с церковнославянским и словесностью, латинскому языку, греческому языку, истории и немецкому языку) и одну «4» — по математике. В аттестате зрелости, подписанном 1 июня 1899 г. директором 2-й гимназии К.А. Пятницким, были отмечены «особенная любознательность» П.М. Бицилли к «филологическим предметам» и «отличные успехи в науках, в особенности же в русском и древних языках»³.

³ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 2–2 об.

Как видим, к неполным двадцати годам у П.М. Бицилли четко определилась склонность к гуманитарным наукам, в частности, — к филологии⁴ с акцентом на изучение латинского и древнегреческого языков. Показательно, что отличную оценку по истории в гимназии авторитетный в будущем историк смог получить только по результатам выпускного экзамена.

Несмотря на сформировавшийся к двадцати годам ярко выраженный интерес к изучению древних языков, 19 июля 1899 г. П.М. Бицилли вместе с братом М.М. Бицилли, который был младше на два года и в гимназии более преуспевал в освоении естественных предметов⁵, подал прошение на имя ректора ИНУ о зачислении на юридический факультет⁶.

Выбор факультета, позволим себе предположить, скорее всего, был обусловлен желанием матери дать сыновьям престижное юридическое образование, что помогло бы им в будущем стать востребованными в любой отрасли юриспруденции и занять видное положение в обществе. Но склонность братьев к овладению знаниями в других отраслях науки возобладала над желаниями матери.

Отучившись весь 1899/1900 учебный год на юридическом факультете, в августе 1900 г. оба брата перешли на другие факультеты Новороссийского университета, выбранные ими в соответствии со своими интеллектуальными интересами: М.М. Бицилли перевелся на 1-й курс естественного отделения физико-математического факультета⁷, а П.М. Бицилли — на 1-й курс исторического отделения историко-филологического факультета⁸.

При весьма разнообразном диапазоне интеллектуальных увлечений и занятий, на протяжении чуть более восемнадцати лет — второй половины «одесского» периода жизни П.М. Бицилли — с сентября 1899 по январь 1920 гг. (с двумя перерывами — в 1905–1906 и 1906–1908 гг.), его судьба была связана с одной государственной институцией — ИНУ (шесть лет в качестве студента — 1899–1905 и 1906 гг.; почти два с половиной года в статусе профессорского сти-

⁴ В конце XIX в. в Российской империи под филологией подразумевали совокупность гуманитарных дисциплин (языкознание, текстологию, литературоведение, источниковедение, палеографию и др.), изучающие духовную культуру народа через языковой и стилистический анализ письменных текстов [1].

⁵ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1253. Л. 1.

⁶ Там же. Оп. 12. Д. 697. Л. 341–342.

⁷ Там же. Оп. 5. Д. 1253. Л. 18.

⁸ Там же. Д. 1254. Л. 29.

пендиата — 1908–1910 гг.; девять лет в разных ипостасях преподавателя историко-филологического факультета — 1911–1920 гг.).

Несмотря на увлечение филологией, на историко-филологическом факультете П.М. Биццли выбрал историческое отделение. Во время обучения он слушал лекции многих авторитетных ученых-гуманитариев — П.Н. Ардашева, А.П. Доброклонского, В.М. Истрина, А.П. Казанского, А.М. Клитина, А.А. Кочубинского, Н.Н. Ланге, И.А. Линниченко, В.Н. Мочульского, А.А. Павловского, Г.И. Перетятковича, А.И. Томсона, Е.Н. Щепкина и др. В их числе были известные филологи-классики — А.Н. Деревицкий (курсы «Сочинения Лукиана», «Тацит», «Лукиан», «Чтение Плиния младшего», «Разбор од Горация», «Разбор лирических стихотворений», «Чтение Лукиана», «Письма Плиния младшего», «Чтение эпиграмм Марциала» и др.), И.И. Луньяк (курсы «Вергилий», «Гораций», «Демосфен», «Саллюстий», «Медея Эврипида» и др.), М.И. Мандес («Риторика Аристотеля»), Э.Р. фон Штерн (курсы «*“Germania” Tacit*», «Ксенофонт», «Саллюстий», «История Греции», «Чтение Фукидида», «Чтение Тацита», «Римская история» и др.)⁹.

Среди преподавателей историко-филологического факультета двое — Э.Р. фон Штерн (1859–1924) и Е.Н. Щепкин (1860–1920) — стали неформальными наставниками П.М. Биццли в освоении университетского и академического пространства. Правда, исторические источники, которые подтверждали бы систематическое участие этих видных ученых в развитии научных приоритетов молодого коллеги, на сегодня не выявлены.

В научной литературе бытует мнение, что Э.Р. фон Штерн пробудил у П.М. Биццли интерес к римской истории, при этом исследователи ссылаются на первые работы молодого ученого, опубликованные в 1912–1913 гг. (см., например: [12, с. 352]). Однако из трех статей, написанных в указанный период, две посвящены истории Рима [14; 17], одна — истории Греции [13]. Следовательно, в первых своих работах молодой ученый рассматривал вопросы не только римской, но и греческой истории.

Характерно, что предметом исследования первых трех публикаций Биццли, посвященных разным аспектам антиковедения (история Афинского государства, размышления Тацита о римской государственности, аренда государственных земель и крепостная зависимость колонов в Римской империи и т. д.), стали исторические источники. Основу первых двух статей составили опублико-

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–3; Оп. 5. Д. 1254. Л. 5–12.

ванные письменные источники, а третья стала «попыткой разбора одного из вопросов, вызванного эпиграфическими находками» [14, с. 358]. Предметом исследования Бицилли в этих работах являлся скрупулезный анализ исторических источников на древнегреческом и латинском языках, что представляется крайне ценным, если учесть скудность источниковой базы как главную проблему изучения истории античности. Специальное историческое образование позволило ему на основе проведенного анализа и сопоставления документальных материалов делать самостоятельные выводы относительно разных аспектов жизни античного общества.

Несмотря на совпадение эпохи и тематики научных исследований Э.Р. фон Штерна и П.М. Бицилли, утверждение, что старший коллега побудил молодого ученого к изучению истории античности и вследствие этого является одним из его наставников на научном поприще, представляется нам недостаточно убедительным.

Тем не менее неоспоримым фактом является то, что именно Э.Р. фон Штерн способствовал началу карьеры П.М. Бицилли в сфере высшего образования. Именно Э.Р. фон Штерн, будучи директором Одесских высших женских курсов, 15 декабря 1908 г. ходатайствовал перед попечителем Одесского учебного округа об утверждении профессорского стипендиата П.М. Бицилли сторонним (внештатным) преподавателем для ведения просеминария по всеобщей истории¹⁰. Не исключено, что Э.Р. фон Штерн, являвшийся также деканом историко-филологического факультета (1905–1909) и ординарным профессором кафедры всеобщей истории (с 1901/02 по 1910/11 учебные годы), содействовал и избранию П.М. Бицилли 24 июля 1908 г. профессорским стипендиатом этой кафедры¹¹.

После отъезда в 1911 г. Э.Р. фон Штерна из Одессы П.М. Бицилли продолжил изучение источников античной истории под руководством уже филолога-классика Б.В. Варнеке (1874–1944), который в 1910 г. перевелся из Казанского в Новороссийский университет по просьбе все того же Э.Р. фон Штерна.

Ординарный профессор Б.В. Варнеке был старше профессорского стипендиата П.М. Бицилли всего на пять лет. Прямых свидетельств того, что Б.В. Варнеке стал наставником молодого ученого в области антиковедения, нет — мы располагаем только косвенными данными на этот счет.

¹⁰ ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 479. Л. 47.

¹¹ Там же. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 6–6 об., 46–46 об.

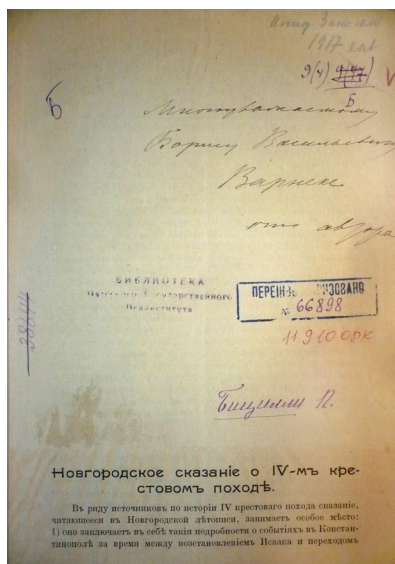
В фронтально исследованной нами именной книжной коллекции Б.В. Варнеке, состоящей на сегодня из 1856 единиц печатных изданий и хранящейся в секторе редкой и ценной литературы отдела обслуживания библиотеки Южноукраинского национального педагогического университета имени К.Д. Ушинского [8], выявлены оттиски двух статей П.М. Бицилли [14; 15] с его дарственными надписями в адрес старшего коллеги. На оттисках оставлены почти идентичные надписи: «Многоуважаемому Борису Васильевичу Варнеке, автор» и «Многоуважаемому Борису Васильевичу Варнеке от автора». Выявленные инскрипты дают основание утверждать, что П.М. Бицилли близко общался с Б.В. Варнеке и высказывал ему уважение и чувство благодарности.

Отношения между учеными продолжались и в дальнейшем. Осенью 1917 г. П.М. Бицилли вошел в состав комиссии по разработке проекта устава и организации Народного университета в Одессе от партии эсеров. Также он стал членом Совета Народного университета и председателем исторической секции в его структуре. Разрабатывая учебный план по историческим дисциплинам 22 декабря 1917 г., в записке к учебному плану исторической секции Одесского народного университета он указал, что вместе с Б.В. Варнеке избрал чтение курса лекций по истории Рима¹². Примечательно, что в Новороссийском университете этот курс начиная с 1911/12 по 1916/17 учебные годы неизменно преподавал Б.В. Варнеке, а в 1917/18 учебном году его вел П.М. Бицилли¹³, основной дисциплиной которого с 1914/15 по 1919/20 учебные годы был «Общий курс истории средних веков». После 1917/18 учебного года ни Б.В. Варнеке, ни П.М. Бицилли лекции по истории Рима в университете больше не читали. Причина, подтолкнувшая Бицилли на один год взять ведение курса по римской истории, остается под вопросом. Как бы то ни было, итогом этой работы стало издание в 1919 г. переработанного курса лекций «Падение Римской империи» [16].

Взаимоотношения между Б.В. Варнеке и П.М. Бицилли не вышли за пределы служебных контактов, скорее всего, из-за расхождений в общественно-политических взглядах: Б.В. Варнеке был убежденным консерватором, тогда как его младший коллега состоял в партии эсеров.

¹² Научная библиотека ОНУ имени И.И. Мечникова. Архив Н.Н. Ланге. К. 32. Ед. хр. 300. Л. 119.

¹³ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2809. Л. 1 об.

Илл. 1. Инскрипт П.М. Бицилли, посвященный профессору Б.В. Варнеке, на оттиске своей статьи «Новгородское сказание о IV-м крестовом походе», опубликованной в «Исторические известиях», 1916. Т. III–IV. С. 53–60.

Fig. 1. Inscript by P.M. Bitsilli, dedicated to Professor B.V. Warnecke, on a reprint of his article 'The Novgorod Tale of the Fourth Crusade,' published in *Historicheskie izvestiya* journal, 1916. Vol. III–IV., pp. 53–60.

Еще одним наставником, даже «крестным отцом» П.М. Бицилли как университетского преподавателя-историка некоторые исследователи называют профессора Е.Н. Щепкина, чьи занятия (курсы «История XIX в.», «Практические занятия по всеобщей истории», «История средних веков», «История XVIII в.», «Методология истории», «История средних и новых веков») П.М. Бицилли посещал в студенческие годы¹⁴. Говорить с уверенностью о каком-либо влиянии Е.Н. Щепкина на формирование и эволюцию исследовательских приоритетов студента, а затем и профессорского стипендиата П.М. Бицилли невозможно из-за отсутствия соответствующих документальных свидетельств (к тому же с 1906 по 1917 гг. Е.Н. Щепкин в ИНУ не преподавал).

Утверждение Т.Н. Поповой, что прочитанные П.М. Бицилли 15 декабря 1910 г. на заседании факультета две пробные лекции на темы

¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–3; Оп. 5. Д. 1254. Л. 5–12.

«Фридрих II Гогенштауфен» и «Наказы 1789 г. как исторический источник»¹⁵ тематически совпадают с научными интересами Е.Н. Щепкина [12, с. 355], на наш взгляд, является обосновательным: Е.Н. Щепкин по основному профилю был историком-новистом, в его персональной библиографии нет работ, посвященных классическому средневековью и истории Франции конца XVIII в. Тем не менее этот вопрос требует дополнительных источниковедческих разысканий.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении историческим источникам, Е.Н. Щепкин стал проявлять участие к судьбе молодого перспективного ученого уже после того, как тот окончил университет и начал делать первые шаги на поприще преподавания в высшей школе (вне Новороссийского университета).

Именно Е.Н. Щепкин выступил 20 ноября 1908 г. на заседании историко-филологического факультета Одесских высших женских курсов с предложением пригласить профессорского стипендиата П.М. Бицилли для повышения уровня преподавания всеобщей истории и ведения практических занятий (чтение и толкование исторических памятников) со слушательницами I и II курсов исторического отделения. Девятью голосами «за» против одного «нет» П.М. Бицилли был избран сторонним преподавателем.

24 января 1909 г. на заседании историко-филологического факультета Одесских высших женских курсов Е.Н. Щепкин ходатайствовал об отлитографировании в количестве 150 экземпляров перевода П.М. Бицилли «Великой хартии вольностей» как пособия для практических занятий, и это его ходатайство было удовлетворено¹⁶. Отметим, что с самого начала своей преподавательской деятельности в Новороссийском университете и на Одесских высших женских курсах молодой ученый концентрировал внимание на чтении, переводе, изучении и толковании исторических первоисточников.

Наиболее существенную помощь Е.Н. Щепкин оказал П.М. Бицилли как педагогу-историку уже во время Гражданской войны в России. Так, на заседаниях историко-филологического факультета Новороссийского университета, состоявшихся 13 (26) сентября 1918 г.¹⁷, 4 (17) июня и 8 (21) августа (повторно) 1919 г.¹⁸, Е.Н. Щепкин выступил с положительными отзывами¹⁹ о научных трудах доцента

¹⁵ Там же. Оп. 4. Д. 1119. Л. 53.

¹⁶ ГАОО. Ф. 334. Оп. 3. Д. 7529. Л. 67–68, 70–71.

¹⁷ Там же. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 24–41.

¹⁸ Там же. Л. 17–18; Д. 2710. Л. 171–171 об.

¹⁹ Отзыв Е.Н. Щепкина от 13 (26) сентября 1918 г. подготовлен автором данной статьи к публикации.

П.М. Бицилли — участника конкурса на соискание должности профессора кафедры всеобщей истории.

Вместе с тем имеющиеся в научной литературе материалы не дают оснований говорить о систематическом научном руководстве со стороны Е.Н. Щепкина и его влиянии на выбор П.М. Бицилли интеллектуального поля деятельности.

В отличие от упомянутых выше трех ученых-историков, единственным коллегой П.М. Бицилли в российской академической корпорации, который в некоторой степени оказал воздействие на формирование его научных приоритетов, был В.Э. Крусман (1879–1922). В 1908 г. П.М. Бицилли и В.Э. Крусман одновременно оказались на историко-филологическом факультете Новороссийского университета: первый — в качестве профессорского стипендиата, второй — как приват-доцент. С первых лет знакомства между ними завязались товарищеские отношения, основой для которых, среди прочего, послужила общность научных интересов. Кроме того, занимая на кафедре общей истории более высокую должность, В.Э. Крусман старался помогать П.М. Бицилли в его профессиональном становлении и развитии.

Так, в 1910 г. приват-доцент В.Э. Крусман подсказал профессору стипендиату П.М. Бицилли, как правильно составить отчет об изучении всеобщей истории (преимущественно истории Франции вплоть до первой половины XIX в.)²⁰, и 29 мая того же года выступил на заседании кафедры с отзывом об этом отчете²¹.

В октябре 1912 г. В.Э. Крусман по поручению факультета составил инструкцию для командированного за границу с апреля 1913 г. по апрель 1914 г. приват-доцента П.М. Бицилли, которому предстояло ознакомиться с методикой преподавания всеобщей истории в университетах Германии и Франции²².

Скорее всего, благодаря В.Э. Крусману произошло знакомство П.М. Бицилли с И.М. Гревсом [12, с. 353], который стал одним из официальных оппонентов на защите магистерской диссертации П.М. Бицилли в мае 1917 г. в Петроградском университете.

31 августа 1917 г. В.Э. Крусман выступил с положительным от-

²⁰ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 47–50; Д. 4238. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 4238. Л. 1–44. Отзыв В.Э. Крусмана подготовлен к публикации автором данной статьи.

²² Там же. Д. 1119. Л. 64–66. Инструкция В.Э. Крусмана подготовлена к публикации автором данной статьи.

зывом о научной работе приват-доцента П.М. Бицилли при его утверждении в должности доцента кафедры всеобщей истории ИНУ²³.

Также с положительными отзывами о научных работах доцента П.М. Бицилли при его утверждении в должности и <справляющего> д<олжность> экстраординарного профессора кафедры всеобщей истории В.Э. Крусман выступал 4 (17) июня и 8 (21) августа (повторно) 1919 г.²⁴

Таким образом, систематическое научное руководство подготовкой магистерской диссертации П.М. Бицилли к защите в 1908–1917 гг. осуществлял главным образом В.Э. Крусман.

В одном из своих отзывов он отмечал, что для П.М. Бицилли основным объектом и критерием истины в его исторических исследованиях был первоисточник, а «наибольшим достоинством» его работ, независимо от их жанровой принадлежности, называл

восхождение автора от широкой проблемы, им себе поставленной, в самую глубь первоисточников, и решение проблем там, на источниковом материале, а не отвлеченным рассуждением. Эта привязанность к источнику, и та огромная начитанность на источниковом материале, которая ее восполняет, — является самой лучшей гарантией того, что широкий исторический кругозор П.М. Бицилли никогда не будет поверхностным²⁵.

Таким образом, стержневым элементом, влиявшим на зарождение и формирование научных приоритетов П.М. Бицилли, являлся непосредственно исторический первоисточник, на скрупулезном изучении которого акцентировал внимание ученый. Принцип выбора темы у П.М. Бицилли соответствовал не общепринятому алгоритму: «проблематика — источник — исследование», а его индивидуальному подходу в формате: «источник — проблематика — исследование».

Подводя итоги, можно констатировать, что научные приоритеты П.М. Бицилли формировались поэтапно и были предопределены природным даром, усердным самообразованием и широким научным кругозором. Выбору перспективных вопросов в области социогуманитарных наук, а также методов и практик, необходимых для их

²³ Там же. Л. 20–22; Д. 2017. Л. 9. Отзыв В.Э. Крусмана подготовлен к публикации автором данной статьи.

²⁴ Там же. Д. 1119. Л. 17–18; Д. 2710. Л. 171–171 об.

²⁵ Там же. Д. 1119. Л. 21а.

успешной реализации П.М. Бицилли научился у выдающихся ученых-современников благодаря скрупулезному изучению исторических памятников и трудов предшественников, опыту общения в профессиональной среде и личному интуитивному мышлению. Все эти факторы помогли П.М. Бицилли довольно быстро адаптироваться в российском, а затем и зарубежном академическом пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Аверинцев С.С.* Филология // Большая российская энциклопедия: [в 30 т.]. М.: Большая рос. энциклопедия, 2017. Т. 33. С. 363.
2. *Анохина Ю.Ю.* Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П.М. Бицилли. Международная конференция в ИМЛИ РАН // Новый филологический вестник. 2020. № 2 (53). С. 380–387. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00057
3. *Бахчиванжи А.П.* Книги с автографами П.М. Бицилли в университетской библиотеке // Вісник Одеського національного університету. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. 2010. Т. 15, вип. 21. С. 89–97.
4. *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
5. *Вомперский В.П.* П.М. Бицилли о творчестве Ивана Бунина // Русская речь. 1995. № 6. С. 46–47.
6. *Левченко В.В.* «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова...»: еврейская ветвь родословной П.М. Бицилли // Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность: Материалы международной научной конференции 14 апреля 2019 г. / отв. ред. В.Г. Вовина, М.О. Мельцин. СПб.: Петербургский ин-т иудаики, 2019. С. 176–189.
7. *Левченко В.В.* Генерации одесских ученых-историков (1920–1941 гг.): идентификация, состав, особенности // Ученые записки Казанского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, кн. 1. С. 133–145.
8. *Левченко В.В.* Историко-культурологические аспекты частной книжной коллекции профессора Б.В. Варнеке // Воронцовский сборник: сб. науч. ст. Одесса: ООО «Удача», 2019. Вып. 9. С. 43–54.
9. *Левченко В.В., Попова Т.Н.* П.М. Бицилли: новые архивные материалы (К 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения: сб. науч. ст. и материалов. Брянск: Ладомир, 2014. Вып. 16. С. 149–157.
10. *Нерозник В.П.* Петр Бицилли — еще одно возвращение на родину //

Вестник Российской академии наук. 1994. Т. 64, № 6. С. 524–536.

11. Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: М.А. Бондаренко, 2017. 456 с.
12. Попова Т.Н., Левченко В.В. П.М. Бицилли: фрагменты семейной истории // Проблемы славяноведения: сб. науч. ст. и материалов. Брянск: РИО Брянского гос. ун-та, 2018. Вып. 20. С. 126–147.

Источники

13. Бицилли П. К вопросу об источниках Atenaion politeia. Одесса: Экономическая тип., 1912. 13 с.
14. Бицилли П. Colonus и conductor в свете новейших исследований // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1913. Ч. 46, № 8. Отд. классической филологии. С. 358–379.
15. Бицилли П. Новгородское сказание о IV-м крестовом походе // Исторические известия. 1916. № 3–4. С. 53–60.
16. Бицилли П.М. Падение Римской империи. Одесса: А.А. Ивасенко, 1919. 104 с.
17. Бицилли П. Тацит и Римский империализм // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. XXX. Пропεμπήρια. Сборник статей, изданный Императорским Одесским обществом истории и древностей в честь почетного члена Эрнеста Романовича фон Штерна. Одесса, 1912. С. 378–388.

REFERENCES

1. Averintsev, S.S. “Filologiya” [“Philology”]. *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia* [Big Russian Encyclopedia], vol. 33. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2017, 363 p. (In Russian)
2. Anokhina, Iu.Iu. “Gumanitarnaia nauka russkogo zarubezh'ia: K 140-letiiu so dnia rozhdeniia P.M. Bitsilli. Mezhdunarodnaia konferentsiia v IMLI RAN” [“The Humanities of the Russia Abroad, to the 140th Anniversary of the Birth of P.M. Bitsilli. International Conference at IWL RAS”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 2 (53), 2020, pp. 380–387. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00057 (In Russian)
3. Bakhchivanzhi, A.P. “Knigi s avtografami P.M. Bitsilli v universitetskoj biblioteke” [“Books Autographed by P.M. Bitsilli in the University Library”]. *Visnyk Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Seriia: Bibliotekoznavstvo, bibliografoznnavstvo, knigoznnavstvo*, vol. 15, issue 21, 2010, pp. 89–97. (In Russian)
4. Birman, M.A. *P.M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo* [P.M. Bitsilli (1879–1953). Life and Work]. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 444 p. (In Russian)
5. Vomperskii, V.P. “P.M. Bitsilli o tvorchestve Ivana Bunina” [“P.M. Bitsilli on

- the Work of Ivan Bunin"]. *Russkaia rech*, no. 6, 1995, pp. 46–47. (In Russian)
6. Levchenko, V.V. ““Avraam rodil Isaaka; Isaak rodil Iakova...’ evreiskaia vetv’ rodoslovnoi P.M. Bitsilli” [““Abraham Begat Isaac; Isaac Begat to Jacob...’ the Jewish Branch of P.M. Bitsilli’s Genealogy”]. Vovina, V.G., and M.O. Mel’tsin, editors. *Evrei Rossii, Evropy i Blizhnego Vostoka: istoriia, kul’tura i slovesnost’* [*Jews of Russia, Europe and the Middle East: History, Culture and Literature*]. St. Petersburg, St. Petersburg Institute of Judaica Publ., 2019, pp. 176–189. (In Russian)
7. Levchenko, V.V. “Generatsii odesskikh uchenykh-istorikov (1920–1941 gg.): identifikatsiia, sostav, osobennosti” [“Generations of Odessa Historians (1920–1941): Identification, Composition, Features”]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki*, vol. 162, book 1, 2020, pp. 133–145. (In Russian)
8. Levchenko, V.V. “Istoriko-kul’turologicheskie aspekty chastnoi knizhnoi kolleksii professora B.V. Varneke” [“Historical and Cultural Aspects of the Private Book Collection of Professor B.V. Varneke”]. *Vorontsovskii sbornik* [*Vorontsov Collection*], issue 9. Odessa, “Udacha” Ltd. Publ., 2019, pp. 43–54. (In Russian)
9. Levchenko, V.V., and T.N. Popova. “P.M. Bitsilli: novye arkhivnye materialy (K 135-letiiu so dnia rozhdeniia)” [“P.M. Bitsilli: New Archival Materials (on the Occasion of the 135th Birthday)”]. *Problemy slavianovedeniia* [*Problems of Slavic Studies*], issue 16. Briansk, Ladomir Publ., 2014, pp. 149–157. (In Russian)
10. Neroznak, V.P. “Petr Bitsilli — eshche odno vozvrashchenie na rodinu” [“Piotr Bitsilli — Another Homecoming”]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 64, no. 6, 1994, pp. 524–536. (In Russian)
11. Popova, T.N. *Zhizneopisanie uchenogo-istorika na perekrestke istoriograficheskikh traditsii. Teoriia. Metodologiia. Praktika* [*Biography of a Historian at the Crossroads of Historiographical Traditions. Theory. Methodology. Practice*]. Odessa, M.A. Bondarenko Publ., 2017. 456 p. (In Russian)
12. Popova, T.N., and V.V. Levchenko. “P.M. Bitsilli: fragmenty semeinoi istorii” [“P.M. Bitsilli: Fragments of Family History”]. *Problemy slavianovedeniia* [*Problems of Slavic Studies*], issue 20. Briansk, Briansk State University Publ., 2018, pp. 126–147. (In Russian)

Дата поступления статьи: 12 августа 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 11 ноября 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 12 August 2021

Approved after reviewing: November 11, 2022

Date of publication: December 26, 2024

ДИАЛОГ С СОВРЕМЕННОКАМИ

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-116-143>

<https://elibrary.ru/THPHFR>

П.М. БИЦИЛЛИ И РУССКАЯ ПРАГА: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

© 2024 г. М.В. Ковалев

Аннотация: Статья посвящена взаимоотношениям П.М. Бицилли с интеллектуальной средой русской Праги 1920–1930 х гг. Акцент делается на сюжетах, которые не получили широкого освещения в историографии. На основе неизвестных ранее архивных документов обрисовано участие профессора в деятельности пражских эмигрантских организаций, например, в Русском историческом обществе. Особое внимание уделено контактам с членами Археологического института имени Н.П. Кондакова. Взаимоотношения П.М. Бицилли с русской Прагой интересны не только в контексте биографии ученого, но и в связи с потребностью понять особенности связей между различными эмигрантскими центрами, выявить механизмы интеллектуальных коммуникаций.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, Прага, Чехословакия, русская эмиграция, Русское историческое общество в Праге, Археологический институт имени Н.П. Кондакова

Информация об авторе: Михаил Владимирович Ковалев — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Ленинский проспект, д. 32а, 121069 Москва, Россия; старший научный сотрудник, Архив Российской академии наук, ул. Новочеремушкинская, д. 34, 117218 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4722-818X>

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Для цитирования: Ковалев М.В. П.М. Бицилли и русская Прага: к истории взаимоотношений // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 116–143.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-116-143>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

PIOTR BITSILLI AND RUSSIAN PRAGUE: ON THE HISTORY OF RELATIONSHIP

© 2024. Mikhail V. Kovalev

Abstract: The article is devoted to the relationship of Piotr M. Bitsilli with the intellectual environment of Russian Prague in the 1920–1930s. The emphasis is on subjects that have not received wide coverage in historiography. On the basis of previously unknown archival documents, the professor's participation in the activities of Russian émigré organizations in Prague (for example, in the Russian Historical Society) is described. Particular attention is paid to his contacts with members of N.P. Kondakov Archaeological Institute. Relationship of Piotr Bitsilli with Russian Prague are interesting not only in the context of his biography, but also in connection with the need to understand the features of the connections between different émigré centers, to identify the mechanisms of intellectual communication.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, Prague, Czechoslovakia, Russian emigration, Russian Historical Society in Prague, N.P. Kondakov Archaeological Institute.

Information about the author: Mikhail V. Kovalev, PhD in History, Senior Research Fellow, Institute of World History of Russian Academy of Sciences, Leninsky av. 32a, 121069 Moscow, Russia; Senior Research Fellow, Archive of Russian Academy of Sciences, Novocheremushkinskaya St. 34, 117218 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4722-818X>

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

For citation: Kovalev, M.V. “Piotr Bitsilli and Russian Prague: on the History of Relationships.” *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 116–143. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-116-143>

Сегодня уже хорошо известно, сколь большую роль играла Прага в научной и культурной жизни русской послереволюционной эмиграции. Она не только концентрировала интеллектуальные силы диаспоры, но служила важным связующим звеном во взаимоотношениях между разными центрами Зарубежной России — Парижем, Белградом, Берлином, Софией, Харбином. Она притягивала к себе эмигрантских деятелей из разных уголков русского рассеяния. П.М. Бицилли был заметной фигурой в жизни русской Праги, хотя его участие в ней было в большей степени дистанционным. Как установил М.А. Бирман, проанализировав заграничные командировки профессора, именно в Прагу тот ездил больше и чаще всего [3, с. 125]. Тем не менее детальное изучение личных и деловых контактов П.М. Бицилли с соотечественниками, жившими и работавшими в Чехословакии, является крайне непростой задачей. Причина кроется в тематической и хронологической фрагментарности сохранившихся архивных материалов, тем более что документальное наследие самого П.М. Бицилли, находящееся в Пушкинском Доме, по-прежнему недоступно широкому кругу исследователей. И все же нельзя сказать, что взаимоотношения ученого с русской диаспорой в Праге никогда прежде не изучались. Напротив, исследователями успешно освещены ее различные стороны, как, например, контакты Бицилли с евразийцами и его отношение к этому движению [1; 2; 7; 8], связи ученого с литературоведами А.Л. Бемом [4; 32] и Д.И. Чижевским [5], взаимоотношения с семьей Флоровских [6]. Потому в предлагаемой статье нет смысла повторять уже известные факты, а разумно сосредоточиться на тех сюжетах, которые находились прежде в тени, не были вовсе освещены или вызывают споры.

До сих пор остается открытым вопрос: почему Бицилли, часто сетовавший на вынужденную балканскую «провинциальность», так и не перебрался в Прагу. Такую возможность многим ученым давала «русская акция» чехословацкого правительства, в том числе и тем,

кто, как и Петр Михайлович, в первые годы эмиграции оказались в Болгарии. Т.Н. Галчева и И.В. Голубович, опираясь на материалы переписки семьи Флоровских, предполагают, что в начале 1922 г. у Бицилли имелась возможность для переезда из Скопье в Прагу. Пытаясь объяснить, почему он ею не воспользовался, исследователи допускают, что профессор счел представленный шанс недостаточно надежным и потому от переезда отказался. Они сожалеют, что достоверных свидетельств крайне мало, а это вынуждает руководствоваться лишь догадками. Так, до сих пор не ясно, от кого могла бы исходить инициатива приглашения Бицилли в Чехословакию в начале 1920-х гг. [6, с. 72].

Думается, что свою роль мог сыграть академик Никодим Павлович Кондаков, выдающийся знаток византийского искусства. С осени 1917 г. он проживал в Ялте, и оттуда 9 сентября 1918 г. перебрался в Одессу [12, с. 346]. Там он и познакомился с Бицилли [3, с. 58]. Н.П. Кондаков, славившийся не только своими учеными заслугами, но и весьма непростым характером, к Петру Михайловичу проникся большой симпатией. В марте 1919 г. академик опубликовал благоприятную рецензию на его «Элементы средневековой культуры» [31, с. 5]. По-видимому, между ними установились если не близкие, то точно уважительные отношения.

Уже на чужбине, в начале 1920 г. оказавшийся в маленьком балканском городе Вранье П.М. Бицилли пытался через бывшего ректора Новороссийского университета профессора Дмитрия Павловича Кишенского наладить связь с Н.П. Кондаковым [6, с. 83]. В лице всемирно известного византиноведа Петр Михайлович надеялся найти протекцию в поиске работы. С просьбой о такой поддержке он обратился к академику в письме от 28 марта 1920 г. [13, с. 44–45].

О конкретных попытках Кондакова помочь коллеге ничего неизвестно. В личном фонде академика в Литературном архиве Музея национальной словесности в Праге писем от П.М. Бицилли не обнаружено. Однако означенное мартовское письмо сохранилось в личном фонде влиятельного болгарского интеллектуала, профессора-историка Василя Златарского¹. Не исключено, что именно к нему Кондаков переадресовал просьбу Петра Михайловича.

В дневниковых записях академика, относящихся уже к пражскому периоду его биографии, встречаем интересный пассаж о заседании Русской учебной коллегии в Чехословакии 16 июня 1923 г.:

¹ Научен архив на Българската академия на науките. Ф. 9к. Оп. 1. А. е. 2741.

«Забаллотировали Бицилли + 12 и выбрали Кондакова 24. Отвращение!» [29, с. 267]. Данное краткое свидетельство позволяет допустить, что П.М. Бицилли не был рекомендован к избранию на профессорскую вакансию, а, следовательно, не получил приглашения на переезд в Прагу. Подобная ситуация кажется вполне обыденной, ибо академические конфликты, конкуренция и зависть были привычными элементами эмигрантской научной жизни.

Таким образом, видимо, правы Т.Н. Галчева и И.В. Голубович, утверждающие, что Бицилли так и не смог получить надежного приглашения на работу в Праге. Разумеется, изучение этого вопроса еще требует углубленного погружения в архивные источники.

Невзирая на перипетии с поиском работы в Чехословакии, Бицилли посетил Прагу осенью 1924 г. Поездка была связана с его участием в Третьем съезде Союза Русских академических организаций за границей, который проходил в чехословацкой столице с 25 сентября по 2 октября 1924 г. Съезд был посвящен памяти двух скончавшихся накануне ученых — профессора П.И. Новгородцева и академика Н.И. Андрусова. Среди делегатов были ведущие представители российской научной эмиграции: историки Н.П. Кондаков, П.М. Бицилли, Г.В. Вернадский, А.А. Кизеветтер, А.В. Флоровский, Е.Ф. Шмурло, правоведы Н.Н. Алексеев, Е.В. Спекторский, Н.С. Тимашев, философы И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, Б.В. Яковенко, биологи В.В. Лепешкин, С.И. Метальников, М.М. Новиков, математики и механики Е.Л. Буницкий, Н.Е. Подтягин, А.П. Фан-дер-Флит, инженеры А.С. Ломшаков, Г.Н. Пио-Ульский и др.

Участниками съезда было сделано более 150 научных сообщений [9, с. 94–95]. А.А. Кизеветтер в берлинской газете «Руль», в частности, описывал, сколь большой интерес аудитории вызвали выступления Бицилли об истории раннего христианства, новых направлениях в изучении Ренессанса и критике учения стремительно вошедшего в интеллектуальную моду Освальда Шпенглера [28]. Петр Михайлович отрицал толкование культуры и цивилизации немецким ученым как сменяющих друг друга стадий и доказывал тождественность этих понятий.

Организаторы съезда намеревались опубликовать его материалы. Предполагаемое издание должно было составить 50 печатных листов, причем 40 из них предполагалось отвести текстам докладов (максимальным объемом 10.000 знаков каждый), а 10 — прениям по ним [33]. Идея так и осталась неосуществленной, и можно лишь

сожалеть, что нет возможности ознакомиться с текстом выступления Петра Михайловича.

Уже вскоре упоминание имени профессора Бицилли встречаем в связи с деятельностью в Праге Русского исторического общества, торжественное открытие которого состоялось 7 апреля 1925 г. в большой Минералогической аудитории Карлова университета². Председательствовал на этом собрании член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук Е.Ф. Шмурло, ставший во главе объединения русских историков, а обязанности секретаря исполнял С.Г. Пушкарев. Среди присутствующих были как именитые ученые, так и те, кто только начинал карьеру: Н.Н. Аленников, Г.В. Вернадский, Б.А. Евреинов, К.О. Зайцев, А.А. Кизеветтер, Е.Ф. Максимович, Н.Л. Окунев, И.О. Панас, П.Н. Савицкий, В.В. Саханев, Е.В. Спекторский, А.В. Флоровский, М.В. Шахматов.

Тогда же были избраны первые члены Общества. Среди них был и П.М. Бицилли, которого рекомендовали А.А. Кизеветтер и А.В. Флоровский. Кандидатура была единогласно одобрена 15-ю голосами³. Общество объединяло главным образом исследователей в пределах Чехословакии, тем не менее в его ряды входили некоторые русские ученые из Франции, Германии, Югославии, Болгарии и США, в том числе П.Н. Милюков, А.М. Петрункевич, Ф.В. Тарановский и др.

Двусмысленность ситуации с избранием, при котором Бицилли не присутствовал, заключалась в том, что ему, кажется, забыли в полной мере изложить членские обязанности, в том числе в отношении уплаты взносов. 19 октября 1927 г. в Софию из Праги были отправлено письмо, в котором от Петра Михайловича потребовали погасить образовавшиеся долги по единоразовому вступительному взносу и ежемесячным членским платежам. Ученый был обескуражен сообщением, однако от выплат не отказался. Правда, подчеркнул, что считает себя обязанным производить платежи лишь с того момента, когда получил уведомление о них. Из недатированного письма ученого в Правление Русского исторического общества узнаем:

Что касается размера ежемесячных взносов, то в соответствии с получаемым мною окладом-жалованьем, он должен равняться 3 кронам 50 геллерам. Надеюсь, что в ближайшем же будущем я буду в состоянии выслать Вам как мой вступительный взнос, так и взнос за три

² Протокол № 1 общего собрания Русского исторического общества в Праге, состоявшегося 7 апреля 1925 г. (ГАРФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 252. Л. 5).

³ Там же. Л. 7 об.

последних месяца текущего года, — всего, следовательно, на сумму 20 кр<он> 50 гелл<еров> (считая членский взнос в 10 крон)⁴.

Хотя в тоне Петра Михайловича чувствуется недоумение от возникшей ситуации, интерес к пражскому сообществу историков у него не угасает, и он обещает прислать коллегам вышедшее по-болгарски «Введение в новую и новейшую историю» [38].

Из текста письма можно сделать вывод, что вместе с требованием погасить долги из Праги сообщили о подготовке к публикации «Записок Русского исторического общества», и Петр Михайлович не преминул поинтересоваться программой предполагаемого издания и тем, предвидится ли в нем помещение статей по всеобщей истории. В таком случае он выражал сердечное желание принять участие как автор⁵. К несчастью для ученого, вопросы всеобщей истории оказались на обочине интересов Русского исторического общества в Праге. Подобная ситуация объяснялась в первую очередь тем, что в Чехословакии сосредоточились главным образом специалисты по отечественной истории, а также тем, что для эмигрантской интеллектуальной культуры было свойственно повышенное внимание именно к русским темам и сюжетам.

Сотрудничество П.М. Бицилли с пражским сообществом историков оказалось эпизодическим. Известно лишь одно его выступление под заглавием «О происхождении русского литературного языка в связи с историей русского общества», состоявшееся в чехословацкой столице 18 июня 1930 г.

Инициатором приглашения Бицилли с докладом был А.В. Флоровский — давний друг и коллега Петра Михайловича еще с одесских времен⁶. Предложение выступить на заседании Русского исторического общества было воспринято Бицилли с большим воодушевлением. Он сообщил в Прагу, что у него имеется материал для доклада, который он хотел бы посвятить происхождению русского литературного языка в связи с культурной эволюцией русского общества. Такой ракурс хорошо отражал эволюцию творческих стратегий Петра Михайловича в годы эмиграции: от всеобщей истории к русской, а также интерес к тому, что сегодня мы бы назвали

⁴ Literárni archiv Památníku národného písennictví. F. Fjodoroviana Pragensia; Konstantin Aleksandrovič Čcheidze. Č. inv. 525. Č. přír. 65/71.

⁵ Там же.

⁶ См.: письма П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому, 1922–1933, б. д. (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140).

междисциплинарными исследованиями. В этом ключе он писал А.В. Флоровскому:

Тема наполовину филологическая, наполовину историко-социологическая. Я над ней сижу уже довольно давно, п<отому> ч<то> для нее все же кое-что нашел и здесь⁷.

Правда, тут же подчеркнул, что интерес к предложенному сюжету во многом вынужденный. Он сокрушался, что не имеет доступа к нужным историческим источникам и литературе, которые давали бы ему возможность заниматься привычными сюжетами, а потому приходится довольствоваться тем, что имеется.

16 февраля 1930 г. Бицилли переслал доклад А.В. Флоровскому и в сопроводительном письме выразил заинтересованность в том, чтобы о нем высказали мнение не только историки, но и филологи. Потому он спрашивал, присутствуют ли на заседаниях Русского исторического общества С.В. Завадский, Е.А. Ляцкий и А.Л. Бем. Вместе с текстом доклада он приложил статью для чехословацкого журнала «Slavia», прося А.В. Флоровского узнать о возможности ее публикации⁸. П.М. Бицилли снова жаловался на сложные условия работы в Софии:

Набралось у меня немало работ и по истории, и по русск<ой> литер<атуре>, но за что ни возьмусь, приходится бросать на полдороге или откладывать в ожидании лучшего будущего: при состоянии здешних библиотек ничего нельзя довести до конца. Либо не хватает необходимейших материалов, либо за отсутствием новейших журналов (а очень многие здесь не получают — нет возможности довести библиографию up to day <вплоть до сего дня (англ.)>⁹).

Поездка в Прагу на заседание Русского исторического общества была использована и для другого выступления. 20 июня 1930 г. в Союзе русских писателей и журналистов на литературном вечере, посвященном А.П. Чехову, Бицилли сделал доклад о творчестве

⁷ См.: П.М. Бицилли — А.В. Флоровскому, б. д. <по содержанию — не ранее 16 февраля 1930 г.> (Там же. Д. 140. Л. 19).

⁸ Названия статьи в письме не было указано, но можно предположить, что речь идет об этой работе: [21].

⁹ П.М. Бицилли — А.В. Флоровскому, 16 февраля 1930 г. (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 21).

великого писателя [14, с. 33]. К сожалению, подробности этого выступления пока выяснить не удалось.

Последний приезд Бицилли в Прагу, относящийся к весне 1931 г., также будет связан с его литературоведческими исследованиями. 12 марта он выступит в Русском народном университете с докладом «Почему Достоевский не написал “Жития великого грешника”?» [14, с. 53].

В русской Праге Бицилли был востребован не только как яркий исследователь, но и как внимательный и ответственный эксперт. Эта сторона его деятельности была связана с многотрудным процессом воспроизводства русских научных кадров за рубежом. Эмиграция, поначалу верившая в неизбежное падение большевизма, перенесла на иностранную почву привычные дореволюционные академические правила, традиции и ритуалы. Подготовка диссертаций и аттестация научных кадров по прежним образцам вызывала немало нареканий среди современников, поскольку затрудняла путь в науку молодым ученым, обремененным крайне тяжелыми условиями жизни на чужбине, неустроенностью, порой даже отсутствием постоянной работы. Прага, считавшаяся своего рода научной столицей Зарубежной России, стала местом организации ряда диссертационных защит.

В 1928 г. на рассмотрение в Русскую академическую группу в Чехословакию была представлена магистерская диссертация «Сеньориальный режим во Франции в исходе старого порядка», подготовленная жившим в Харбине историком Николаем Ивановичем Никифоровым. Он начал изучать эту тему еще в 1914 г. под влиянием работ Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского и И.В. Лучицкого. Законченная рукопись диссертации погибла в 1919 г., и уже за границей Н.И. Никифорову пришлось практически заново проделать всю работу (см.: [30]).

Поездка в чехословацкую столицу из Китая была нелегким делом (к тому же очень дорогим!). Некоторые пражские историки понимали это. Потому в письме к А.В. Флоровскому академик В.А. Францев настаивал на скорейшей постановке на защиту диссертации Н.И. Никифорова и упрощении организационной процедуры. Об этом же просил Бицилли, которого назначили одним из оппонентов по диссертации¹⁰.

¹⁰ См.: В.А. Францев — А.В. Флоровскому, 1928 г. (Там же. Д. 465. Л. 21); П.М. Бицилли — А.В. Флоровскому, 19 апреля 1928 г. (Там же. Д. 140. Л. 18–18 об).

Обычно на рассмотрение диссертации отводилось три месяца. В случае с Никифоровым и его «харбинской пропиской» срок был сокращен. Сделать это оказалось нелегко, ибо значительная часть профессуры старшего поколения с недоверием смотрела на любые попытки изменить порядок защиты и ревностно отстаивала привычные ей процессуальные нормы. Бицилли жаловался на это А.В. Флоровскому:

Я знаю, что в Вашей Коллегии есть идолопоклонники и пустосвяты Устава 1884 года, для которых малейшее отступление от буквы этой священной книги кажется величайшим прегрешением против Устава — но, может быть, они на сей раз смягчатся и примут в соображение, что 1–2 недостающих до установленного срока дня не такая уж большая беда, и согласятся на отступление. Беру ответственность за этот грех на себя и обещаю вымолить им прощение у теней <А.И. > Георгиевского и всех министров народного просвещения, какие только когда-либо существовали на свете¹¹.

Найти подходящего оппонента в узких эмигрантских кругах было непростой задачей. Сохранившиеся материалы переписки между А.В. Флоровским и П.М. Бицилли наглядно обрисовывают эту проблему. Поскольку диссертация Н.И. Никифорова была посвящена истории Франции второй половины XVIII в., то его оппонентом должен был стать специалист по всеобщей истории. Таковых среди русских ученых в Праге было немного¹². Вообще положение специалистов по всеобщей истории в эмигрантской среде было специфичным. Это хорошо подметила на примере того же Бицилли болгарская исследовательница Г. :

Вектор русской эмигрантской культуры первой волны направлен на повышенную рефлексию по поводу природы национального и судьб собственной рускости [10, с. 16].

Правление Русской академической группы в Чехословакии решило обратиться к Бицилли. Хотя тот изучал итальянское Возрож-

¹¹ П.М. Бицилли — А.В. Флоровскому, 19 апреля 1928 г. (Там же. Л. 18).

¹² В эмиграции оказалось два специалиста по истории Французской революции XVIII в. — А.М. Ону и И.О. Левин. Однако пока не удалось выяснить, почему Н.И. Никифоров не обратился ни к кому из них с просьбой об оппонировании его диссертации.

дение, в данном случае была важна его профессиональная принадлежность к всеобщей, а не к русской истории. Петр Михайлович согласился на предложение и с интересом прочел работу Никифорова, которую автор высылал ему частями по мере печатания. Все же Петр Михайлович был вынужден признать, что дать диссертации квалифицированную оценку вряд ли сможет:

Насколько могу судить по полученному (ок<оло> 1/3 всей книги), это статико-описательная работа по архивным данным. Строго говоря, единственный авторитетный разбор мог бы быть сделан только тем, что проверил бы, насколько исчерпывающе эти данные им использованы, что, очевидно, немыслимо ни для кого из нас, не проживающих в Париже. Мой разбор, естественно, сведется к придирам «наукословного» характера — и с этим я, вероятно, справлюсь скоро¹³.

Второй оппонент диссертации — А.А. Кизеветтер — был специалистом по русской истории XVIII–XIX вв., но живо интересовался Великой Французской революцией и еще в России в 1922 г. написал о ней книгу, которая, однако, так и не была издана¹⁴.

Не меньше трудностей вызывала организация приезда оппонента на диспут. Скучное материальное положение русских ученых ограничивало их в передвижении не только из страны в страну, но даже из одного города в другой. История с приглашением П.М. Бицилли снова является показательной. С ним велись долгие переговоры о приезде из Софии в Прагу, причем историк настоятельно просил оплатить ему дорогу. Петр Михайлович рассказывал об этом в письме к А.В. Флоровскому:

Я уведомил его <Н.И. Никифорова>, что могу приехать в Прагу за счет <...> Харбинского университета, как он мне предложил. Но я оговорился, что для меня приезд осуществим лишь при том условии, если Харбинск<ий> университет согласится отпустить мне сразу же аванс на поездку, не потому, чтобы я сомневался в кредитоспособности этого учреждения, но потому, что я сам не располагаю никакой¹⁵.

¹³ П.М. Бицилли — А.В. Флоровскому, 9 июня 1928 г. (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 17).

¹⁴ Рукопись этой книги объемом в 198 архивных листов хранится в фонде Кудрявцевых и А.А. Кизеветтера в НИОР РГБ (Ф. 566. Карт. 6. Д. 7).

¹⁵ П.М. Бицилли — А.В. Флоровскому, 9 июня 1928 г. (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 17).

На диссертационный диспут Н.И. Никифорова, состоявшийся в июле 1928 г., Петр Михайлович в итоге приехал.

Второй раз П.М. Бицилли был приглашен в Прагу в 1930 г. на защиту магистерской диссертации византистки Марии Александровны Андреевой на тему «Очерки по культуре византийского двора в XIII веке»¹⁶. Снова у ученого возник вопрос: почему он? А.В. Флоровскому Петр Михайлович прямо написал: «Какой же я византолог?!» — но тут же оговаривался, что любой повод для приезда в Прагу для него «страшно соблазнителен»¹⁷. Свою роль на предстоящем диспуте Бицилли приравнивал к роли свадебного генерала, поскольку очень уж была далека тема диссертации М.А. Андреевой от его собственных научных интересов¹⁸. Вновь, как и в случае с защитой Н.И. Никифорова, он поставил условием своего участия оплату транспортных расходов, проживания и визы, поскольку свое материальное положение он определял как самое плачевное.

Хотя П.М. Бицилли не был византиноведом, его участие в защите диссертации М.А. Андреевой нельзя считать случайным. Полагаю, что на это событие следует смотреть в свете контактов ученого с Семинарием (впоследствии — Археологическим институтом) имени Н.П. Кондакова. В обширном архивном фонде этого знаменитого научного объединения сохранилась папка с письмами от Бицилли, которая прежде была совершенно обделена вниманием исследователей¹⁹. Документальные материалы охватывают период с 1928 по 1941 гг. Среди тех, кому адресовал свои послания Петр Михайлович — А.П. Калитинский, Н.П. Толль, Д.А. Расовский, Г.В. Вернадский. Также имеется несколько копий писем профессору от имени руководства Семинария/Института.

Напомним, что П.М. Бицилли и Н.П. Кондаков были близко знакомы еще с одесских времен, и что для Петра Михайловича академик был одним из символов русской исторической науки [19]²⁰.

¹⁶ См.: Тезисы магистерской диссертации М.А. Андреевой «Очерки по культуре византийского двора в XIII веке» (Slovanská knihovna v Praze. Trezor. M.A. Andrejevova. T-AND-3).

¹⁷ П.М. Бицилли — А.В. Флоровскому, б. д. <по содержанию — не ранее 16 февраля 1930 г.> (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 19 об.).

¹⁸ П.М. Бицилли — А.В. Флоровскому, 20 февраля 1930 г. (Там же. Л. 22–22 об.).

¹⁹ См. переписку П.М. Бицилли с Семинарием (Археологическим институтом) имени Н.П. Кондакова (ODÚDU. AINPK. KI-12. P.M. Bicilli).

²⁰ В равной степени с огромным пиететом он относился к продолжателям дела Н.П. Кондакова (см.: [37]).

Еще в середине 1920 х гг. П.М. Бицилли написал Г.В. Вернадскому в Прагу, интересуясь изданным там сборником в память выдающегося ученого. Он высказал мысль, что Историческому семинару при Софийском университете было бы очень желательно иметь это издание, ведь академик был близок и Болгарии, и университету. Но, писал П.М. Бицилли,

к несчастью, о приобретении его нечего и думать ни в этом году, ни вообще в обозримом будущем — до такой степени обеднел Университет²¹.

Потому он предлагал вариант обмена изданиями. Впоследствии на протяжении многих лет Бицилли будет участником подобных пражско-софийских книгообменов.

Петр Михайлович Бицилли был в числе получателей первого выпуска трудов пражского ученого объединения — «*Seminarium Kondakovianum*». Присылка издания означала своего рода приглашение к сотрудничеству. Уже во втором томе сборника будет напечатана рецензия П.М. Бицилли на труд французского историка Проспера Альфарика [26].

Как известно, пражское издание изначально планировалось как международное. Причем участие в нем принимали как ученые-эмигранты, так и их коллеги, оставшиеся в СССР. Первый сборник кондаковского Семинария выполнял функцию интеллектуального моста между эмигрантской и советской наукой, что не ускользнуло из внимания П.М. Бицилли. Он написал в Прагу профессору А.П. Калитинскому:

И как прекрасно, то, что Ваш *Seminarium* стал средой, в к<отор>ой объединяются как «поту-» так и «посюсторонние» русские ученые. Хотелось бы надеяться, что у Вас будет возможность продолжать это так блестяще начатое дело²².

Вот только продолжение оказалось недолгим.

В сентябре 1928 г. в Праге увидел свет второй том трудов Семинария имени Н.П. Кондакова. Среди авторов был Сергей Александрович Жебелёв, опубликовавший статью в память историка искусства

²¹ П.М. Бицилли — Г.В. Вернадскому, 24 апреля <не ранее 1926 г.> (ODÚDU. AINPK. KI-12. P.M. Bicilli).

²² П.М. Бицилли — А.П. Калитинскому, 9 ноября 1928 г. (Там же).

Якова Ивановича Смирнова, умершего от голода в 1918 г. в Петрограде. В этой статье революция была уподоблена страшному лихолетью. В середине ноября 1928 г. начинается публичная травля ученого, которая стала прологом к «Академическому делу» (см.: [11]). Канадский историк Л. Райнлендер еще в 1970 х гг. верно заметил, что нападки на С.А. Жебелёва за его публикацию в Праге объяснялись главным образом стремлением советских властей покончить со своеволием и свободомыслием Академии наук [15, р. 338–339]. Травля историка была одним из звеньев этой кампании. Среди главных пунктов обвинения в адрес ученого стало его сотрудничество с коллегами-эмигрантами. Таким образом, власти четко давали понять, что рассматривают такие контакты как нежелательные. В эмиграции с тревогой следили за новым этапом наступления советских властей на науку. Информации было мало, она доходила лишь обрывками, что усиливало тревогу за судьбы коллег.

«Дело Жебелёва» стало прелюдией для прочих погромных кампаний. Происходившие события вызывали чувство глубокого беспокойства и у Бицилли. Эти чувства он делился в письме к А.В. Флоровскому:

Неизвестно ли у вас что-либо о судьбе <С.Ф.> Платонова? За что он арестован? Ведь он до сих пор ладил с тамошним начальством. Что за ужас... И когда этому будем конец?²³

Для кондаковцев П.М. Бицилли был важным связующим звеном в контактах с русской Софией, а также с болгарскими учеными. Он помогал в подготовке к печати рукописи молодого и талантливое византиниста Николая Михайловича Беляева. Тот в сентябре 1930 г. в составе делегации приезжал на V съезд Союза русских академических организаций за границей в Софии, где прочел доклад о древнерусской иконописи. Жизнь молодого и талантливого ученого трагически оборвалась 23 декабря 1930 г., когда он был сбит машиной на улице Праги. Тогда Бицилли вызвался помочь довести до печати рукопись доклада Н.М. Беляева, которую ему переслали из Чехословакии (см.: [18])²⁴.

П.М. Бицилли помогал кондаковцам наводить справки — например, о русском эмигранте Сергее Ивановиче Покровском, который

²³ П.М. Бицилли — А.В. Флоровскому, 16 февраля 1930 г. (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 21).

²⁴ См. письма П.М. Бицилли к Н.П. Толлю от 4 апреля, 18 мая, 4 июня 1931 г. (ODÚDU. AINPK. KI-12. P.M. Bicilli).

работал в Археологическом музее в Софии²⁵. В переписке Бицилли делился мнениями о состоянии исторической науки на Балканах, сравнивал условия работы в разных странах. Так, в одном из писем к Николаю Петровичу Толлю он заметил:

Надо отдать справедливость болгарам: они не препятствуют иностранцам работать у них по исследованию их древностей, напротив, всячески содействуют, выгодно отличаясь в этом отношении от братьев-сербов²⁶.

Хотя болгарские ученые имели прямые контакты с кондаковцами, Бицилли нередко выступал как посредник в общении с болгарскими интеллектуальными кругами. В марте 1934 г. Археологический институт просил его оказать помощь в обмене сборников «*Seminarium Kondakovianum*» на «Годишник» Софийского университета. Причем Институт хотел бы получить и старые выпуски — преимущественно те, которые затрагивали темы византиноведения, древнеболгарской истории, истории древних тюрков, кочевниковедения и др.²⁷ В университетской библиотеке Петру Михайловичу сообщили, что уже получают «*Seminarium Kondakovianum*» как дар чехословацкого правительства. Однако его просили осведомиться у русских пражан, нет ли иных институтских изданий или же дубликатов русских научных изданий, которые можно было бы обменять²⁸.

Как человек, знавший Н.П. Кондакова, профессор Бицилли обсуждал с пражскими коллегами перспективы издания последних лекционных курсов академика, читанных им в Карловом университете. Н.П. Толлю он писал 4 июля 1931 г.:

Говоря откровенно, мне кажется, что следовало бы напечатать записки лекций Кондакова, предварительно проредактировавши их, и выбросив места, слишком очевидно свидетельствующие о старческой рассеянности (если только они не относятся на счет записывавшего)²⁹.

²⁵ П.М. Бицилли — Н.П. Толлю, 4 июня 1931 г. (Там же).

²⁶ П.М. Бицилли — Н.П. Толлю, 13 июля 1931 г. (Там же).

²⁷ Секретарь Археологического института имени Н.П. Кондакова — П.М. Бицилли, 22 марта 1934 г. (Там же).

²⁸ См. письмо П.М. Бицилли к секретарю Археологического института имени Н.П. Кондакова от 4 апреля 1934 г. (Там же).

²⁹ П.М. Бицилли — Н.П. Толлю, 4 июля 1931 г. (Там же).

Эти лекции были записаны слушателями Н.П. Кондакова, потому в них вкрались некоторые ошибки. Несмотря на это обстоятельство, Петр Михайлович, ознакомившись с текстом, настаивал на его публикации. Лекции именитого ученого он называл «богатейшими по содержанию, необыкновенно привлекательными по простору, четкости, обилию мысли, строгой фактичности»³⁰. По его мнению, они нисколько не уступали его прежним работам.

5 ноября 1931 г. П.М. Бицилли сообщили о преобразовании Семинария в Археологический институт и об избрании его ученым членом. В Софию был отправлен Устав, а вместе с ним указание, что Бицилли в своем текущем статусе вправе сам установить размер ежегодного членского взноса, и что он имеет возможность получения книг одной из институтских серий при условии уплаты 100 чешских крон в год³¹. Петр Михайлович считал за честь это избрание, но его смутило предложение самостоятельно устанавливать размер членского взноса. Со свойственной ему деликатностью он сообщил в Прагу:

Должен признаться, что платить я мог очень мало по той причине, что и у нас, как и у Вас, дела все ухудшаются; жизнь, подешевевшая было, стала дорожать, а жалованье не увеличивается, а уменьшается. Нужда среди русских, вызванная безработицей, страшная, и имеющим заработок приходится уделять часть его на помощь неимущим³².

В том же письме он осведомился о А.П. Калитинском, о котором давно ничего не слышал. Бицилли не было известно, что еще в сентябре 1930 г. у Калитинского обнаружились серьезные проблемы с психическим здоровьем. Он неожиданно исчез 20 сентября 1930 г. В эмигрантских кругах возникла даже версия его похищения советскими спецслужбами, что казалось вполне реальным после исчезновения в Париже генерала А.П. Кутепова [17, с. 299]. В действительности археолог был арестован чешской полицией, когда он «попытался на глазах общественности вступить в контакт, сопровождающийся “аморальными” предложениями и действиями, с 14-летним юношей, учащимся одного из пражских училищ» [36, с. 165]. Это происшествие привело коллег А.П. Калитинского в заме-

³⁰ П.М. Бицилли — Н.П. Толлю, 13 июля 1931 г. (Там же).

³¹ См. письмо Правления Археологического института имени Н.П. Кондакова к П.М. Бицилли от 5 ноября 1931 г. (Там же).

³² П.М. Бицилли — Н.П. Толлю, 17 ноября <1931 г.> (Там же).

шательство. Знаменитый русский психиатр Н.Е. Осипов установил, что причиной такого поступка ученого стало тяжелейшее психическое расстройство: он возомнил, что одержим бесами.

Как отмечалось выше, П.М. Бицилли, несмотря на свою широчайшую эрудицию, от проблем византийской истории был далек. В одном из писем к Георгию Александровичу Острогорскому он признается:

Византия для меня Buch mit den sieben Siegeln <книга за семью печатями (нем.)>, и если бы я попробовал приступить к чему-нибудь <удь> из этой области, боюсь, что я бы оскандалился перед Вами — в лучшем случае, открыл бы Америку после Колумба³³.

По этой причине его научное сотрудничество с кондаковским Семинаром/Институтом оказалось очень ограниченным. Помимо уже названной рецензии на труд французского историка П. Альфарика, Бицилли подготовил отзыв на исследование русского эмигранта Семена Ильича Штейна о толковании термина «Romanus» в варварских правдах [27]. Данная работа не была рецензией в привычном смысле слова, поскольку появилась через 10 лет после публикации анализируемого труда, да и само рассматриваемое исследование представляло собой не книгу, а статью в журнале [39]. Жанр работы Бицилли скорее можно определить как историографическое эссе. Причем его тематический уклон не только был данью прежним профессиональным занятиям западноевропейской медиевистикой, но и объяснялся текущим интересом ученого к сравнительному осмыслению этнической и социальной терминологии западноевропейских и славянских средневековых литературных памятников.

Подобный интерес помог найти новую точку научного соприкосновения с Кондаковским институтом. В 1930 х гг. П.М. Бицилли увлекся проблематикой «Слова о полку Игореве», в том числе толкованием наличествующих в нем собственных имен. Историческая канва этого литературного памятника волновала кондаковцев, которые интересовались взаимоотношениями Древней Руси с евразийскими кочевниками. Молодой исследователь Дмитрий Александрович Расовский воодушевленно занялся историей половцев и довольно быстро добился известности и авторитета в изучении темы. В январе 1935 г. П.М. Бицилли в письме задал ему вопрос о толковании термина «хинова» в «Слове о полку Игореве». Накану-

³³ П.М. Бицилли — Г.А. Острогорскому, 21 января 1940 г. (Там же).

не от Н.П. Толля он узнал, что Расовский допускал его связь с названием одного из половецких городов. Петр Михайлович попросил уточнить информацию, а заодно поинтересовался мнением коллеги относительно того, как сильно отразилось влияние половецкой культуры в «Слове»³⁴. Д.А. Расовский незамедлительно направил ответ в Софию, и уже 3 февраля 1935 г. получил благодарность от П.М. Бицилли. Точка зрения Д.А. Расовского сводилась к тому, что «Хинова» в «Слове» связана с половецким городом Кинов, упомянутым арабским географом XII в. Идриси и располагавшимся на северном побережье Азовского моря. Исследователь допускал, что жители города могли принадлежать к иной, нежели половцы, народности [34, с. 305–306].

Гипотеза Д.А. Расовского не нашла поддержки в ученом сообществе. Отношение к ней П.М. Бицилли установить пока не удалось, хотя наверняка этот загадочный термин волновал и его. Тем более что ученый живо интересовался толкованием имен и названий в «Слове». Вот что он писал тому же Д.А. Расовскому:

Особенно важным для меня было толкование значения имени Боян. Как раз недавно <П.> Мутафчиев обратил мое внимание на то, что Боян было вторым именем одного из сыновей болгарского царя Симеона, и что этому Бояну приписывался дар превращения. На это есть одно только указание у Лиутпранда Кремонского — неск<олько> строк, из к<ото>ых, по видимому (через истолкование) явствует, что этот Боян умел скрываться волком и другим зверем. Легенда эта — явное истолкование имени. Этим объясняется знаменитая метафора в Сл<ове> о п<олку> Игор<еве>. Можно, значит, предполагать, что «Боян» Слова — условное наименование поэта-профессионала. Список восточных слов в Сл<ове> о п<олку> Иг<оре>ве, думается, можно было бы еще пополнить — нап<ример>, некот<орые> мифологические имена. Не знаю, нельзя ли объяснить восточн<ыми> влияниями одну особенность «Слова»: это его необычайная цветность, колоритность, что-то напоминающее персидские ковры, чего нет в Библии, из которой автор Слова, как и вообще русские писатели старого времени, черпал (это показано и <В.Н.> Перетц) большинство фона поэтич<еских> образов. Библейская фантазия питается впечатлением грандиозности предметного мира — горы, моря и т. д., но не его красочностью³⁵.

³⁴ П.М. Бицилли — Д.А. Расовскому, 15 января 1935 г. (Там же).

³⁵ П.М. Бицилли — Д.А. Расовскому, 3 января 1935 г. (Там же).

Переписка Бицилли с кондаковцами интересна не только обсуждением научных проблем, но и тем, как в ней отражались суровые реалии Европы конца 1930 х гг., стремительно погружавшейся в пучину неизбежной войны. В праздничном поздравлении Г.А. Острогорскому на грядущий 1940 г., отправленном в Белград, Бицилли заметил: «Живется нам благополучно, но очень тоскливо»³⁶.

Письмо было послано в югославскую столицу неслучайно. Еще 1937 г. о желании поддержать Кондаковский институт заявил югославский принц Павел, подразумевая тем самым его перевод из Праги на Балканы. Соответствующее предложение раскололо кондаковцев. В середине 1937 г. несколько сотрудников во главе с Д.А. Расовским решились на переезд и уже стали паковать вещи. Белградская русская колония всячески подталкивала их. Главными инициаторами с ее стороны были В.А. Мошин и Г.А. Острогорский, которые сумели заручиться поддержкой Президента Сербской академии наук и искусств Александра Белича³⁷. Резко против такого решения выступили остававшиеся в Праге Н.Е. Андреев, Н.Г. Яшвилль, П.Н. Савицкий, Й. Мисливец, В.В. Чернавин. Позиция Петра Михайловича по поводу раскола неизвестна. Хотя сохранившиеся в архиве письма адресовались им уже не в Прагу, а в Белград, что в некоторой степени свидетельствует о признании им югославского административного первенства.

17 января 1940 г. П.М. Бицилли направили приглашение приехать в Белград, выступить с докладом в Институте и поприсутствовать на собрании ученых членов, пообещав компенсировать все расходы³⁸. Ученый был обрадован этим предложением и воодушевился грядущей поездкой, правда, попросил отодвинуть ее на весенние пасхальные каникулы, поскольку к февралю он не успевал сочинить доклад³⁹. В качестве возможной темы он предложил разбор научных споров о подлинности «Слова о полку Игореве». Такой сюжет не только вырастал из интереса П.М. Бицилли к знаменитому литера-

³⁶ П.М. Бицилли — Г.А. Острогорскому, 31 декабря 1939 г. <датировано по почтовому штемпелю> (Там же).

³⁷ Записка о взаимоотношениях Пражского и Белградского отделений Института имени Н.П. Кондакова / сост. Н.Е. Андреев и В.В. Чернавин. Январь 1945 г. (Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T FLOR. Krab. XLV).

³⁸ Директор Археологического института имени Н.П. Кондакова — П.М. Бицилли, 17 января 1940 г. (ODÚDU. AINPK. KI-12. P.M. Bicilli).

³⁹ П.М. Бицилли — Г.А. Острогорскому, 21 января 1940 г. (Там же).

турному памятнику, но и генерировался публикацией серии статей (1938–1939) выдающегося французского слависта Андре Мазона, считавшего «Слово» подделкой XVIII в. [16]. Другой возможной темой доклада могло стать размышление об общности Запада и Востока с точки зрения развития изобразительного искусства от архаики к Ренессансу — эту тему П.М. Бицилли развивал ранее в своей статье для юбилейного сборника в честь болгарского историка Петра Никова [23]. В итоге белградцев в большей степени заинтересовала первая из предложенных ученым тем (очевидно, в силу своей научной остроты), поэтому выбор был сделан в ее пользу.

Весной 1940 г. П.М. Бицилли приехал в Белград. Как справедливо замечает в своей книге М.А. Бирман, сведений о 18-дневном пребывании Бицилли в югославской столице немного [3, с. 231]. Пока, в отсутствие документальных подтверждений, можно лишь предполагать — хотя и с высокой степенью уверенности, — что он встречался там с Г.А. Острогорским, Д.А. Расовским, И.Н. Окуновой. Эта поездка окажется последним заграничным путешествием ученого. Более он уже не сможет выехать из Болгарии. В югославской столице он намеревался посетить Русский научный институт. Накануне через профессора С.С. Демосфенова он узнал о предложении его главы, П.Б. Струве, сделаться членом ученой организации. Для П.М. Бицилли это было важно, поскольку Институт имел свою издательскую программу, и у него появилась бы новая возможность печататься.

К подготовке доклада Бицилли подошел со свойственной ему основательностью и добросовестностью. В феврале 1940 г. он сообщал Г.А. Острогорскому:

Чем больше я «вгрызаюсь» в статьи Мазон'а, тем более убеждаюсь, что это — серьезнейшее исследование, поднимающее целый ряд проблем и очень много освещающее по-новому. <...> У Мазон'а немало предвзятостей, но некоторые его соображения очень крепки, и требуют самого подробного «микроскопического» разбора⁴⁰.

К середине февраля он «кончил грызть мазоновский орешек», сделав для себя вывод, что его «сердцевина оказалась несколько гнилою, но скорлупа здорово-твердая»⁴¹.

⁴⁰ П.М. Бицилли — Г.А. Острогорскому, 4 февраля 1940 г. <датировано по почтовому штемпелю> (Там же).

⁴¹ П.М. Бицилли — Г.А. Острогорскому, 15 февраля 1940 г. (Там же).

П.М. Бицилли отринул версию Мазона о подделке «Слова о полку Игореве» в XVIII в., но признавал, что рассуждения французского ученого вносят немало нового в сравнительное изучение европейских литератур. На основе текста доклада Петр Михайлович подготовил статью, которая, была напечатана в специальном сборнике [24]. Это издание оказалось последним, которое смогли осуществить кондаковцы.

Поездка в Белград даровала Бицилли не только встречи с друзьями и коллегами. Она имела своего рода психотерапевтический эффект, позволила хоть ненадолго сменить обстановку и отрешиться от тяжелых мыслей о будущем:

Как бы то ни было, цепко хватаюсь за Ваше предложение, т<ак> к<ак> здесь я пребываю в почти полном духовном одиночестве, особенно сейчас, когда эпистолярная связь с внешним миром почти совсем прервалась. Настроение тем более скверное, что не видится никакого выхода из этой «лужи», в которой застряла Европа. Мне все кажется, что война, правда, затянется не так уж надолго; но после этого чувствуется какое-то повальное моральное разложение, которое захватит не только «*élite*» <элиту (фр.)>, но и массы, по видимому, уже изверившиеся во всяких «мифах». А к тому же, кажется, больше уже никакого нового «мифа» не придумаешь. Настанет пора дешевого скептицизма, «наплеватьства», пошлого, безрелигиозного «квинетизма», а вместе с тем ряда опытов «*action directe*» <прямого действия (фр.)> — так просто, от нечего делать⁴².

Эти грустные мысли подпитывались сведениями, получаемыми от коллег из разных концов Европы. Так, от В.В. Руднева он узнал, что тот попал в тяжелейшее материальное положение и, будучи уже пожилым человеком, был вынужден искать место простого рабочего. Тем не менее, невзирая на суровые испытания, Руднев продолжал участвовать на общественных началах в издании «Современных записок».

Переписка Петра Михайловича с кондаковцами проникнута ощущением страха и тревоги. Так, 21 июля 1940 г. Бицилли пишет Г.А. Острогорскому:

И вот сейчас оказывается, что всяческие, так сказать, утопии наизнанку, каковые есть у Свифта, Щедрина, Метерлинка, Сирина, кото-

⁴² П.М. Бицилли — Г.А. Острогорскому, 21 января 1940 г. (Там же).

рые мы считали игрой ума, осуществимы, что историческая действительность может превзойти любой «гротеск»⁴³.

В качестве примера он приводил недавно принятый в Румынии закон, запрещавший евреям переходить в христианство. Еще в одном, недатированном письме, скорее всего, относящимся к лету 1940 г., Бицилли делился переживаниями с Г.А. Острогорским: «Живется так же тоскливо; чувствуешь себя, словно обитатель чеховской “Палаты № 6”»⁴⁴. И там же сообщал, что по полученным недавно сведениям, П.Н. Милюков находится где то на юге Франции и голодает.

В феврале 1941 г. П.М. Бицилли послал Д.А. Расовскому письмо, которое, вероятно, оказалось последним в их общении⁴⁵. Во всяком случае, другие, более поздние письма, не обнаружены.

В июле 1941 г. Петр Михайлович получил письмо, в котором его информировали, что работа Археологического института имени Н.П. Кондакова сосредоточится теперь в Праге, и что началась подготовка 12 го тома научных трудов института. В этом же послании говорилось:

Мы очень беспокоимся за судьбу Г.А. Острогорского и Д.А. Расовского с их семьями. Если Вам известно что-либо о них, не откажите сообщить нам⁴⁶.

С момента получения предыдущего письма от кондаковцев прошло несколько месяцев. Но за это время была разгромлена и оккупирована Югославия (в апреле 1941 г.), а затем Германия напала на Советский Союз. Естественно, что в письме, отправленном из бывшей Чехословакии, которая была превращена волей Гитлера в германский Протекторат, не содержалось никаких политических оценок, иначе оно не прошло бы жернова цензуры. В Праге, видимо, надеялись, что имевший связь с Белградом Бицилли может что-то знать о судьбе коллег⁴⁷.

⁴³ П.М. Бицилли — Г.А. Острогорскому, 21 июля 1940 г. (Там же).

⁴⁴ П.М. Бицилли — Г.А. Острогорскому, <лето 1940 г., не ранее июля> (Там же).

⁴⁵ П.М. Бицилли — Д.А. Расовскому, 21 февраля 1941 г. <датировано по входящему номеру письма> (Там же).

⁴⁶ Археологический институт имени Н.П. Кондакова — П.М. Бицилли, 2 июля 1941 г. (Там же).

⁴⁷ Судьба некоторых из них оказалась трагичной. Так, Д.А. Расовский и его супруга И.Н. Окунева погибли в апреле 1941 г., когда в здание, где размещался белградский филиал Кондаковского института, попала немецкая бомба. Вместе с ними погибла и перевезенная из Праги часть институтской библиотеки.

Взаимоотношения П.М. Бицилли с русской Прагой интересны не только в контексте биографии ученого, но и в связи с потребностью понять особенности связей между различными эмигрантскими центрами, выявить механизмы интеллектуальных коммуникаций. История этих контактов включает в себе еще немало вопросов. Так, почти нет свидетельств о связях Петра Михайловича с Русским заграничным историческим архивом (см.: [35, с. 301]), хотя контакты с ним имелись у многих видных эмигрантов. Неизвестно также, были ли у него знакомые среди чешских и словацких ученых. Остается открытым вопрос о сотрудничестве П.М. Бицилли с пражским журналом «Русская школа за рубежом», на страницах которого он опубликовал две методологически важные статьи об особенностях преподавания истории в русских эмигрантских школах [22; 25], а также с пражским издательством «Пламя». Нет сомнений только в том, сколь большое место занимала чехословацкая столица в биографии ученого. Там жили близкие друзья и коллеги, там были напечатаны его важные научные труды, туда он стремился душой все годы жизни в изгнании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Бирман М.А. Две статьи П.М. Бицилли о евразийстве (фрагменты из исследования) // Curriculum vitae. Одесса, 2010. Вып. II. С. 27–33.
2. Бирман М.А. П.М. Бицилли и евразийцы в 1922–1927 гг. (очерки и фрагменты) // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сб. ст. и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 241–253.
3. Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
4. Васильева М.А. А.Л. Бем, П.М. Бицилли, Д.И. Чижевский: Метод «мелких наблюдений» // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья / сост., науч. ред. М.А. Васильева. М.: Русский путь, 2008. С. 113–135.
5. Васильева М.А. П.М. Бицилли и Д.И. Чижевский: К истории одного «заочного» диалога // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология, Журналистика. 2008. № 1. С. 18–24.
6. Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”»: П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. 320 с.

7. Григорова Д. Петр Бицилли и евразийство // Българите и Северното Причерноморие. Изследования и материали. Одеса; Велико Търново: Аста, 2009. Т. 10. С. 303–308.
8. Каганович Б.С. К теме: П.М. Бицилли и евразийцы // Диаспора: Новые материалы / отв. ред. О.А. Коростелев. СПб.: Феникс, 2001. Вып. 2. С. 291–299.
9. Ковалев М.В. «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах»: из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия XXI. 2013. № 5. С. 84–107.
10. Петкова Г. Металитературный проект П.М. Бицилли: между Салимбене и Пушкиным (опыт реконструкции) // Rossica 2007: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. Прага, 2007. С. 115–122.
11. Тункина И.В. «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Вып. II. С. 116–161.
12. Шаманаев А.В. «Наш дом очутился в зоне военных действий» (Н.П. Кондаков о жизни Ялты зимой 1917/18 года) // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2016. С. 343–351.
13. Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Гутенберг, 2004. 164 с.
14. Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice. Praha, 2001. Díl II: 1930–1939. 640 s.
15. Rhineland L.H. Exiled Russian Scholars in Prague. The Kondakov Seminar and Institute // Canadian Slavonic Papers. 1974. Vol. XVI, № 3. P. 331–352.
16. Roudet R. Mazon et le Slovo d'Igor // Revue des Études Slaves. 2011. Vol. 82, № 1. P. 55–67.

Источники

17. Андреев Н.Е. То, что вспоминается: Из семейной хроники Николая Ефремовича Андреева (1908–1982). Таллин: Авенариус, 1996. Т. 1. 335 с.
18. Беляев Н.М. Древнерусская иконопись // Труды V съезда Русских академических организаций за границей в Софии 14–21 сентября 1930 года. София: [Б. и.], 1932. Ч. I. С. 229–242.
19. Бицилли П.М. Воспоминания Кондакова // Звено. Париж, 1927. № 3. С. 141–146.
20. Бицилли П.М. Из заметок о Пушкине // Slavia. Praha, 1931. Roč. 10. Seš. 3. S. 575–577.
21. Бицилли П.М. Из заметок о Пушкине // Slavia. 1932. Roč. 11. Seš. 4. S. 556–560.

22. *Бицилли П.М.* Историческая реальность и преподавание истории в средней школе // Русская школа за рубежом. Прага, 1929. № 34. С. 433–440.
23. *Бицилли П.М.* К вопросу о взаимоотношениях «Востока» и «Запада» в истории Европы // Сборник в память проф. Петър Ников. София: Печатница «Култура», 1940. С. 48–54.
24. *Бицилли П.М.* К вопросу о происхождении «Слова о полку Игореве» (По поводу исследования проф. А. Мазона) // Заметки к «Слову о полку Игореве». Белград: Ин-т им. Н.П. Кондакова, 1941. Вып. 2. С. 1–20.
25. *Бицилли П.М.* К вопросу о пропедевтическом курсе истории в средней школе // Русская школа за рубежом. 1927. № 26. С. 197–109.
26. *Бицилли П.М.* [Рец. на ст.:] Alfarc P. Christianisme et gnosticisme: (Revue historiques. Paris, 1924. Т. 145, № 1. Р. 42–54) // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1928. Т. 2. С. 366–368.
27. *Бицилли П.М.* Этнические имена в варварских правдах // Анналы Института имени Н.П. Кондакова. 1940. Т. XI. С. 294–296.
28. *Кизеветтер А.А.* Историческая наука на съезде в Праге // Руль. Берлин, 1924. 14 октября. № 1175.
29. *Кондаков Н.П.* Дневники 1922–1923 гг. Фрагменты // Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии / сост. и общ. ред. Л. Белошевской. Прага: Slovanský ústav AV ČR, 2011. Кн. 1. С. 251–316.
30. *Никифоров Н.И.* Сеньориальный режим во Франции в исходе старого порядка (преимущественно в Пуату). Париж: [Б. и.], 1928. 286 с.
31. Одесский листок. 1919. 2 марта. № 56. С. 5.
32. Письма П.М. Бицилли к А.Л. Бему / публ., подгот. текста, примеч. М. Бубениковой и Г. Петковой // Новый журнал. Нью-Йорк, 2002. № 228. С. 122–150.
33. Постановления съезда русских ученых // Руль. 1924. 5 октября. № 1168.
34. *Расовский Д.А.* Хинова // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1936. Т. VIII. С. 301–306.
35. Русский заграничный исторический архив в Праге — документация. Каталог собраний документов, хранящихся в пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации / сост. Л. Бабка, А. Копрживова, Л.И. Петрушева. Прага: Славянская библиотека, 2011. 564 с.
36. *Янчаркова Ю.* «Теперь же уходя в небытие...»: Письма А.П. Калитинского и М.Н. Германовой сотрудникам Археологического института им. Н.П. Кондакова, княгине Н.Г. Яшвиль, Д.А. Расовскому, Н.П. Толлю // Rossica 2007: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Praha, 2007. С. 158–198.
37. *Бицилли П.* Десетгодишнина на «Институт имени Н.П. Кондакова» (1925–1935) // Славянски глас. София, 1936. Кн. 1. С. 56–57.

38. Бицилли П.М. Увод в изучаването на новата и най-новата история: Опит за периодизация. София: Художник, 1927. 341 с.
39. Stein S. Der «Romanus» in den fränkischen Rechtsquellen // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 1929. Band 43. Heft 1–2. S. 232–250.

REFERENCES

1. Birman, M.A. “Dve stat'i P.M. Bitsilli o evraziistve (fragmenty iz issledovaniia)” [“Two Articles by P.M. Bitsilli on Eurasianism (Fragments from the Study)”]. *Curriculum vitae*, issue 2, 2010, pp. 27–33. (In Russian)
2. Birman, M.A. “P.M. Bitsilli i evraziitsy v 1922–1927 gg. (ocherki i fragmenty)” [“P.M. Bitsilli and Eurasianists in 1922–1927 (Essays and Fragments)”]. Korostelev, O., and Manfred Schrubba, editors. *Vokrug redaktsionnogo arkhiva “Sovremennykh zapisok” (Parizh, 1920–1940)* [Around the Editorial Archive of “Sovremennye Zapiski” (Paris, 1920–1940)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 241–253. (In Russian)
3. Birman, M.A. *P.M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo* [P.M. Bitsilli (1879–1953). Life and Work]. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 444 p. (In Russian)
4. Vasil'eva, M.A. “A.L. Bem, P.M. Bitsilli, D.I. Chizhevskii: metod 'melkikh nabludenii'” [“A.L. Bem, P.M. Bitsilli, D.I. Chizhevskii: the Method of 'Small Observations'”]. Vasilieva, M.A., editor. *A.L. Bem i humanitarnye proekty russkogo zarubezh'ia* [A.L. Bem and Humanitarian Projects of the Russia Abroad]. Moscow, Russkii put' Publ., 2008, pp. 113–135. (In Russian)
5. Vasil'eva, M.A. “P.M. Bitsilli i D.I. Chizhevskii: k istorii odnogo 'zaochnogo' dialoga” [“P.M. Bitsilli and D.I. Chizhevskii: on the History of a 'Correspondence' Dialogue”]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, Series Philology, Journalism*, no. 1, 2008, pp. 18–24. (In Russian)
6. Galcheva, Tania N., and I.V. Golubovich. “Ponemnogu prisposabliaius' k 'nezavisiashchim obstoiatel'stvam'”: P.M. Bitsilli i sem'ia Florovskikh v pervye gody emigratsii [“Little by Little I Am Adapting to the 'Circumstances beyond Control'”: P.M. Bitsilli and the Florovsky Family in the Early Years of Emigration]. Sofia, Solntse Publ., 2015. 320 p. (In Russian)
7. Grigorova, Darina. “Petr Bitsilli i evraziistvo” [“Piotr Bitsilli and Eurasianism”]. *B'lgarite i Severnoto Prichernomorie. Izsledovaniia i materialy* [The Bulgarians and the Northern Black Sea Coast. Research and Materials], vol. 10. Odessa, Veliko Tyrnovo, Asta Publ., 2009, pp. 303–308. (In Russian)
8. Kaganovich, B.S. “K teme: P.M. Bitsilli i evraziitsy” [“To the Subject: P.M. Bitsilli and Eurasianists”]. Korostelev, O.A., editor. *Diaspora: Novye materialy* [Diaspora: New Materials], issue 2. St. Petersburg, Feniks Publ., 2001, pp. 291–299. (In Russian)

9. Kovalev, M.V. ““Na etikh s”ezdakh my rastem i v svoikh, i v chuzhikh glazakh:’ iz istorii nauchnykh kommunikatsii russkoi emigratsii (1921–1930)” [““At These Congresses We Grow Both in Our Own Eyes and in the Eyes of Others:’ from the History of Scientific Communications of the Russian Emigration (1921–1930)”]. *Rossia XXI*, no. 5, 2013, pp. 84–107. (In Russian)
10. Petkova, Galina. “Metaliteraturnyi proekt P.M. Bitsilli: mezhdru Salimbene i Pushkinym (opyt rekonstruktsii)” [“Meta-Literary Project of P.M. Bitsilli: between Salimbene and Pushkin (Experience of Reconstruction)”]. *Rossica 2007: Nauchnye issledovaniia po rusistike, ukrainistike, belorusistike* [Ros-sica 2007: Scientific Research in Russian, Ukrainian and Belarusian Studies]. Prague, 2007, pp. 115–122. (In Russian)
11. Tunkina, I.V. ““Delo’ akademika Zhebeleva” [““The Law Case’ of Academician Zhebelev”]. *Drevnii mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii* [The Ancient World and Us: Classical Heritage in Europe and Russia], issue 2. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2000, pp. 116–161. (In Russian)
12. Shamanaev, A.V. ““Nash dom ochutitsia v zone voennykh deistvii’ (N.P. Kondakov o zhizni Ialty zimoi 1917/18 goda)” [““Our House Was in a War Zone’ (N.P. Kondakov about the Life of Yalta in the Winter of 1917/18)”]. *1917 god v Rossii: sotsialisticheskaiia ideia, revoliutsionnaia mifologiia i praktika* [1917 in Russia: a Socialist Idea, Revolutionary Mythology and Practice]. Ekaterin-burg, Ural Federal University Publ., 2016, pp. 343–351. (In Russian)
13. Veleva, Maria. *Balgarskata sadba na prof. P.M. Bitsilli* [The Bulgarian Destiny of Professor P.M. Bitsilli]. Sofia, Gutenberg Publ., 2004. 164 p. (In Bulgarian)
14. *Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Česko-slovenské republice*, part 2: 1930–1939. Praha, 2001. 640 s. (In Czech)
15. Rhinelander, Laurens Hamilton. “Exiled Russian Scholars in Prague. The Kondakov Seminar and Institute”. *Canadian Slavonic Papers*, vol. XVI, no. 3, 1974, pp. 331–352. (In English)
16. Roudet, Robert. “Mazon et le Slovo d’Igor”. *Revue des Études Slaves*, vol. 82, no. 1, 2011, pp. 55–67. (In French)

Дата поступления статьи: 7 августа 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 22 февраля 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 7 August 2021

Approved after reviewing: February 22, 2022

Date of publication: December 26, 2024

Илл. 1. П.М. Бицилли, А.А. Кизеветтер (сидит), Е.В. Спекторский (?), неизвестная. Прага, 1924. Из личного собрания Л.Н. Белошевской (Прага)

Fig. 1. P.M. Bitsilli, A.A. Kiesewetter (sitting), E.V. Spektorsky (?), unidentified woman. Prague, 1924. From the personal collection of L.N. Beloshevskaya (Prague)

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-144-157>

<https://elibrary.ru/TBOWRA>

П.М. БИЦИЛЛИ И К.В. ФЛОРОВСКАЯ (ПО ЕЕ ПИСЬМАМ К Г.В. И А.В. ФЛОРОВСКИМ)

© 2024 г. Л. Киейзик

Исследование подготовлено при финансовой поддержке гранта Национального Центра Науки (Польша) (проект № UMO-2017/25/B/HS1/00530 «Второй план: женщины в русской философии»).

Аннотация: Статья посвящена взаимоотношениям П.М. Бицилли и К.В. Флоровской на фоне исторических событий первой половины XX в. — Первой и Второй мировых войн, русской революции, Гражданской войны. Особое внимание уделяется положению и перипетиям судьбы русских эмигрантов (прежде всего ученых) в Болгарии и в Чехословакии в 1920 х гг. В качестве фактического материала использованы письма К.В. Флоровской 1922–1953 гг. к братьям — Г.В. и А.В. Флоровским.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, К.В. Флоровская, Г.В. Флоровский, А.В. Флоровский, русская эмиграция в Софии и Праге, эпистолярное наследие.

Информация об авторе: Лилианна Киейзик — PhD, ординарный профессор, Институт философии, Зеленогурский университет, ул. Аллея Войска Польского, д. 71А, 65 001 г. Зелена Гура, Польша.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9397-731X>

E-mail: l.kiejzik@ifil.uz.zgora.pl

Для цитирования: Киейзик Л. П.М. Бицилли и К.В. Флоровская (по ее письмам к Г.В. и А.В. Флоровским) // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 144–157.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-144-157>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

PIOTR BITSILLI AND KLAVDIIA FLOROVSKAIA (ACCORDING TO HER LETTERS TO GEORGII AND ANTONII FLOROVSKII)

© 2024. Lilianna Kiejzik

Acknowledgements: The study was prepared with the financial support of a grant from the People's Center for Science (Poland) (project no. UMO-2017/25/B/HS1/00530 "The Second Plan: Women in Russian Philosophy").

Abstract: The article is devoted to the relationship between Piotr M. Bitsilli and Klavdiia V. Florovskaia against the background of historical events of the first half of the 20th century — the First and Second World Wars, the Russian Revolution, the Civil War. Special attention is paid to the situation and the vicissitudes of the fate of Russian emigrants (primarily scholars) in Bulgaria and Czechoslovakia in the 1920s. The letters of Florovskaia from 1922–1953 to her brothers, Georgii V. and Antonii V. Florovskii, were used as factual material.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, Klavdiia V. Florovskaia, Georgii V. Florovskii, Antonii V. Florovskii, Russian emigration to Sofia and Prague, epistolary heritage.

Information about the author: Lilianna Kiejzik, PhD in Philology, Full Professor, Institute of Philosophy, University of Zielona Góra, Al. Wojska Polskiego 71A, 65-001 Zielona Góra, Poland.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9397-731X>

E-mail: l.kiejzik@ifil.uz.zgora.pl

For citation: Kiejzik, L. "Piotr Bitsilli and Klavdiia Florovskaia (According to Her Letters to Georgii and Antonii Florovskii)." *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 144–157. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-144-157>

Исследование проблематики русской эмиграции после Октябрьской революции, к счастью, ведется всесторонне и принесло уже свои значительные результаты. Появился ряд работ как русских, так и болгарских, польских, немецких и чешских исследователей. В них освещены многие проблемы, характерные прежде всего для таких эмигрантских центров, как, например, Прага. Ввиду разных статистических данных, не до конца однозначно определено число русских эмигрантов в рассеянии. Многие исследователи сходятся в том, что русская эмиграция началась не с изгнания из России советской властью интеллигенции в 1922 г., но гораздо раньше, сразу после победы Октябрьской революции. Первые беженцы из России — это большая группа солдат с Западной Украины, которые в 1919 г. были интернированы в Чехословакии, а потом постепенно репатриированы. Другую группу составляли беженцы из юго-восточной и северо-западной части России (из Одессы, Крыма, Прибалтики), а потом еще из Сибири и Дальнего Востока. Третья группа появилась в 1920–1921 гг. после поражения Белой армии на юге России. Последняя крупная волна беженцев, прибывавших в Сербию, Болгарию и Чехословакию, состояла преимущественно из представителей интеллигенции, в том числе университетских профессоров и членов их семей [10, с. 19]. Они были особенно «ценными», ибо после Первой мировой войны большинство стран Европы страдало нехваткой профессоров. Отсюда известная «русская акция» президента Чехословацкой республики (ЧСР) Т. Масарика для привлечения в страну ряда русских ученых. Ее целью было предоставление беженцам возможности работы и образования, а также включения русских крестьян в систему чехословацкого сельского хозяйства. Очень быстро информация об этой акции распространилась среди русских беженцев в других странах, и число эмигрантов в ЧСР начало расти. В 1922 г. они составляли 6 тысяч человек, в 1925 г. их было уже около 25 тысяч [4, с. 47–95].

Русские профессора приглашались в университеты и в других странах Европы. Например, в Софийском университете с 1920 по 1948 гг. лекции читали 36 русских преподавателей (половина из них на Медицинском факультете) [5, с. 57].

Любопытно отметить, что вообще среди эмигрантов преобладала интеллигенция и полуинтеллигентные классы, но различия между эмигрантскими центрами были большие. Благодаря поддержке чехословацких властей Прага в 1920–1930 е гг. превратилась в интеллектуальную столицу Зарубежной России. И хотя в первое время она количественно уступала главным эмигрантским «центрам» —

Парижу и Берлину, замечен был ее качественный состав. В сознании многих Прага воспринималась как город профессоров и студентов, которые прибыли туда для продолжения работы или учебы. Многие стремились туда попасть, им выделялись денежные средства, вакансии и стипендии. Вскоре о Праге стало известно во всей Европе, она быстро снискала славу «русского Оксфорда». Существовало намерение сохранить русскую культуру¹. Но, несмотря на все положительные стороны жизни в Праге, многие впоследствии ее покинули, находя еще лучшие условия для работы и жизни в Западной Европе. В 1925 г. часть русской диаспоры перебралась в Париж — например, о. Сергей Булгаков стал там организовать Свято-Сергиевский Богословский институт. Через год (1926) за ним последовал Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979) — тогда еще молодой и малоизвестный сотрудник Карлова университета, только что защитивший магистерскую диссертацию на тему исторической философии А.И. Герцена. В Париже он получил место преподавателя патрологии. В Праге остался его брат, тоже историк, Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968). В Софии, в Болгарии жили его родители и сестра — Клавдия Васильевна Флоровская (1883–1965).

Положение семьи Василия Антоновича Флоровского (1858–1928) — протоиерея, служившего в Одессе, было сложным. Флоровские покинули Россию в 1920 г., когда победа большевиков стала очевидной, и обосновались в Болгарии, где у них были знакомые. В Софии В.А. Флоровский начал служить настоятелем русской церкви, его супруга Клавдия Георгиевна (урожд. Попруженко, 1863–1933) не работала. Из детей с ними за границей оказались дочь Клавдия (которую все называли Дусей) и младший сын Георгий.

Клавдия Васильевна, уезжая из России, оставила место приват-доцента Императорского Новороссийского университета, где она работала с 1919 г. на кафедре всеобщей истории. К.В. Флоровская была первой женщиной, избранной на пост приват-доцента Советом Новороссийского университета [6, с. 367–368]. В то время она работала над диссертацией о средневековой итальянской истории

¹ К слову сказать, русские эмигранты появились также в Польше. Их общая численность перед Второй мировой войной составляла 10–15 тысяч человек. Но Польша отличалась от других мест русского рассеяния тем, что в ней не было широкой русофильской прослойки, отсутствовала также какая бы то ни было «русская политика». Сюда попадали прежде всего те, кто хотел бороться с большевиками [1, с. 7–8; 2]. Как замечает Анна Возняк в статье «Зинаида Гиппиус о польской эпопее 1920 года» в Польше отмечает отсутствие особого интереса к русской диаспоре, ибо Польша имела тогда другую цель — сохранить свою независимость [2, с. 7].

и читала курс «Общественные и политические движения в Италии в средние века». Дверь в научную карьеру для нее, едва открывшись, почти сразу закрылась, когда она оказалась за границей.

В первое время в Софии К.В. Флоровская не работала, потом устроилась на должность учительницы латинского и русского языков в софийских гимназиях. Ее брат Георгий Васильевич некоторое время работал корректором в российско-болгарском книгоиздательстве, но при первой возможности, в 1921 г., переехал в Прагу. Через год к нему присоединился Антоний Васильевич — историк-славист и историограф. Братья Флоровские получили места сотрудников в Пражском университете. Между Клавдией, оставшейся с родителями в Софии, и братьями началась переписка, которая длилась до ее смерти в 1965 г.² Сестра снабжала братьев информацией о научной жизни болгарской эмиграции, о том, чем эмигранты интересовались, какие книги читали, какие мероприятия организовали, в каких участвовали. Она всячески помогала им в их научной карьере, ходила в библиотеку, конспектировала научную литературу, делала из нее выписки, покупала книги и посылала в Прагу — прежде всего Георгию, которого считала своим воспитанником.

К.В. Флоровская была в курсе всего, чем жила «русская София», имела широкие контакты с теми, кто работал в Болгарии, сама вела переписку с видными представителями диаспоры. Обо всем сообщала братьям.

В первые годы эмиграции Клавдия Васильевна тоже хотела покинуть Софию. Город ей не нравился, в письмах Георгию она называет его «дырой» [9, с. 35]. Она все мечтала работать в области науки, но подозревала, что сфера ее научных интересов, связанная со средневековой историей, не будет востребована. Правда, она знала несколько языков, но жены профессоров, которые получали предложения работать в вузах, тоже знали языки и могли составить ей конкуренцию. Тем не менее она, несмотря ни на что, не оставляла надежды заниматься наукой, или, по крайней мере, оставаться *au courant* научных проблем. Так, 15 июля 1923 г. она писала брату Георгию:

² Письма К.В. Флоровской к братьям — Георгию и Антонию Флоровским хранятся в Национальной библиотеке Чешской Республики — Славянской библиотеке в Праге (Slovanská knihovna, Praha), в архиве Антония Васильевича Флоровского. Весь фонд состоит из 50 коробок, он полностью каталогизирован и находится в свободном доступе. В нем 177 писем Клавдии (Дуси) к брату Георгию и 128 писем к брату Антонию.

Я знаю сама, что для борьбы с внешними неудачами и невзгодами надо иметь опору в себе самом, — у меня такая опора и есть, и поверь, что внешнее имеет на меня гораздо меньше влияния, чем на кого-либо; но беда в том, что главная-то моя неудача внутренняя и притом совершенно непоправимая: нельзя вернуть по крайней мере 15 лет жизни, чтобы поправить все те ошибки, которые на 41-м году поставили меня перед разбитым корытом. Об этом теперь, конечно, напрасно и говорить, и надо постараться только, чтобы остальную часть жизни, а я уверена, что проживу еще долго, не потерять так же бесплодно для себя и для других. А это сделать очень трудно, потому что заниматься моей действительной профессией — уже раз она такова — я не могу по здешним условиям; кое-что можно здесь делать, но довести до конца невозможно. А если так, то, вернувшись в Россию, предположим, даже через год, я не смогу продолжать эту профессию и там. Я не говорю, что не считаю науку своим делом; я вовсе не думаю, что я меньше приспособлена к научной работе, чем многие другие; я не могу делать переворотов в науке, но читать хорошие лекции, издавать тексты, писать полезные статьи, переводить я вполне в состоянии. Но не забывай, что я женщина, и что акад<емическая> жизнь, разумеется, останется в руках тех же или таких же старых и молодых грымз мужского пола, как была и раньше; следовательно, с меня будет требоваться гораздо больше, чем с мужчины [9, с. 149–150].

И она была права.

К.В. Флоровская пыталась заинтересовать своим вопросом так называемый «Пражский Земгор»³, писала прошение в Министерство иностранных дел Чехословакии, но ее надежды на положительный исход дела не оправдались. Пришлось устраивать свою жизнь в Софии.

Ко всему прочему русская эмиграция не была однородной, шла борьба за существование, за хорошее место работы. Как сообщает В.И. Косик, «русская профессура привезла с собой <в Болгарию. — Л.К. > и интриги, склоки, “подкладывание свиньи”» [5, с. 67]. София многих не устраивала ни своими библиотеками, ни оплатой. Одни уезжали в другие города и страны, другие возвращались на родину.

³ Земгор — организация, созданная в Российской империи на базе земств и городских дум, в 1915–1917 гг. — главный комитет Всероссийских земского и городского союзов по снабжению армии. В эмиграции Земгор стал посредником в распределении помощи для русских беженцев. «Пражский Земгор» был основан в марте 1921 г. (см.).

Например, кн. Н.С. Трубецкой, недовольный тем, что ему предложили место доцента, а не профессора, и перебрался в 1922 г. в Вену. Во Францию уехали литературовед К.В. Мочульский — автор статей о поэзии Серебряного века и монографии о Вл. Соловьеве — и историк искусства А.Н. Грабар. А занимавший в дореволюционной России пост ректора Санкт-Петербургского университета историк Э.Д. Гримм, не дождавшись решения квартирного вопроса и повышения заработной платы, в 1923 г. уехал в СССР. На освободившуюся вакансию профессора по кафедре новой и новейшей истории Софийского университета был приглашен Петр Михайлович Бицилли (1879–1953).

В получении места работы ему помогла К.В. Флоровская. Она обращалась к крупнейшему болгарскому историку-медиевисту Василию Златарскому. В письме от 6 августа 1923 г. она пишет об этом Георгию:

Я получила недавно отчаянное письмо от Бицилли с жалобой на сербов и с просьбой, нельзя ли ему как-нибудь попасть сюда. Я говорила с Златарским, который не считает этого невозможным, т<ак> к<ак> с удалением Гримма (он выслан вместе с большевицкой миссией в Россию) должен быть поднят вопрос о профессоре по всеобщей истории, своего у них нет никого, и он обещал найти в архиве все документы к избранию Бицилли в 1920 г. и все устроить⁴, т<ак> ч<то> его пригласят. Конечно, это пока журавль в небе, и до начала учебного года ничего нельзя сделать, но все же Бицилька рад [9, с. 154].

Потом еще несколько раз напоминала проф. Златарскому о кандидатуре П.М. Бицилли [6, с. 124], а затем в нескольких письмах общалась Георгию все подробности переезда Бицилли в Софию.

Любопытно отметить, что в 1919 г. на место приват-доцента Новороссийского университета К.В. Флоровскую рекомендовал именно профессор П.М. Бицилли. Они вместе работали несколько лет в университете [6, с. 367–368]. Только в 1921 г. он уехал из Одессы в Скопье и там начал работать в филиале философского факультета Белградского университета.

Бицилли прекрасно знал семью Флоровских, с Клавдией Васильевной они были друзьями, с Антонием Васильевичем — товарищами по работе. Одно время, когда в Болгарии появилась опас-

⁴ П.М. Бицилли подавал документы на занятие кафедры новой и новейшей истории Софийского университета еще в 1920 г., но проиграл тогда Э.Д. Гримму.

ность, что русских будут увольнять, он даже искал работу для отца Клавдии. Узнаем об этом из ее письма от 30 июня 1922 г. к брату Георгию. Она ему сообщала:

Вчера я получила письмо от Бицилли, которое меня удивило и тронуло. Я ничего ему не писала о своих затруднениях, но, очевидно, зная, что здесь русских теснят, он хлопотал через Доброкл<онского>. И сообщает, что папа смог бы получить в Сербии место законоучителя в некоторых русских школах и что и я могла бы рассчитывать там на учительское место. Это очень трогательно с его стороны, но папе сейчас как будто ничто не угрожает (кроме всегда возможных неожиданностей); его «классифицировали», так же как и просветителей, конечно, I классом, с зачетом всей службы, так что он будет получать там немного больше, чем прежде. Конечно, угроза в виде перехода семинарии в ведение Мин<истерства> ва просвещения и возможных отсюда последствий остается, но сейчас это еще никак нельзя определенно предугадать [9, с. 75].

Письма П.М. Бицилли К.В. Флоровской 1920–1923 гг. были опубликованы Т.Н. Галчевой и И.В. Голубович [2, с. 27–150]. В комментариях к этим письмам авторы ссылаются на письма Клавдии к брату Георгию (из архива Славянской библиотеки в Праге), которому она сообщала все софийские новости. Первоначально Бицилли просто описывал ей свою жизнь в Скопье — как научную, так и личную, делился воображениями. Со временем он стал просить ее навести справки в *Corpus Inscriptionum Latinarum*⁵, так как стал заниматься Скопьевскими надписями [9, с. 90]. В письме от 25 ноября 1922 г. Клавдия сообщала брату, что «не все они по справкам оказываются изданными. А у него там *Corpus*’а и вообще старых, основных изданий нет» [9, с. 91]. Бицилли она выручала много раз.

В 1923 г. положение профессоров в Сербии сильно ухудшилось. Семье Бицилли материально стало очень тяжело. И хотя в Софии тоже было непросто устроиться, ибо, как писала Клавдия Георгию, с «русскими беженцами не считаются», она решила помочь Бицилли.

Она очень расстроилась, когда в октябре 1923 г. получила от него открытку, в которой он писал, что «готов согласиться идти учителем

⁵ *Corpus Inscriptionum Latinarum* — «Свод латинских надписей» эпохи античности, в 17 томах, 70 частях (1853 – наст. вр.). «Свод» является одним из наиболее полных и цитируемых изданий такого рода, важным источником по античной эпиграфике, частной и общественной жизни Древнего Рима.

в кадетский корпус в Сараево, откуда уже ему будет трудно вырваться» [9, с. 161]. После этого К.Ф. Флоровская очередной раз виделась с Златарским, который обещал ей поставить вопрос в университете на очередном заседании историко-филологического факультета о приглашении Бицилли. Она сообщила об этом Георгию в письме от 26 октября 1923 г.:

...он <Златарский. — Л.К. > мне сказал, что как раз сегодня будет первое заседание факультета, и он этот вопрос поднимет. Надежда есть, т<ак> к<ак> на объявленный конкурс явился только один кандидат, и тот совсем слабый» [9, с. 161].

В итоге вопрос о приглашении Бицилли в Софийский университет был решен положительно, в декабре 1923 г. Совет министров Болгарии одобрил это решение. В свою очередь Петр Михайлович отблагодарил Болгарию в полной мере. Работал изо всех сил, студенты его очень ценили. По замечанию его первого биобиблиографа А.П. Мещерского, «за 24 года своего преподавания в Софийском университете П.М. Бицилли никогда не повторил курса своих лекций» [8, с. 584]. Похожее утверждение мы находим у В.И. Косика:

В предоставленную ему небольшую аудиторию набивались студенты, и философы, и историки, и богословы, и юристы, и филологи, и агрономы, и др. <...> Входил в ту небольшую группу профессоров, которым аплодировали после лекции, хотя это не было принято в университете [5, с. 73].

Работая в Софии, он написал и опубликовал 3 учебника для студентов [5, с. 75].

Дружба Флоровской и Бицилли в эти годы стала еще крепче. Петр Михайлович предложил ей свои услуги по доставке книг, который выписывал для Клавдии Васильевны в университетской библиотеке на свою фамилию. Уговаривал ее «хабилизироваться» в Болгарии [9, с. 176], о чем Флоровская сообщала брату Георгию, оговариваясь, что нет для этого оснований в материальном отношении. При содействии Бицилли Клавдия наводила справки для Георгия. Она пишет брату 28 февраля 1924 г.:

Бицилли после первых дней метаний и отчаяния немножко успокоился, нанял на 3 мес<яца> за 400 л<евов> в мес<яц> комнату на Оборище, около Военного учил<ища> (за Перловуем), в ожида-

нии квартиры, которую ему обещала жил<ищная> комиссия, и начал заниматься. Я при его любезном содействии навела справки по твоим поручениям в Унив<ерситетской> библ<иотеке>, но увы! В «Христ<ианском> чт<ении>»⁶ 1901 и 1902 г. нужных тебе писем о. Е. Попова⁷ не оказалось, а дальнейших годов нет. Renouvier⁸ по каталогу значатся только 1 и 2 тома, но и те каким-то профессором взяты. Биц<или> обещал спустя немного опять навести об этом справку и, если можно, потребовать; но ведь надо как раз 3 й том. Масса книг (с 1916 г.) не занесены в каталог и м<огут> б<ыть> найдены только по инвентарю; а между тем все есть, все нововыходящие (за границей) русские книги, часто даже по несколько экземпляров, которых никто не читает. Я рассчитываю через Биц<или> ими воспользоваться [9, с. 178–179].

Флоровская и Бицилли начали проводить вместе много времени, встречались чуть ли не каждый день. Одно время Клавдия снимала у семьи Бицилли комнату. Вместе они участвовали в жизни Русской академической группы, которая в Софии существовала еще с 1921 г.⁹, отстаивали ее интересы. Кроме того, они совершали совместные прогулки, организовывали экскурсии и разного рода мероприятия. Обо всем этом Клавдия сообщала Георгию.

Так, в ее письме от 15 апреля 1924 г. читаем:

Наступает весна, уже тепло и все зеленеет. На днях мы с Биц<или> ходили в Бояну, смотреть церковь, набрали там массу фиалок. Он усиленно занимается, читал на днях в здешнем историч<еском> обществе (есть такое под председ<ательством> Златарского) доклад «О христианстве и гнозисе» — прочел только первую часть, сильно

⁶ «Христианское чтение» — российский православный научно-богословский журнал Санкт-Петербургской православной духовной академии. Основан по предложению архимандрита Григория (Постникова) в 1821 г.

⁷ Евгений Иванович Попов (1813–1875) — протоиерей, магистр Санкт-Петербургской духовной академии; священник русской церкви за границей. Автор ряда статей и корреспонденции в русских духовных журналах («Православное обозрение», «Христианское чтение», «Странник»).

⁸ Ренувье Шарль (Renouvier; 1815–1903) — основатель французского неокритицизма.

⁹ Русская академическая группа, объединившая русских профессоров, при Софийском университете была организована в апреле-мае 1921 г. В ее задачи, кроме организационно-материальной поддержки, входило обсуждение научных проблем и вопросов современной церковной жизни в России и в диаспоре.

всех заинтриговавшую. Болгары, между прочим, обрадовались, услышав в этом что-то рационалистическое, что им всегда нравится — научная критика евангелий и т. п. Он, по-видимому, разочарует, т<ак> к<ак> имеет в виду обосновать строго православное отношение к евангелиям. В общем, это историч<еское>общество производит все-таки отрадное впечатление — сидят люди серьезные, знающие (свою историю они знают очень хорошо) и интересующиеся серьезными вопросами [9, с. 182–183].

Через год после окончания Второй мировой войны К.В. Флоровской пришлось выселиться из квартиры П.М. Бицилли — по причинам, которые она изложила в письме от 12 июня 1946 г. к брату Антонию:

К сожалению, пришлось расстаться с Бицилли, у которых мне жилось очень хорошо, как у родных; но дело в том, что собственники их квартиры, живущие в провинции, заявили претензию на одну комнату для своего сына-студента и вообще для своих приездов в Софию. Мне совершенно случайно удалось найти комнату, и нельзя было ее упускать, жилищный кризис здесь ужасный, и не видно облегчения. Новая моя комната совсем в другом районе — ул. Венелин, 11 (в этом же доме живет о. Георгий Шавельский), в некоторых отношениях более удобном, т<ак> к<ак> ближе к центру; но в прежнем районе я прожила 22 года и очень привыкла к нему, да и в самом деле он хорош. Но ничего не поделаешь! [9, с. 252].

П.М. Бицилли ушел из жизни 25 августа 1953 г. Почти месяц спустя, 23 сентября, Клавдия сообщала в письме брату Антонию следующее:

П.М. Бицилли умер 25.VIII. Ему было 74 года. Конечно, он мог бы жить и дольше, тем более что сохранил полностью свои умственные силы. Сейчас его зять <кн. А.П. Мещерский. — Л.К.> старается собрать и выяснить его литературное наследство, он ведь много писал, даже и в самое последнее время. К сожалению, многих изданий, где он печатался, сейчас невозможно найти [9, с. 254].

Князь Андрей Павлович Мещерский (1915–1992) через год с лишним после смерти П.М. Бицилли подготовил библиографию его трудов. Эта работа ныне доступна в Интернете в виде факсимиле подлинника машинописного текста А.П. Мещерского. Клавдия со-

общала брату Антонию, что часть работ, которые печатались в иностранных журналах, она не знает [9, с. 263]. Через некоторое время, в августе 1955 г., она вместе с семьей Любошинских уехала из Болгарии в СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Возьяняк А.* Зинаида Гиппиус о польской эпопее 1920 года // *Roczniki Humanistyczne*. 2011. № 7. С. 5–23.
2. *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”»: П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. 320 с.
3. *Демидова О.* Русская эмиграция в Польше (1919–1940) (Из архива А.П. Вельмана) // *Slavia Orientalis*. 2000. № 2 (49). С. 226–235.
4. *Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике (1919–1939) (Менее известные аспекты темы) / под ред. Л. Белошевской.* Прага: Славянский ин-т Акад. наук ЧР, 1999. 353 с.
5. *Косик В.И.* Софии русский уголок. Очерки со стихами о русских, покинувших Россию после октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны. М.: Пробел-2000, 2008. 234 с.
6. *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.
7. *Серапионова И.П.* Пражский Земгор и его деятельность // *Записки Русской академической группы в США*. New York, 2001. Т. XXXI. С. 186–195.

Источники

8. *Мещерский А.П.* Заметки и материалы к биобиблиографии русских ученых в Болгарии. 1920–1949 // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / сост., вступ. ст., коммент. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 562–588.
9. «Мне надо, чтобы моя жизнь имела какую-нибудь цель и смысл». Клавдия Флоровская: письма к братьям Георгию и Антонию Флоровским / под ред. Л. Киейзик, Н. Орловой. Зелена Гура, 2019. 287 с.
10. *Сладек З., Белошевская Л.* Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939). Прага: Славянский ин-т Акад. наук ЧР; Еврославики, 1998. 344 с.

REFERENCES

1. Woźniak, Anna. "Zinaida Gippius o pol'skoi epopee 1920 goda" ["Zinaida Gippius on the Polish Epopee of the 1920"]. *Roczniki Humanistyczne*, no. 7, 2011, pp. 5–23. (In Russian)
2. Galcheva, Tania N., and I.V. Golubovich. "Ponemnogu prisposobliaius' k 'nezavisiashchim obstoiatel'stvam':" P.M. Bitsilli i sem'ia Florovskikh v pervye gody emigratsii ["Little by Little I Am Adapting to the 'Circumstances beyond Control':" P.M. Bitsilli and the Florovskii Family in the Early Years of Emigration]. Sofia, Solntse Publ., 2015. 320 p. (In Russian)
3. Demidova, O. "Russkaia emigratsiia v Pol'she (1919–1940) (Iz arkhiva A.P. Vel'mana)" ["Russian Emigration to Poland (1919–1940) (From the Archive of A.P. Vel'man)"]. *Slavia Orientalis*, no. 2 (49), 2000, pp. 226–235 (In Russian)
4. Beloshevskaja, L., editor. *Dukhovnye techeniia russkoi i ukrainskoi emigratsii v Chekhoslovatskoi Respublike (1919–1939) (Menee izvestnye aspekty temy)* [Spiritual Currents of Russian and Ukrainian Emigration in the Czechoslovak Republic (1919–1939) (Lesser-Known Aspects of the Topic)]. Prague, Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic Publ., 1999. 353 p. (In Russian)
5. Kosik, V.I. *Sofii russkii ugiok. Ocherki so stikhami o russkikh, pokinuvshikh Rossiю posle oktiabr'skoi revoliutsii 1917 goda i posledovavshei za nei grazhdanskoi voyny* [Sofia's Russian Corner. Essays with Poems about Russians Who Left Russia after the October Revolution of 1917 and the Civil War that Followed]. Moscow, Probel-2000 Publ., 2008. 234 p. (In Russian)
6. Popova, T.N. *Istoriografiia v litsakh, problemakh, distsiplinakh: Iz istorii Novorossiiskogo universiteta* [Historiography: People, Problems, Disciplines. From the History of the Novorossia University]. Odessa, Astroprint Publ., 2007. 536 p. (In Russian)
7. Serapionova, I.P. "Prazhskii Zemgor i ego deiatel'nost'" ["Prague Zemgor and its Activities"]. *Zapiski Russkoi akademicheskoi gruppy v SSHA* [Notes of the Russian Academic Group in the USA], vol. 31, New York, 2001, pp. 186–195. (In Russian)

Дата поступления статьи: 7 августа 2021 г.

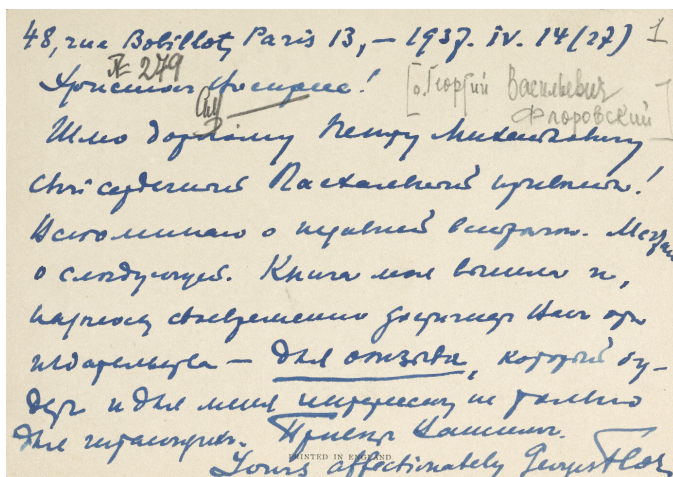
Дата одобрения рецензентами: 10 мая 2023 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 7 August 2021

Approved after reviewing: May 10, 2023

Date of publication: December 26, 2024

Илл. 1. Открытка Г.В. Флоровского П.М. Бицилли. 27 (14) апреля 1937. РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 132. Л. 1

Fig. 1. Postcard of G.V. Florovsky to P.M. Bitsilli. 27 (14) April 1937. Manuscript Department of IRL RAS. F. 804. Op. 1. Dossier 132. Sheet 1

Илл. 2. П.М. Бицилли, К.В. Флоровская, П.М. Любошинский, С.Н. Любошинская. Персенк (Болгария), конец 1930-х. Из личного собрания Е.П. Ивановой-Аначковой (София)

Fig. 2. P.M. Bitsilli, K.V. Florovskaia, P.M. Liuboshchinskii, S.N. Liuboshchinskaja. Persenk (Bulgaria), late 1930s. From the personal collection of E.P. Ivanova-Anachkova (Sofia)

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ: Ю.И. АЙХЕНВАЛЬД И П.М. БИЦИЛЛИ¹

© 2024 г. Е.А. Тахо-Годи

Аннотация: В статье проводится сопоставление философско-эстетических воззрений на русскую литературу и язык двух видных представителей русского зарубежья — критика Ю.И. Айхенвальда (1872–1928) и медиевиста, интерпретатора русской классики П.М. Бицилли (1879–1953). Осмысливается весь выявленный на сегодняшний день фактический материал, подтверждающий взаимный интерес Ю.И. Айхенвальда и П.М. Бицилли друг к другу, в том числе документы из личного фонда П.М. Бицилли в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ставится вопрос о воздействии айхенвальдовского имманентного метода анализа литературного текста на эстетико-индивидуализирующий метод П.М. Бицилли, о подходах обоих авторов к решению проблемы морфологии русской культуры и философии нации, о связи пушкинской темы в их творчестве с размышлениями о судьбе послереволюционной России и русского языка, артикулированных в ходе обсуждения книги С. и А. Волконских «В защиту русского языка» (1928). В Приложении републикуются рецензия Ю.И. Айхенвальда на «Этюды о русской поэзии» П.М. Бицилли в берлинской газете «Руль» (1926) и некролог Ю.И. Айхенвальду, опубликованный П.М. Бицилли в софийской газете «Голос» (1929).

Ключевые слова: Ю.И. Айхенвальд, П.М. Бицилли, русская литература, язык, эстетика, пушкинская традиция, имманентный метод, философия нации, морфология культуры.

¹ Впервые данная тема поднималась нами в статье «Ю.И. Айхенвальд и П.М. Бицилли: реконструкция философско-эстетического диалога» (Литературный факт. 2020. № 16. С. 322–336. DOI: 10.22455/2541-8297-2020-16-322-336). Для настоящего издания исходный текст был частично переработан и дополнен.

Информация об авторе: Елена Аркадьевна Тахо-Годи — доктор филологических наук, профессор, филологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Ленинские Горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия; заведующая научным отделом, Библиотека-музей «Дом А.Ф. Лосева», ул. Арбат, д. 33, 119002 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6907-8656>

E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Для цитирования: Тахо-Годи Е.А. Философско-эстетический диалог: Ю.И. Айхенвальд и П.М. Бицилли / пер. на англ. А.В. Протопоповой и Т.А. Пирусской // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 158–178.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-158-178>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC DIALOGUE: YULY AYKHENVALD AND PIOTR BITSILLI

© 2024. Elena A. Takho-Godi

Abstract: The article compares for the first time the philosophical and aesthetic views on Russian literature and language of two prominent figures of Russian abroad — the critic Yuly Aykhenvald (1872–1928) and the medievalist, interpreter of Russian classical literature Piotr Bitsilli (1879–1953). The author takes into account all facts supported by various materials presently identified, confirming the mutual interest of Aykhenvald and Bitsilli, including documents from Piotr Bitsilli collection at the Institute of Russian literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. Among the issues raised are the impact which Aykhenvald's immanent method of analyzing a literary text had on Bitsilli's aesthetically individualizing method, the approaches of both authors

to solving the morphology of Russian culture and philosophy of the nation, the connection of the Pushkin theme with thoughts about the destiny of post-revolutionary Russia and Russian language in their works, which they articulated during the discussion of Sergei and Aleksandr Volkonskii's book *In defense of the Russian language*. Aykhenvald's review for the Berlin newspaper *Rul'* on Bitsilli's *Studies on Russian Poetry* (1926), obituary of Aykhenvald, which was published by Bitsilli in the Sofia newspaper *Golos* (1929) are republished in the appendix to the article.

Keywords: Yuly I. Aykhenvald, Piotr M. Bitsilli, Russian literature, language, aesthetics, Pushkin tradition, immanent method, philosophy of the nation, morphology of culture.

Information about the author: Elena A. Takho-Godi, DSc in Philology, Professor, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory St. 1, bild. 51, 119991 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bldg. 1, 121069 Moscow, Russia; Head of the Research Department, Library-Museum "A.F. Losev House", Arbat St. 33, 119002 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6907-8656>

E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

For citation: Takho-Godi, E.A. "Philosophical and Aesthetic Dialogue: Yuly Aykhenvald and Piotr Bitsilli", transl. into eng. by A.V. Protopopova and T.A. Pirusskaia. *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 158–178. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-158-178>

The names of Yuly Isaevich Aykhenvald (1872–1928), a famous literary critic of the first quarter of the 20th century, and his younger contemporary, the medievalist and subtle interpreter of Russian classics, Piotr Mikhailovich Bitsilli (1879–1953), have never appeared side by side in scholarly studies. Indeed, there is little factual evidence here. Although both were from Odessa and graduated from the same Novorossiisk University, they did not know each other personally, either before or after emigration, being quite far apart: Aykhenvald in Berlin, Bitsilli in Sofia. Nevertheless, a peculiar 'dialogue' between them is evident, although it is not a traditional conversation, or polemics, between two

equal participants, but rather a certain looking back of the younger interlocutor, Bitsilli, at the elder one, Aykhenvald, which persisted even after the sudden death of Yuly Isaevich in December 1928. In this article we would like to highlight the key themes of this largely reconstructed 'dialogue' in order to answer the questions: what makes Bitsilli look more closely at Aykhenvald's texts, and what are their philosophical and aesthetic convergences?

Speaking of Bitsilli's "aesthetic-individualizing method", it makes sense to take into account Aykhenvald's judgements, which could have been one of the impulses for Bitsilli to build his own system of comprehension of Russian literature and culture. Here, as it seems, we must first of all turn to the problem of method, or approach to the literary text analysis. The era of passionate struggle between different schools of literary studies — historical and cultural, psychological, formalist — was not yet outdated. Therefore, for Bitsilli who believed that "culture is the creative self-disclosure of the personality outside" [18, p. 148], with his "aesthetic-individualizing" approach to the text, when the focus of attention is "not the structure 'to investigate' but the individuality with its 'inexplicable', 'inexpressible' constant" [6, p. 113], Aykhenvald's method of immanent criticism is extremely appealing, convinced that principled impressionism requires literary history to be based on individual "intuitions", on the "creative individuality" itself [12, p. VI] of the writer. It is not without reason that both support their argumentation with an appeal to the monadology of G.W. Leibniz². When one reads in Bitsilli's 1942 paper *Chekhov's Creativity. An Experience of Stylistic Analysis* that

...man-monad, individuum, indivisible whole, a kind of closed system in which all elements are in a state of co-subordination, interdependence, being bound by gravitation towards a common centre [23, p. 330],

one inevitably recalls a fragment from Aykhenvald's 1911 Preface to *Silhouettes of Russian Writers*:

...the more one delves into the closed worlds of writers, into these indeed living monads, the clearer it becomes that they are not only literati,

² A paper by M.Ia. Vaiskopf *P.M. Bitsilli — Gogol scholar* delivered in the IWL RAS in November 2019 at the conference *Humanities of the Russian Abroad: towards the 140th Anniversary of P.M. Bitsilli's Birth* draws attention to the role of G.W. Leibniz's *Monadology*. The author spoke about Bitsilli's conscious use of the word "monad" in reflections on Dostoevskii or on Nabokov's *Invitation to a Beheading* (see M.Ia. Vaiskopf's article in present edition).

but also literature; that there are known problems, plots and motifs which unite them into one whole [12, p. XXVI].

Bitsilli, as it was pointed out by M.A. Vasilieva, believed that it was necessary to move from the “philosophy of history” to the “philosophy of culture”, because

it is in the philosophy of culture that the aesthetic-individualising synthesis becomes possible, the needed intuitive “encompassing of the universe” [23, p. 14].

Modern Aykhenvald scholars, speaking of his immanent method, are strikingly unanimous in ignoring the fact that Aykhenvald, being a professional philosopher by education, had denied cultural and historical, sociological, psychological, biographical or formalistic methods by the early 1910s, offering his own way of overcoming the crisis in literary studies, a way that is very close to the “morphology of culture” and, at the same time, to its philosophy. In his Preface to *Silhouettes of Russian Writers*, published in 1911, he speaks of the philosophical problem of “nature and culture”, which, from his point of view, “is the centre of those concentrations in the form of which Russian fiction could be schematized”. Hence his desire not only to identify the individual style of each writer, to give it as if from within, but also to determine the centrifugal and centripetal in the Russian literature development, the thing he calls “lines of spiritual continuities”, general “radii”, outlining such antitheses, categories, “concentrations” (‘concepts’, as we would probably say nowadays) as “sedentariness” and “wandering”, “nature” and “culture”, “village” and “city”, “humility” and “predation”. The originality and productivity of this approach, which Aykhenvald was the first among the Russian literature researchers to put forward, has unfortunately remained misunderstood or unnoticed.

It is probably the commonality of philosophical and aesthetic principles that explains the attention of Aykhenvald and Bitsilli to the same specific phenomena of the literary process.

It is only natural that Bitsilli directly refers to Aykhenvald’s observations on Chekhov’s style in his *Chekhov’s Works. An Essay of Stylistic Analysis* — on Chekhov’s motifs of “departure” and “road” [23, p. 311] from the essay *Chekhov*, published in 1906 in the *In Memory of Chekhov* collection and

included in Aykhenvald's book *Silhouettes of Russian Writers*, in a revised form. For Aykhenvald, Chekhov's work is a hope, a pledge, a prophecy of the discovery of unity,

that "single" Sphere, that "harmonic" ring in which the super-personal non-thinking nature and the unquenchable consciousness of the individual human personality would find their fusion, <...> the implementation of that even higher and more ideal roundness in which nature and culture, element and word, Pan and Logos unite [12, p. L].

A reference to Aykhenvald's opinion is also found in Bitsilli's 1932 review of Boris Zaitsev's book *The Life of Turgenev*. The critic's judgement about Turgenev's style, his lack of "true humour" was in demand here [23, p. 434]. Bitsilli's archive in the Pushkin House (RO IRLI (Manuscript department of Pushkinskii Dom), f. 804) contains a small book published by Aykhenvald in Berlin in 1925 *Two Wives: Tolstaia and Dostoevskiaia* [4, p. 142], which probably became known to Bitsilli while he was working on his article *The Problem of Life and Death in Tolstoi's Works*, published in 1928 in the Parisian journal *Sovremennye Zapiski*. It would be interesting to compare the views of Aykhenvald and Bitsilli on Derzhavin, or Khodasevich [11; 14; 16; 17; 26], or Bunin [9; 22], but we shall only speak about Pushkin's works that were of special significance to both of them.

In Aykhenvald's philosophical and aesthetic system Pushkin holds a key position (see: [5]). For him, Pushkin is a true "poetic theodicy" [13, p. 41], an eternal "irreplaceable companion" who "guides us through life", "whether we notice it, whether we are aware of it or not", as he will write in 1924 in the Riga newspaper *Segodnya* in the article *To the Great Memory: (To the 125th Anniversary of Pushkin's Birth)* [15].

Thus, it was no coincidence that Aykhenvald would pay attention to Bitsilli's book *Etudes on Russian Poetry* (1926) where almost all sections (*The Evolution of Russian Verse; Pushkin's Poetry; Lermontov's Place in the History of Russian Poetry; On the Nature of Russian Verse; The Dream and Other Things in Pushkin's Dictionary; The Artistic Conception of the Bronze Horseman*) were directly or indirectly related to Pushkin. Aykhenvald would refer to it in the same year, 1926, in the Berlin newspaper *Rul'* [8]³.

³ Herein forth summaries of this review are given without specific references to the text. During the preparation of the article's translation for publication, the complete edition of Aykhenvald's articles in the newspaper "Rul'" was released: [27].

Bitsilli's book attracted Aykhenvald with its many "subtle remarks, which testify to how well the author can, as Nietzsche put it, 'read slowly'", and how capable he is of evoking in his readers "general thoughts about the nature of creativity, especially poetry". Aykhenvald believes that Bitsilli has a rare gift — he is "an unusually sensitive listener of poems, diving deeply into its sound waves, and like a skillful diver, bringing out from there new pearls, new shades of meaning". Aykhenvald, like another reviewer of the *Etudes on Russian Poetry* — Georgii Adamovich, is impressed by the fact that Bitsilli, seeing rhythm as the most essential feature of poetry, is not a representative of the formal method that became fashionable these years, that "he does not muffle poetry with poetics", that his analysis "thus helping the truth" "takes a turn towards content, while psychology and philosophy desirably triumph over poetics, taken as such". "Always lively, happily alien to one-sidedness, not substituting, as it often happens, formalism for pedantry, perhaps consciously compromising the straightforwardness of methodological restraint for the sake of the complexity of art itself...", Aykhenvald is also impressed by Bitsilli's attention to the content of the poetic word, to the language itself, understanding that "lack of respect for the inner value of the word" ruins poetry and its inner rhythm, that poetry needs a "cumulative word" that synthesizes the semantic and the sonic (rhythmic) into one. "And, therefore, the Logos-word, the word as the incorporeal vessel of reason and feeling, never refuses to be a wise guide to our analyst". Aykhenvald, having studied philosophy for many years, sympathizes with Bitsilli's assertion that "'true poetry is always philosophical' and always psychological", that "it is not the parts, not the elements, but only the whole that constitutes the phenomenon of art, and that each such organic phenomenon is individual and, therefore, limited in a certain sense".

While paying tribute to the breadth of Bitsilli's views, to his "profound aesthetic impressionism", Aykhenvald at the same time seems to criticise the researcher for the fact that some of his judgements about poetry "can only support the scepticism of those who doubt the fruitfulness of a scientific analysis of poetry at all" — for example, Bitsilli's idea that "poetic individuality" can never be described by any scientific analysis, that any attempts to "express in concepts the peculiarities of rhythm" are futile. If "poetic individuality" is basic to poetry, "and if science does not grasp it, it grasps nothing", Aykhenvald wrote. Similarly, if it is not scientific analysis that is needed to understand rhythm, but feeling, if rhythm "cannot be expressed in concepts, then it is worth approaching it with a scalpel of research that is obviously unsuitable", "for where feeling begins, science

ends". But it is not Aykhenvald, whom traditionalist literary critics have always blamed for subjectivity, excessive aestheticism, and the rejection of literary history as a science, but someone else who would seriously criticize Bitsilli for his apologia of "the beauty of poetry", for his belief that "beauty is 'something directly convincing, axiomatic, and therefore not subject to proof, but only to observation'". Although Aykhenvald seems to criticize Bitsilli for the weakness of his "argumentation in favour of beauty", he rather criticizes the weakness of the argumentation (if "beauty is unprovable, beauty is on the other side of all argumentation — but then all scientific studies on poetry are doomed to failure") rather than the apologia of beauty itself. Aykhenvald rhetorically asks: if the

the last and highest, and in fact the only instance to which aesthetics can appeal is the immediate feeling, the elusive intuition, the inexplicable impression — and, therefore, the trampled rights of free impressionism are returned...

It is unlikely that Aykhenvald is really saddened that "after Prof. Bitsilli's masterly research, not only the mystery of the word, but also the mystery of sound, remains undiscovered". The fact is that he himself, as a supporter of that very "free impressionism", is absolutely convinced that "no matter how cleverly one decomposes the instrumentation of verse into its separate parts and no matter how further one studies the poet's vocabulary and the nature of his epithets", one can never uncover the mystery of the word; on the contrary, one can only kill it by doing so. Art, according to Aykhenvald, presupposes the reader's co-feeling, co-creation, not deadening analyticism. Bitsilli, from Aykhenvald's point of view, differs from such formalist-analysts as Salieri in that he has "the insight of analysis <...> has nothing destructive in itself and is combined with a sense of artistic measure and artistic tact, and here the mind does not interfere with the ear, just as the ear does not interfere with the mind". It is not without reason that the critic himself concludes his review with words of approval, emphasizing that, despite all the objections, Bitsilli's book is

so informative and fresh, so full of witty observations, significant ideas of original interpretation of some samples of poetic creativity, that in our aesthetic criticism it is an undeniably valuable contribution.

Aykhenvald's review was cut out by Bitsilli and preserved in his collection in the Pushkin House [4, p. 161]. The review helped to attract

Bitsilli to more active co-operation with the editors of the Parisian journal *Sovremennye Zapiski*. Aykhenvald's articles and reviews were closely monitored in the editorial office of *Sovremennye Zapiski*, especially since he regularly responded to the next issues, but he was not allowed into the journal itself, despite the efforts of F.A. Stepun, who was a friend of Aykhenvald. Having read Aykhenvald's praise of Bitsilli, I.I. Fondaminskii immediately decided that Bitsilli's articles on literary themes should be included in *Sovremennye Zapiski* [28, p. 293], and in the same year Bitsilli's publication *Pushkin's Testament* appeared in the journal (1926. Book 29. P. 467–473).

The Pushkin theme in Aykhenvald's mind, to a much greater extent than in Bitsilli's, is connected with reflections on the fate of post-revolutionary Russia and the fate of the Russian language itself. In the article *To the Great Memory: (To the 125th anniversary of Pushkin's birth)* the critic mentioned above writes about the "too non-Pushkin" time, that "the present Russia remained without Pushkin, without his spirit" [15]. However, as Aykhenvald believed, it was impossible to abandon Pushkin's "unceasing name": both because "it was under Pushkin's star" that "Russian education moved on", and because it was Pushkin's speech that "fertilized our speech" [15], the speech of every Russian.

The question of the Russian language and its preservation was one of the most acute for Russian emigrants. A vivid example of this is the discussion concerning the article of the famous theatre figure Prince S.M. Volkonskii *On the Russian language* (1923), and then the book *In defence of the Russian language* published by him in 1928, together with his brother Alexander [29]. Bitsilli took a very active part in this discussion. In the late 1920s and early 1930s his articles and notes appeared one after another — first publicistic, historiosophic, then purely scientific ones: *In Defence of the Russian Language* (1927), *Issues of Russian Linguistic Culture* (1928), *On Spoiling the Russian Language* (1929), *In Defence of Barbarisms in the Russian Language* (1929), *Nation and Language* (1929), *Language and Nationality (On Formation of the Russian Literary Language)* (1930; published in 1932), etc.⁴

G.V. Adamovich, who became involved in Bitsilli's polemic with Prince S.M. Volkonskii, writes quite correctly that "the issue of language is, of course, the one of the spiritual life of the nation" (cited in [18, p. 661]). However, he himself, trying for the sake of building a new language of a new living culture, to combine and reconcile all positions, calls for a

⁴ Most of the articles are included in P.M. Bitsilli's volume "Selected Writings on Philology" [18].

third way — without Bitsilli's 'indifference' to linguistic framework/conditions, without Volkonskii's 'conservative intransigence', and at the same time without the unconditional authority of classical authorities, including Pushkin.

Bicilli's position in the language dispute was analyzed in the commentaries to the volume of his *Selected Works on Philology* published back in 1996, in the monographs of I.V. Annenkova [1; 2], and in Michela Venditti's report *P.M. Bicilli and the disputes about the Russian language in emigration* in IMLI RAS in November 2019 at the conference *Humanitarian Science of the Russian Abroad: Towards the 140th Anniversary of the Birth of P.M. Bitsilli* initiated by O.A. Korostev, M.A. Vasilieva and the author of these lines⁵. However, the researchers missed the fact that there was another participant in the conversation about language — Aykhenvald. It is no coincidence that the Bitsilli collection in the Pushkin House contains a newspaper clipping with his article *Tongue-tied Russia* from the newspaper *Rul'* of 1 August 1928 (see: [4, p. 161]) in which Aykhenvald dwelt on A.M. Selischev's book *The Language of the Revolutionary Era* (1926; 2nd ed. — 1928), abundantly quoting the examples of post-revolutionary 'novozyaz' (Newspeak), confirming that as "the Russian cause has gone mad", so "the Russian word has gone mad" too [7].

In the article *Tongue-tied Russia* he only mentioned the book by the Volkonskii brothers. He specifically addressed it a week later, on August 8, 1928, on the pages of the same *Rul'*. It seems that this Aykhenvaldian text, although absent from the Bitsilli collection of the Pushkin House, was certainly read and taken into account by the scholar.

"...The Volkonskii's 'clever and witty book', as Aykhenvald admitted, pleased him 'even when he did not quite agree with it' [10]⁶. Unlike the Volkonskii's, Aykhenvald was convinced that one cannot "identify language with spelling, i.e., music with musical notation, the unconditional with the conditional". For confirmation he appealed to Pushkin:

Pushkin said that orthography is "the heraldry of language"; heraldry, however, is something great, valuable, beautiful, but still external. A language remains a nobleman, though its coat of arms changes. Its nobility does not suffer from the fact that over the centuries its inscriptions are not frozen in immobility. It's not the letter, but the spirit. It's about the word.

⁵ See M. Venditti's article in this edition.

⁶ Further summaries of this review are given without specific references to the text.

However, even while arguing, Aykhenvald solidarized with the authors in the struggle against the “depersonalization of the Russian people”, against violating the language of the “Russia-hater in the Kremlin”, and for the creation of a new volunteer army — the “army of the word”. For him, “to defend the purity of the Russian language means also to defend the purity of Russian thinking”: “...for the language, it is the people”. That is why he considers the Volkonskii’s book “highly important and inspiring”, emphasizing that the “linguistic patriotism” of the authors is far from the “bureaucratic and ossified patriotism”, that they see the ‘revolutionary’ and ‘protective’ beginnings inherent in the language itself, their dialectical interaction, but remember the importance of holding on to the ‘protective’ beginning not only in language, but also in life itself.

Analysing Bitsilli’s polemic with the Volkonskii’s, M. Venditti considered the main distinguishing point to be that Volkonsky’s position in the dispute about language was “purely political”, whereas Bitsilli’s one was “scientific”. However, it seems impossible to discount the fact that Bitsilli became involved in this dispute at the time of his fascination with Eurasianism and that the Eurasian term ‘place-development’ appears among the examples he gives. It is natural that Bitsilli’s reflections on language arise in parallel with his reflections on people and nation: he is not only concerned with the dispute with Volkonskii on a specific issue, this dispute is closely connected with his linguocultural and sociolinguistic views in general⁷.

As for the evaluation of the Volkonskii brothers’ book, Bitsilli and Aykhenvald’s positions clearly diverge: Bitsilli emphasizes the ‘revolutionary’, ever-renewing beginning, accepting and assimilating everything new; Aykhenvald, on the contrary, stresses the protective, conserving one. It was not for nothing that S.L. Frank, who was a friend of Aykhenvald, wrote a very emotional obituary in the newspaper *Rul’*, published immediately after the critic’s death, calling the deceased a “knight of the Holy Spirit”, a defender of the Russian cause:

He — being a Jew and a member of the liberal intelligentsia — came from love for Pushkin and for the spiritual culture of the old imperial, Petrine Russia <...> to strictly conservative convictions [25].

And somewhat differently the same thought was expressed a month later on the pages of the Parisian magazine *Put’*: Aykhenvald was one of

⁷ Bitsilli’s views on the development of the Russian literary language are covered in two monographs by I.V. Annenkova [1; 2].

the most honourable representatives of “the Russian cause struggling for spiritual values, for the spiritual beginnings of life” [24, p. 126].

It is noteworthy that despite the divergence with Aykhenvald in the dispute about language, Bitsilli similarly assessed Aykhenvald’s role in Russian culture in an obituary printed in January 1929 in the Sofia newspaper *Golos* [21]⁸.

It would be too simplistic to consider the writing of the obituary as a reciprocal gesture of gratitude for the positive review of *Etudes on Russian Poetry*. But while the authors of other obituaries — B. Zaitsev, G. Landau, I. Matussevich, V. Nabokov, S. Frank, V. Khodasevich, I. Shmelev — knew Aykhenvald personally, Bitsilli is an obvious exception in this sense. Reading their texts, Bitsilli observes “a rare unanimity”, confirming, in his view, that the late critic “was undoubtedly what they characterize him as”. Bitsilli draws particular attention to the fact that Aykhenvald is spoken of as “a man of high moral qualities, exceptional kindness, sensitivity, sincerity and nobility”, but “not as a writer”. This, according to Bitsilli, is because Aykhenvald is “treated in his own way”, which means a special interest in the author’s “individual mental character”. Bitsilli emphasizes that while Aykhenvald was “a great connoisseur of the artistic word”, he was alien to the desire to see a word as a “self-contained value”, what Bitsilli calls a spiritual ‘Alexandrianism’, that the critic always wanted to find a more meaningful “beauty of the soul” “behind formal beauty”. Bitsilli refers to the opinion of one of the obituaries (unfortunately, I have not yet been able to establish whose it was), who claimed that Aykhenvald “was not a critic at all: rather a moralist <...> in the sense of a researcher of the human soul”. However, this soul had to be one that carried thought through the word, this “highest and most perfect expression of the life of the spirit”. According to Bitsilli, Aykhenvald equated culture and literature. It is interesting to note that Bitsilli, apparently quite deliberately, ignores everything that Aykhenvald wrote about Western European literature: he creates the image of a critic whose field of enquiry “was always one and the only Russian literature”, and therefore Russian culture. Bitsilli is unlikely to have been unaware of Aykhenvald’s articles on Western authors, but it was crucial for him to paint the image of a foreigner, a Jew, a son of a rabbi, for whom Russian culture turns out to be a culture of “the greatest value and absolute significance”. Bitsilli emphasises that Aykhenvald in this sense was “in his tastes, in his convictions, in his whole state of mind as Russian as it is possible to be”. Bitsilli argues, almost defiantly, that Aykhenvald was so “intimately connected”

⁸ Hereafter, the obituary is summarised without special references to the text.

with Russian culture that to speak of Russian culture is “to continue to speak of him”, Aykhenvald. For Bitsilli it is undeniable that although “the Russian cultural element <...> is permeated with the spirit of Orthodoxy”, it is “possible to be Russian <...> without being born into it”, since “all culture” at a certain point in its development “outgrows the confessional framework”⁹. That is why Bitsilli includes Aykhenvald in a list of Jews — A.L. Volynskii, S.A. Vengerov, A.G. Gornfeld, M.O. Gershenzon — those “few admirers and interpreters of Russian culture”, for whom Russian culture was an independent real “spiritual magnitude” and whom Bitsilli calls the “knights of Russian literature”. According to Bitsilli, this very fact testifies “to the mighty attractive and assimilating power of Russian culture and the Russian ‘element’”. That is why Aykhenvald, “a man not indifferent to political questions”, according to Bitsilli, in emigration wrote only about Russian literature — “for him it was somehow ‘first’, more essential, in a sense ‘more real’ than anything else”. Aykhenvald’s fate, his great “faith in the soul of Russia” turns out, in Bitsilli’s view, to be a kind of example and moral lesson for all Russians: “This is the meaning and significance of his life for us, his posthumous testament, a lesson and a high example”.

Everything Bitsilli said about Aykhenvald seems to make sense to consider taking into account that set of articles on the “philosophy of the nation”¹⁰, which he printed in 1928–1930 in *Sovremennye Zapiski: Nation and People* (1928. Book 37. P. 342–355), *Nation and State* (1929. Book 38. P. 380–400), *Nation and Language* (1929. Book 40. P. 403–426), and *Evolution of Nation and Revolution* (1930. Book 42. P. 374–384). In the articles *Nation and People* and *Nation and Language* the nation, in contrast to ethnographic people, is understood as a “cultural union” [19, p. 403], as that part of the people for whom “culture” is “a realized ideal”, “a stimulus of personal activity, a source of creative energy” [20, p. 353]. In his “philosophy of the nation” Bitsilli does not limit himself to “historical morphology” [20, p. 353]. It is not without reason that in the article *Nation and Language* he speaks of the “morphology of culture” addressed to the sphere of language as meeting the requirements of “the greatest generality and the greatest identity” [19, p. 404]. At the same time, for

⁹ Cf. Bitsilli’s earlier judgement: “If national culture and national religion are one and the same thing, then not only Tiutchev, but also Turgenev, Pushkin, Tolstoi, and in fact Russian culture itself would have to be expunged from the history of Russian culture” [20, p. 350].

¹⁰ In a letter to V.V. Rudnev, the editor of *Sovremennye Zapiski*, dated January 28, 1930, Bitsilli retroactively recorded that he had conceived and was implementing (with the approval of the editors) a set of articles on the “philosophy of the nation” (see: [3, p. 114]).

Bitsilli, who, like Aykhenvald, had Jewish roots [3, p. 19], Aykhenvald's obituary becomes another incentive to speak of a unified Russian culture and of a nation irreducible to nationality, just as the great Ocean of language was irreducible for him to the language of different peoples.

Thus, as we see, the service of the Word and Culture not only gave rise to disputes and discussions, but also abolished various political, confessional, national, and scientific partitions. The convergence of philosophical and aesthetic positions created emotional and worldview empathy between Russian emigrants separated by spatial boundaries, building individual statements, judgments and publications into a fruitful intellectual dialogue about the morphology of Russian culture and the individual uniqueness of its representatives.

BIBLIOGRAPHY

References

1. Annenkova, I.V. *Neizgnannaia mysl'. Filologiya P.M. Bitsilli [Unexplained Thought. Philology of P.M. Bitsilli]*, Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2011. 146 p. (In Russian)
2. Annenkova, I.V. *P.M. Bitsilli kak istorik i teoretik russkogo literaturnogo iazyka [P.M. Bitsilli as a Historian and Theorist of the Russian Literary Language]*. Moscow, Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University Publ., 2010. 107 p. (In Russian)
3. Birman, M.A. *P.M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo [P.M. Bitsilli (1879–1953). Life and Work]*. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 444 p. (In Russian)
4. Gerashko, L.V., and V.B. Kudriavtsev. "Fond professora P.M. Bitsilli v Rukopisnom otdele Pushkinskogo Doma" ["Foundation of Professor P.M. Bitsilli in the Manuscript Department of the Pushkin House"]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2005–2006 gody [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2005–2006]*. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2009, pp. 57–222. (In Russian)
5. Takho-Godi, E.A. "Pushkin v filosofsko-esteticheskoi sisteme Yu.I. Aykhenvalda" ["Pushkin in Yu.I. Aykhenvald's Philosophical-Aesthetic System"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 18, no. 3, 2020, pp. 171–189. (In Russian)
6. Vasilieva, M.A. "'Esteticheskai problema' v literaturovedenii P.M. Bitsilli: K postanovke voprosa" ["'Aesthetic Problem' in the Literary Studies of P.M. Bitsilli: (on the Statement of the Problem)"]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 1, 2009, pp. 109–117. (In Russian)

Sources

7. Aykhenvald, Yu.I. "Kosnoiazychnaia Rossiia" ["Tongue-tied Russia"]. *Rul'*, no. 2334, August 1, 1928, pp. 2. (In Russian)
8. Aykhenvald, Yu.I. "Literaturnye zametki" ["Literary Notes"]. *Rul'*, no. 1548, January 6, 1926, pp. 2–3. (In Russian)
9. Aykhenvald, Yu.I. "Literaturnye zametki" ["Literary Notes"]. *Rul'*, no. 2159, January 4, 1928, pp. 2–3. (In Russian)
10. Aykhenvald, Yu.I. "Literaturnye zametki" ["Literary Notes"]. *Rul'*, no. 2340, August 8, 1928, pp. 2–3. (In Russian)
11. Aykhenvald, Yu.I. "Pamiati Derzhavina" ["In Memory of Derzhavin"]. *Rech'*, no. 185, July 8, 1916, pp. 2. (In Russian)
12. Aykhenvald, Yu.I. "Predislovie k tret'emu izdaniuu knigi 'Siluety russkikh pisatelei' (vyp. 1)" ["Preface to the Third Edition of the Book 'Silhouettes of Russian Writers' (Issue 1)"]. Moscow, I.N. Kushnerev Publ., 1911. L p. (In Russian)
13. Aykhenvald, Yu.I. "Pushkin" ["Pushkin"]. Aykhenvald, Yu.I. *Siluety russkikh pisatelei [Silhouettes of Russian Writers]*. Moscow, Nauchnoe Slovo Publ., 1906, pp. 30–170. (In Russian)
14. Aykhenvald, Yu.I. [Review on] "Khodasevich V.F. Poeticheskoe khoziaistvo Pushkina" ["Khodasevich V.F. Pushkin's poetic economy"]. *Rul'*, no. 917, December 9, 1923, pp. 2–3; no. 1104, July 23, 1924, pp. 2–3. (In Russian)
15. Aykhenvald, Yu.I. "Velikoi pamiati: (K 125-letiiu rozhdeniia Pushkina)" ["Great Memory: (To the 125th Anniversary of the Birth of Pushkin)"]. *Segodnia*, no. 129, June 8, 1924, pp. 4. (In Russian)
16. Bitsilli, P.M. "Derzhavin" ["Derzhavin"]. *Rossii i slaviansstvo [Russia and the Slavs]*. Paris, no. 125, 1931, April 18, pp. 3. (In Russian)
17. Bitsilli, P.M. "Derzhavin — Pushkin — Tiutchev i russkaia gosudarstvennost'" ["Derzhavin — Pushkin — Tyutchev and Russian Statehood"]. *Sbornik statei, posviashchennykh P.N. Milyukovu. 1859–1929 [Collection of Articles Dedicated to P.N. Milyukov. 1859–1929]*. Prag, [N. e.], 1929, pp. 351–374. (In Russian)
18. Bitsilli, P.M. *Izbrannye trudy po filologii [Selected Works on Philology]*. Moscow, Nasledie Publ., 1996. 707 p. (In Russian)
19. Bitsilli, P.M. "Natsiia i iazyk" ["Nation and Language"]. *Sovremennye zapiski [Modern Notes]*, book 40, 1929, pp. 403–426. (In Russian)
20. Bitsilli, P.M. "Natsiia i narod" ["Nation and People"]. *Sovremennye zapiski [Modern Notes]*, book 37, 1928, pp. 342–355. (In Russian)
21. Bitsilli, P.M. "Pamiati Yulya Isaevicha Aykhenvalda" ["In Memory of Yuliy Isaevich Aykhenvald"]. *Golos*, no. 26, January 19, 1929, pp. 1–2. (In Russian)

22. Bitsilli, P.M. [Review on] “Iv. Bunin. Bozh’e Drevo. Izd. ‘Sovr. zap.’ Parizh, 1931” [“Iv. Bunin. God’s Tree. Ed. ‘Sovrem. zap.’ Paris, 1931”]. *Chisla*, no. 5, 1931, pp. 222–223. (In Russian)
23. Bitsilli, P.M. *Tragediia russkoi kul’tury: Issledovaniia, stat’i, retsenzii* [The Tragedy of Russian Culture: Research, Articles, Reviews]. Moscow, Russkii Put’ Publ., 2000. 608 p. (In Russian)
24. Frank, S.L. “Pamiati Yu.I. Aykhenvalda” [“In Memory of Yu.I. Aykhenvald”]. *Put’*, no. 15, 1929, pp. 125–126. (In Russian)
25. Frank, S.L. “Ryt’sar’ Dukha” [“Knight of the Spirit”]. *Rul’*, no. 2453, December 19, 1928, pp. 2. (In Russian)
26. “‘Ja ochen’ slezhu za Vashimi otzyvami...’: (Pis’mo V.F. Khodasevicha Yu.I. Aykhenvaldu) [“I’m really following your reviews...”: (Letters from V.F. Khodasevich to Yu.I. Aykhenvald)]. *Vstrechi s proshlym* [Encounters with the Past], vol. 7. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1990, pp. 89–102. (In Russian)
27. Kochergina, I.V. and D.V. Zueva, editors. *Yu.I. Aykhenvald v gazete “Rul’” (1922–1928): v 2-kh kn.* [Yu.I. Aykhenvald in the newspaper “Rul’” (1922–1928): in 2 vols.]. Moscow, Vodolei Publ., 2022. 740, 684 p. (In Russian)
28. Korostev, O. and M. Shrub, eds. “Sovremennye zapiski” (Parizh, 1920–1940). *Iz arkhiva redaktsii* [“Modern Notes” (Paris, 1920–1940). From the Editorial Archive], vol. 1. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2011. 952 p. (In Russian)
29. Volkonskii, S.M., and A.M. Volkonskii. *V zashchitu russkogo iazyka: Sbornik statei* [In Defense of the Russian Language: Collection of Articles]. Berlin, Bronze Horseman Publ., [1928]. 102 p. (In Russian)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ю.И. Айхенвальд

Литературные заметки

Книжка проф. Бицилли «Этюды о русской поэзии» интересна не только тем, что в ней разбросано много тонких замечаний, свидетельствующих, как хорошо умеет автор, по выражению Ницше, «медленно читать», но и тем, что она вольно и невольно пробуждает в своих читателях общие мысли о природе творчества, особенно поэзии.

К уразумению последней, ее сущности, П. Бицилли подходит путем изучения прежде всего ритма. Поэзия для него это — ритм. Других существенных признаков в ней он не находит. Ариосто он славит за его музыкальность, за то, что им можно наслаждаться, и не понимая ни единого слова по-итальянски. И, например, в стихотворении Пушкина «Я вас любил; любовь еще быть может...» для него «единственное, что действует на душу, это — неподражаемый, изумительный по богатству и тонкостям оттенков ритм». Из ритма рождается содержание.

И надо сказать, что наш исследователь в самом деле необыкновенно чутко слышит стихотворение, глубоко погружается в его звуковые волны и, как искусный водолаз, выносит оттуда новые жемчужины, новые оттенки смысла. При этом было бы несправедливо считать проф. Бицилли безусловным сторонником формального метода, который нашел бы теперь в России столько усердных последователей: нет, в «Этюдах о русской поэзии» то и дело с ущербом для внешней последовательности, но зато с выигрышем для истины, линия анализа сворачивает в сторону содержания, и над поэтикой как таковой желанно торжествует психология и философия. Всегда живой, счастливо чуждый односторонности, не подменяя, как это нередко бывает, формализма педантизмом, быть может — сознательно поступаясь прямой выдержанностью методологии ради сложности самого искусства, почтенный автор не только своих глаз не закрывает перед неудобными для его метода фактами, но и открывает на них глаза чужие, если они в этом нуждаются. Ценно то, что поэтикой он не заглушает поэзии. И потому он обращает свое и наше внимание на то, с какой особой осторожностью и бережливостью относятся русский язык и русская поэзия к содержанию слов и как мстит за себя, губя ритм, «отсутствие уважения ко внутренней ценности слова». И потому он, не боясь некоторого противоречия с самим собою, исповедует, что «слово, взятое в отвлечении от его смысла, утрачивает свою роль фактора поэзии», и что поэзия нуждается во всем, в совокупном слове, во «всем богатстве его содержания, и смыслового, и звукового». И потому

слово, как Логос, слово, как бесплотный сосуд разума и чувства, никогда не отказывает нашему аналитику в своем мудром путеводительстве. Проф. Бицилли слишком знает, что «истинная поэзия всегда философична» и всегда психологична. Он знает и то, что не складывается стихотворение из стихов, что не части, не элементы, а только целое представляет собою явление искусства и что каждое такое органическое явление *индивидуально* и, значит, в известном смысле ограничено.

Но как раз в силу этой широты своего воззрения и понимания, как раз в силу своей углубленной эстетической впечатлительности, П. Бицилли не однажды вынуждается ронять такие фразы, которые могут лишь поддерживать скептицизм тех, кто вообще сомневается в плодотворности научного разбора поэзии. Так, он высказывается за то, что только в известной степени поэтическая индивидуальность поддается научному анализу (стр. 149), — а ведь поэтическая индивидуальность, это в поэзии — единое на потребу, и если наука не улавливает ее, то она не улавливает ничего. Так, потратив столько ума и умения на анализ ритма, он в конце концов сочувствует Гундольфу¹, отказывающемуся от попытки выразить в понятиях особенности ритмики Гёте, и заявляет: ритм надо почувствовать (стр. 247), — а ведь где начинается чувство, там кончается наука, и если ритма нельзя понять, нельзя выразить в понятиях, то стоит ли и приближаться к нему с заведомо негодным скальпелем исследования? Так, «областью, посторонней науке» (стр. 271), он провозглашает самое главное — те «звуки небес», которые раздаются в стихах Лермонтова, и находит, что в красоте есть «нечто непосредственно убедительное, аксиоматическое и потому подлежащее не доказыванию, а только констатированию»; да, красота недоказуема, красота — по ту сторону всякой аргументации, — но тогда все научные этюды о поэзии обрекаются на неудачу. И как слаба аргументация в пользу красоты, можно видеть хотя бы из следующего аргумента, приводимого самим г. Бицилли: допустить одну особенность в строфическом построении «Евгения Онегина» значило бы признать недостаток «Онегина» как художественного целого, «между тем как мы непосредственно чувствуем, что это произведение прекрасно и безупречно» (стр. 185), — выходит, таким образом, что последняя и высшая, а в сущности, и единственная инстанция, в которую может обращаться эстетика, это — непосредственное чувство, неуловимая интуиция, необъяснимое впечатление, — и, следовательно, возвращаются попранные было права вольному импрессионизму...

Итак, и после мастерского изыскания проф. Бицилли не разоблаченной остается не только тайна слова, но и тайна звука. И сколько бы ни перечислять гласные и согласные звуки в том или другом стихотворении, как бы остроумно ни разлагали инструментовку стиха на ее отдельные части и как бы далее ни изучались словарь поэта и природа его эпитетов, все равно —

никаких существенных результатов здесь не достигнешь. Тем, что Сальери музыку разъял, как труп, и алгеброй поверил гармонию, он на высоту Моцарта не поднялся, он и ключа к музыке не нашел. Он только умертвил звуки, вынул сердцевину из их живого тростника. Об искусстве лучше не говорить и к нему не прикасаться. Искусство — прекрасная мимоза, трепетное «не тронь меня», и больше всего радо оно тем, кто, не мудрствуя лукаво, просто отдается ему в его пленительную власть. Правда, следует оговориться, что оно радо и своим ценителям типа П. Бицилли, потому что в этом типе пронизательность анализа, как мы уже и отметили, не имеет в себе ничего разрушительного и соединяется с чувством художественной меры и художественного такта, и ум здесь не мешает слуху, как слух не мешает уму. От звука наш тонкий автор смысла не отрывает. И хотя отдельные соображения г. Бицилли спорны (например, только ли Пушкину свойственна «многопланность», многосмысленность, способность своими произведениями открывать перед нами все новые и новые перспективы образов, мыслей и настроений? разве это не свойство каждого поэтического творения, неисчерпаемой сокровищницы символов и намеков, которые развивает дальше, в бесконечность ведет уже сам читатель, этот сотрудник писателя, непрменный участник его творческого процесса?.. или как трудно согласиться с утверждением автора, будто последняя строфа «Анчара» «выделяется своим каким-то намеренно ребяческим тоном, напоминающим тон детских сказок»). Хотя, повторяем, не все приемлемо в книжке проф. Бицилли, но в общем она так содержательна и свежа, так полна остроумных наблюдений, значительных идей оригинального истолкования некоторых образцов поэтического творчества, что в нашу эстетическую критику входит она неоспоримо ценным вкладом.

Печатается по газетной публикации: Руль. Берлин, 1926. 6 января. № 1548. С. 2–3.

¹ Фридрих Гундольф (псевд., наст. имя Фридрих Леопольд Гундельфингер; 1880–1931) — немецкий поэт, литературовед, автор монументального труда «Гёте».

П. Бицилли

Памяти Юлия Исаевича Айхенвальда

Все, откликнувшиеся на трагическую кончину Ю.И. Айхенвальда, сошлись в его оценке с редким единодушием. Это доказывает, что он несомненно был таков, как его характеризуют: человек высоких нравственных

качеств, исключительной доброты, чуткости, искренности и благородства. Замечательно, что в некрологах ему говорится преимущественно о нем, как о человеке — не как о писателе. И этим ему воздается должное. К нему применяется его собственный подход к тем, о которых писал он сам. В писателях, «Силуэты» которых он набрасывал, его интересовал прежде всего индивидуальный душевный облик каждого. За «литературой» он искал «человека». Большой знаток художественного слова и большой его ценитель, он, однако, не имел в себе ничего «александрийского»: «слово» было для него отнюдь не самодовлеющей ценностью, и за формальной красотой он старался угадать и показать красоту душевную. В сущности, как верно заметил один из писавших об Айхенвальде, он совсем не был *критиком*, скорее *моралистом*, не в смысле «учителя морали», а в смысле исследователя человеческой души. Но интерес его был обращен далеко не на всякую душу. Высочайшим и совершеннейшим выражением жизни духа была для него мысль, запечатленная в слове. *Культура* сводилась для него к *литературе*, и то, что полем его исследований была всегда и единственно *русская литература*, свидетельствует уже тем самым о том, чем была для него *русская культура*: культурой по преимуществу, культурой величайшей ценности и абсолютно-го значения. Еврей по происхождению, сын одесского раввина, Айхенвальд был по вкусам, по убеждениям, по всему своему душевному складу *русским* в такой степени, в какой это вообще возможно. Здесь есть нечто, на чем следует остановиться. Русская культура, как некоторая духовная величина, как некоторый реальный предмет, мало кому известна и мало кому понятна. Можно назвать лишь немного людей, которые задумывались и задумываются над общим смыслом этой реальности, для которых русская культура является такой *самостоятельной* реальностью, существующей независимо от различных обнаруживающихся в ней «направлений», — тех деревьев, за которыми обычно не видят леса. И вот и надо отметить, что в числе этих немногих поклонников и истолкователей русской культуры — поскольку она выражена в литературе, в числе этих верных рыцарей русской литературы, видное место занимают именно евреи. Чтобы говорить только об отошедших, назову, кроме Айхенвальда, Волынского, Венгерова, Горнфельда, Гершензона. Я коснулся этого вовсе не ради какой-то «апологии» еврейства, которое в ней не нуждается (а «убежденных ненавистников» все равно не переубедишь), а потому, что это важно для понимания той ценности, которой ушедший от нас Айхенвальд служил всю жизнь, с которой он был так интимно связан, что говорить о ней — значит продолжать говорить о нем. Русская культурная стихия — это не подлежит ни доказательствам, ни сомнению — насквозь пронизана духом православия; — и тем не менее, — мы это видим — можно быть русским, следовательно, как-то связанным с православием, — и не будучи рожденным в нем, оставаясь и всю жизнь

формально вне его (это последнее, впрочем, не относится к Айхенвальду, который, если я не ошибаюсь, исповедовал православную веру). Всякая культура коренится в религии, но в известный момент своего развития она как-то перерастает вероисповедные рамки...

Отмеченное явление свидетельствует еще об одном: о могучей притягательной и ассимилирующей силе русской культуры и русской «стихии». Айхенвальда она, во всяком случае, подчинила себе целиком и навсегда. Изгнанный из России за самостоятельность занятой им общественной и «идеологической» позиции, он, человек, по отношению к политическим вопросам отнюдь не безразличный, на чужбине продолжал делать только то, что он делал всю жизнь: писать о русской литературе и ни о чем больше. Как видно, для него она была как-то «первее», существеннее, в каком-то смысле «реальнее» всего остального.

Так велика была его вера в душу России. В этом заключается для нас смысл и значение его жизни, его посмертное завещание, урок и высокий пример. Вечная ему память!

Печатается по газетной публикации: Голос. София, 1929. 19 января. № 26. С. 1–2.

Дата поступления статьи: 7 сентября 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 14 декабря 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 7 September 2021

Approved after reviewing: December 14, 2022

Date of publication: December 26, 2024

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-179-187>

<https://elibrary.ru/ZWTGWN>

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ П.М. БИЦИЛЛИ И Л.П. КАРСАВИНА В КОНТЕКСТЕ ИХ УЧАСТИЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ ДВИЖЕНИИ

© 2024 г. О.Т. Ермишин

Аннотация: Статья посвящена историко-культурным взглядам П.М. Бицилли и Л.П. Карсавина. На примере книг «Элементы средневековой культуры» (1919) и «Культура средних веков» (1918) сопоставлены идеи Бицилли и Карсавина, показаны их научные и мировоззренческие различия, их отношение к евразийству и участие в евразийских изданиях.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, Л.П. Карсавин, русская эмиграция, евразийство, история культуры, средневековая культура, личность, философия всеединства.

Информация об авторе: Олег Тимофеевич Ермишин — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, отдел культуры Российского Зарубежья, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, ул. Нижняя Радищевская, д. 2, 109240 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6831-1628>

E-mail: oleg_ermishin@mail.ru

Для цитирования: Ермишин О.Т. Историко-культурные взгляды П.М. Бицилли и Л.П. Карсавина в контексте их участия в евразийском движении // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 179–187.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-179-187>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

VIEWS OF PIOTR BITSILLI AND LEV KARSAVIN ON THE CULTURAL HISTORY IN CONTEXT OF THEIR PARTICIPATION IN EURASIAN MOVEMENT

© 2024. Oleg T. Ermishin

Abstract: The article devoted to the views of Piotr Bitsilli and Lev Karsavin on the history of culture. The author of article compared the ideas of Bitsilli and Karsavin expressed in their books, “The Elements of Medieval Culture” (1919) and “The Culture of Middle Ages” (1918). He shows Bitsilli and Karsavin’s scientific differences and worldviews, their relations to eurasianism and involvement in Eurasian issues.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, Lev P. Karsavin, Russian emigration, Eurasianism, history of culture, medieval culture, personality, philosophy of vseedinstvo (all-unity).

Information about the author: Oleg T. Ermishin, DSc in Philosophy, Leading Researcher, Department of Culture of the Russia Abroad, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russian Abroad, Nizhniaya Radishchevskaya St. 2, 109240 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6831-1628>

E-mail: oleg_ermishin@mail.ru

For citation: Ermishin, O.T. “Views of Piotr Bitsilli and Lev Karsavin on the Cultural History in Context of Their Participation in Eurasian Movement.” *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavilinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 179–187. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-179-187>

П.М. Бицилли (1879–1953) и Л.П. Карсавин (1882–1952) были одного поколения и сформировались как ученые и мыслители до эмиграции, т. е. до появления евразийства. Кроме того, историко-культурные взгляды Бицилли и Карсавина оказали прямое влияние на их сотрудничество с евразийцами, т. е. на то, что участие Бицилли в евразийских изданиях было кратковременным и почти что случайным, а Карсавина достаточно продолжительным (он переехал в Париж, входил в Совет евразийского движения и возглавлял Парижский евразийский семинар в 1926–1927 гг.). На темы «Л.П. Карсавин и евразийство» и «П.М. Бицилли и евразийство» уже существуют специальные статьи [1, 2], но сопоставление мировоззрений Бицилли и Карсавина дает более глубокое понимание связи между их научными идеями и участием в евразийском движении. Исследователи, которые писали о П.М. Бицилли и Л.П. Карсавине, точно отметили разницу в их отношении к евразийству: Д. Григорова называет Бицилли «полуевразийцем» [2, с. 308], а М. Байсвенгер считает Карсавина «типичным» евразийцем [1, с. 162].

Для сравнения историко-культурных взглядов Бицилли и Карсавина наиболее подходят две известные книги, вышедшие с разницей в один год: в 1918 г. в Петрограде была издана книга Карсавина «Культура средних веков», в 1919 г. в Одессе Бицилли выпустил свою книгу «Элементы средневековой культуры».

Несмотря на то что Бицилли неоднократно упоминал в «Элементах средневековой культуры» Карсавина и признавал его влияние, есть как общее, так и различное в мировоззрении двух ученых. Как трактует Бицилли средневековую культуру? С одной стороны, он признавал тягу средневекового общества к универсальности, единству и иерархическому устройству, но с другой, — понимал средневековую культуру прежде всего как творческий акт человеческого духа, который невозможно понять без изучения индивидуальной личности.

С точки зрения средневекового сознания, как полагал Бицилли, «всякая тварь — монада, воспроизводящая в себе Творца и творение» [5, с. 18], поэтому универсальные и индивидуальные элементы в конечном итоге совпадают, а не противоречат друг другу. Следовательно, в творческой личности средневековья можно найти все признаки и характеристики современной ей культуры. Культура и личность взаимосвязаны системой символов, т. е. обыденному сознанию, по выражению Бицилли, абсолютное дано в виде символов «при помощи образов конечных и ограниченных вещей» [5, с. 30]. Исходя из таких взглядов на средневековую культуру, Бицилли

считал, что важный объект его исследования — это «полная Богом индивидуальная человеческая личность» [5, с. 53], на основе которой формируется социальная среда, т. е. личность и социальная среда образуют единство, хотя и не тождественны. Понятие человека в средневековом смысле есть конкретная реализация личности как образа и подобия Божества, а не только случайная и преходящая индивидуальность. Таким образом, историко-культурные взгляды Бицилли включают совершенно определенные антропологические представления.

Бицилли так объяснил устройство средневекового общества: «человеческий мир сам может быть рассматриваем как законченное в себе, замкнутое целое, как некий макрокосм, по отношению к которому каждый из его элементов — будет ли то отдельный человеческий союз или единичная личность — мыслится как микрокосм» [5, с. 97]. Концепция общества совпадает с концепцией мира в средневековом мировоззрении. Восприятие мира имеет свои формы, которые во многом определяют средневековую культуру. Именно поэтому Бицилли выступал против социологического направления в исторической науке, так как считал, что «история творится в глубинах человеческого духа» [5, с. 132]. Историко-культурные взгляды Бицилли основаны на изучении исторической психологии — как коллективной, так и индивидуальной, — определяемой духовными процессами развития.

По сравнению с П.М. Бицилли Л.П. Карсавин имел историко-культурные взгляды, которые подразумевали другой подход к исторической психологии и проблеме личности. Как в ранних исторических работах, так и в последующих философских книгах личность понималась Карсавиным через единство множества, отдельные субъекты развития растворяются в высшем Субъекте развития. История представлена у Карсавина неким «океаном бытия», который поглощает отдельную личность.

Книгу «Культура средних веков» Карсавин начинает с теоретических положений, которые объясняют его точку зрения. Он пишет, что история культуры для него — это «изображение развития или раскрытия некоторой основной психической стихии, проявляющейся чрез индивидуальные осуществления во всех сферах жизни изучаемой коллективности» [6, с. 5]. Следует отметить как важные для нашей темы понятия, которые использует Карсавин, — «психическая стихия» и «коллективность». Вместо того чтобы изучать мелкие факты, Карсавин предлагал исследовать сам «дух истории», как он внешне проявляется во всех сферах жизни. Избранный метод дает Карсавину

возможность рассматривать историю культуры как совокупность явлений, которая объемлет все стороны человеческой жизни.

Карсавин видел в культуре сложную систему, имеющую одну основу и состоящую из многочисленных элементов, которые взаимодействуют между собой. Культура постоянно развивается, усваивает новое, отбрасывает старое. На примере Римской империи Карсавин показывал, как складывается культурно-государственное единство, в котором главную роль играет культура, а вспомогательную — государство. Именно приобщение к образованию и высшим культурным достижениям считалось признаком римского гражданина.

В средние века ситуация меняется по сравнению с эпохой Римской империи: центром культуры становится Церковь, которая, как пишет Карсавин, «вбирает в себя» культурные богатства античности. Церковь влияет на культуру, и культура влияет на религиозную жизнь. В результате рождается новый тип культуры, которому Карсавин дает свое объяснение. Новая культура оказалась жизнеспособной потому, что обладала энергией, вырастающей из коллективной жизни. Семейное и родовое единство, которое было распространено у варварских народов, расселившихся на территории бывшей Римской империи, рождает идею целостности, которая затем поддерживается единством Церкви. По мнению Карсавина, личность в средние века питается энергией целого, высшее единство полностью определяет индивидуальные проявления, процесс индивидуализации.

Индивидуализм в современном понимании, по мнению Карсавина, возникает только в период позднего средневековья и ведет к разложению средневекового общества. Вот как Карсавин описывал это разложение:

Рост «индивидуализма», т. е. самоопределения и, следовательно, противопоставления себя всему внешнему: традиции, форме, миру; рост осознающей себя в богатом разнообразии жизни личности является существеннейшим моментом в процессе творческого саморазложения средневекового общества. Личность осознает основы жизни в себе самой и как свои, получая благодаря этому «свободу» к дальнейшему их развитию [6, с. 184].

Таким образом, с точки зрения Карсавина, развитие индивидуализма относится преимущественно к Новому времени, а средневековая культура определяется коллективными структурами сознания. Из коллективной исторической психологии вырастают последующие философские построения Карсавина, которому по

естественным причинам были близки неоплатонизм и метафизика всеединства.

Теперь рассмотрим, как историко-культурные взгляды повлияли на сотрудничество Бицилли и Карсавина с евразийцами. В раннем евразийстве была общая установка, согласно которой основная идея евразийского движения сформулирована его основателями и лидерами (Н.С. Трубецким, П.П. Сувчинским, П.Н. Савицким), а дальше ее следует развивать специалистам, каждым из них — в своей научной области. Исходя из такой установки, в названии сборника «На путях: Утверждение евразийцев» (1922) слово «пути» стоит во множественном числе. Среди привлеченных специалистов оказался и П.М. Бицилли, который дал для сборника «На путях» статью «“Восток” и “Запад” в истории Старого Света». Статья Бицилли носит вполне академический характер, лишена какой-либо тени публицистичности, и ее вполне можно было бы опубликовать в любом другом сборнике или журнале. Бицилли развивает и обосновывает концепцию, согласно которой старая схема «Восток — Запад», «Европа — Азия» давно устарела. Ученый предлагает историю Старого Света рассматривать как борьбу «центра» и «окраин». Концепция Бицилли подразумевает следующее:

во-первых, за контрастом нельзя упускать из виду и черты сходства; во-вторых, необходимо поставить заново вопрос о самих носителях контрастирующих культур; в третьих, необходимо раз навсегда покончить с привычкой видеть контраст во всем и всюду, там даже, где его нет [3, с. 325].

Используя множество исторических фактов, Бицилли пытался показать, что борьба между Европой и Азией есть догматическая и примитивная формула, которая легко опровергается. Как Европа, так и Азия никогда не были однородными явлениями, они тесно взаимодействовали, особенно в области культуры. Россия же в наибольшей мере является результатом европейско-азиатского синтеза — как в силу географического положения, так и исторического развития. Бицилли считал:

Осуществить свою «евразийскую» миссию, реализовать свою сущность нового евразийского культурного мира Россия может лишь на тех путях, на которых она до сих пор развивалась политически: — из Средней Азии и через Среднюю Азию — в приморские области Старого Света [3, с. 337].

Таким образом, можно понять, что сблизило Бицилли с евразийцами, — это признание связи между географией и историей, т. е. то, что в наибольшей степени было ведущей идеей П.Н. Савицкого (специалиста по экономической географии и истории, создателя термина «евразийство»).

Вместе с тем Бицилли не мыслил только одними универсальными, географическими категориями. Для него за географией истории всегда стояла история духовной культуры, которая не ограничена географическими законами и государственными границами. Отдельные идеи евразийцев могли своей новизной заинтересовать Бицилли, но стать евразийцем для него вряд ли было возможно, если учитывать дальнейшее развитие евразийского движения.

Итогом сотрудничества Карсавина с евразийцами накануне его отъезда в Литву (январь 1928 г.) можно считать брошюру «Церковь, личность и государство» (Париж, 1927). Карсавин в своих размышлениях о личности и государстве опирается почти целиком на понятие Церкви. Для него Церковь есть идеал, к которому стремится мир и человечество. Как писал Карсавин, мир — «материя Церкви, материал, из коего должно быть создано и созидается Тело Христова» [7, с. 403]. Церковь содержит единую Истину как симфонию ее индивидуальных проявлений. Она есть образ всеединства. После Церкви второе понятие, на которое основывает свои размышления Карсавин, — это личность, которая понимается не как индивидуальное, но как прежде всего божественное начало. Таким образом, стремление и приобщение к Церкви одновременно означает причастие к личному бытию.

Между Церковью и индивидуальной личностью Карсавин признавал наличие соборных или симфонических личностей, к которым относил народ, культуру, государство. Он полагал, что государство есть необходимая форма личного бытия, а целью государства является превращение в церковную личность, т. е. им последовательно проводится принцип всеединства в философии, богословии, истории культуры.

Такая тяга к универсальным и обобщающим выводам, казалось, должна быть соотносима с общими евразийскими установками, но концепция Карсавина вызвала критику Н.С. Трубецкого, который настаивал на том, что личностью можно назвать только человека или народ, но никак не культуру и государство. По мнению Трубецкого, как индивидуальная личность, так и народ («хоровая личность») сохраняют свою субстанциальность, культура же есть «плод творчества личностей», а государство — только форма,

определяемая географическим пространством и политической властью.

Таким образом, «симфоническая личность» Карсавина имеет больше общего с его религиозно-философскими взглядами, с приверженностью к философии всеединства, тогда как в евразийстве существовала альтернативная концепция Н.С. Трубецкого, который был против растворения личности в универсальных категориях всеединства.

Бицилли и Карсавин по-разному воспринимали свое сотрудничество с евразийцами и впоследствии дали ему различные оценки. Если Карсавин после переезда в Литву еще продолжал писать статьи для газеты «Евразия», а после 1929 г. спокойно относился к расколу евразийского движения, то Бицилли идейно расстался с евразийцами в 1927 г., когда вынес им свой приговор в статье «Два лика евразийства».

Прочитав брошюру «Евразийство: Опыт систематического изложения» (Париж, 1926), Бицилли не принял новый политический уклон в евразийстве. С одной стороны, он признавал, что «евразийцами схвачены все своеобразие и вся сложность русской национально-имперской проблемы» [4, с. 424], что «важна чистая идея евразийства, несомненно соответствующая исторической реальности», но с другой стороны, считал ошибкой то, что евразийство «хочет стать единой партией», «единственной носительницей» [4, с. 425] истинной идеологии, ориентированной на идеи сверхличных «реальностей».

Отношение к идеям сверхличных «реальностей» в общем и отличается Бицилли от Карсавина. Если Карсавин как историк и философ развивал свои концепции на основе подобных идей и поэтому так органично вошел в евразийство в 1926–1927 гг., то Бицилли отрицательно относился к позднему евразийству. Он усмотрел противоречие и несогласованность между «чистой идеей евразийства» и новой идеологией, сформулированной в «Опыте систематического изложения», отдавая предпочтение первой и принципиально не принимая вторую. Точка зрения и общая оценка Бицилли будет более ясной, если под «чистой идеей евразийства» понимать творческий поиск, направленный на изучение русской культуры и истории (то, что можно назвать диалогом и «лабораторией идей»). Таким образом, Бицилли, как он сам сформулировал, принимал «становившееся» евразийство, но отверг «ставшее» евразийство, претендующее на законченное, догматическое учение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Байссвенгер М. «Еретик» среди «еретиков»: Л.П. Карсавин и евразийство // Лев Платонович Карсавин / под ред. С.С. Хоружего. М.: РОС-СПЭН, 2012. С. 160–192.
2. Григорова Д. Петр Бицилли и евразийство // Българите в Северното Причерноморие: Изследвания и материали. Одеса — Велико Търново, 2009. Т. 10. С. 303–308.

Источники

3. Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // На путях: Утверждение евразийцев. Москва; Берлин: Геликон, 1922. С. 317–340.
4. Бицилли П.М. Два лика евразийства // Современные записки. Париж, 1927. Кн. 31. С. 421–434.
5. Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. XXVIII, 244 с.
6. Карсавин Л.П. Культура средних веков. Киев: Символ, 1995. 208 с.
7. Карсавин Л.П. Церковь, личность и государство // Карсавин Л.П. Сочинения. М.: Раритет, 1993. С. 403–442.

REFERENCES

1. Baissvenger, Martin. “‘Eretik’ среди ‘eretikov’: L.P. Karsavin i evraziistvo” [“‘Heretic’ among ‘Heretics’: L.P. Karsavin and Eurasianism”]. *Lev Platonovich Karsavin* [Lev Platonovich Karsavin], ed. by S.S. Khoruzhii. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. pp. 160–192. (In Russian)
2. Grigorova, D. “Petr Bitsilli i evraziistvo” [“Piotr Bitsilli and Eurasianism”]. *Balgarite v Severното Prichernomorie: Izsledvaniia i materialii* [The Bulgarians in the Northern Black Sea Region: Research and materials], vol. 10. Odessa — Veliko Tarnovo, 2009. pp. 303–308. (In Russian)

Дата поступления статьи: 31 июля 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 16 мая 2023 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 31 July 2021

Approved after reviewing: May 16, 2023

Date of publication: December 26, 2024

Научная статья

УДК 82-94

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-188-202>

<https://elibrary.ru/ZQYSCO>

ПЕТР БИЦИЛЛИ И ВЛАДИМИР ВЕЙДЛЕ

© 2024 г. М. Шруба

Аннотация: В статье рассматриваются личные отношения П.М. Бицилли и В.В. Вейдле на основе высказываний друг о друге в рецензиях и в переписке с третьими лицами. Проанализирована также неопубликованная переписка ученых 1933–1937 гг., отложившаяся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (Санкт-Петербург) и в Бахметьевском архиве (Нью-Йорк). Письма привносят новые штрихи к творческой биографии П.М. Бицилли и В.В. Вейдле, подтверждая сложившийся на основе взаимных печатных отзывов общий образ большой интеллектуальной близости.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, В.В. Вейдле, русская эмиграция первой волны, литературная критика, история культуры.

Информация об авторе: Манфред Шруба — доктор филологических наук, ординарный профессор, Департамент языков, литератур, культур и медиации, Миланский государственный университет, площадь Св. Алессандро 1, 20123 г. Милан, Италия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9174-2998>

E-mail: manfred.schruba@unimi.it

Для цитирования: Шруба М. Петр Бицилли и Владимир Вейдле // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 188–202.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-188-202>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

PIOTR BITSILLI AND VLADIMIR VEIDLE

© 2024. Manfred Schrubba

Abstract: The paper discusses the personal relationship of Piotr M. Bitsilli and Vladimir V. Veidle on the basis of their comments about each other in book reviews and in the letters of both of them addressed to other people. The article also analyzes the unpublished correspondence of the scholars from 1933 to 1937, kept in the Manuscript Department of the Pushkin House (Saint Petersburg) and in the Bakhmeteff Archive (New York). The letters add new particulars details to the creative biography of Bitsilli and Veidle; they confirm the general picture of a great intellectual proximity which arises on the basis of their published reciprocal assessments.

Keywords: Piotr Bitsilli, Vladimir Veidle, Russian emigration of the first wave, literary criticism, culture history.

Information about the author: Manfred Schrubba, DSc in Philology, Full Professor of Slavic Studies, University of Milan, Department of Languages, Literatures, Cultures and Mediations, Square S. Alessandro 1, 20123 Milan, Italy. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9174-2998>
E-mail: manfred.schruba@unimi.it

For citation: Schrubba, Manfred. "Piotr Bitsilli and Vladimir Veidle." *Emigrantica*. Moscow, IWL RAS Publ., 2024. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 188–202. (In Russian)
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-188-202>

Петр Михайлович Бицилли (1879–1953) и Владимир Васильевич Вейдле (1895–1979) принадлежат безо всякого преувеличения к наиболее выдающимся представителям культуры и науки русской эмиграции первой волны. На общем фоне, и так достаточно богатом талантами, они выделяются энциклопедичностью знаний и многосторонностью научных и писательских интересов.

Несмотря на принадлежность к разным поколениям — Бицилли был на целых 16 лет старше Вейдле, — интеллектуальные профили обоих ученых достаточно схожи. Оба были профессиональными историками с уклоном в историю культуры (Бицилли — больше в историю идей, Вейдле — больше в историю искусства). В эмиграции, где они оказались в первой половине 1920 х гг. (Бицилли в 1920 г., Вейдле в 1924 г.), оба проявили себя как плодотворные литературоведы и литературные критики, публикуя статьи, эссе и рецензии на схожие зачастую темы — в частности, о русской и европейской литературе, о философии истории и искусства, о проблемах современной русской и европейской культуры.

Следует отметить, что Бицилли и Вейдле печатались в 1920–1930-е гг. большей частью в одних и тех же парижских периодических изданиях. В их числе: «Современные записки», «Числа», «Встречи», «Русские записки». Особо интенсивным было сотрудничество обоих авторов в «Современных записках», где за Вейдле числится с 1927 по 1940 гг. всего 49 публикаций (17 статей и 32 рецензии), между тем как Бицилли опубликовал с 1925 по 1940 гг. целых 106 текстов (32 статьи и 74 рецензии).

Бицилли и Вейдле вполне осознавали свою интеллектуальную близость; они ценили друг друга, взаимно интересовались работами друг друга, откликаясь на них как в печати, так и в частной переписке с третьими лицами.

Вейдле внимательно следил за творчеством Бицилли, считая его «одним из лучших наших историков» [10, с. 457], как он пишет в своей рецензии на книгу Бицилли «Место Ренессанса в истории культуры» (1933). Вейдле опубликовал в 1926–1933 гг. рецензии на четыре книги Бицилли, а несколько десятилетий спустя посвятил ему мемуарный очерк. Статья 1977 г. завершается общей оценкой ученого:

Объемистых книг Петр Михайлович не писал. Но по содержательности каждая из этих длинных статей равняется книге. Очень много превосходных статей на литературные и культурно-философские темы было им напечатано в «Современных записках», где он постоян-

но выступал и как рецензент самых разнообразных книг. Следовало бы собрать и издать все написанное им. Он был человек больших знаний, большой ответственности и всегда живой мысли. Мы не столь богаты, чтобы таким наследством пренебречь. Говоря это, не об эмиграции думаю; думаю о России [8].

Первый, наиболее развернутый из печатных откликов Вейдле о книгах Бицилли опубликован в парижской газете «Дни» и посвящен «Этюдам о русской поэзии» (1926). Оценка, данная книге, в целом очень положительная, как явствует из первых слов рецензии: «Книга П.М. Бицилли — мы сразу чувствуем потребность сказать, что она жива, талантлива, интересна» [11]. Данный отзыв — плод внимательного прочтения; рецензент не ограничивается одними похвалами и пересказом содержания, вступая в спор с некоторыми положениями книги. К ее недочетам принадлежат, согласно Вейдле, некоторые стиховедческие высказывания Бицилли¹:

Вопросы стихотворной техники автору как будто немного чужды. С понятием силлабического стиха произошло полное недоразумение: можно говорить о переходе Блока и Ахматовой к чисто тоническому, а не к чисто силлабическому стиху; стих, о котором здесь идет речь (так называемый паузник), отличается именно неравенством числа слогов (от одного до трех между ударениями), т.е. противоречит принципу силлабизма [11].

Общую оценку «Этюдам...» содержит заключительный пассаж:

Эти возражения не хотят ничего умалить; они только подтверждают нашу радость. Везде в «Этюдах о русской поэзии» перед нами человек, которого мы понимаем, с которым у нас и в самом деле есть что поделить и о чем спорить. Только так, как он говорит о своем предмете, о нем вообще и можно говорить. С ним и самое несогласие для нас будет обогащающим и плодотворным [11].

Работы Бицилли получали неизменно высокие оценки в откликах Вейдле. Рецензия на первую часть составленной Бицилли «Хре-

¹ Об этом Вейдле вспомнил также в своем мемуарном очерке: «Но уже в 25-ом вышли в Праге его “Этюды о русской поэзии”, о которых напечатал я отзыв в парижской газете “Дни”. Отзыв этот был не вполне положительный. Я обнаружил в книге следы некоторой неопытности автора в обращении со стихотворным материалом. Но я книгу тем не менее приветствовал» [8].

стоматии по истории русской литературы» (1931) завершается словами:

Вообще же говоря, выбор так удачен, что книга может послужить далеко не одним учащимся и учащим, но и людям, давно уже вышедшим из школьного возраста, которым тоже не мешает время от времени погрузиться в созерцание того, быть может, и немногого, но очень драгоценного, что завещано русской литературе древним ее периодом [13].

В рецензии на вторую часть «Хрестоматии» (1932) Вейдле подчеркивает продуманность критериев отбора включенного в обе книги материала — «принципов, столь выгодно отличающих хрестоматию П.М. Бицилли от тех, что были у нас до сих пор в ходу» [12, с. 465].

Последним трудом Бицилли, на который откликнулся Вейдле, стала монография «Место Ренессанса в истории культуры» (1933). Наряду с указанной выше рецензией в «Современных записках», вторым отзывом Вейдле о данной книге был длинный пассаж в статье-подвале «Вечная Италия», опубликованной в парижской газете «Последние новости». В статье Вейдле не только комментирует, но и развивает положения книги Бицилли:

Возрождение есть прежде всего чисто итальянское явление, — это с особой ясностью и силой показано в только что вышедшей замечательной книге П.М. Бицилли², несомненно лучшей и наиболее самостоятельной работе из имеющихся в этой области на русском языке. Думаю, основные мысли этой книги не будут искажены, если их продолжить, сказав, что в основе своей Возрождение есть рождение и развитие итальянской национальной культуры. Средневековья в целостно-культурном смысле в Италии никогда не было. Все формы северной средневековой культуры (готическое искусство, например, или рыцарский роман) здесь перековывались на новый лад, резко противоречащий исконному их духу. В XI, XII веках, когда началось духовное пробуждение Италии, оно направилось сразу в совсем другую сторону, нежели параллельный духовный подъем в альпийских странах. Те черты, о которых все время шла речь, стали проявляться очень рано, и история итальянской культуры тех веков есть история постепенного их раскрытия. Вытекает из них и весь идейный мир,

² Здесь в статье помещена сноска с выходными данными книги.

расцветший в XV и XVI веках, анализу которого, главным образом, и посвящена книга П.М. Бицилли <...>. Со времен Буркгардта величайшим подвигом итальянского Возрождения считалось «открытие» живой человеческой личности, но П.М. Бицилли весьма справедливо указывает на то, что личность эта всегда воспринимается в Италии как остановившаяся, нашедшая предел, лишенная развития; в развитии, в становлении изображают ее Сервантес и Шекспир, а совсем не Петрарка, не Боккаччо, не Макиавелли, не Ариосто [7].

Вейдле собирался опубликовать в «Современных записках» также отзыв о работе Бицилли «Краткая история русской литературы» (1934), как явствует из его письма к В.В. Рудневу от 5 сентября 1934 г.: «Может быть, нужна рецензия на книгу Бицилли о русск<ой> литер<атуре> XIX века?» [15, с. 22]. Отклик был, однако, уже заказан К.В. Мочульскому; рецензия появилась в ближайшем номере, вышедшем в январе 1935 г. [14]. Показательно, что Бицилли, не дождавшись рецензии на свою книгу, в письме к Рудневу от 18 ноября 1934 г. предлагал именно Вейдле как возможного или желательного рецензента:

Огорчило меня то, что на мое собственное произведение так и не было у Вас рецензии. Не написал ли бы Вейдле? Я ему экземпляр послал давно [16, с. 549].

Бицилли, в свою очередь, отрецензировал в 1937 г. первую книжную публикацию Вейдле. О высокой оценке и самого сочинения, и его автора свидетельствует начальный пассаж рецензии:

Эта книга русского ученого посвящена проблеме умирания искусства в наши дни. Автор исследует ее, опираясь на огромный материал, всесторонне и с редкой проникновенностью. Особенно тонки и оригинальны наблюдения над эволюцией «героя» в современном романе, в связи с этим — остроумнейший анализ того нынешнего писательского метода, который автор зовет «механизацией бессознательного»; весьма убедительно показана также связь этого метода в литературе с аналогичными приемами творчества в музыке и в изобразительном искусстве» [5, с. 471].

Примечательно, что собственно о книге Вейдле говорится лишь в первом из двух обширных абзацев рецензии; второй абзац, более длинный, представляет собой вызванные книгой размышления Би-

цилли о заданных Вейдле проблемах «умирания искусства» и «кризиса сознания».

О том, что Бицилли высоко ценил работы Вейдле, свидетельствуют многочисленные пассажи в письмах первого к редактору «Современных записок» Вадиму Рудневу. Так, Бицилли писал ему 7 июня 1933 г. по поводу статьи Вейдле «Борьба с историей» в кн. 52 журнала:

Небеллетристический отдел — серенький, за исключением статьи Вейдле, очень глубоко продуманной и тонкой [16, с. 471].

В письме Бицилли к Рудневу от 18 октября 1933 г. упоминаются статьи в кн. 53 — в частности, «Чистая поэзия» Вейдле: «Очень мне понравились статьи Вейдле, Адамовича и в особенности Степуна» [16, с. 527–528].

4 июля 1935 г. Бицилли писал Рудневу о публикациях в кн. 58 (в частности, подразумевая статью Вейдле «Механизация бессознательного»):

Адамович, Вейдле, Гессен, Федотов. Для меня они объединяются в том, что это — *живые души*, люди, которые, каждый по-своему, чутко-восприимчивы к современности, охвачены переживанием ее трагической сущности и не боятся идти в самую глубь ее проблематики [16, с. 560].

В письме Бицилли к Рудневу от 11 марта 1936 г. с откликом на кн. 60 «Современных записок» сообщается: «Превосходна статья Вейдле» [16, с. 571] (речь идет о статье «Границы Европы»).

В письме Бицилли к Рудневу от 3 августа 1936 г. (по поводу статьи М.Н. Шварца «Освальд Шпенглер» в кн. 61) Вейдле назван в числе «мастеров» историософской публицистики:

Шпенглер, при всех его крайностях, натяжках, насилованиях историч<еской> истины, все же был гениальный человек — и хотелось бы, чтобы статья, трактующая об одной из основных тем его, была написана кем-ниб<удь> из мастеров по этой части (Степун, Федотов, Вейдле). Статья же Шварца — *бледна и скуновата* [16, с. 583].

Схожее высказывание находим в письме к Рудневу от 28 сентября 1936 г., где Вейдле назван как один из желательных авторов номера, приуроченного к пушкинскому юбилею: «хорошие статьи могли бы

дать Горлин, Вейдле, Адамович» [16, с. 591]; редакция последовала совету Бицилли; в очередную книгу «Современных записок» с юбилейными пушкинскими материалами вошла, в частности, и статья Вейдле [9].

В письме от 14 декабря 1936 г. Бицилли сообщал Рудневу по поводу статьи Вейдле «Мысли о Достоевском», опубликованной в кн. 62 журнала:

В своей статье о Достоевском Вейдле на редкость оригинально развил основное положение Мережковского о характере творчества Дост<оевского> и, для меня, по крайней мере, открыл у него многое, чего раньше я сам не сумел там увидеть [16, с. 596].

Впрочем, изредка встречаются и высказывания критические. Так, в письме Бицилли к Рудневу от 19 июля 1935 г. есть следующие слова: «Признаю, что Вейдле подчас бывает тяжеловесен, — как Вы отметили, — а к тому же нередко повторяется» [16, с. 563]. А о статье Вейдле «Тютчев и Россия», опубликованной в «Русских записках» (1939. Июнь. № 18), Бицилли писал секретарю журнала М.В. Вишняку 15 июля 1939 г.:

Статья Вейдле довольно интересна, но не свободна от некоторых *puerilités* <юношеских незрелостей (фр.)>. В особенности там, где в доказательство, что у Тютчева «душа» была «русская», он приводит то, что, хотя Тютчев дважды был женат на немках, но любовница его была русская [16, с. 634].

Бицилли познакомился лично с Вейдле в августе 1931 г. во время своей поездки в Париж [1, с. 302]. Два года спустя после личной встречи между учеными завязалась непродолжительная переписка. Они обменялись тремя письмами в октябре-ноябре 1933 г.; затем в ноябре 1936 — феврале 1937 гг. последовали еще три послания. Письма Вейдле хранятся в фонде Бицилли в Пушкинском доме в Санкт-Петербурге; письма Бицилли находятся в фонде Вейдле в Бахметьевском архиве в Нью-Йорке.

Переписка Бицилли и Вейдле дополняет ту картину, которая создавалась на основе их высказываний друг о друге в печатных выступлениях и в частной переписке с третьими лицами. В каждом из имеющихся писем легко найти слова, свидетельствующие о большом взаимном уважении и об интеллектуальной близости двух ученых. Характерно, что Вейдле упоминает в своем первом письме

к Бицилли от 10 октября 1933 г. об их личном знакомстве в августе 1931 г. в Париже:

Надеюсь, что Вы опять скоро соберетесь в Париж и что удастся опять побеседовать с Вами, — хотя бы у того же Поннарди, где я часто вспоминаю Вас³.

Поводом для первоначального обмена письмами осенью 1933 г. послужила присылка новой книги Бицилли «Место Ренессанса в истории культуры» (София, 1933). Вейдле отблагодарил письмом, сообщив о двух своих откликах о книге — в «Последних новостях» и в «Современных записках» [7; 10].

В своем ответном письме от 27 октября 1933 г. Бицилли, в частности, просил поделиться информацией на предмет литературы о современной музыке:

Я сейчас читаю курс по истории европ<ейской> культуры 19–20 вв., и в этой связи для меня важно просветить себя насчет эволюции соврем<енной> музыки. Музыкальная-то литература мне знакома неплохо, но все же должен сказать, что музыка для меня — величайшая из загадок. Я никак не могу понять, напр<имер>, в чем секрет той необходимости, какую я с полнейшей несомненностью чувствую в развитии каждой сонаты Моцарта. И чем совершеннее музыкальное произведение, тем оно загадочнее. Взял я Combarieu, «Ист<орию> музыки» Einstein'a — все не то. Есть замечательная книга Лосева — о диалектике музыки, — но он пишет так, что понять его — величайшая трудность. Очень прошу Вас, если знаете что-ниб<удь> по этой части, — порекомендуйте мне⁴.

В ответном письме от 23 ноября 1933 г. Вейдле указывает чуть ли не с десятком названий книг на интересующую старшего коллегу тему. На этом эпистолярный временно обрывается.

Три года спустя переписку возобновляет Бицилли. Толчком служит на этот раз новая книга Вейдле «Les abeilles d'Aristée» (1936). Бицилли благодарит автора в письме от 10 ноября 1936 г. за присланный ему экземпляр и заявляет о своем желании написать рецензию.

³ РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 74.

⁴ BAR. Vladimir Veidle Papers. Box 1.

Дорогой Владимир Васильевич, В.В. Руднев переслал мне Вашу книгу⁵. Большое Вам спасибо за нее. Я прочел ее с живейшим интересом и к тому же с чувством самоудовлетворения, т<ак> к<ак> нашел в ней множество мест, где Вы говорите то, что и мне самому приходит нередко в голову. <...> О некоторых Ваших мнениях хотелось бы лично обменяться с Вами мыслями и даже поспорить. Путем переписки это всегда очень трудно⁶.

В ответном письме от 3 декабря 1936 г. Вейдле, в частности, сообщает о своем намерении опубликовать книгу о культурном единстве Европы:

Думаю, что и тут опять будут многочисленные параллели к таким статьям Вашим, как «U.S.E.»⁷ или «Нация и язык»⁸. Надеюсь, что аналогии такого рода Вас не раздражают; ведь возникают они вполне естественно и непреднамеренно. Есть для меня что-то символическое в том, что в тот самый год, когда Вы выпустили Вашу диссертацию о Салимбене⁹, я писал на ту же тему зачетное сочинение¹⁰. Времена эти давно прошли, и сочинение было скверное, но тот факт, что vom Hause aus <изначально, исходно (нем.)> мы оба — историки, отчасти обусловил, должно быть, сходство тех позиций, с которых мы взираем на современный мир¹¹.

⁵ Ср. в письме Вейдле к Рудневу от 22 октября 1936 г.: «Еще прилагаю два экз. моей книги — один Вам, а другой прошу послать Бицилли (я потерял его адрес) и написать ему, чтобы он дал рецензию в “Современных записках”, если Вы согласны с этим моим пожеланием» [15, с. 30].

⁶ BAR. Vladimir Veidle Papers. Box 1.

⁷ См.: [6].

⁸ См.: [3].

⁹ См.: [4].

¹⁰ Ср. в мемуарном очерке Вейдле о Бицилли: «Диссертация его, вышедшая во время войны, посвящена была истории Италии в XIII веке, поскольку она отражена в хронике францисканского монаха, брата Салимбене из Пармы, о которой тогда же и я в Петербурге писал, на последнем курсе, свое зачетное сочинение. Так что мы, при немалой разнице лет, нечаянно встретились в средневековой Италии в мало посещаемой русскими космонавтами интеллектуальной стратосфере, и отчасти, быть может, поэтому, мы впоследствии охотно друг друга читали и быстро наладили почтовую между нами связь, хотя увиделись и хорошо поговорили лишь позже, в тот единственный раз, когда Петру Михайловичу удалось не надолго приехать из Софии в Париж» [8]. Здесь ошибка памяти Вейдле: сначала была встреча в Париже в 1931 г., а затем переписка 1933–1937 гг.

¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 74.

Переписка ученых обрывается окончательно на длинном послании Бицилли от 12 февраля 1937 г. в ответ на письмо Вейдле:

Меня очень заинтересовало то, что Вы пишете мне, что готовите книгу о единстве Европы. Это как раз та тема, вокруг да около которой я хожу уже несколько лет и которой, от времени до времени, решаюсь посвящать мои университетские курсы. Здесь целый клубок сложнейших проблем. Прежде всего — факторы европейск<ого> единства. До чего они разнообразны, различны по происхождению и, т<ак> ск<азать>, «случайны». <...> Далее: еврейство как носитель европеизма. Этот фактор исследуется ведь только под искажающим углом зрения — антисемитами. Еще один вопрос: ритмика «Европы». В наше время немало вышло книг, посвященных законам истории, определяющим ее ритм, <...> — и обычно в тени остается самый существенный вопрос: ведь никакая другая история не знает таких коренных, глубоких, «нутряных» изменений как европейская. <...> Затем — еще одна, побочная, тема: интересно было бы проследить кочевание «Европы», постоянное перемещение ее центра — причем, кажется мне, можно было бы засвидетельствовать, что «центр» этот, парадоксальным образом, стремился устроиться чаще всего на европейской «периферии» и вне поля зрения собственно «европейских», т.е. западно-европ<ейских> народов, — и именно тех, которыми все-го более занимаются историки «Европы». В XIX в. — от Пушкина и до Толстого включительно «Европой» была прежде всего Россия, но кто в официальной, казенной, по-сеньобосовски¹² понимаемой Европе знает об этом? В настоящее время «Европа» это, м<ожет> б<ыть>, Скандинавия, Швейцария, Голландия, Америка¹³.

Письмо лишний раз демонстрирует интеллектуальную синтонию между мыслителями, плодотворность их диалога на расстоянии.

Бицилли завершает свое послание чрезвычайно любопытным пассажем:

На каком языке Вы выпустите Вашу книгу? Догадываюсь, что на французском, т<ак> к<ак> русское зарубежное книгопечатание, как видно, уже погребено. Да и читателей нет. Впрочем, кажется, что

¹² Имеется в виду французский историк Шарль Сеньобос (Seignobos; 1854–1942). Истории Европы посвящены, в частности, его труды: [17; 18] (первое издание «Политической истории современной Европы» вышло в 1897 г.).

¹³ BAR. Vladimir Veidle Papers. Box 1.

и во Франции на книгу спрос все уменьшается. Уже давно я получил заказ от Baldensperger: дать очерк истории русской литературы допушкинского периода — для его издания (коллективного) ист<ории> всемирной литературы. Рукопись послал больше года тому назад, и сразу же получил гонорар; но о самом издании с тех пор — ни слуху ни духу¹⁴.

Упомянутый в письме Фернан Бальдансперже (1871–1958) — это известный французский историк литературы и литературовед-компаративист. В фонде Бицилли Пушкинского дома сохранились три письма Бальдансперже за 1934–1935 гг. — возможно, в них как раз идет речь об упомянутом в письме Бицилли книжном проекте [2, с. 67]. Особый интерес пассажи заключается в том, что подобное коллективное издание под редакцией Бальдансперже никогда не выходило.

Итак, вполне вероятно, что в каком-то архиве сохранилась неопубликованная и, надо думать, достаточно обширная рукопись «очерка истории русской литературы допушкинского периода», написанного Бицилли в 1935 г. — по всей видимости, по-французски. Стоит ли говорить, что ознакомиться с систематическими сообщениями Бицилли о русской литературе XVIII в. (а вдруг может и о древнерусской литературе) было бы очень даже любопытно.

Поиски подобной рукописи следовало бы провести для начала в США. Бальдансперже преподавал в 1935–1940 гг. в Гарвардском университете в Кембридже, затем в 1940–1945 гг. в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (UCLA). В архивах обоих университетов сохранились личные фонды ученого¹⁵. В архиве Гарвардского университета находятся, по-видимому, и связанные с данным проектом письма Бицилли.

¹⁴ Там же.

¹⁵ В Гарварде имеются «Papers of Philippe-Julius Fernand Baldensperger, ca. 1935 — ca. 1940» (шифр хранения: HUG 4190 и др.); см.: <https://hollis.harvard.edu>; поиск: Baldensperger. В архиве UCLA есть «Fernand Baldensperger papers, 1904–1945»; опись коллекции доступна онлайн; см.: <https://oac.cdlib.org/findaid/ark:/13030/tf8w1008j0/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
2. Герашко Л.В., Кудрявцев В.Б. Фонд профессора П.М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 57–222.

Источники

3. Бицилли П.М. Нация и язык // Современные записки. Париж, 1929. Кн. 40. С. 403–426.
4. Бицилли П.М. Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века). Одесса, 1916. 389 с. (Зап. Имп. Новорос. ун-та, ист.-филол. ф-та; вып. 12).
5. Бицилли П.М. [Рец. на кн.:] Wladimir Weidlé. “Les Abeilles d’Aristée”. Paris, 1936 // Современные записки. 1937. Кн. 64. С. 471–473.
6. Бицилли П.М. U.S.E.? // Современные записки. 1931. Кн. 45. С. 362–388.
7. Вейдле В.В. Вечная Италия // Последние новости. Париж, 1933. 3 октября. № 4577.
8. Вейдле В.В. О тех, кого уже нет: № 35. Мочульский и Бицилли // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1977. 20 марта. № 24209. С. 5.
9. Вейдле В.В. Пушкин и Европа // Современные записки. 1937. Кн. 63. С. 220–231.
10. Вейдле В.В. [Рец. на кн.:] П. Бицилли. Место Ренессанса в истории культуры. Ежегодник Софийского университета, т. 29 (I). София, 1933 // Современные записки. 1933. Кн. 53. С. 457–459.
11. Вейдле В.В. [Рец. на кн.:] Бицилли П.М. Этюды о русской поэзии. Прага: Пламя, 1926 // Дни. Париж, 1926. 21 января. № 918. С. 4.
12. Вейдле В.В. [Рец. на кн.:] П.М. Бицилли. Хрестоматия по истории русской литературы. Часть II. Литература XVIII века. Изд. «Родина и родная речь». Париж, 1932 // Современные записки. 1932. Кн. 50. С. 465–466.
13. Вейдле В.В. Русская хрестоматия П.М. Бицилли // Возрождение. Париж, 1931. 10 сентября. № 2291. С. 4.
14. Мочульский К. [Рец. на кн.:] Проф. П. Бицилли. Краткая история русской литературы. Часть 2-я. От Пушкина до нашего времени // Современные записки. 1935. Кн. 57. С. 467–468.
15. «Не думайте, что я забыл “Современные записки”»: В.В. Вейдле / публ.,

- вступ. ст. и примеч. О.А. Коростелева // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2013. Т. 3. С. 9–36.
16. «“Современные записки” все ближе и ближе подходят к тому, чего я лично хотел от них»: П.М. Бицилли / публ. и примеч. М.А. Бирмана и М. Шрубы; вступ. ст. М.А. Бирмана // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 479–646.
17. *Seignobos Ch. Histoire de l'Europe*. Paris: Éditions de Cluny, 1934. 198 p.
18. *Seignobos Ch. Histoire politique de l'Europe contemporaine. Évolution des partis et des formes politiques (1814–1914)* / 7me éd. entièrement refondue et considérablement augmenté. Paris: Armand Colin, 1924–1926. Т. I. XIV, 536 p.; Т. II. 695 p.

REFERENCES

1. Birman, M.A. *P.M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo [P.M. Bitsilli (1879–1953). Life and Work]*. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 444 p. (In Russian)
2. Gerashko, L.V., and V.B. Kudriavtsev. “Fond professora P.M. Bitsilli v Rukopisnom otdele Pushkinskogo Doma” [“The Fund of Professor P.M. Bitsilli in the Manuscript Department of the Pushkin House”]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2005–2006 gody [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for the Years 2005–2006]*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2009, pp. 57–222. (In Russian)

Дата поступления статьи: 11 августа 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 27 июня 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 11 August 2021

Approved after reviewing: June 27, 2022

Date of publication: December 26, 2024

754
 28, rue de la Bonnelle
 Boulogne 15.
 10 x 33

Знаюшаясь и дорогой
 Петр Миканович,

разрешите, хоть и с большим опозданием, по-
 думи Вас поблагодарить за присланную пред-
 расной Вашей книги от израильского Воз-
 рождения. Предлагаемая статья оказалась
 ее вышена и посылу, может быть, будет
 Вам интересна. В вышесказанной книге совр.
 Записки должны появиться мои рассказы
 из Вашей книги; так и рождалось с Вами
 поделитесь немого, но мне не
 частному вопросу, в общем же книга Ваша
 показала мне очень интересный, про-
 никновенный взгляд и во многих отношениях
 весьма новый, несмотря на скромные слова
 Вашего предисловия.

Еще раз, большое спасибо. Надеюсь, что Вы
 опять скоро совершаете в Париж и уж удастся
 опять познакомиться с Вами, — хоть и у меня
 покинут, где и часто вспоминаю Вас.
 Мило Вам от души всех хороших.
 Искренне Ваш В. Вейдле.

Илл. 1. Письмо В.В. Вейдле к П.М. Бицилли. 10 октября 1933. РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 74. Л. 1

Fig. 1. Letter from V.V. Veidle to P.M. Bitsilli. 10 October 1933. Manuscript Department of IRL RAS. F. 804. Inv. 1. Dossier 74. Sheet 1

Научная статья

УДК 82-94

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-203-214>

<https://elibrary.ru/ZRWCJU>

ПЕТР БИЦИЛЛИ И ЭРНСТ КАССИРЕР

© 2024 г. Р. Мних

Аннотация: В статье представлены размышления, касающиеся проблемы сравнения идей и творческого наследия двух известных мыслителей XX в. — немецкого философа Э. Кассирера (1874–1945) и русского историка П.М. Бицилли (1879–1953). Рассмотрены три аспекта сравнения: 1) влияние Э. Кассирера на П. Бицилли; 2) сравнение концепции культурно-исторических эпох (средневековья и Ренессанса) у обоих мыслителей; 3) отношение к проблеме свободы и к европейскому культурному наследию на примере творчества И.-В. Гёте и О. Шпенглера. Изучение текстов Э. Кассирера и П. Бицилли в сравнительном аспекте открывает широкую перспективу исследования истории идей в области гуманитарных наук.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, Э. Кассирер, Ренессанс, философия истории, проблема свободы.

Информация об авторе: Роман Мних — доктор филологических наук, профессор, Кафедра русистики, Варшавский университет, ул. Краковское Предместье, 26/28, 00-927 г. Варшава, Польша.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3384-2821>

E-mail: r.mnich3@uw.edu.pl

Для цитирования: Мних Р. Петр Бицилли и Эрнст Кассирер // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 203–214.
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-203-214>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

PIOTR BITSILLI AND ERNST CASSIRER

© 2024. Roman Mnich

Abstract: The article presents reflections on the problem of comparing the ideas and legacy of two famous thinkers of the twentieth century — German philosopher Ernst Cassirer (1874–1945) and Russian historian Piotr M. Bitsilli (1879–1953). Three aspects of comparison are considered: 1) Cassirer’s influence on Bitsilli; 2) the concept of cultural and historical periods (the Middle Ages and the Renaissance) by the thinkers; 3) the attitude to the problem of freedom and the European cultural heritage on the examples of the works by J.W. Goethe and O. Spengler. A comparative study of the texts by E. Cassirer and P. Bitsilli opens up a broad perspective for studying the history of ideas in the humanities.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, Ernst Cassirer, Renaissance, philosophy of history, the problem of freedom.

Information about the author: Roman Mnich, Doctor Hab., Professor, Department of Russian Studies, University of Warsaw, Krakowskie Przedmieście St. 26/28, 00-927 Warsaw, Poland.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3384-2821>

E-mail: r.mnich3@uw.edu.pl

For citation: Mnich, Roman. “Piotr Bitsilli and Ernst Cassirer.” *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 203–214. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-203-214>

В настоящей статье я хочу представить несколько, на мой взгляд, важных аспектов сопоставления и соизмерения творчества двух видных мыслителей XX в. — русского историка и литературоведа Петра Михайловича Бицилли (1879–1953) и немецкого философа Эрнста Кассирера (1874–1945). Как следует из приведенных дат рождения, ученые были почти ровесниками, поэтому есть смысл рассматривать их наследие и основные научные идеи в общей культурно-исторической парадигме, сложившейся в Европе в первой половине XX в. Такое сопоставление тем более уместно, что П.М. Бицилли в 1920 г. эмигрировал из Советской России в Европу и потому его взгляды и публикации не подвергались ограничениям со стороны советской (большевистской) идеологии того времени.

Сравнительное изучение научных концепций и идей П. Бицилли и Э. Кассирера может показаться проблематичным, поскольку связано с сопоставлением разных областей гуманитарного знания, прежде всего истории и философии. Что касается литературоведения, то историк Бицилли и философ Кассирер в одинаковой мере обращались к опыту художественной литературы для подтверждения своих концепций, и в этом смысле они оба были причастны к формированию интердисциплинарных тенденций в гуманитарном дискурсе XX в. Сопоставление их творчества открывает совершенно новую перспективу исследования, позволяющую, с одной стороны, интерпретировать научный исторический опыт в свете основных философских идей того времени, а с другой — рассматривать магистральные для XX в. философские идеи сквозь призму истории и связанной с нею реальной событийностью. В этой заметке я ограничусь только самой постановкой проблемы, ее научное решение требует времени для детальной интерпретации как текстов обоих мыслителей, так и общего исторического и культурного контекста эпохи.

Отмечу, что сравнение творчества Кассирера и Бицилли открывает новые горизонты для изучения истории идей в европейской культуре XX в. в разных направлениях. Кроме интересной самой по себе истории рецепции Кассирера в России [2] это могут быть конкретные точки «пересечения» в текстах обоих ученых — в частности, обращение к творчеству И.-В. Гёте как примеру исторического мышления, интерпретация отдельных культурно-исторических эпох (Средние века, Возрождение, романтизм), разработка понятий «философия культуры» и «философия истории». Подчеркну специально, что отмечаемое «соприкосновение» в текстах Бицилли и Кассирера не обязательно связано с совпадением, скорее речь идет о разных

подходах к решению одних и тех же проблем, хотя эти подходы часто вели к одинаковым научным результатам. Так, для обоих ученых немецкий романтизм и немецкий идеализм оказались важнейшим историческим материалом и историческим опытом, в свете которого видны не только ошибки и заблуждения европейской культуры XX в., но и судьбоносные перспективы ее развития.

Наиболее важной точкой совпадения в работах Бицилли и Кассирера стала сама идея философии истории и ее отношение к философии культуры. Нужно сразу же отметить, что сопоставление Бицилли и Кассирера позволяет взглянуть на русского историка и литературоведа совершенно с другой стороны и говорить о нем прежде всего как об историке идей или, говоря другими словами, философе культуры.

В конце XX в. Б.С. Каганович, открывая в своих публикациях наследие Бицилли для российского читателя того времени, писал об ученом как историке культуры и литературоведе [1]. Я думаю, что к этим двум ипостасям Бицилли нужно добавить философию культуры, о чем ученый писал в своей главной теоретической книге «Очерки теории исторической науки», вышедшей в Праге в 1925 г. Совершенно очевидно, что если бы переиздание этой монографии в России было осуществлено не в 2012 г., а раньше, в 90-е гг. прошлого века, ее влияние, как и восприятие идей Бицилли, было бы гораздо масштабнее и шире.

«Очерки теории исторической науки» представляют собой уникальную попытку перенесения основных философских и культурологических идей того времени в область истории. В этой книге Бицилли подчеркивал, что «если под культурой понимать жизнь духа, то понятие “истории” и “истории культуры” совпадают», поэтому в свете идей новейших теоретиков истории, «всякая история есть история культуры» [11, с. 14–15]. Совпадая практически в понимании проблем философии истории с Кассирером, Бицилли, однако, по другому определял пути исторического становления такой науки, сближаясь в этом вопросе с русскими религиозными философами, прежде всего с Л.П. Карсавиным, и подчеркивая, что «философия истории появляется у народов нашего культурного круга вместе с христианством и, можно сказать, представляет собой христианскую философию вообще» [11, с. 19].

Вспомним, что Кассирер тоже разрабатывал концепцию философии истории, частью которой он видел собственно философию, о чем и писал во введении к своей монографии «Философия Просвещения», отмечая, что философия Просвещения является только ча-

стью другой, более широкой историко-философской темы — «eines anderen und weiteren geschichtsphilosophischen Themas» [13, S. X].

Таким образом, даже в свете приведенного сопоставления историк Бицилли и философ Кассирер воспринимаются в общем контексте европейской культуры XX в.: исторические идеи русского ученого предстают на фоне философского обобщения, а философские мысли немецкого ученого оказываются исторически заземленными в реалиях конкретного времени.

Кроме таких общих вопросов, мы можем назвать и более конкретные проблемы как предмет сравнительного анализа. Так, совершенно отдельную область сопоставления образует анализ идей и исторического контекста, в котором оба ученых представляли философскую интерпретацию проблемы свободы в европейской культуре XX в. (с проекцией на литературу европейского романтизма).

Дискурсы свободы были чрезвычайно важной темой не только для России, но и для Европы 1920–30 х гг. прошлого века; и если «русская свобода» иногда представлялась «неуклюжей выдумкой философов», как и «русская идея» или «русская ментальность» [3, с. 18], то в европейском контексте свобода рассматривалась, по словам Бицилли, на перекрестке важнейших законов исторического развития (закона ритмики, закона несовпадения кривых и закона инерции) и была связана с интерпретацией идеологии романтизма, проблемы сверхчеловека и, конечно же, мыслей К. Маркса о «скачке из царства необходимости в царство свободы». Обо всем этом Бицилли писал в статье «Проблема свободы в наше время» [12], обращаясь к многовековому опыту европейской истории и рассматривая проблему свободы на фоне основных теологических и философских идей первой половины XX в.

Для Кассирера проблема свободы тоже была одной из основных в его философской концепции, и он аналогично рассматривал эту проблему в контексте идеологии культурно-исторических эпох (античность, Ренессанс, Просвещение). Правда, для немецкого философа идея свободы была связана и с основными стратегиями интерпретации наследия И. Канта в первой половине XX в., со спорами неокантианцев и их противников. Именно об этом шла речь, например, во время знаменитой дискуссии между Э. Кассирером и М. Хайдеггером в Давосе весной 1929 г., где проблема свободы была одной из важнейших тем: свобода, о которой говорил Кассирер и которую он защищал как традиционное наследие европейской культуры, противопоставлялась судьбе и обреченности, о которых говорил Хайдеггер, излагая свою концепцию [6].

Добавлю, что к теме свободы в ее исторических измерениях Кассирер обращался в самом начале своего творческого пути, в книге «Свобода и форма» (1916), посвященной немецкой духовной истории и защищающей свободу как универсальную ценность. К этой же идее немецкий философ вернется в конце своей жизни, в работах, посвященных мифологии государства и развенчивающих идеологию Третьего рейха.

Кроме проблемы свободы, Бицилли и Кассирер сближаются и в решении целого ряда других вопросов, особенно в контексте тех культурно-исторических эпох, которые были предметом специальных научных интерпретаций со стороны обоих ученых: средние века, Ренессанс, частично немецкий романтизм. Здесь мы можем назвать целый ряд общих для русского историка и немецкого философа проблем: от ренессансного индивидуализма, интерпретации наследия Г. В. Лейбница, роли Николая Кузанского и Марсилио Фичино в становлении европейского Ренессанса до обращения к идеям И. Канта, а также к мыслям других классиков немецкой философии. Отмечу, кстати, что если для Кассирера интерпретация Канта была основополагающим делом жизни, определившим весь контекст его творчества [5], то для Бицилли кантовская концепция человека была прежде всего противоположной настоящему историзму, который рождался из опыта новой мистики XIX в. Русский историк писал:

Перенос законодательных функций с Бога на человека, сделанный Кантом, ничем не мог отразиться на самоощущении субъекта как носителя исторической жизни, ибо прежняя связанность человека оставалась: он уже не только «открывал», но и «создавал» законы; однако сами эти «законы» были не нормами, вносимыми в космос личностями, а только формами постижения той же, по существу чуждой и посторонней субъекту, вне его лежащей «вещи в себе». Человек-законодатель Канта оказывается прежним, мертвым, безличным «вместилищем истины». Эволюция философской мысли, таким образом, не влекла за собою нового самоощущения, и не здесь следует искать его корни, но в *новой мистике*... [11, с. 123–124; курсив П.М. Бицилли. — Р.М.].

Приведенные примеры являются ярким свидетельством того, что проблема сопоставления и противопоставления творческих идей и концепций Бицилли и Кассирера имеет много аспектов и измерений. Обобщая имеющийся материал, мы можем предваритель-

но определить три научные сферы, в границах которых общее изучение наследия обоих мыслителей открывает новые перспективы для осмысления истории гуманитарных наук в XX в.

Первая сфера традиционно связана с прямым влиянием, и здесь мы можем говорить только об одностороннем влиянии Кассирера на Бицилли, о чем свидетельствуют ссылки на публикации немецкого философа в научных трудах русского ученого. Бицилли свои работы издавал преимущественно на русском или болгарском языках, а тематика тех немногочисленных статей на французском или немецком, которые русский ученый опубликовал в европейской славистической периодике, не входила в круг интересов Кассирера. Судя по доступным текстам, мы можем утверждать, что Бицилли был очень хорошо знаком с монографией Кассирера, посвященной философии и культуре европейского Ренессанса — «*Individuum und Kosmos in der Philosophie der Renaissance*» [14]. Бицилли несколько раз упоминает эту монографию в своей книге «Место Ренессанса в истории культуры», когда говорит о роли Николая Кузанского в становлении философии Возрождения. Русский историк подчеркивает, что Кассирер впервые «исчерпывающим образом» изложил «учение Николая Кузанского в связи с его влиянием на мысль Ренессанса», и даже защищает идеи Кассирера от критики рецензентов, считавших, что изложение философии Ренессанса нужно было начать не с Николая Кузанского, а с идей Франческо Петрарки [10, с. 35, 41].

Вместе с тем Бицилли отмечает принципиальную разницу между собой и Кассирером в изложении самой концепции европейского Ренессанса:

Если в настоящей работе <«Место Ренессанса в истории культуры»> изложение ведется все же, согласно традиции, начиная с трех предвестников Ренессанса, то это потому, что, в отличие от Кассирера, исследующего проблематику Ренессанса с точки зрения исторической статистики, автор пытается выдержать точку зрения исторической динамики [10, с. 41].

Вторую сферу исследований представляет сопоставительный анализ идей и концепций обоих ученых, касающихся прежде всего больших культурно-исторических эпох, таких, как средневековье, Ренессанс и немецкий романтизм. Отмеченный выше вопрос о роли Николая Кузанского или Марсилио Фичино в идеологии Ренессанса выражает только одну из многочисленных линий возможного сравнения, отхватывающего как структуру мышления средневеко-

вого или ренессансного человека, так и проблематику, связанную, например, с рождением понятия индивидуума в истории европейской культуры, или оценку творчества О. Шпенглера. Кстати, если для Кассирера Шпенглер был прежде всего представителем «исторического фатализма» [15, S. 150], то Бицилли смотрит на немецкого культуролога как на логического продолжателя романтической мысли, «более романтика, чем сами романтики» [11, с. 175–176].

В эту же сферу изучения входит широкое культурологическое сравнение концепций европейского Ренессанса или средневековья у обоих мыслителей, а также сопоставление этих концепций с аналогичными теориями у таких мыслителей, как, например, Я. Буркхардт, Г. Вёльфлин, Э. Панофский, А.Ф. Лосев, Л. Февр, М.М. Бахтин, А.Я. Гуревич, А.Х. Горфункель. Такой широкий контекст исследования позволил бы представить эпоху Ренессанса во всей глубине ее философской идеологии и в единстве гуманитарных и естественно-научных знаний того времени. Ведь каждый из перечисленных ученых изучал только отдельные аспекты Возрождения как культурно-исторической эпохи, и представление синтетического единства этих аспектов как проблемы философии культуры является делом будущего (в случае если наше будущее будут еще интересовать проблемы истории гуманитарных наук XX в.).

Наконец, третья, весьма важная сфера, а заодно и линия сравнения — это отношение Бицилли и Кассирера к творчеству тех авторов, которых они оба читали. Изучение материала свидетельствует о том, что у русского историка и немецкого философа поразительное количество общих прочитанных книг. Из всего многообразия имен и концепций, представляющих «общий» именной и предметный указатель к сочинениям Бицилли и Кассирера, остановимся для примера на имени и идеях Гёте.

Для Кассирера творчество Гёте было значимым во многих отношениях, и речь идет не только о научных текстах, но и о художественных произведениях классика немецкой литературы [8]. Исследователи отмечают даже своеобразное «избирательное сродство» обоих мыслителей [4], отразившееся в творческом диалоге Кассирера с философскими идеями Гёте, с его концепцией символа, учением о свете, отношении к античности, прежде всего к Платону. Но Кассирер интересовался и отношением Гёте к истории, чему посвятил специальную серию статей «Гёте и исторический мир» («Goethe und die geschichtliche Welt») [16], представляющую творчество немецкого классика как свою своеобразную интеллектуальную родину.

Для Бицилли, как и для Кассирера, творчество Гёте тоже было связано с проблемами символа и символизации; русский историк подчеркивал, например, что художественные детали в тексте «Поэзии и правды» имеют «намеренно символический характер», а символизм событий детства и отрочества в автобиографии немецкого писателя соответствует его убеждению, что «то, чего мы желаем в молодости, мы достигаем в старости» [11, с. 134–135]. Но Гёте был важен для Бицилли и как мистический автор, и в этом смысле — причастный к новому историзму, о котором речь шла выше; он воплощал в своем творчестве концепцию «духа времени», о чем русский историк писал специально в книге «Очерки теории исторической науки», в экскурсе «Понятие “духа времени” у Гёте» [11, с. 235–238].

Таким образом, и для философа Кассирера, и для историка Бицилли обращение к мыслям и идеям немецкого писателя объясняется интересом к теоретической глубине его текстов и их огромным научным и интерпретационным потенциалом. Аналогичных сравнений мы можем привести и больше, например, обращение обоих мыслителей — П. Бицилли и Э. Кассирера — к наследию В. Дильтея свидетельствует о некоей духовной общности немецкого философа и русского историка, которую только предстоит изучить и которая отражает идеи философии истории [7].

Среди русских эмигрантов Бицилли представляет случай уникальный, ведь он не был ни профессиональным философом, ни литературоведом по образованию, но в своих публикациях постоянно обращался к философским и литературно-теоретическим идеям времени. Поэтому сравнение его творчества с творчеством видных философов и теоретиков литературы открывает новые горизонты исследований в области философии культуры и истории идей XX в.

Представленный мною материал, касающийся возможного сопоставления идей и концепций Бицилли с творчеством Кассирера, отражает только одно из возможных направлений интерпретации. Насколько такого рода исследования будут востребованы гуманитарной наукой XXI в. — это вопрос будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Каганович Б.С. П.М. Бицилли как историк культуры // Одиссей. Человек в истории. 1993: Образ «другого» в культуре. М.: Наука, 1994. С. 256–271.
2. Мних Р. Эрнст Кассирер в России (конспект) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2008–2009 год [9] / под ред. М.А. Колерова и Н.С. Плотникова. М.: Издательский центр «Регнум», 2012. С. 81–132.
3. Плотников Н.С. Дискурсы свободы в российской интеллектуальной истории (Введение) // Дискурсы свободы в российской интеллектуальной истории: Антология / под ред. Н.С. Плотникова и С.В. Киршбаум. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 11–45.
4. Cassirer und Goethe. Neue Aspekte einer philosophisch-literarischen Wahlverwandtschaft / herausgegeben von Barbara Naumann und Birgit Recki. Berlin: Akademie Verlag, 2002. 226 S.
5. Enno R. Ernst Cassirer im Kontext. Kulturphilosophie zwischen Metaphysik und Historismus. Tübingen: Mohr Siebeck Verlag, 2003. 278 S.
6. Enno R. Freiheit oder Schicksal? Cassirer und Heidegger in Davos // Cassirer — Heidegger. 70 Jahre Davoser Disputation / herausgegeben von Dominic Kaegi und Enno Rudolph. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2002. S. 36–47.
7. Hartung G. Die Entdeckung des Menschen im Zeitalter der Renaissance. Dilthey, Groethuysen und Cassirer // Dilthey und Cassirer. Die Deutungen der Neuzeiten als Muster von Geistes- und Kulturgeschichte / herausgegeben von Thomas Leinkauf. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2003. S. 149–170.
8. Naumann B. Philosophie und Poetik des Symbols. Cassirer und Goethe. München: Wilhelm Fink Verlag, 1996. 218 S.
9. Renz U. Dilthey, Cassirer und Geschichtsphilosophie // Dilthey und Cassirer. Die Deutungen der Neuzeiten als Muster von Geistes- und Kulturgeschichte / herausgegeben von Thomas Leinkauf. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2003. S. 127–148.

Источники

10. Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры. СПб.: Мифрил, 1996. XIV, 256 с.
11. Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. СПб.: Аxiōта, 2012. 427 с.

12. Бицилли П. Проблема свободы в наше время // Новый Град. Париж, 1934. № 9. С. 47–55.
13. Cassirer E. Die Philosophie der Aufklärung. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1998. 492 S.
14. Cassirer E. Gesammelte Werke. Hamburger Ausgabe. Band 14. Individuum und Kosmos in der Philosophie der Renaissance. Die platonische Renaissance in England und die Schule von Cambridge. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2002. 418 S.
15. Cassirer E. Gesammelte Werke. Hamburger Ausgabe. Band 22. Aufsätze und kleine Schriften (1936–1940). Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2006. 392 S.
16. Cassirer E. Goethe und die geschichtliche Welt. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1995. 182 S.

REFERENCES

1. Kaganovich, B.S. “P.M. Bitsilli kak istorik kul’tury” [“P.M. Bitsilli as a Cultural Historian”]. *Odissei. Chelovek v istorii. 1993: Obraz “drugogo” v kul’ture* [Odysseus. A Man in History. 1993: The Image of the “Other” in Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 256–271. (In Russian)
2. Mnich, Roman. “Ernst Cassirer v Rossii (konspekt)” [“Ernst Cassirer in Russia (Abstract)”]. Kolerov, M.A., and N.S. Plotnikov, editors. *Issledovaniia po istorii russkoi mysli. Ezhegodnik za 2008–2009 god* [9] [Studies on the History of Russian Thought. The Yearbook for 2008–2009 [9]]. Moscow, Publishing Center “Regnum” Publ., 2012, pp. 81–132. (In Russian)
3. Plotnikov, N.S. “Diskursy svobody v rossiiskoi intellektual’noi istorii (Vvedenie)” [“Discourses of Freedom in Russian Intellectual History (Introduction)”]. Plotnikov, N.S., and S.V. Kirschbaum, editors. *Diskursy svobody v rossiiskoi intellektual’noi istorii: Antologia* [Discourses of Freedom in Russian Intellectual History: An Anthology]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020, pp. 11–45. (In Russian)
4. Naumann, Barbara, and Birgit Recki, editors. *Cassirer und Goethe. Neue Aspekte einer philosophisch-literarischen Wahlverwandschaft*. Berlin, Akademie Verlag, 2002. 226 S. (In German)
5. Enno, Rudolph. *Ernst Cassirer im Kontext. Kulturphilosophie zwischen Metaphysik und Historismus*. Tübingen, Mohr Siebeck Verlag, 2003. 278 S. (In German)
6. Enno, Rudolph. “Freiheit oder Schicksal? Cassirer und Heidegger in Davos.” Kaegi, Dominic, and Enno Rudolph, editors. *Cassirer — Heidegger. 70 Jahre Davoser Disputation*. Hamburg, Felix Meiner Verlag, 2002, S. 36–47. (In German)
7. Hartung, Gerald. “Die Entdeckung des Menschen im Zeitalter der Renais-

- sance. Dilthey, Groethuysen und Cassirer.” Leinkauf, Thomas, editor. *Dilthey und Cassirer. Die Deutungen der Neuzeiten als Muster von Geistes- und Kulturgeschichte*. Hamburg, Felix Meiner Verlag, 2003, S. 149–170. (In German)
8. Naumann, Barbara. *Philosophie und Poetik des Symbols. Cassirer und Goethe*. München, Wilhelm Fink Verlag, 1996. 218 S. (In German)
9. Renz, Ulrich. “Dilthey, Cassirer und Geschichtsphilosophie.” Leinkauf, Thomas, editor. *Dilthey und Cassirer. Die Deutungen der Neuzeiten als Muster von Geistes- und Kulturgeschichte*. Hamburg, Felix Meiner Verlag, 2003, S. 127–148. (In German)

Дата поступления статьи: 11 августа 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 23 марта 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 11 August 2021

Approved after reviewing: March 23, 2022

Date of publication: December 26, 2024

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ АНАТОЛИЯ ШТЕЙГЕРА ПО ЕГО ПИСЬМАМ ИЗ АРХИВА П.М. БИЦИЛЛИ В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ¹

© 2024 г. Л.В. Герашко

Аннотация: В статье дается краткий обзор писем поэта первой волны русской эмиграции, представителя «парижской ноты» А.С. Штейгера профессору П.М. Бицилли и князю А.П. Мещерскому. Переписка приходится на годы Второй мировой войны, отражает ее события и содержит ценные биографические сведения о самом поэте и других русских литераторах, общественных деятелях, членах Российского императорского дома в изгнании. Цитируемые в статье архивные источники впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: А.С. Штейгер, П.М. Бицилли, А.П. Мещерский, переписка, биография, русская эмиграция первой волны, литераторы, младороссы, Вторая мировая война.

Информация об авторе: Любовь Владимировна Герашко — научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Адмирала Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

¹ Выражаю искреннюю благодарность за помощь в работе академику Российской академии наук С.М. Толстой и Ф.Н. Толстой, профессору кафедры музеологии факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета И.В. Бакановой, ученому секретарю Дома русского зарубежья им. А. Солженицына М.А. Васильевой, болгарской исследовательнице Т. Галчевой, библиографу В.Б. Кудряцеву, профессору кафедры Славянских литератур Университета Торонто Л.И. Ливаку, болгарской писательнице и журналистке С. Мрочковской-Балашовой, научным сотрудникам Пушкинского Дома Т.М. Двинятиной, А.С. Лобановой, В.А. Лукиной, М.Э. Маликовой.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-5896-6993>

E-mail: Gerashko_l@pushdom.ru

Для цитирования: *Герашко Л.В.* Последние годы жизни Анатолия Штейгера по его письмам из архива П.М. Бицилли в Пушкинском Доме // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 215–247. <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-215-247>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

THE LAST YEARS OF ANATOLII SHTEIGER'S LIFE ACCORDING TO HIS LETTERS FROM THE ARCHIVE OF PIOTR BITSILLI IN THE PUSHKIN HOUSE

© 2024. Liubov V. Gerashko

Abstract: The article gives a brief overview of the letters from the representative of the first wave of emigration, the poet of the Montparnasse note Anatolii S. Shteiger to Professor Piotr M. Bitsilli and Prince A.P. Meshcherskii. The correspondence covers the years of World War II, reflects its events and contains valuable biographical information about the poet himself and other Russian writers, public figures, and members of the Russian Imperial House in exile. The archival sources cited in the article are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Anatolii S. Shteiger, Piotr M. Bitsilli, Prince A.P. Meshcherskii, correspondence, biography, Russian emigration of the first wave, writers, “mladorossy”, World War II.

Information about the author: Liubov V. Gerashko, Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Admiral Makarov emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-5896-6993>

E-mail: Gerashko_l@pushdom.ru

For citation: Gerashko, L.V. "The Last Years of Anatolii Shteiger's Life According to His Letters from the Archive of Piotr Bitsilli in the Pushkin House." *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 215–247. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-215-247>

24 октября 2019 г. исполнилось 75 лет со дня смерти Анатолия Сергеевича Штейгера — яркого представителя парижской, или мон-парнасской, ноты русской эмигрантской поэзии.

Барон Штейгер принадлежал к старинному швейцарскому роду. Прадед его Фридрих Рудольф фон Штейгер (1787–1864) в 1815 г. переехал в Россию, и его потомки продолжали верой и правдой служить новому отечеству. Анатолий родился в 1907 г. в имении Николаевка Киевской губернии; в тринадцатилетнем возрасте пережил ужасы эвакуации из Одессы, покинув Россию на последнем английском корабле, жил с родными в Константинополе, в Моравской-Тржебове, где учился в Русской гимназии², затем в Праге. С начала 1930 х гг. семья поселилась в Берне, на родине предков, где за ними сохранялось право на швейцарское гражданство. Анатолий в отрочестве заболел неизлечимой формой туберкулеза. Тем не менее двадцатилетним юношей он писал редактору парижского журнала «Новый корабль» поэту и литературному критику Владимиру Злобину: «Я не боюсь попасть в вагон жизни, потому что жизни не боюсь и от жизни жду многого» [17, с. 486]. Сестра Анатолия известная поэтесса Алла Сергеевна Головина (урожденная баронесса Штейгер, во втором браке баронесса де Пелиши) отмечала, что ее брат

был одновременно замкнутым и общительным, имел мало близких друзей, но принимали его повсюду, и дружил он с людьми всякого звания и национальности [22, с. 6].

² Русская реформированная реальная гимназия была создана в 1921 г. в городке Моравска-Тржебова в Судетах на основе русской гимназии, перемещенной в Чехословакию из Константинополя, и существовала до 1935 г., когда была слита с пражской русской гимназией в Страшницах. Отец А. Штейгера барон С.Э. Штейгер (1868–1937) заведовал обширной библиотекой тржебовской гимназии до отъезда семьи в Швейцарию.

Штейгер часто менял места обитания и непрерывно путешествовал, постоянно возвращаясь в Париж, чтобы побыть среди русских литераторов на Монпарнасе. По свидетельству сестры, жизнь свою он посвятил поэзии уже с шестнадцати или семнадцати лет. Его стихи публиковались в «Возрождении», «Современных записках», «Русских записках», «Числах»; он автор трех прижизненных стихотворных сборников («Этот день», 1928; «Эта жизнь», 1932; «Неблагодарность», 1936) и одного, вышедшего уже после его смерти («2х2=4», 1950). Такие искушенные критики, как Георгий Адамович и Владислав Ходасевич, отмечали рост его мастерства от сборника к сборнику, обретение его поэзией собственного лица (см.: [7; 21]).

В эмигрантских изданиях были опубликованы критические отзывы о поэзии Штейгера К. Елита-Вильчковского, А. Засекина, Ю. Иваска, Г. Струве, М. Цетлина, Л. Червинской [11; 12; 13; 19; 23; 24], ему посвящены главы воспоминаний Г. Адамовича, В. Морковина, Ю. Терапиано, З. Шаховской, В. Яновского и других литераторов [8; 9; 20; 25; 27].

Посмертно опубликованы неоконченные воспоминания поэта [26] и часть эпистолярного наследия: переписка с Зинаидой Гиппиус [9, с. 29–31], немногочисленные сохранившиеся письма к Зинаиде Шаховской [25, с. 175–190], Георгию Адамовичу, Юрию Иваску, Юрию Терапиано [15], Владимиру Злобину [17], Вадиму Морковину [9, с. 16–21]³; изданы в полном объеме письма к нему Марины Цветаевой [22], памятью об их эпистолярном романе стал ее стихотворный цикл «Стихи сироте».

Архив А. Штейгера в полном объеме не сохранился. После его смерти автографы стихотворений, над которыми он работал в последние годы жизни, тексты газетных статей и другие материалы хранила его сестра. Судьба ее собственного архива, который включал наследие брата, была драматичной: часть материалов уничтожила сама Алла Сергеевна, часть погибла по нелепой случайности — была сожжена прислугой⁴. Оставшиеся бумаги по завещанию поэтессы после ее смерти передал в Российский государственный гуманитарный университет ее муж — барон Ф.Ж. де Пелиши⁵. В фонд поэтессы частично входят материалы архива А.С. Штейгера, в том

³ Письма А. Штейгера его товарищу по гимназии В.В. Морковину (1906–1973) — поэту, прозаику, участнику пражского объединения «Скит» — погибли вместе с архивом последнего после войны. Опубликованные письма находились в рабочей тетради А. Штейгера вместе с его дневником. Об этом см.: [16, с. 16].

⁴ О судьбе архива А.С. Головиной см.: [1; 2; 3].

⁵ Музейный фонд РГГУ. Фонд А.С. Головиной.

числе, предположительно, некоторое количество фотопортретов известных писателей, артистов, государственных и политических деятелей из коллекции, которую А. Штейгер собирал на протяжении жизни, о чем упоминает в своих письмах (см. далее). Немногочисленные фрагменты эпистолярного наследия поэта рассредоточены в разных фондах архивохранилищ Европы и Америки.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома, в фонде П.М. Бицилли (описание материалов фонда и историю поступления см.: [4]), хранится 28 писем Анатолия Штейгера к профессору Бицилли и младороссу, библиографу, архивисту князю Андрею Павловичу Мещерскому (1915–1992) за период с апреля 1939 г. по декабрь 1943 г., которые представляют собой наиболее крупный комплекс писем поэта из известных в настоящее время⁶.

Библиотеку и архив передали из Болгарии в Институт русской литературы Академии наук СССР А.П. Мещерский и дочь учебного М.П. Бицилли⁷. Готовя материалы к отправке в Ленинград, А.П. Мещерский подобрал письма представителей русской литературы и науки в эмиграции к П.М. Бицилли по алфавиту персоналий корреспондентов, пронумеровал и поместил в два конволюта. Корреспонденция А.С. Штейгера в этом собрании заметно выделяется: письма и почтовые открытки, адресованные то князю, то профессору, перемежаются, некоторые адресованы им обоим; имеются перекрестные ссылки, просьбы дать прочесть письмо одному или другому — фактически это переписка втроем.

Первое послание — телеграмма на имя князя Мещерского с извещением о приезде в Софию 1 апреля в 18 часов, посланная из Ленинграда. Благодаря тому, что сохранилось письмо поэта к Зинаиде Шаховской от 19 марта 1939 г., отправленное из Стамбула [25, с. 190], стало известно, откуда лежал его путь. Из этого же письма узнаем, что осень предыдущего года он провел в Рагузе на Сицилии и в Албании, а всю зиму — в Афинах.

Приезд Штейгера в Софию имел, по всей видимости, и иные причины помимо «охоты к перемене мест»: барон состоял в Союзе младороссов и собирался, как и молодой князь Мещерский, который в это время был заведующим информационного и пропагандного от-

⁶ РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 135. Далее ссылки на данную единицу хранения в тексте, с указанием номера дела и листа.

⁷ Бицилли Мария Петровна (в замужестве княгиня Мещерская; 1917–1996) — филолог, старший преподаватель кафедры русского языка Софийского университета (1951–1977).

дела организации в Болгарии, принять участие в младоросском форуме, намеченном на апрель 1939 г.⁸

Скорее всего, молодые люди не были знакомы лично до встречи в Софии, которая состоялась «по партийной линии». Василий Яновский писал о поэте в своих мемуарах:

Как младоросс он во всех центрах эмиграции находил друзей, кров и даже харч. Так что все расходы по поездке, скажем, в Бухарест иногда сводились только к железнодорожному билету. Повсюду он находил «своих» единомышленников; в их ячейках, общежитиях, странноприимных домах Штейгер попадал сразу точно в «родную» семью [27, с. 231].

Так произошло и в столице Болгарии: между Андреем Мещерским и Анатолием завязалась дружба, правда, не только благодаря близости их мировоззрения, но также из-за любви к поэзии, на почве общих литературных интересов. Впоследствии библиограф и библиофил оказывал услуги поэту, извещая его о выходе книг, публикациях стихов и критических отзывов о них. Присылались также вырезки статей из эмигрантской прессы на интересующие обоих политические темы.

Во время пребывания в Софии князь познакомил гостя со своей семьей, состоявшей из матери, отчима и брата⁹, со своими друзьями, ввел его в дом П.М. Бицилли¹⁰. Знакомства с поэтом в семье профессора, видимо, ждали. Об этом свидетельствует письмо, написанное спустя четыре дня после его приезда в столицу Болгарии присутствовавшей на встрече с ним молодой особой¹¹:

⁸ Выражаю признательность болгарской исследовательнице жизни и творчества П.М. Бицилли Тане Галчевой за это сообщение, а также за сведения о лицах из круга П.М. Бицилли и А.П. Мещерского, с которыми общался А.С. Штейгер в Болгарии и другие ценные сведения (см. примеч. 13, 14, 15).

⁹ Мать А.П. Мещерского Наталья Степановна (урожд. Хрулева, в первом браке княгиня Мещерская, во втором Липкина; 1893–1970) работала секретарем в посольстве США в Болгарии, затем устроилась переводчицей в Английскую дипломатическую миссию; отчим — Александр Александрович Липкин (1893–1975) — участник Белого движения, заведовал Русским инвалидным домом в Княжево, под Софией; брат Дмитрий (1914–1977) — химик, выпускник Софийского университета (подробнее см.: [5, с. 3]).

¹⁰ Андрей Мещерский и Мария Бицилли дружили со времени совместной учебы в Русской гимназии в Софии.

¹¹ Письмо В.В. Морковину от 5 апреля из Софии в Прагу на открытке, с неразборчивой подписью. Год указан в публикации ошибочно: 1933 вместо 1939.

Пишу, как обещала, впечатления от Штейгера. Я представляла его больше снобом, он же держал себя необыкновенно просто и всем очень понравился (мне в том числе). <...> Думаю, что был у него и некоторый расчет очаровывать, так как он поддакивал Бицилли в некоторых, явно сомнительных вещах (например, похвала Осоргину!)¹². <...> Интересно рассказывает о Париже и о своих путешествиях, показывает альбомы фотографий, хвалит Адамовича и Керенского (!) [18, с. 444–445].

Впоследствии, вспоминая, как он был счастлив в Софии, Штейгер будет писать о прогулках с Мещерским по Оборишу — главной улице Софии, пересекающей с бульваром Евлогия Георгиева, где в доме № 19 жила в то время семья профессора Бицилли, о пасхальной заутрене в соборе св. Александра Невского, о разговорах с профессором, о том, как Мария Тимофеевна¹³ угощала его болгарским «кисельным мяком». К ней поэт выражает особо теплое чувство, называя себя самым преданным ее сыном. В своих письмах он неопустительно передает многочисленные приветы софийским друзьям — Давыдовым¹⁴, Пусе¹⁵, Вите и Злате¹⁶, Ирине¹⁷ и др.

¹² Осоргин Михаил Андреевич (наст. фам. Ильин; 1878–1942) — писатель, журналист. А. Штейгер познакомился с ним, когда работал секретарем Русского Дома в Сент-Женевьев-де-Буа.

¹³ Бицилли Мария Тимофеевна (урожд. Полянкевич, в первом браке Орехова; 1887–1959) — певица, пианистка, жена профессора П.М. Бицилли.

¹⁴ Давыдов Николай Иванович — заведующий административным отделом организации младороссов в Болгарии. В той же организации состоял рядовым членом его брат Алексей Иванович Давыдов, который был заведующим продовольственного склада Русского инвалидного дома в Княжево во второй половине 1930 х гг. Сведения о них содержатся в Списке членов партии младороссов, обнаруженном Т. Галчевой в АКР (VI – Л – 679. Т. 1. № 2 (Отдел III ДС; 1945–1953); Фонд № 8 «Руски беломигранти»).

¹⁵ Пуса — Тотева (урожд. Рафаэлева?) Валентина Владимировна (1915–1993) — близкая подруга М.П. Бицилли, в 1939 г. — студентка историко-филологического факультета Софийского университета, впоследствии старший преподаватель университета (1949–1975).

¹⁶ Невейнова Злата Михайловна (в замуж. Андерсон; 1917?–?) — близкая подруга М.П. Бицилли, ее соученица по Русской гимназии. Вышла замуж за сына экономиста Оскара Николаевича Андерсона — Виктора Андерсона. По данным архива Комитета госбезопасности, Виктор и Злата уехали в 1937 г. в Германию, в Мюнхен, где впоследствии Виктор стал известным адвокатом.

¹⁷ Окунева Ирина Николаевна (в замуж. Расовская; 1913–1941) — историк искусства, сотрудница Института им. Н.П. Кондакова в Белграде, дочь историка Н.Л. Окунева.

После месяца, проведенного в столице Болгарии, путешественник отправился в Румынию и Бессарабию. Первую вещь о себе после отъезда он подал 5 июля из Кишинева. На открытке фотография пятикупольного православного храма — церкви Biserica Ciuflea, построенной в 1858 г. на окраине Кишинева купцами Анастасием и Феодором Чуфля (см. илл. 1, 1а). В письме сообщается:

Я в Chisinau — что это за город, Вы увидите по открытке — остальное дополнит воображение. Я думал, что таких мест уже нет на свете. Впечатление волнующее... (Д. 135. Л.3).

Илл. 1, 1а. Письмо А.С. Штейгера к А.П. Мещерскому. 5 июля 1939. Почтовая открытка. РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 135. Л. 3

Fig. 1, 1a. Letter from A.S. Steiger to A.P. Meshchersky. 5 July 1939. Postcard. Manuscript Department of IRL RAS. F. 804. Inv. 1. Dossier 135. Sheet 3

Следующая открытка датирована 2 сентября 1939 г. — вторым днем Второй мировой войны:

...в последнюю минуту проскакиваю в Швейцарию, дай Бог проскочить. Пока в Триесте. <...> Из Румынии писать не мог. Да смилуется над нами Бог! (Д. 135. Л. 4).

В письме от 22–25 сентября того же года, адресованном А.П. Мещерскому и отправленном уже из Берна, Штейгер пишет:

...невероятное и непоправимое случилось, и все, что еще можно было любить, гибнет на наших глазах. Я пришиблен, убит и обесчувствен предельно, хотя Вы знаете, что я давно не надеялся даже на чудо. По утрам просыпаешься и отказываешься верить, что это не ужасный сон, но уже приносят свежие газеты (Д. 135. Л. 5).

Затем, в том же письме, возвращается к пребыванию в Румынии и Бессарабии, остро-негативно оценивает их современное внутреннее и внешнеполитическое положение, подтверждая свое мнение личными впечатлениями от увиденного:

Ничего не писал вам из Румынии, поскольку румынская цензура в состоянии и простое поздравление к именинам истолковать превратно. Румыния не государство даже в <нрзб> смысле, и говорить о ней можно постольку, поскольку интересны ее нефтяные источники, скверно эксплуатируемые и скверно охраняемые левантинско-цыганской, впрочем, очень слабою и трусливою бандой. Национально-го единства как в Болгарии (и теперь, слава Богу, — в Югославии) нет и в помине. За 20 лет цыганского воровского головотяпства национальные меньшинства озлоблены до конца и целые области дезорганизованы и разорены предельно.

Король¹⁸ взялся за ум в последнее время. Но помощников у него нет (за исключением ловкого дипломата Гафенку¹⁹), и кроме того, ум этот уж слишком направлен на шутовские переодевания. Думаю, что после Польши наступает теперь черед Румынии. Как странно,

¹⁸ Кароль II (1893–1953) — король Румынии с 8 июня 1930 г. по 6 сентября 1940 г.

¹⁹ Гафенку Григоре (Gafencu; 1892–1957) — румынский государственный и общественно-политический деятель, министр иностранных дел Румынии (1 февраля 1939 г. – 3 июля 1940 г.).

что Англия и, в особенности, Франция могли одно время включать эту страну в свои расчеты.

Железная гвардия²⁰ состояла из элиты этой страны, но идеология ее была вздорной и изуверской. Если бы Кодреану²¹ пришел к власти, то Румынии бы уже не существовало. Расправа с Жел<езной> гвардией была ужасна. Никаких «попыток к бегству», конечно, не было, а всех перебили в тюремной камере²². Профессура и студенчество с отбитыми легкими сидит почти вся целиком. Множество случаев самого подлого отступничества, предательства и измены.

Пишу все это и проверяю себя, достаточно ли обоснованно и беспристрастно, насколько влияют личные мотивы, т<ак> к<ак> и я познакомился с сигуранцей²³, о чем когда-нибудь расскажу. Но Вы знаете общее мнение о Румынии всех ее близко знающих. Я провёл в Румынии 3 ½ месяца — полтора в Бухаресте, месяц в Кишиневе и месяц в имении в Хотинском уезде — недалеко от знаменитых теперь Черновиц. О Бухаресте я Вам писал из Бухареста на открытках²⁴, но Вы поняли что надо. В Кишиневе население — и русское, и евреи зубами держатся за русский язык и озлоблены вокруг. Причем бедные ни на какие компромиссы с властями не идут, а состоятельные и богатые (часто бывшая гвардия и крупные землевладельцы) — *fléchissant*²⁵, ищут смягчающие вину обстоятельства, смешанные браки, доносы, заискивание и проч. В соборе²⁶ иконы Васнецова — Владимир и Ольга²⁷ — замазаны карикатурами на Константина

²⁰ «Железная гвардия» — национально-патриотическое, религиозное движение и политическая партия, действовавшая в Румынии с 1927 по 1941 гг.

²¹ Кодряну Корнелиу Зея (Codreanu; 1899–1938) — лидер румынского православно-национального движения «Легион Михаила Архангела», ставшего впоследствии «Железной гвардией». 17 апреля 1938 г. по сфабрикованному обвинению в измене Родине был арестован и приговорен к 10 годам каторжных работ.

²² По тайному приказу Кароля II в ночь с 29 на 30 ноября 1938 г. в Танкабештском лесу Кодряну и тринадцать его соратников были зверски убиты якобы при попытке к бегству.

²³ Сигуранца — тайная полиция в Королевстве Румыния, существовавшая с 1921 по 1944 гг. для борьбы с оппозиционными по отношению к власти партиями и организациями.

²⁴ В фонде отсутствуют.

²⁵ Здесь: соглашатели (*фр.*).

²⁶ Кафедральный собор Рождества Христова в Кишиневе.

²⁷ Копии изображений свв. равноапостольных великого князя Владимира и княгини Ольги, написанных В.М. Васнецовым в 1911 г. для Владимирского собора в Киеве.

и Елену²⁸. Надпись на памятнике Пушкину соскоблена (соскоблены буквы кириллицы, «а», «м», «т» — оставлены этими не лишенными юмора мелкими пакостниками как имеющиеся и в латинском алфавите)... Взятки, взятки и воровство. История Кишинева за последние 20 лет — история многострадального щедринского города Глупова (Д. 135. Л. 5–6).

Однако ниже Штейгер пишет:

В деревне был рай, было настолько хорошо, что даже не хочется вспоминать моих взаимоотношений с властями, которые все сделали, чтобы меня выжить, и даже катали на телеге с вооруженными солдатами (передвижническая картина) и проч. Урожай, молотбы (цепами), прогулки верхом, дружба с пастушками, баштаны, церковные службы в монастыре, ископанном в горе над обрывом (XIII столетие)²⁹. Крестьяне носят украинский костюм, поют песни, веселые, но целуют еще ручку, и вообще по духу и быту жизнь здесь остановилась в 1913 году. Я был счастлив в этом архаическом заповеднике. Я счастлив, что мне дано было безбидно «реставрироваться» перед концом света и еще раз подышать воздухом моего детства³⁰ (Д. 135. Л. 6).

Заканчивается письмо просьбами к А.П. Мещерскому — присылать вырезки «о стихах», все номера выходившей в Париже молодороссийской газеты «Бодрость!», начиная с 10-го мая, и книжки самого Штейгера — по всей видимости, оказавшиеся в Болгарии экземпляры сборника 1936 г. «Неблагодарность», тираж которого разошелся

²⁸ Имеются в виду свв. равноапостольные царь Константин и царица Елена.

²⁹ Речь идет о Непоротовском мужском Свято-Николаевском пещерном монастыре на хуторе Галица, расположенном на берегу Днестра (ныне Украина, Черновицкая область). Обитель основана в XII в., в 1904–1905 гг. восстановлена, однако заселение иноков не состоялось. В 1930-е гг. заново отреставрирована на средства румынской королевской семьи, после чего службы были возобновлены и прекратились в 1940 г., после присоединения Буковинско-Черновицкой области к СССР.

³⁰ В статье «Бессарабия в лирике Анатолия Штейгера» латвийский исследователь Ф. Федоров свидетельствует о том, насколько важное значение в культуре русской эмиграции имел топоним Бессарабии, поскольку эта область, отошедшая в 1920 г. к Румынии, в составе которой находилась до 1940 г., и где «помимо молдаван, евреев, цыган, значительнейший процент составляли русские», «и в 1920-е и в 1930-е годы хранила черты русского мира. <...> Для эмиграции с ее чрезвычайно острым ностальгическим комплексом Бессарабия была не воспоминанием и не видением, <...> она была Россией, расположенной за границей; и встреча с Бессарабией воспринималась как встреча с реальной родиной» [6, с. 61–62].

так быстро, что у автора не осталось ни одного экземпляра. С такой же просьбой он обращался и к Зинаиде Шаховской, жившей в Брюсселе, 4 января 1938 г. [25, с. 190].

Уже в этом письме, первом отправленном из Швейцарии, где поэту пришлось безвыездно жить в годы войны, исключая единственную поездку в декабре 1939 г. — январе 1940 г. в Париж и Везине (коммуна младороссов в регионе Иль-де-Франс, недалеко от Парижа), намечаются сквозные темы переписки военного времени с Мещерским и Бицилли — военное и политическое положение Франции и Швейцарии, неприятие войны, рассказы о нарастающих тяготах военного времени, переживания за родных и знакомых, новости из Парижа — главным образом, о поэтах и писателях; судьба русских журналов и газет, которым грозило закрытие; жизнь Везине и его обитателей, боль и тревога за софийских друзей, сдержанные сообщения о своем здоровье, которым они интересуются.

По словам Г. Адамовича, Штейгер

к боли жизни <...> был чувствителен до крайности. Историю он воспринимал с одной ее оборотной стороны, отзываясь с содроганием лишь на цену, в которую обходится отдельным людям то, что в ходе событий признается великим или неизбежным [8, с. 289].

Этим обусловлено его восприятие надвигающейся мировой катастрофы: «Я не вижу для себя впереди ничего. Рухнуло Vésinet, Монпарнасс, Париж, слабая надежда на “свет с Востока”³¹ (malgré tout <несмотря ни на что (фр.)>»).

В письме к П.М. Бицилли от 10 ноября 1939 г. он высказывает свое отношение к войне, с уважением говоря о пацифистской позиции французского писателя Жана Жионо (Giono; 1895–1970), который был посажен в тюрьму за антивоенную пропаганду, но тут же отдает должное мужеству Адамовича, который записался добровольцем во французский Иностранный легион:

Я войну понимаю, желаю победы проклятым нечестным западным буржуазиям (они все же лучше, хотя в войне повинны только они), — но войны не принимаю всем существом и очень страдаю, что я не немец и не француз и не военнообязанный, чтобы заявить об этом соответственно со всеми вытекающими отсюда последствия-

³¹ Отсылка к стихотворению Вл. Соловьева «С Востока свет, с Востока силы!..» (1890).

ми. А то языком болтать в моем положении и не трудно, и, к сожалению, — совершенно безопасно (Д. 135. Л. 9).

Приняв тяжелое для него решение на время войны отказаться от поэтического творчества как несовместимого с трагизмом окружающей обстановки, он писал:

Мои стихи — любовные довольно стыдно перечитывать сейчас под гром орудий. А их у меня опять набрался полный сборник, который никогда не будет, наверное, издан. В страшной современной обстановке чувствую свою совершенную ненужность — в такие эпохи не до таких лирических болтунов, каким, увы, являюсь я. Декадентствовать и болтать сейчас не время (Д. 135. Л. 9).

Исходя из этих предпосылок, Штейгер остро реагировал на доходившие до него из Парижа известия о проявлении эгоизма некоторых представителей писательской среды, которые на фоне общей беды не желали отказываться от удобств и привычек мирной жизни. Сообщая П.М. Бицилли новости такого рода, он порой опирается на надежные свидетельства, а порой некритично доверяет слухам, распространявшимся в околосредовых кругах. Например, пишет, что состояние И.А. Бунина находится в золотых слитках и он богат, как Крез, в то время как уже до войны писатель, щедро выделявший средства из Нобелевской премии просившим о помощи людям, был почти беден, а к началу войны, вынужденный содержать пятерых человек в своем доме, испытывал настоящую нужду³².

В том же письме от 10 ноября Штейгер упоминает о М.И. Цветаевой:

Марина несчастная в Москве. Ее муж был арестован большевиками, когда она уже была в пути. Его расстреляли³³. Уезжая, она написала и дала Алле³⁴ —

Дано мне прощанье Марии Стюарт...³⁵ (Д. 135. Л. 10).

³² Ср. письмо И.А. Бунина к Л.Ф. Зурову, которое публикаторы — И. Белобровцева и Р. Дэвис — датируют периодом 1942–1944 гг. [10, с. 199].

³³ А.С. Штейгер сообщает неточные сведения: после приезда поэтессы в СССР ее семья воссоединилась и жила на даче в Болшеве под Москвой; муж М.И. Цветаевой С.Я. Эфрон был арестован 10 октября 1939 г., расстрелян 16 октября 1941 г.

³⁴ А.С. Головина.

³⁵ Строки из стихотворения М.И. Цветаевой: «Мне Францией — нету...» (1 июня 1939 г.). В стихотворении: «Дано мне отплыть / Марии Стюарт».

Его волнует судьба журнала «Современные записки» и других литературных изданий:

“Совр<еменные>записки”, как Вы уже, наверное, знаете, будут пытаться выходить. Во всяком случае в уменьшенном размере ближайший номер уже набирается³⁶. Илюша Фондаминский³⁷, потерявший почти все состояние в Данциге, продолжает уверять, что скоро небо будет в алмазах, и всячески налаживает “культурную деятельность”. Если Совр<еменные> записки все же выйдут, то да простятся ему эти алмазы. <...> Закрытие Возрождения³⁸ вопрос ближайшего времени. Уже рассчитали <...> Мандельштама³⁹. Увы, очень возможно, что и Посл<едние> новости⁴⁰ скоро закроются (Д. 135. Л. 10).

Нелестные оценки, которые Штейгер дает некоторым коллегам по перу во время «странной войны», когда Франция, формально вступившая в войну, не предпринимала боевых действий, а войска, стоявшие без дела на линии Мажино и в тылу, постепенно деморализовались, с началом и развитием немецкого наступления сменяются состраданием. Из письма в письмо переходит тревога за родных, друзей и знакомых, о которых с начала оккупации Франции не было вестей.

Трудности быта в относительно мирной, хотя постоянно находящейся в страхе перед нападением вермахта Швейцарии, Штейгер сравнивает с голодом и лишениями, которые переживают близкие в Париже и других оккупированных территориях. Сообщая о себе, он

³⁶ Речь идет о 69-й (LXIX) книжке «Современных записок»; последняя, 70-я (LXX), вышла в марте 1940 г.

³⁷ Фондаминский Илья Исидорович (Фундаминский, литературный псевд. Бунаков; 1880–1942) — революционер, член партии социалистов-революционеров, религиозный деятель, соредактор журналов «Современные записки», «Русские записки», «Новый Град».

³⁸ «Возрождение» — еженедельная газета русской эмиграции. Издавалась в Париже с 3 июня 1925 г. под ред. П.Б. Струве; с 18 августа 1927 г. под ред. Ю.Ф. Семенова. Последний номер газеты вышел 7 июня 1940 г.

³⁹ Мандельштам Юрий Владимирович (1908–1943) — поэт, литературный критик, участник парижских литературных объединений русской эмиграции. С 1939 г., после смерти В.Ф. Ходасевича, вел критический отдел в газете «Возрождение». Был арестован как еврей в марте 1942 г. Погиб в филиале Освенцима — концентрационном лагере Явожно (Польша) 15 октября 1943 г.

⁴⁰ «Последние новости» — ежедневная газета русской эмиграции. Выходила в Париже с 27 апреля 1920 г. под ред. М.Л. Гольдштейна; с 1 марта 1921 г. под ред. П.Н. Милюкова. Последний номер газеты вышел 11 июня 1940 г.

пишет 8–10 ноября 1939 г. в Софию, что поскольку его швейцарской ренты не хватает и на две недели, он устроился в Берне на фармацевтическую фабрику:

Сперва было трудно — я сидел за станком и вертел ручку мерзкого металлического сосуда, который выпускал какую-то лечебную дрянь в тюбик, который я держал в левой руке. Тюбики вырастали Хеопсовой пирамидой. Затем я закрывал их щипцами, дрожа от брезгливости, т<ак> к<ак> у меня все время были жирные и грязные руки.

В настоящее время работа легче. Меня перевели в отдел порошков и пилюль, потому что формалин и ихтиол начали действовать на мое здоровье. Я набиваю пилюлями стеклянные тюбики — уже не пирамиды, а Монбланы. Ça me convient parfaitement <Это меня вполне устраивает (фр.)> — эта неумолимая механическая идиотская работа. Встаю в 6.30 — работа начинается в 7.30 и до 6 ч<асов> вечера с перерывом на завтрак. Пришлось научиться рано ложиться спать и вообще отказаться от множества буржуазных привычек, которые вы хорошо знаете.

Ни в какой мере я не являюсь жертвой и не изображаю ее. <...> Я знал и Вам говорил, что за весь эстетизм моих Рагуз, Афин, ночей на Босфоре и проч. — мне придется рано или поздно расплачиваться. Je joissais de la vie <Я радовался жизни (фр.)> предельно сознательно и поэтому, когда мне «предъявили счет» — я, не споря и sans mauvais sang <не портя себе крови (фр.)>, вошел в мое новое положение (Д. 135. Л. 7).

Однако уже 1 февраля 1940 г. описывает последствия непосильного для него образа жизни:

...я лежу в военном госпитале в Интерлакене, и завтра мне делают серьезную операцию — какая-то мерзость в животе, сами врачи точно не знают. Но не нарежут, об этом не беспокойтесь.

Самое ужасное — и это действительно ужасно, — это то, что у меня опять все началось скоротечно с легкими и что после больницы опять в санаториум на долгие месяцы. Это для меня просто ужасно. (Но не умру, не беспокойтесь тоже). Как все это случилось? — Гитлер: фабрика, пилюли, еда, вставания на заре. Кроме того, я прошел медицинский военный контроль, который нашел меня пригодным к военной службе — военное время... В общем это произошло логически... Я Вам всегда говорил, что война для меня будет означать и личную катастрофу. <...> Как приду в себя — напишу подробно о Париже,

Vésinet и обо всем. Но Вы должны мне сразу написать, и умоляю об этом и всех Бицилли — о коллективном нежном письме. Я никогда не забываю Вас, Бицилли и Софию — я был в Софии просто счастлив.
<...>

Ваш друг Барончик.

Приписка:

Помните мои стишки: «Всегда платить за все, За все платить сполна». Я это всегда знал и вот расплачиваюсь за Акрополь, ночи на Босфоре, Адриатику и... Софию (Д. 135. Л. 12).

Экзистенциальное ощущение необходимости расплаты за счастье вылилось у Штейгера в словесную формулу: он воспроизводит ее дословно в некоторых письмах этого периода, например, в письме к Ю.П. Иваску от 8 февраля 1940 г. [15, с. 107].

Едва оправившись от первой операции, поэт извещает короткой запиской по-французски волнующихся за него друзей о том, что она прошла благополучно и все хорошо настолько, насколько это возможно. 17 февраля ему делают вторую тяжелую полостную операцию. Но уже 3 марта он пишет А.П. Мещерскому на четырех листах большого формата обещанное письмо, где кратко и не без юмора говорит о своей болезни, зато весьма обстоятельно излагает впечатления от поездки в Париж и Везине, описывает положение колонии в военное время, сообщает новости о представителях императорского дома в изгнании:

Младоросская колония в Vésinet увеличилась, к трем бывшим уже млад<оросским> домам прибавился еще четвертый: в ночь, последовавшую за объявлением войны, в ворота александровой виллы въехало такси с перепуганными насмерть Андреем Владимировичем⁴¹, Ксешинской⁴²<sic!>, Вовой de Russie⁴³, собачками и клетками

⁴¹ Андрей Владимирович, великий князь (1879–1956) — четвертый сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны, внук императора Александра II. В эмиграции с 1920 г.

⁴² Кшесинская Матильда Феликсовна (1872–1971) — прима-балерина Мариинского театра, балетный педагог. В 1921 г. стала морганатической женой великого князя Андрея Владимировича с титулом княгини Красинской (1926), затем — светлейшей княгини Романовской-Красинской (1935). Ср. с мемуарами М.Ф. Кшесинской: «Мы решили на некоторое время уехать в Везине, находившееся в окрестностях Парижа. <...> Уехали мы 3 сентября, сразу после того, как Франция и Англия объяви-

с птичками, — как рисует Дюбу⁴⁴ на своих картинках. Проклиная судьбу, их успокоили и уступили кровати. Теперь они сняли себе отдельную виллу и пока никого не компрометируют (в Белграде я слышал много новых подробностей об «испанских» похождениях Андрея Владимировича). Встретил его на улице и был у них, чтобы выманить фотографии его и, главное, Матильды Феликсовны для моего архива, каковое предприятие и увенчалось успехом (Д. 135. Л. 17 об.).

В этом письме Штейгер излагает свое отношение к младоросской организации:

Млад<оросская> программа, за эти годы менявшаяся 110 раз, мне всегда была более или менее неприемлема... но *что-то* в младороссах всегда *было и есть*, м<ожет> б<ыть>, правда, какой-то, впрочем, чрезвычайно бездоказательный «почин». Ума, *талантливости* и очень большой традиции. Кроме того, всегда чувствовались и очень большие возможности. Как дело ни безнадежно сейчас на вид, я эти *возможности* опять ощутил, поговорив с Александром⁴⁵. Только если с Александром что-нибудь случится — тогда на все движение придется поставить крест окончательный. Но только в этом случае (Д. 135. Л. 16 об.).

Через несколько дней, 10 марта 1940 г., поэт пишет уже П.М. Бичилли и членам его семьи:

Очень рад был получить Ваше письмо, письмо Марии Тимофеевны и послания Вашего «окружения». Все это пришло как раз между двумя операциями и оказалось настоящей «моральной поддержкой»

ли войну Германии. Наняв два такси, мы погрузили самое необходимое и прихватили с собой любимую собаку, кота и канареек. <...> Наша вилла была уютной, теплой, и жилось нам, в сущности, неплохо. В воскресенье к нам приезжали знакомые, и почти каждый день кто-то приходил на обед. На фронте было тихо, и, проведя четыре с половиной месяца в Везине, мы решили вернуться в Париж, что сделали 19 января» [14, с. 390–391].

⁴³ Романовский-Красинский Владимир Андреевич, светлейший князь (1902–1974) — сын великого князя Андрея Владимировича и М.Ф. Кшесинской. В эмиграции с 1920 г. Во время фашистской оккупации Франции был арестован гестапо как член Союза младороссов, в течение четырех с половиной месяцев находился в концлагере.

⁴⁴ Дюбу Альбер (Dubout; 1905–1976) — французский художник и карикатурист.

⁴⁵ Казем-Бек Александр Львович (1902–1977) — историк, политический, общественный деятель, глава Союза младороссов.

(следовало бы перестать писать «моральную поддержку» в кавычках. Это была настоящая моральная поддержка без всяких кавычек) (Д. 135. Л. 20).

Слова А. Штейгера о кавычках — отзвук поэтического и этического урока, который был дан поэту Мариной Цветаевой в письме к нему от 1 сентября 1936 г.:

Зачем и откуда — с Вашим чудесным сердцем — кавычки на таких чудесных, чудодейственных вещах, как жалость, труд, страдание, любовь, подвиг? Что такое кавычки? Знак своей непричастности — данному слову или соединению слов, как знак его условности в наших устах. Подчеркнутая чуждость их простому употреблению и толкованию. Знак своего превосходства — над той простотой. Кавычки — ирония [22, с. 68].

Извещая профессора об «изменении формулы» младоросской газеты «Бодрость!», которая по инициативе И.И. Фондаминского и К.С. Елита-Вильчковского⁴⁶ должна была из издания узкопартийного стать литературно-общественным, Штейгер от имени редакции приглашает его к сотрудничеству, не подозревая о том, что вышедший 15 февраля 1940 г. ее номер был последним⁴⁷. Наиболее развернутая тема этого письма — характеристика Зинаиды Гиппиус, воскресных собраний у Мережковских — дореволюционных, довоенных и военных, — описание, которое, помимо достоинств ума и наблюдательности, свидетельствует и о таланте Штейгера-прозаика. Например, он сообщает:

Мережковские соскучились в Биаррице, вернулись в Париж и по-прежнему принимают по воскресеньям. Димитр<ий> Серг<еевич> похож на мощи, но Зин<аида> Ник<олаевна> еще держится, на шее цепочки, брелочки, лорнетка, во рту папироска, волосы ярко-рыжие. Кривляется, глуха как тетерев, но когда надо, говорит без всякого кривляния умные или злые вещи, на которые она большая мастерица. Очаровательна она по-прежнему, в особенности когда удается ее

⁴⁶ Елита-Вильчковский Кирилл Сергеевич (1904–1960) — историк искусства, литературный критик, генеральный секретарь организации младороссов.

⁴⁷ О приглашении других литераторов к сотрудничеству в газете «Бодрость!» и ее закрытии см. комментарий к письму Н.Н. Берберовой к И.А. Бунину от 9 декабря 1939 г. [10, с. 60].

переключить с политики на литературу и на ее петербургские воспоминания. Я ее всегда пытаюсь отвести от чайного стола, за которым гремят витии, и мы с нею начинаем «декадентствовать», читать стихи, мечтать об «ультрафиолетовом» (помните ее «я хочу, чтобы все было ультрафиолетово»)⁴⁸, и она так увлекается, что мы незаметно оказываемся как бы в 1913 году на Сергиевской в доме Мурузи (Д. 135. Л. 20 об.).

В памяти А. Штейгера, для которого все, что относилось к дореволюционному Петербургу и его культуре, было дорого и значимо, совместились два петербургских адреса Мережковских: в доходном доме Мурузи (Литейный проспект, 24) они жили до декабря 1912 г., затем переехали в квартиру № 17 в доме 83 по Сергиевской улице.

После выписки из госпиталя Анатолий Сергеевич был вынужден снова устроиться на работу. Об этом он пишет 16 мая 1940 г.:

Дорогие Тяпа⁴⁹, Петр Михайлович и все мои софийские друзья,
Простите, что пишу всем вместе и что напишу сравнительно мало, т<ак> к<ак> у нас сейчас совсем не до писем. Со времени нападения на Бельгию ни одного дня и ни одной спокойной ночи. Паники нет, но «война нервов» достигла предела и любую минуту ожидается решительно все. Судьба Бельгии и Голландии⁵⁰ перед глазами. Я смотрю на наше положение без крайнего пессимизма, всех успокаиваю и, вообще, делаю *bonne mine au mauvais jeu* <хорошую мину при плохой игре (фр.)> — будет что будет!

С 1-го мая опять поступил на мою фабрику. Другого никакого выхода не было, т<ак> к<ак>, несмотря на космические события, жить как-то надо, хоть бы для того, чтобы «досмотреть». Устаю, как свинья, потому что здоровье мое не улучшается, а теперь к тому же — после генеральной мобилизации⁵¹ — приходится работать всю субботу и воскресенье. Работа прежняя — сижу за станком (Д. 135. Л. 23).

В это же время, как следует из письма от 3 августа 1940 г., Штейгер поддерживает отношения с представителями болгарского по-

⁴⁸ Строка из стихотворения З. Гиппиус «Здесь все — только опалово...».

⁴⁹ Домашнее прозвище А.П. Мещерского.

⁵⁰ Захват Бельгии, Нидерландов и Люксембурга был осуществлен войсками вермахта с 10 по 28 мая 1940 г.

⁵¹ 2 сентября 1939 г. в Швейцарии была произведена всеобщая мобилизация, которой подлежало все мужское население страны, пригодное для несения воинской службы.

сольства в Берне, сотрудничает в швейцарских газетах, в частности, пишет о Софии, а также ведет рубрику «Dobrudj'a e pascha»⁵², где комментирует события, связанные с конфликтом между Румынией и Болгарией по поводу Добруджи и других спорных территорий, закончившимся 7 сентября подписанием Крайовского соглашения.

Все письма этого времени пронизаны мучительной тревогой за родных и знакомых. 28 июня Штейгер пишет П.М. Бицилли:

Страшно думать о друзьях — где они и кто уцелел. Смертельно волнуюсь за Адамовича, который мне пред самым концом света написал письмо, на которое я его даже не считал способным⁵³. Бедные старые Мережковские, Илюша <Фондаминский. — Л.Г.>, Сирина⁵⁴. Мы с сестрой молчим и стараемся не говорить и не думать.

Моя младшая сестра⁵⁵ с детьми и муж Аллы⁵⁶ в Париже, а м <ожет> б <ыть>, бродят по дорогам Франции с 4 миллионами других беженцев (Д. 135. Л. 24).

В сентябре 1940 г. почтовая связь с неоккупированной частью Франции наладилась, и с этого времени Штейгер почти в каждом письме кратко сообщает П.М. Бицилли то, что узнает о положении членов императорской фамилии, политиков — А.Ф. Керенского, П.Н. Милюкова, литераторов — Г. Адамовича, И. Бунина, Мережковских, М. Алданова, В. Набокова, И. Бунакова-Фондаминского, Г. Иванова, И. Одоевцевой, Р. Гуля, С. Прегель, Л. Червинской и других. Получив известие о свадьбе Андрея Мещерского и Марии Бицилли, отвечает 8 марта 1941 г. радостными поздравлениями и шутивными наставлениями молодой княгине.

Переписка швейцарцев с Болгарией и другими странами и территориями, не подвергшимися оккупации, хотя и была затруднена из-за усиленного контроля цензуры, надолго не прерывалась. Так, З.А. Шаховская свидетельствует, что Штейгер с начала 1941 г. до своей смерти в 1944 г. был почтовым посредником между ней и ее матерью, жившей в Лондоне [25, с. 161]. Тем не менее, если за 1940 г. сохранилось двенадцать писем болгарским друзьям, то за 1941-й —

⁵² Поиски публикаций А. Штейгера в швейцарской прессе не производились.

⁵³ Письмо не сохранилось.

⁵⁴ Владимир Сирина — литературный псевдоним В.В. Набокова.

⁵⁵ Елизавета Сергеевна, урожд. баронесса Штейгер (1912–1974).

⁵⁶ Головин Александр Сергеевич (1904–1968) — скульптор.

только три письма. Лишь в одном из них, от 23 декабря, Штейгер вскользь упоминает о войне Германии с СССР:

В связи с русскими событиями я незаметно сделался журналистом и пишу в Бунде⁵⁷, газете чрезвычайно по-старому чинной, «европейской», либерально-консервативной. Пресса в Швейцарии почти что совсем свободна и всячески придерживается истины. <...> Кроме статей, предпринял грандиозную работу, чтобы убить время и поменьше думать: составляю книгу «Человечество во время войны 1939–?», не «Война», а «Человечество». Книга почти без текста, одни иллюстрации. Мы еще получаем газеты и журналы с обеих сторон, есть фотографии убийственные, под некоторыми я оставляю оригинальный текст, вызывающий нечто среднее между смехом и плачем. Но очень возможно, что эта книга никогда не увидит света и ее придется сжечь в печке⁵⁸ (Д. 135. Л. 35).

Прокомментировать скудные строки о работе в газетах помогают воспоминания Юрия Терапиано о том, что во время войны, несмотря на болезнь, Штейгер

нашел в себе силу сделаться журналистом, вел активную борьбу с гитлеровской пропагандой — настолько, что немцы занесли его в список подлежащих уничтожению лиц [20, с. 119].

К сожалению, в письмах барона к П.М. Бицилли и А.П. Мещерскому нет прямых свидетельств о его антифашистской деятельности. Возможно, этот намек на связь между нападением Германии на его Родину и сотрудничеством в «Бунде», является единственным указанием на характер его газетных статей. В то же время А.С. Головина сообщает в письме к А.П. Мещерскому от 17 февраля 1946 г.:

Во время войны он <А.С. Штейгер. — Л.Г.> стихов не писал, только статьи для местных газет ради очень невеликого заработка. Помимо, эти статьи большого интереса не имеют, но они у меня есть все⁵⁹.

⁵⁷ «Der Bund» (Берн, с 1850 г. по настоящее время) — ежедневная газета.

⁵⁸ Вероятно, работа над книгой прервалась, местонахождение рукописи или подготовительных материалов неизвестно.

⁵⁹ РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 147. Л. 3–4.

В письмах этого времени Штейгер продолжает сообщать софийским друзьям доходящие до него сведения об общих знакомых, о русских литераторах. 6 января 1941 г. трогательно благодарит А.П. Мещерского за новогодний подарок — присылку стихотворного сборника Анны Ахматовой «Из шести книг», делится впечатлениями:

Читаю Ахматову с наслаждением. Стихи 1923–40 гг. чрезвычайно слабы и поражает их малое количество (стихи из «Ивы»), по сравнению со стихами из других сборников. Хочется надеяться, что лучшее не попало из цензурных соображений, но, увы, вряд ли это так. Зато как прекрасны стихи прежние (Д. 135. Л. 36).

Тем не менее поэт оказался прав в своем предположении: именно в эти годы создаются первые варианты «Поэмы без героя» и «Реквием», очередные главы которого автор уничтожает, предварительно выучивая наизусть.

23 марта 1942 г., поздравляя Мещерского и П.М. Бицилли с наступающей Пасхой, Штейгер пишет:

У нас праздники будут совсем военными — в месяц выдается по 4 яйца и все остальное в этом же роде, так что разгавливания никакого особенного не будет. И службу придется слушать по радио (из Софии!) за неимением в Берне православной церкви (Д. 135. Л. 38).

Далее с ликованием сообщает:

Мне! удалось! устроить! Никите Толстому⁶⁰ пенсион от русско-швейцарского общества 1000 лев приблизительно в месяц на более или менее продолжительный срок. Мы отсюда можем переводить деньги только через Красный Крест, и это тянется чрезвычайно долго.

⁶⁰ Толстой Никита Ильич (1923–1996), граф — филолог-славист, фольклорист, заведующий сектором Института славяноведения и балканистики АН СССР (1977), действительный член АН СССР (1987), член Президиума РАН (1992) правнук Л.Н. Толстого, сын Ильи Ильича Толстого (1897–1970), активного деятеля партии младороссов (белградский очаг). Личное знакомство А.С. Штейгера с юным Никитой Толстым могло состояться в 1938 г., во время поездки поэта в Белград, где в это время жила семья И.И. Толстого. Супруга Никиты Ильича Светлана Михайловна Толстая сообщила автору публикации, что семья жила очень бедно, время от времени сдавая одну из комнат, чтобы поддержать бюджет. Никита, в то время учащийся русско-сербской гимназии, часто и подолгу болел. С 17 декабря 1936 г. по 26 или 27 января 1937 г. он находился в швейцарском санатории из-за болезни легких, однако известно, что в это время поэт был во Франции.

Прошу Тяпу немедленно мне ответить, нельзя ли переводить для скорости эти деньги Вам, с тем чтобы вы переправляли их дальше либо через Болгарск<ий> Кр<асный> Крест, либо иначе как полагается. Очень прошу Тяпу побегать, если надо, за разрешениями по учреждениям и вообще доказать дружбу. Нельзя ли переводить деньги на имя Профессора⁶¹ (это звание многое облегчит мне здесь, потому что в Швейцарии еще уважают профессоров, их не вешают и не заставляют подметать улицы) (Д. 135. Л. 38).

Сообщив далее о смерти в Давосе великого князя Дмитрия Павловича и безнадежном состоянии П.Н. Милюкова, пишет в ответ на просьбу П.М. Бицилли о пересылке книг:

Вижу, что Петр Михайлович не вполне уясняет обстановку. Не только книги, но вообще ничего нельзя послать в забранную Францию. Мы не имеем возможности переписываться с июня 1940 года⁶². А с Илюшей не могут переписываться даже живущие в Париже (Д. 135. Л. 38 об.).

Далее с резким осуждением пишет о коллаборационизме с фашистским режимом некоторых русских литераторов.

И наконец, после долгого перерыва — последнее письмо, от 18 декабря 1942 г. (см. илл. 2):

Leysin⁶³, Clinique Vermont.

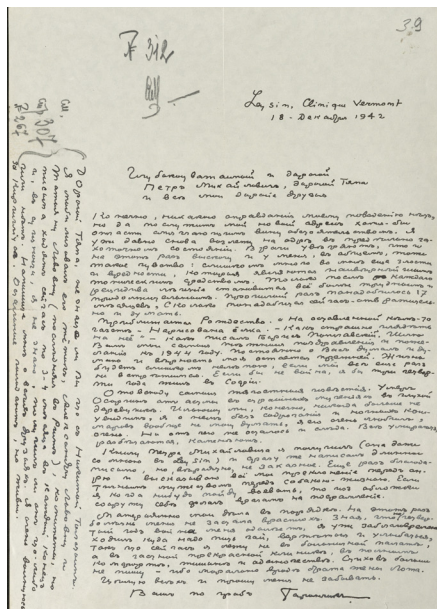
Глубокоуважаемый и дорогой Петр Михайлович, дорогой Тяпа и все мои дорогие друзья,

Конечно, никакого оправдания моему поведению нет, но да послужит мне мой новый адрес хотя бы отчасти смягчающим вину обстоятельством. Я уже давно снова возлежу на одре в предельно чахоточном состоянии. Врачи уверяют, что и на этот раз выскочу, и у меня, в общем, тоже такое чувство: слишком много во мне еще злости и вредности, которые являются наивернейшим тоническим

⁶¹ П.М. Бицилли.

⁶² 14 июня 1940 г. войска вермахта заняли Париж, а 22 июня был подписан акт о капитуляции Франции. Оставшаяся не оккупированной южная часть Франции управлялась марионеточным правительством Ф. Петэна (так называемый режим Виши).

⁶³ Лезен (фр. Leysin) — коммуна округа Эгль в кантоне Во в Швейцарии. Благодаря своему расположению в горах и преобладанию солнечной погоды Лезен стал одним из центров лечения туберкулеза, здесь располагалось несколько клиник и санаториев.

Илл. 2. Письмо А.С. Штейгера к П.М. Бицилли и членам его семьи. 18 декабря 1942. РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 135. Л. 39

Fig. 2. Letter from A.S. Steiger to P.M. Bitsilli and members of his family. 18 December 1942. Manuscript Department of IRL RAS. F. 804. Inv. 1. Dossier 135. Sheet 39

средством. Только после каждого рецидива лечение становится все более трудным и продолжительным. Прошлый раз понадобилось 17 месяцев, сколько понадобится сейчас — отвратительно и думать.

Приближается Рождество. «На оставленной кем-то газете — Нарисована елка. — Как странно глядеть на нее», — как писал Борис Поплавский⁶⁴. Шлю вам мои самые нежные поздравления и пожелания к 1944 <так в тексте. — Л.Г.> году. Постоянно о вас думаю и думаю, и верность моя остается прежней. Жизнь будет слишком нелепою, если мы все еще раз не встретимся. Если бы не война, я бы три четверти года жил бы в Софии.

⁶⁴ Поплавский Борис Юлианович (1903–1935) — поэт и прозаик русского зарубежья. В письме приводятся строки из его стихотворения «Рождество расцветает. Река наводняет предместья...» (1930–1931). У Поплавского: «...нарисована елка, как страшно смотреть на нее».

Отовсюду самые тягостные известия. Умер Осоргин⁶⁵ от астмы в страшных мучениях в глухой деревушке. Илюшу мы, конечно, никогда больше не увидим⁶⁶, я о нем без содрогания и ночных кошмаров вообще не могу думать, я его очень любил, очень. Ни от чего не осталось и следа. Все умирать разбегаются, каменеют.

Книгу Петра Михайловича⁶⁷ получил (она даже со мной в Leysin) и сразу же написал длинное письмо, но, вероятно, не заказное. Еще раз благодарю и высказываю все мое преклонение перед античным мужеством перед собакою-жизнью. Если я когда-нибудь пойду воевать, то из обложки сооружу себе флаг врагам на посрамление.

Материально мои дела в порядке. На этот раз болезнь меня не застала врасплох. Зная, что на четвертый год война меня одолеет, я уже заблаговременно ходил куда надо пить чай, вертеться и улыбаться, так что сейчас я лежу не в больничной палате, а в частной прекрасной клинике, в полном комфорте, тишине и одиночестве. Стихов больше не пишу — ибо морально вроде брата жены Лота⁶⁸. Целую всех и прошу меня не забывать.

Ваш по гроб Барончик.

Приписка:

Дорогой Тяпа, не знаете ли Вы, что с Никитой Толстым. Я мобилизовал его теток⁶⁹ Александру Львовну и Татьяну Львовну (последняя в Риме), комитеты, но письма ходят сейчас по 3–4 месяца в каждый конец и, в сущности, я не знаю, получил ли он что-нибудь или нет⁷⁰. Напишите мне о всех друзьях. Я очень волнуюсь за Кириллиуса⁷¹. Остальные голодают, но живы (Д. 135. Л. 39).

⁶⁵ М.А. Осоргин умер в местечке Шабри, на неоккупированной территории Франции, куда они с женой Татьяной Алексеевной (урожд. Бакуниной; 1904–1995) бежали после занятия немцами Парижа.

⁶⁶ И.И. Фондаминский погиб в Освенциме 19 ноября 1942 г.

⁶⁷ Имеется в виду монография П.М. Бицилли «Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа» (София, 1942).

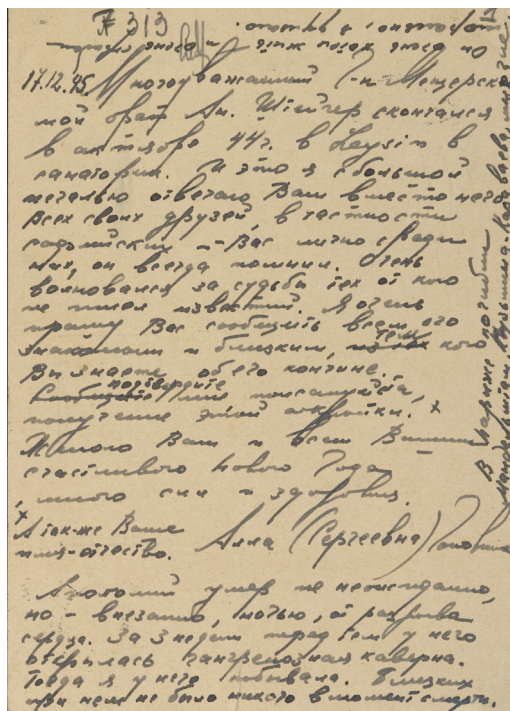
⁶⁸ Согласно Книге Бытия (19: 26), жена ветхозаветного праведника Лота, которого Бог вывел с семьей из обреченного на сожжение Содома, нарушила запрет, оглянувшись на гибнущий город и превратилась в соляной столп.

⁶⁹ Речь идет о Никите Ильиче Толстом, следовательно, Т.Л. и А.Л. Толстые доводятся ему не тетками, а двоюродными бабушками.

⁷⁰ С.М. Толстая сообщила автору этих строк, что ей не приходилось слышать о выплате швейцарской ренты Н.И. Толстому.

⁷¹ К.С. Елита-Вильчковский.

Затем письма перестали приходить. Обеспокоенный отсутствием вестей от друга, Андрей Мещерский написал в Берн, но ответ пришел не от Штейгера (см. илл. 3):

Илл. 3. Письмо А.С. Головиной к А.П. Мещерскому. 17 декабря 1945. РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 147. Л. 1

Fig. 3. Letter from A.S. Golovina to A.P. Meshcherskii. 17 December 1945. Manuscript Department of IRL RAS. F. 804. Inv. 1. Dossier 147. Sheet 1

17. 12. 1945 (Берн)

Многоуважаемый Г-н Мещерский,

мой брат скончался в октябре 44 г. в Leysin в санатории. И это я с большой печалью отвечаю Вам вместо него. Всех своих друзей, в частности софийских — Вас лично среди них, он всегда помнил. Очень волновался за судьбу тех, от кого не имел известий. Я очень прошу сообщить всем его знакомым и близким, тем, кого Вы знаете, о его кончине.

<...> Анатолий умер не неожиданно, но — внезапно, ночью,

от разрыва сердца. За 3 недели до того у него открылась гангренозная каверна. Тогда я у него побывала. Близких при нем не было никого в момент смерти.

Он очень хотел жить и очень страдал морально, я думаю.

Алла (Сергеевна) Головина⁷².

Приписка: «В Париже погибли Мандельштам⁷³, Кузьмина-Караева⁷⁴, многие»⁷⁵.

За пределами краткого обзора писем А.С. Штейгера к его болгарским друзьям осталось несколько незатронутых тем, которые требуют отдельного разговора. Одна из них — отношение поэта к политике, которое раскрывается по-новому в его общении с А.П. Мещерским, с которым ему проще было обсуждать актуальные политические вопросы, чем в салоне Мережковских или при общении с Г. Адамовичем.

Следует сказать, что основные факты из жизни Анатолия Штейгера, которые содержатся в письмах, в общих чертах известны. Новым является «человеческий документ» — самораскрытие поэта в отношениях с близкими по духу людьми, которых он любил. Вникая в него, мы становимся свидетелями окончательного становления личности во время тяжкого общего испытания — долгой и кровопролитной войны, а также в преддверии его собственной Голгофы — мучительной последней болезни и смерти. В книге «Встречи» Юрий Терапиано отметил:

Далекий от всякой позы и желания щеголять своим подлинным неблагополучием, он <А. Штейгер. — Л.Г.> не скрывал, что любит жизнь, и говорил в своих стихах о смерти, как о неизбежном, трудном часе [20, с. 121].

Вспоминаются также известные слова Г. Адамовича, с предельной точностью выражающие чувство, которое возникает по прочтении писем:

⁷² РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 147. Л. 1.

⁷³ См. примеч. 39.

⁷⁴ Участница французского Сопротивления, писательница и общественный деятель мать Мария (в миру Елизавета Юрьевна Скобцова, урожд. Пиленко, по первому мужу Кузьмина-Караева; 1891–1945) погибла в концентрационном лагере Равенсбрюк 31 марта 1945 г.

⁷⁵ РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 147. Л. 1–1 об.

У этого человека, молодого, веселого, ничуть не нытика и не неврастеника, было необыкновенно развито чувство боли <...>. Из этой боли возникла его поэзия: из боли и жажды любви. <...> В своем долгом швейцарском одиночестве, больной, беспомощный, мало-помалу от всего отказывающийся, одно за другим, даже в надеждах, терявший, Штейгер дотянулся, дописался до настоящих слов, горьких и чистых <...>. У него, у «подстреленной птицы», хватило для этого настойчивости и воли. Хватило мужества отбросить все обольщения и уйти от смерти тем единственным путем, на котором она не могла его настигнуть [8, с. 289–290].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Баканова И.В.* «Вам, Марина, мы тут не судьи...» // VII Цветаевская международная научно-тематическая конференция (Москва, 9–11 октября 1999 г.): сб. докладов. М.: Дом-музей М. Цветаевой, 2000. С. 349–375.
2. *Баканова И.В.* Марина Цветаева и Алла Головина: история взаимоотношений в контексте литературного творчества // Семья Цветаевых в истории и культуре России: XV Международная научно-тематическая конференция (Москва, 8–11 октября 2007 г.): сб. докладов. М.: Дом-музей М. Цветаевой, 2008. С. 356–379.
3. *Баканова И.В.* Стреноженная мечта. Тема культурной памяти в поэзии Аллы Головиной // Искусство как сфера культурно-исторической памяти: сб. ст. / отв. ред. Л.Ю. Лиманская. М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2008. С. 160–178.
4. *Герашко Л.В., Кудрявцев В.Б.* Фонд профессора П.М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 57–222.
5. *Мрочковская-Балашова С.* Храм князя Мещерского. URL: <https://pushkin-book.ru/id=469.html> (дата обращения: 21.09.2020).
6. *Федоров Ф.* Бессарабия в лирике Анатолия Штейгера // Rossica. 1999. № 3–4. С. 61–62.

Источники

7. *Адамович Г.* Литературные заметки // Последние новости. Париж, 1936. 30 апреля. № 5516. С. 4.

8. *Адамович Г.* Одиночество и свобода. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 316 с.
9. Анатолий Штейгер. Мертвое «да». URL: https://royallib.com/read/shteyger_anatoliy/mertvoe_da.html#0 (дата обращения: 23.12.2020).
10. И.А. Бунин: Новые материалы и исследования / под ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2010. Вып. 2. 536 с.
11. *Элита-Вильчковский К.* [Рец. на кн.:] А. Штейгер. Неблагодарность. Стихи. Париж, 1936 // Бодрость! Париж, 1936. 10 мая. № 80. С. 4.
12. *Засекин А.* Эта жизнь // Возрождение. Париж, 1932. 14 января. № 2417. С. 5.
13. *Иваск Ю.* Новые сборники стихов // Новый журнал. Нью-Йорк, 1951. № 225. С. 299–301.
14. *Кшесинская М.* Воспоминания. Смоленск: Русич, 1998. 416 с.
15. *Ливак Л.* К истории «Парижской школы»: Письма Анатолия Штейгера, 1937–1943 // Canadian-American Slavic Studies. 2003. Vol. 37, № 1–2. P. 83–119.
16. *Мнухин Л.* «Я стремлюсь в Париж...» (Из писем и дневниковых записей). URL: https://royallib.com/read/shteyger_anatoliy/mertvoe_da.html#545883 (дата обращения: 23.12.2020).
17. *Пахмусс Т.* Из архивных материалов В.А. Злобина: поэт Анатолий Штейгер // Cahiers du monde russe et soviétique. 1985. Vol. 26, № 3–4. P. 479–492.
18. Поэты пражского «Скита»: Проза. Дневники. Письма. Воспоминания. СПб.: Росток, 2007. 703 с.
19. *Струве Г.* [Рец. на кн.:] А. Штейгер. Этот день. Стихи. Париж, 1928 // Россия и славянство. Париж, 1929. 2 февраля. № 10. С. 4.
20. *Терапиано Ю.* Встречи. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 206 с.
21. *Ходасевич В.* Неблагодарность // Возрождение. 1936. 28 мая. № 4012. С. 3.
22. *Цветаева М.* Письма Анатолию Штейгеру. Болшево; Калининград: Музей М.И. Цветаевой, 1994. 160 с.
23. *Цетлин М.* [Рец. на кн.:] А. Штейгер. Неблагодарность. Стихи. Париж, 1936 // Современные записки. Париж, 1932. Кн. 62. С. 439.
24. *Червинская Л.* [Рец. на кн.:] А. Штейгер. Неблагодарность. Стихи. Париж, 1936 // Круг. Берлин, 1936. Кн. 1. С. 180–182.
25. *Шаховская З.* В поисках Набокова; Отражения / предисл. П. Алешковского. М.: Книга, 1991. 317 с.
26. [Штейгер А.] Детство Анатолия Штейгера: Из его воспоминаний // Новый журнал. 1984. № 154. С. 109–138.
27. *Яновский В.С.* Поля Елисейские. Книга памяти / предисл. С. Довлатова. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 278, 1 с.

REFERENCES

1. Bakanova, I.V. ““Vam, Marina, my tut ne sud’i’...” [““We are no Judges for You Here, Marina...”]. VII Tsvetaevskaia mezhdunarodnaia nauchno-tematicheskaja konferentsiia (Moskva, 9–11 oktiabria 1999 g.) [7th Marina Tsvetaeva International Scientific and Thematic Conference (Moscow, October 9–11, 1999)]. Moscow, Marina Tsvetaeva House-Museum Publ., 2000, pp. 349–357. (In Russian)
2. Bakanova, I.V. “Marina Tsvetaeva i Alla Golovina: istoriia vzaimootnoshenii v kontekste literaturnogo tvorchestva” [“Marina Tsvetaeva and Alla Golovina: History of Personal Relations in the Context of Literary Work”]. *Sem’ia Tsvetaevykh v istorii i kul’ture Rossii: XV Mezhdunarodnaia nauchno-tematicheskaja konferentsiia (Moskva, 8–11 oktiabria 2007 g.)* [The Tsvetaev Family in Russian History and Culture: 15th International Scientific and Thematic Conference (Moscow, October 8–11, 2007)]. Moscow, Marina Tsvetaeva House-Museum Publ., 2008, pp. 356–379. (In Russian)
3. Bakanova, I.V. “Strenozhennaia mechta. Tema kul’turnoi pamiati v poezii Ally Golovinoi” [“Hobbled Dream. The Theme of Cultural Memory in the Poetry of Alla Golovina”]. Limanskaya, L.Iu., editor. *Iskusstvo kak sfera kul’turno-istoricheskoi pamiati* [Art as a Sphere of Cultural and Historical Memory]. Moscow, Russian State Humanitarian University Publ., 2008, pp. 160–178. (In Russian)
4. Gerashko, L.V., and V.B. Kudriavtsev. “Fond professora P.M. Bitsilli v Rukopisnom otdele Pushkinskogo Doma” [“The Foundation of Professor P.M. Bitsilli in the Pushkin House Department of Manuscripts”]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2005–2006 gg.* [Yearbook of the Pushkin House Department of Manuscripts for 2005–2006]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2009, pp. 57–222. (In Russian)
5. Mrochkovskaya-Balashova, Svetlana. *Khram kniazia Meshcherskogo* [The Temple of the Count Meshcherskii]. Available at: <https://pushkin-book.ru/id=469.html> (Accessed 21 September 2020). (In Russian)
6. Fedorov, F. “Bessarabiia v lirike Anatolii Shteigera” [“Bessarabia in the Lyric Poetry of Anatolii Shteiger”]. *Rossica*, no. 3–4, 1999, pp. 61–62. (In Russian)

Дата поступления статьи: 10 августа 2021 г.

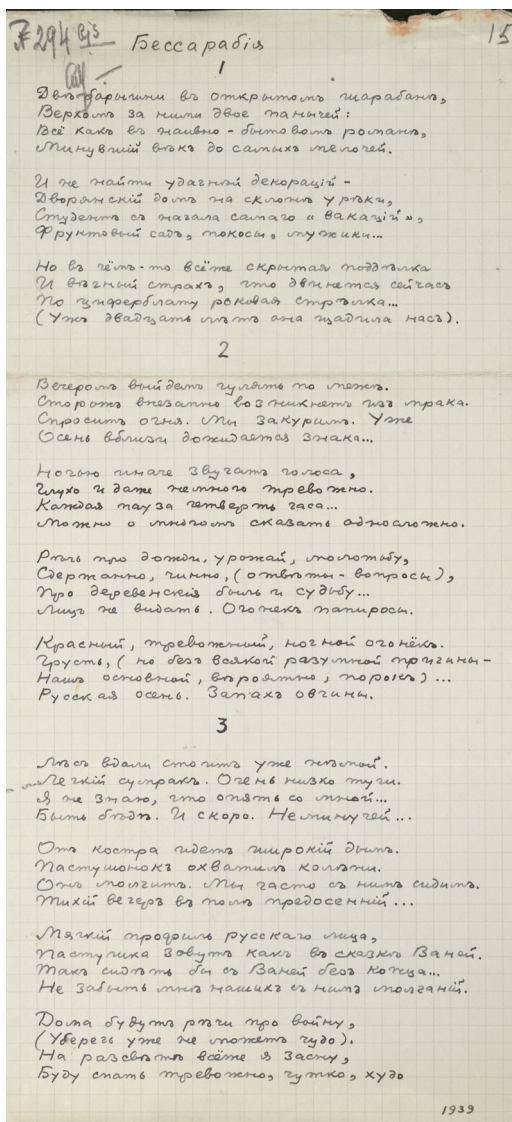
Дата одобрения рецензентами: 19 марта 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 10 August 2021

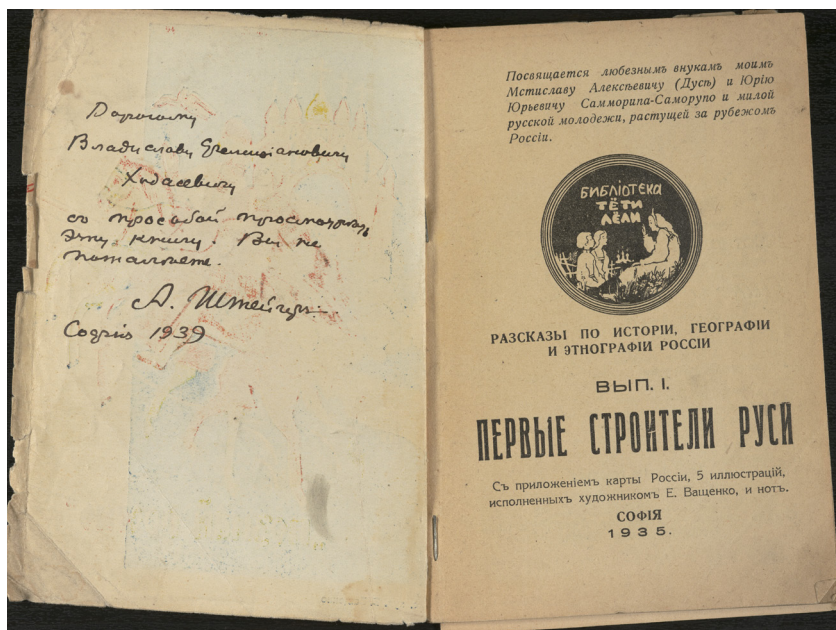
Approved after reviewing: March 19, 2022

Date of publication: December 26, 2024

Илл. 4. Автограф стихотворения А. Штейгера «Бессарабия». 1939. РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 135. Л. 15

Fig. 4. Autograph of a poem by A. Steiger 'Bessarabia'. 1939. Manuscript Department of IRL RAS. F. 804. Inv. 1. Dossier 135. Sheet 15

Илл. 6. Книга «Первые строители Руси» (София, 1935) с дарственной надписью: «Дорогому Владиславу Фелициановичу Ходасевичу с просьбой просмотреть эту книгу. Вы не пожалеете. А. Штейгер. София 1939». РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 184

Fig. 6. The book 'The First Builders of Russia' (Sofia, 1935) with the gift inscription: 'To dear Vladislav Felitsianovich Khodasevich with a request to review this book. You will not regret it. A. Shteiger. Sofia 1939.' Manuscript Department of IRL RAS. F. 804. Inv. 1. Dossier 184

III.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ: ПОЭТИКА, ТЕКСТОЛОГИЯ, ЭДИЦИОННАЯ ПРАКТИКА

МЕДИЕВИСТИКА,
ИСТОРИОГРАФИЯ,
ФИЛОСОФСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-250-263>

<https://elibrary.ru/YGNNGS>

ПЕРЕИЗДАНИЯ И РЕЦЕПЦИЯ НАСЛЕДИЯ П.М. БИЦИЛЛИ

© 2024 г. М.А. Бирман

Аннотация: Это первый опыт выявления и характеристики количества переизданий книг и освоения наследия П.М. Бицилли. Краткие итоги тако- вы: к 2019 г. переиздано 18 книг важнейших работ ученого (из них — 9 объем- ных сборников статей); опубликовано 220 его писем. О нем в 1988–2018 гг. издано 10 книг, 4 монографии и 275 статей.

Ключевые слова: библиография, статистический анализ, переиздание на- следия П.М. Бицилли, эпистолярный, рецепция, отдельное издание, сборник статей, монография, статья.

Информация об авторе: Михаил Абрамович Бирман (1919–2020) — док- тор исторических наук, независимый исследователь, Ашдод, Израиль.
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-3013-442X>

Для цитирования: *Бирман М.А.* Переиздания и рецепция наследия П.М. Бицилли // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 250–263.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-250-263>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

THE REPRINTS AND RECEPTION OF PIOTR BITSILLI'S HERITAGE

© 2024. Mikhail A. Birman

Abstract: This is the first experience in identifying and characterizing the reprints of books and reception of Piotr M. Bitsilli's heritage in quantitative terms. The brief results are as follows: by 2019, 18 books of professor's most important works were reprinted (9 of which are voluminous collections of articles); 220 of his letters were published. In 1988–2018 — 10 books, 4 monographs and 275 articles were published about Bitsilli.

Keywords: bibliography, statistical analysis, reprint of the legacy of Piotr M. Bitsilli, epistolarium, reception, separate publication, collection of articles, monograph, article.

Information about the author: Mikhail A. Birman (1919–2020), Doctor Hab. (History), Independent Researcher, Ashdod, Israel.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-3013-442X>

For citation: Birman, M.A. "The Reprints and Reception of Piotr Bitsilli's Heritage." *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 250–263. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-250-263>

Предлагаемая тема еще не исследовалась и не освещалась в научной литературе. И настоящий обзор — первый опыт постановки интересующего нас вопроса.

Начнем с изложения нашего понимания процесса возвращения и рецепции наследия П.М. Бицилли — выдающегося ученого-гуманитария феноменально широкого диапазона.

Мы полагаем, что процесс этот целесообразно представить в виде совокупности четырех условных сегментов, или потоков.

Первый сегмент составят выявленные после кончины П.М. Бицилли в периодических изданиях или найденные в архивах и опубликованные после его кончины *новые, ранее не известные* и не зафиксированные библиографами публикации.

Второй сегмент составляют *все переиздания* работ Бицилли (книги и публикации малого формата), опубликованных при его жизни.

К третьему сегменту (или потоку) мы относим *изданный эпистолярный Бицилли*.

Четвертый сегмент составляют публикации различного формата *о жизни, творческой, научной и преподавательской деятельности Бицилли и об отдельных его трудах*.

Завершая изложение нашей несколько абстрактной схемы, напомним о живом, текущем процессе развития гуманитарной науки с конца 80-х гг. XX в. по наше время, в ходе которого четыре условных сегмента, обогащая друг друга, составили и составляют единый процесс возвращения и постижения наследия Бицилли.

В первой (и, к сожалению, до сих пор не опубликованной) библиографии прижизненно изданных трудов Бицилли, тщательно составленной его первым биобиблиографом князем А.П. Мещерским (1915–1992), было зафиксировано 289 публикаций разного формата.

Подготовленный (в машинописи) после кончины Бицилли (24. VIII.1953) к концу 1954 г. библиографический труд А.П. Мещерского ныне в известной мере морально устарел. За прошедшие годы усилия ученых (преимущественно эмигрантоведов и бициллиеведов) в виде поисков в различных периодических изданиях (главным образом в русско-эмигрантской печати) дали новые результаты (см.: [6]).

Рад отметить, что в вышедшей в конце 2018 г. в Москве в издательстве «Водолей» моей книге «П.М. Бицилли (1879–1957). Жизнь и творчество» в числе приложений публикуется второе расширенное издание библиографии ученого: в ней зарегистрирована 381 работа Бицилли разного формата. Таким образом, в сравнении

с работой А.П. Мещерского — первой библиографией Бицилли — его наследие выросло на 92 вновь выявленные публикации, между тем далеко не все публикации из этого массива могут легко войти в научный обиход (значительная их часть напечатана в раритетных малодоступных периодических изданиях российской эмиграции).

Среди вновь выявленных назову прежде всего две значительные работы, известные, разумеется, специалистам в соответствующей области:

1. La théâtre de la Renaissance en Italie // Bulgarian Historical Review (Sofia). 1995. № 2–4.
2. Заметки о лексических и тематических совпадениях и заимствованиях у русских авторов-классиков // Revue des Études Slaves (Paris). 1999. Т. 71; 2000. Т. 72.

В числе вновь выявленных в архиве и опубликованных совсем недавно (в 2016 г.) — отзыв молодого доцента Императорского Новороссийского университета П.М. Бицилли на студенческую работу, представленную на медаль (отзыв напечатан в сборнике «Средние века», вып. 77) [4].

Кроме того, среди выявленных — некролог памяти видного болгарского ученого-филолога проф. Бояна Пенева (опубликован в газете «Последние новости», 1927) [5]; статья Бицилли об известном российском историке проф. А.С. Лаппо-Данилевском, напечатанная в лондонской энциклопедии «Encyclopaedia of the Social Sciences...» (vol. IX, 1933) и ряд иных публикаций Бицилли [3, с. 363; 10, с. 101–103].

Из вновь выявленных 92 публикаций Бицилли особо отметим две статьи, опубликованные анонимно (с криптонимом «М. К.») в «Современных записках» (в 1938 и 1939 гг.). Они были атрибутированы исследователем Манфредом Шрубой в ходе подготовки к изданию архива редакции в обнародованном в 2010 г. предварительном томе тетралогии переписки редакции журнала с авторами [2, с. 439, 445].

Несомненно, одним из наиболее значительных достижений в ходе возвращения наследия Бицилли следует считать *переиздания работ ученого в разных формах*: републикация фототипией (с новым предисловием или послесловием); перепечатка в составе объемистых, представительных сборников избранных сочинений; переиздания — переводы на иные языки (болгарский, английский, немецкий, французский, итальянский, испанский, сербскохорватский и др.). Все эти переиздания мы относим ко *второму условному сегменту* возвращенного наследия.

Парадоксально и знаменательно, что первые переиздания книг и монографий Бицилли состоялись не на его родине (в России) и не на второй его родине (в Болгарии). Существовавший тогда там (как и во всех странах Восточного блока) режим считал труды ученого, как других эмигрантов, «крамольными».

Впервые после смерти Бицилли его работы были переизданы в странах Запада. В 1966 г. молодой немецкий филолог (ученик российско-эмигрантских профессоров В.М. Сечкарева и Д.И. Чижевского), заканчивавший университет Винцент Зивекинг, проявив инициативу, перевел на немецкий крупнейшую монографию Бицилли «Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа». И под патронатом Д.И. Чижевского книга была издана [3, с. 375].

В том же 1966 г. в США, в Энн-Арборе (Ann Arbor) в составе антологии работ российских авторов «О Достоевском: Stat'i by P.M. Bitsilli and others» — была фототипически перепечатана монография Бицилли «К вопросу о внутренней форме романа Достоевского» [3, с. 376].

Четыре года спустя (в 1970 г.) в том же Энн-Арборе была переиздана фототипией (но с титульным листом на латинице) упомянутая выше монография Бицилли о Чехове [3, с. 375].

Не остался без внимания на Западе и значительный филологический труд ученого «Этюды о русской поэзии»: в 1970 г. он был переиздан фототипически снова в Энн-Арборе [3, с. 343].

Там же в 1983 г. труд Бицилли о Чехове был издан в переводе на английский язык. Перевод был выполнен двумя американскими русистками — Т.У. Клайман и Э.Дж. Круис (T.W. Clyman, E.J. Cruise), они же подготовили и предисловие [3, с. 375].

В итоге в США и Германии в 1966–1983 гг. были переизданы в разном формате три значительных филологических труда Бицилли, а монография о творчестве Чехова перепечатана трижды, в том числе в переводе на немецкий и английский языки. Оба перевода этой работы были встречены в периодических изданиях западных стран с большим вниманием. На немецкий перевод появилось шесть рецензий (пять из них — в немецкоязычных изданиях Германии, Австрии и Швейцарии, одна — в США) и одна аннотация; на англоязычный — три рецензии в трех журналах США [3, с. 417–418].

Процесс возвращения наследия Бицилли в СССР и в другие страны Восточного блока начался лишь после падения там коммунистических режимов. В Болгарии, России и на Украине этот процесс иногда называли «триумфальным возвращением П.М. Бицилли».

В итоге в 90-е гг. XX в. и в начале XXI в. было переиздано три четверти его книг и монографий (8 из 10). При этом книга «Этюды о русской поэзии», републикованная фототипически в 1970 г. в США, была переиздана в 1996 г. в Москве в составе тома «Избранные труды по филологии»; один из трех этюдов названной книги — «Место Лермонтова в истории русской поэзии» — был включен в антологию «М.Ю. Лермонтов: Pro et contra» (СПб, 2002) [8, с. 124].

Из 11 прижизненно изданных монографий к настоящему времени републиковано шесть. Самый впечатляющий успех — у наиболее крупной из них «Творчество Чехова...». В 1995 г. она была переведена также на болгарский язык и издана в сборнике в Софии «Классического искусство», а в 2000-м перепечатана в большом московском сборнике работ Бицилли «Трагедия русской культуры» [3, с. 375].

Монография «Место Ренессанса в истории культуры», изданная в 1933 г. в ежегоднике Софийского университета, еще при жизни автора была перепечатана в переводах на французский (1934) и испанский (1935) языки. Позднее она переиздавалась дважды на болгарском языке в 1994 г. — в сборнике «Европейската култура и Ренесансът» и в софийском журнале «Философски алтернативи» (1994, № 2–6) [3, с. 362].

Переизданы были также многие статьи и ряд рецензий Бицилли (как в оригинале — на русском, так и в переводах на болгарский, английский, немецкий и иные языки).

Значительное число публикаций малого формата (статей и рецензий) перепечатывалось многократно.

Статья «“Восток” и “Запад” в истории Старого света» (впервые опубликована в 1922 г.) перепечатывалась семь раз (в том числе один раз — на болгарском языке). Также семь раз перепечатывалась рецензия Бицилли, опубликованная впервые в 1939 г. в «Современных записках», на книги В. Сирина (Набокова) «Приглашение на казнь» и «Соглядатай», причем трижды она републиковалась на английском языке — в США в 1974 и 1989 гг. и в Англии в 1982 г. [3, с. 340, 373].

Две статьи — «Нация и государство» и «Трагедия русской культуры» (первоначально опубликованы в «Современных записках» в 1929 и 1933 гг. соответственно) — перепечатывались по пять раз; при этом статья «Трагедия русской культуры» переиздана была в Загребе в 1999 г. на сербскохорватском языке [3, с. 350, 362–363].

Четырежды перепечатывались статьи: «Игнатий Лойола и Дон-Кихот», «Два лика евразийства», «Св. Франциск и проблема Ренессанса (1226–1926)» и «Возрождение Аллегории». Три первых (из на-

званных) переиздавались по одному разу в переводе на болгарский, а последняя — в переводе на английский язык.

Троекратно было переиздано свыше десятка публикаций малого формата. По два раза перепечатывалось около 40 статей и рецензий. И 90 публикаций (72 статьи и 12 рецензий) были републикованы по одному разу.

В общей сложности *ориентировочно* было переиздано 165 работ Бицилли разного формата (книг, монографий, статей и рецензий). Если учесть, что многие из них (как было показано выше) переиздавались два, три, четыре и более раз, то общая суммарная численность *всех перепечаток* составит около 270 текстов.

Наши показатели приблизительны — *сведения о переизданиях статей и рецензий непрерывно выявляются, пополняются и уточняются.*

Вместе с тем показатель переизданий книг и монографий гораздо более устойчив (в последние годы, к примеру, новых переизданий трудов Бицилли книжного формата, к сожалению, не было).

Итак, к настоящему времени мы насчитываем *восемнадцать книг — переизданий сочинений Бицилли разного вида.* В их числе — *четыре переиздания в США и Германии* (два перевода в 1966 г. и 1983 г. и две фототипии в 1970 г.). *Пять републикаций (в Болгарии и России)* важнейших отдельных его трудов книжного формата. *И девять изданий его избранных сочинений,* собранных тематически по выбору редакторов-составителей и изданных в России и Болгарии.

Пик переизданий трудов Бицилли в России и Болгарии пришелся на 1993–2012 гг. Вместе с тем в самом конце XX и в начале XXI вв. в процессе возвращения наследия ученого наблюдаются новые тенденции — публикация циклов писем Бицилли, а также начало процесса постижения его наследия — появление исследовательских работ о жизни, творческой деятельности ученого и об отдельных его трудах.

Представления о масштабах возвращения наследия Бицилли будут неполными, если мы проигнорируем значительный массив выявленных и опубликованных в начале XXI в. писем ученого.

Эпистолярный, разумеется, особый жанр. Однако письма Бицилли — даже его друзьям и редакторам изданий, где он сотрудничал, не говоря уже о его переписке с многочисленными коллегами из разных стран, — содержат значительную информацию по великому множеству тем и вопросов. Среди них — интересы Бицилли в сфе-

ре науки и культуры вообще и о предметах его научных увлечений конкретного времени. Его взгляды на проблемы российской эмиграции и на научную, культурную, общественно-политическую жизнь Европы, России и всего мира. Подчас в письмах ученый касается названных тем и сюжетов сжато, мимоходом, меткой репликой, иногда — экскурсом, развернутым или кратким.

Эпистолярный П.М. Бицилли — несомненно, неотъемлемая часть его научного наследия. В минувшее 20-летие в разных изданиях (периодических, но чаще — в специальных сборниках) был опубликован с обстоятельным комментарием бициллиеведов и эмигрантоведов разных стран внушительный пласт эпистолярия ученого.

Назову — в хронологическом порядке выхода их в свет — наиболее крупные коллекции из обнародованных писем ученого:

- 1) 23 письма А.Л. Бему (Нью-Йорк, 2002 — здесь и далее в скобках место и год издания соответствующей коллекции),
- 2) 27 писем И.А. Бунину (Москва, 2010),
- 3) 12 писем И. Дуйчеву (София, 2011),
- 4) 8 писем Н.А. Тэффи (Санкт-Петербург, 2012),
- 5) 102 письма редакторам журналов «Современные записки» и «Русские записки» В.В. Рудневу и М.В. Вишняку (Москва, 2012),
- 6) 21 письмо К.В. Флоровской, А.В. и Г.В. Флоровским (София, 2015) [3, с. 383–385].

Суммарно в названных (а также в других гораздо менее значительных по числу писем) корпусах было опубликовано 220 писем Бицилли.

Существенным сегментом в процессе возвращения наследия ученого стали публикации работ о жизни Бицилли, его творческих достижениях и об отдельных его трудах: они обозначили начало автономного, целенаправленного процесса постижения наследия великого ученого.

При жизни Бицилли было опубликовано довольно много отзывов о его книгах и отдельных программных статьях — положительного, а порой хвалебного свойства рецензий, написанных квалифицированными специалистами. Однако статей о нем и о его творчестве в целом Петру Михайловичу не посчастливилось увидеть. Как известно, его жизнь — жизнь профессора-эмигранта, контрактника и «нансениста» — не была звездной. Даже его юбилейные даты — 50-летие и 60 летие заслуженного профессора и выдающегося ученого — остались неотмеченными университетским

сообществом Софии. А 70 летие свое он встретил, оказавшись в уни-
зительном положении «пенсионера без пенсии».

После его кончины на родине — в России и на Украине (в род-
ной Одессе) — его имя долгие годы замалчивалось. Лишь отдельные
ученые (в их числе — бывшие ученики) осмеливались упоминать
мельком его труды.

В Болгарии при коммунистическом режиме его труды также
были табуированы. Удостоился он — после кончины — лишь одного
краткого некролога, подготовленного его учеником Христо Ганде-
вым, но опубликованного без подписи [5]. Вместе с тем в отдельных
справочниках — в 1-м томе энциклопедии «България» (София, 1978)
и в издании «Български историци» (1981) — были краткие справ-
ки о нем, как о болгарском ученом [3, с. 409]. Лишь с изменением
общественного строя в конце 1980-х гг. в Болгарии, как и во всех
других странах бывшего Восточного блока, появились специальные
публикации о научных достижениях Бицилли и о его творчестве.

С 1988 по 1999 гг. было опубликовано о Бицилли-ученом и об от-
дельных его трудах суммарно 55 статей и сообщений (преимуще-
ственно — в России и Болгарии, 5 — на Украине, по 1 публикации —
в Германии, США и Италии).

С 2000 по 2009 гг. о Бицилли было выпущено 2 книги (плюс 1, ча-
стично посвященная его творчеству), 3 крупных монографических
очерка (в многопрофильных изданиях) и 89 статей.

И, наконец, с 2010 по 2018 гг. о Бицилли, его творчестве и отдель-
ных его трудах опубликовано: 6 книг, 1 монографический очерк
в составе многопрофильной книги, 2 сборника статей, изданных
в Одессе (2010) и в Siedlce (Польша, 2017), и 95 публикаций малого
формата (статьи, сообщения и рецензии).

*В итоге за весь указанный период с 1988 по 2018 гг. было издано
о Бицилли: 10 книг (в том числе 2 только что названных сборника
статей), 4 монографических очерка и 275 публикаций малого фор-
мата.*

Приведенные данные четко демонстрируют неуклонную тенден-
цию роста внимания со стороны ученых-гуманитариев в странах
Восточной и Юго-Восточной Европы — прежде всего в России, Болга-
рии, частично в Польше и на Украине (главным образом в Одессе) —
к наследию П.М. Бицилли.

В завершение своего обзора считаю необходимым привести име-
на тех, кто имел непосредственное отношение к возвращению на-
следия П.М. Бицилли. Ниже в алфавитном порядке перечислены все
авторы книг, исследовательских монографий и хотя бы одной зна-

чительной статьи (или двух публикаций малого формата) о Бицилли, а также редакторы-составители различных сборников.

Болгария: М. Велева, Т. Галчева, Хр. Гандев, Е. Георгиева, Кр. Делчев, Д. Дочев, Е.И. Иванова-Аначкова, А. Куманова, М. Куманов, Л. Любенова, Хр. Манолакев, А.П. Мещерский, А. Пантев, Г. Петкова, В. Свинтила, А. Тончев.

Россия: И.В. Анненкова, Н.И. Ашурова, М.А. Васильева, В.П. Вомперский, Л.В. Герашко, А.И. Горяинов, Т.В. Двинятина, Б.С. Каганович, А.А. Каменских, А.В. Каравашкин, М.В. Ковалев, О.А. Коростелев, В.Б. Кудрявцев, Ю.В. Курамшина, А.А. Морозов, Ю.С. Пивоваров, М.Н. Рудман, А.В. Свешников, Б.Е. Степанов, Л.А. Сыченкова, Ф.Б. Успенский, С.Р. Федякин, В.И. Шувалов, М.А. Юсим, В.Н. Ярцева.

Украина: А.В. Александров, А.П. Бахчиванджи, И.В. Голубович, О.Б. Демин, О.А. Довгополова, В.В. Левченко, В.Л. Левченко, И.В. Максименко, М.И. Найдорф, Т.Н. Попова, Д.А. Шумейко.

Польша: Л. Луцевич, Л. Мних, Р. Мних.

Великобритания: Р. Дэвис.

Германия: В. Зивекинг, В.В. Янцен.

Израиль: М.А. Бирман.

Италия: В.Н. Забугин, М. Шруба.

Швейцария: М.П. Бицилли, Н.А. Мещерская-Галь.

США: Дж. Харрис, Т.У. Клайман, Э.Дж. Крус.

Итого: 66 персон из 10 стран.

В начале статьи мы отметили, что интересующая нас тема ранее не освещалась в научной литературе. Тем не менее в отдельных исследованиях были даны предварительные оценки масштабов освоения наследия Бицилли, которые привлекли наше внимание.

В вышедшей в 2011 г. в Москве под грифом издательства Московского университета книге «Неизгнанная мысль. Филология П.М. Бицилли» проф. факультета журналистики И.В. Анненкова пишет в самом начале книги о «...*несправедливом забвении* “масштабных” исследований П.М. Бицилли», о том, что «несколько публикаций о нем и его трудов... оказались *отдельными мазками* на полотне наследия этого выдающегося ученого» (курсив наш. — М.Б.) [1, с. 5–6].

К сожалению, названную выше, совершенно не соответствующую истинному состоянию разработки наследия ученого формулу буквально повторила (процитировав из книги И.В. Анненковой) проф. Варшавского университета Л. Луцевич 6 лет спустя в статье

в польском сборнике статей о Бицилли, изданном в 2017 г. в Siedlce [7, с. 114].

Выражая решительное несогласие с необоснованной — как это вытекает из материалов нашей статьи, — *минорной* формулой о «забвении “масштабных” исследований П.М. Бицилли», я с удовлетворением констатирую: появилась в научной литературе и иная, — *мажорная* оценка состояния дела с исследованием трудов Бицилли. Проф. университета в Одессе Т.Н. Попова в опубликованной в 2017 г. книге «Жизнеописание ученого-историка...» в наиболее значительном ее разделе «Приближение к Бицилли» замечает, что

с 1990-х годов Бицилли не просто «вошел», он «ворвался» в международное интеллектуальное пространство. Интерес к его научному наследию сформировал самостоятельный поисковый ландшафт: труды П.М. Бицилли <...> активно изучаются исследователями из разных стран, репрезентантами многообразных миров... [9, с. 276].

И далее:

Масштаб публикаций трудов П.М. Бицилли и разнообразных печатных работ о его творческом пути позволяет говорить о том, что в рамках современного историографического процесса интенсивно идет формирование новой области гуманитарного знания, институализация нового направления, объектом которого выступает Петр Михайлович Бицилли [9, с. 278].

Должен заметить, что мне импонирует мажорная оценка проф. Т.Н. Поповой масштабов возвращенного наследия ученого и перспектив развития бициллиеведения. Главным образом потому, что она более соответствует реальности.

Вместе с тем я хотел бы предостеречь сообщество эмигрантоведов: не следует чрезмерно обольщаться, поддаваться магии приведенных в статье больших чисел. Заметим с огорчением, что освоение наследия Бицилли пока проходит в основном *не вглубь, а вширь*. Беспрецедентная волна переизданий его научных трудов, а также обнаружение значительного числа малоформатных публикаций (преимущественно сообщений и заметок) о его разнообразных исследованиях не были закреплены созданием значительных капитальных исследовательских трудов о важнейших пластах его феноменально разнопланового наследия.

Перед коллективом эмигрантоведов-бициллиеведов стоят — как мне видится — сложные задачи по освоению наследия выдающегося ученого-гуманитария необычайно широкого диапазона, требующие усилий представителей самых разных гуманитарных дисциплин. Первейшая и назревшая: издание хранящихся в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Ф. 804) рукописей неопубликованных работ Бицилли.

Следует продолжить переиздание напечатанных в раритетных, мало-доступных широкому кругу исследователей изданиях публикаций Бицилли в форме избранных или тематически подобранных сборников.

Желательно было бы переиздание всех публикаций ученого на неславянских языках (с приложением всех опубликованных на неславянских языках статей, заметок и рецензий о нем и его трудах) с параллельным переводом этого массива на русский язык. Такой сборник будет способствовать ускорению рецепции наследия Бицилли в странах Запада и снабжению бициллиеведов славянских стран малодоступными публикациями ученого.

Несомненно, весьма полезно будет переиздать *на русском языке* опубликованные ранее дважды на болгарском крупнейшие компендиумы Бицилли «Увод в изучаването на новата и най-новата история. (Опит за периодизация)» (София, 1927) и «Основни насоки в историческото развитие на Европа: От началото на християнската ера до наше време» (София, 1940). Оба труда были переизданы в Софии в 1993 г.

Назрел также вопрос о создании репрезентативных критико-библиографических и историографических (общих и системно-структурированных, проблемно-тематических) обзоров всей накопившейся бициллиеведческой литературы.

В дальней перспективе перед сообществом исследователей вырисовывается задача (реально на сегодня она представляется, скорее, как утопический идеал), решение которой потребует больших усилий и вложений: издание на русском языке Полного собрания сочинений П.М. Бицилли в 25 томах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Анненкова И.В. Неизгнанная мысль. Филология П.М. Бицилли. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 148 с.

2. Аннотированная роспись содержания журнала «Современные записки» / сост. М. Шруба // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): сб. ст. и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 297–449.
3. Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 442 с.
4. Вольфцун Л., Галчева Т. Учитель и ученик: Отзыв П.М. Бицилли на сочинение О.Л. Вайнштейна // Средние века. М., 2016. Вып. 77 (3–4). С. 162–175.
5. Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”»: П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. 320 с.
6. Избранная библиография // Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур / под ред. Р. Мниха. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 145–157.
7. Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 241 с.
8. Луцевич Л. Петр Бицилли о месте Лермонтова в истории русской поэзии // Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур / под ред. Р. Мниха. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 113–132.
9. Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций: теория, методология, практика. Одесса: М.А. Бондаренко, 2017. 455 с.
10. Петкова Г. История на руската литература от проф. П. Бицили в три книги (България, 1931–1934 г.). София: Факел, 2017. 655 с.

REFERENCES

1. Annenkova, I.V. *Neizgnannaia mysl'. Filologiiia P.M. Bitsilli [Unexiled Thought. Philology of P.M. Bitsilli]*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2011. 148 p. (In Russian)
2. “Annotirovannaia rospis’ soderzhaniia zhurnala ‘Sovremennye zapiski’” [“Annotated Presentation of the Contents of the Journal ‘Sovremennye Zapiski’”], comp. by Manfred Schrubba, ed. by O. Korostelev, M. Schrubba. *Vokrug redaktsionnogo arkhiva “Sovremennykh zapisok” (Parizh, 1920–1940) [Around the Editorial Archive of “Sovremennye Zapiski” (Paris, 1920–1940)]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 297–449. (In Russian)
3. Birman, M.A. *P.M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn’ i tvorchestvo [P.M. Bitsilli*

- (1879–1953). *Life and Work*]. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 444 p. (In Russian)
4. Volftsun, L., and Tania Galcheva. “Uchitel’ i uchenik: Otzyv P.M. Bitsilli na sochinenie O.L. Vainshteina” [“Teacher and Student: P.M. Bitsilli’s Review of O.L. Vainshtein’s Essay”]. *Srednie veka*, issue 77 (3–4), 2016, pp. 162–175. (In Russian)
 5. Galcheva, Tania N., and I.V. Golubovich. “*Ponemnogu prisposobliaiushchiesia k ‘nezavisiashtim obstoiatel’stvam’*: P.M. Bitsilli i sem’ia Florovskikh v pervye gody emigratsii [“Little by Little I Am Adapting Myself to the ‘Circumstances beyond Control’: P.M. Bitsilli and the Florovsky Family in the Early Years of Emigration”]. Sofia, Solntse Publ., 2015. 320 p. (In Russian)
 6. “Izbrannaia bibliografiia” [“Selected Bibliography”], ed. by R. Mnich. *Petr Bitsilli: dialog na perekrestke kul’tur* [Piotr Bitsilli: Dialog at the Crossroads of Cultures]. Siedlce, Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach Publ., 2017, pp. 145–157. (In Russian)
 7. Kaganovich, B.S. *Russkie medievisty pervoi poloviny XX veka* [Russian Medievalists of the First Half of the 20th Century]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2007. 241 p. (In Russian)
 8. Lutsevich, L. “Petr Bitsilli o meste Lermontova v istorii russkoi poezii” [“Piotr Bitsilli on the Place of Lermontov in the History of Russian Poetry”], ed. by R. Mnich. *Petr Bitsilli: dialog na perekrestke kul’tur* [Piotr Bitsilli: Dialog at the Crossroads of Cultures]. Siedlce, Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach Publ., 2017, pp. 113–132. (In Russian)
 9. Popova, T.N. *Zhizneopisanie uchenogo-istorika na perekrestke istoriograficheskikh traditsii: teoriia, metodologiya, praktika* [Biography of a Historian at the Crossroads of Historiographical Traditions: Theory, Methodology, Practice]. Odessa, M.A. Bondarenko Publ., 2017. 455 p. (In Russian)
 10. Petkova, Galina. *Istoriia na ruskata literatura ot prof. P. Bitsilli v tri knigi (Balgariia, 1931–1934)* [The History in Russian Literature from Professor P. Bitsilli in Three Books (Bulgaria, 1931–1934)]. Sofia, Fakel Publ., 2017. 655 p. (In Bulgarian)

Дата поступления статьи: 12 августа 2020 г.

Дата одобрения рецензентами: 29 мая 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 12 August 2020

Approved after reviewing: May 29, 2022

Date of publication: December 26, 2024

МЕДИЕВИСТИКА, ИСТОРИОГРАФИЯ, ФИЛОСОФСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Научная статья

УДК 82.09

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-264-284>

<https://elibrary.ru/YBQMZX>

БИЦИЛЛИ-МЕДИЕВИСТ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ХРОНИК ДО НОВОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

© 2024 г. Н.А. Селунская

Аннотация: В статье рассматриваются разнообразные темы, которые представляют, по мнению автора, интерес в контексте общих вопросов интеллектуальной биографии П.М. Бицилли. Это формирование и идейный фон, а также ранние работы Бицилли, значимость истории средневековья и Италии для Бицилли, особенности изучения средневековья в России до революции. Мой авторский анализ раннего творчества Бицилли (в особенности, исследований по итальянскому средневековью) фокусируется на проблеме социального конфликта и социального движения и их интерпретаций в исторических нарративах и свидетельствах; также этот анализ включает тему интерпретирования идеи Нового средневековья.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, интеллектуальная биография, интеллектуальная история, русский медиевизм, медиевистика в России, Новое средневековье, итальянистика в России, история идей и концептов, темпоральность, гуманитарные науки.

Информация об авторе: Надежда Андреевна Селунская — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр интеллектуальной истории Российской Академии наук, Ленинский проспект, д. 32А, 119334 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1482-4292>

E-mail: spesbona@mail.ru

Для цитирования: Селунская Н.А. Бицилли-медиевист: от средневековых хроник до Нового средневековья // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 264–284.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-264-284>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

BITSILLI AS MEDIEVALIST: FROM MEDIEVAL CHRONICLES TO THE NEW MIDDLE AGES

© 2024. Nadezhda A. Selunskaya

Abstract: There are several topics under the consideration in the article, which are interesting to my mind in the context of the intellectual biography of Piotr M. Bitsilli in general: Bitsilli's background and early works, the importance of Medieval and Italian history for Bitsilli, Medieval studies in Russia before the revolution. My analysis of the early writings of Bitsilli (devoted to the Italian medieval history in particular) is focused on the problem of the social conflicts and movements and their interpretation in the historical narratives and sources; it includes also the interpretation of the idea of the New Middle Ages.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, intellectual biography, intellectual history, Italian studies in Russia, medieval studies in Russia, Russian Medievalism, New Middle Ages, temporality, humanities.

Information about the author: Nadezhda A. Selunskaya, PhD in History, Senior Researcher, Center for Intellectual History Studies of Russian Academy of Sciences, Leninsky av. 32A, 119334 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1482-4292>

E-mail: spesbona@mail.ru

For citation: Selunskaya, N.A. “Bitsilli as Medievalist: From Medieval Chronicles to the New Middle Ages.” *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 264–284. (In Russian)
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-264-284>

В данном исследовании анализируется дискурс П.М. Бицилли как медиевиста, т. е. проблематика работ по медиевистике, в особенности, проблема темпоральности, описания качественных изменений и вопросы изучения истории понятий и терминов в этих изысканиях по средневековой истории, рассматриваемых в контексте интеллектуальной биографии ученого. Интеллектуальная история — это, разумеется, не просто истории про интеллектуалов, не просто подробности биографии или curriculum vitae. Интеллектуальная история, скорее, состоит в умении рассматривать привычное под новым углом зрения, задавать новые вопросы, размышляя над традиционным и принятым. Интеллектуальная история, как мне кажется, должна изучать историю идей как историю людей: через способы конструирования интеллектуальной идентичности во времени и пространстве. В сфере внимания интеллектуальной истории должен быть не один центр притяжения, наоборот, непереносимое условие работы метода — анализ одних и тех же аспектов в разных контекстах. Особенности исследовательской работы ученого-гуманитария прошлого, как и штрихи к его бытовому портрету, помогают современному историку понять особенности исторического момента, в котором осуществлялось формирование текста, высказывания, авторской манеры Бицилли, т. е., той эпохи, которую сам ученый и его современник, философ Н.А. Бердяев, определяли как Новое средневековье.

Представляется важным проследить ряд сюжетов, связанных с проявлениями идентичности интеллектуала, представителя классического гуманитарного знания — итальяниста, медиевиста, не только в рамках собственно академической активности, не столько в плане совершенствования успехов в своей исторической дисциплине, но в более обширной сфере деятельности. Я подразумеваю не просто интеллектуала-историка, владеющего спектром смежных

гуманитарных компетенций и познаний, например, в области исторических дисциплин и филологических наук, но носителя особой идеи, особого дискурса, представления о времени и о себе.

Интеллектуальная биография ученого фокусирует его идейное наследие, однако интересуется тем, что существует не только в рамках собственно академической активности, но в различных полях деятельности, в разных жизненных обстоятельствах и социально-политических контекстах [1; 2; 3; 4; 5]. Интеллектуальная история прослеживает жизненные пути людей и их пересечения как пути трансляции идей. Прежде всего важно увидеть интеллектуала в кризисные моменты эпохи, в связи с переломными периодами истории, перед лицом грозных исторических событий, в качестве свидетеля времени поисков, крушения и создания новой исторической личности и новой государственности.

В данном отношении XX в. демонстрирует чудеса: академичные, дабы не сказать аутичные, сконцентрированные на тонкостях изучения архивных материалов историки-источниковеды становятся популяризаторами, пишут для максимально широкой аудитории, легко переключаются не только на новые сюжеты исследования в рамках исторической дисциплины, но выходят в иные сферы деятельности, например, занимаясь литературоведением и публицистикой, как это сделал и П.М. Бицилли. И все же преобладает над остальными некая общая идея, идея восприятия времени, желание понять и объяснить своеобразие того или иного исторического периода. Бицилли на протяжении жизни работал как педагог, публицист, литературный критик, но также и как исследователь: итальянист и славист. И именно историческая итальянистика (в особенности медиевистика) дала базу для образования и становления Бицилли как исследователя-гуманитария. Автору данной работы кажется важным выделить особенности не только исследований Бицилли по истории средневековья (которые отличаются, скажем, от его же ранних публикаций по темам античности или трудов по итальянскому гуманизму и ренессансной культуре), но особенности интеллектуальной биографии ученого, стиль мышления, личностные ориентиры и доминанты, которые, думается, проявились и потому, что в начале его пути такую роль играла медиевистика, к которой Бицилли всегда мечтал вернуться.

Именно специализация по всеобщей истории, медиевистика, как и ориентированность на итальянистику и средиземноморские исследования, дали возможность Бицилли сформироваться как эрудированному и теоретически грамотному преподавателю, заложить

прочные основы для всей последующей академической и педагогической деятельности: широкий горизонт приобретенных знаний позволил менять направления работы, варьировать возможности преподавания, научных изысканий.

В работе ученого можно выделить поле исследований истории и культуры Италии, а также, как уже отмечалось, две временные арки и сферы интересов: средневековые и Ренессанс. Традиции исследования жизни средневековых общин и дискурсы изучения и преподавания истории ренессансной культуры гуманизма в академическом мире времени становления и творчества Бицилли были весьма разными, даже противопоставленными (можно сказать, что такими эти традиции остаются и до сих пор). Именно поэтому, на мой взгляд, следует акцентировать более ранние публикации Бицилли (первый этап работы как самостоятельного исследователя и педагога). Исследования эти были выполнены в основном на материале средневековых исторических источников, хотя, несомненно, имели ценность и публикации 1912–1914 гг. по сюжетам истории античности, а также изучение Бицилли вопроса о западном влиянии на Руси и проблеме летописания¹.

Тогда же, на ранних этапах творчества, Бицилли в качестве медиевиста продемонстрировал склонность и вкус к историко-теоретической работе особого толка: т. е. здесь присутствовал аналитический подход, который не подразумевал абстрагирования или обобщения высокого порядка.

Работа не юного, но все еще начинающего педагога и ученого, опубликовавшего свое исследование «Общественные движения в изображении средневековых историков» в «Журнале Министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП) [14] кажется, на первый взгляд, разбором казуса или пары казусов, но, по моему глубокому убеждению, является работой историко-теоретического плана. Именно эту работу я предполагаю анализировать особенно внимательно, а более известные публикации, в частности,

¹ Бицилли в 1912 г. опубликовал сразу и свой очерк «К вопросу об источниках «Афинской политики»», и миниатюрный, яркий обзор «Тацит и римский империализм»; в 1913 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» вышла статья более академического стандарта — по римской истории колоната «*Colonus et conductor* в свете новейших исследований» [13]; к 1914 му Бицилли подготовил и издал в Одессе публикацию «Западное влияние на Руси и начальная летопись» (которая относится к медиевистике, но не собственно западной медиевистике), что можно считать важной попыткой переключения на изучение проблемы взаимосвязей и сложностей культурно-исторического контекста развития славянского мира [11].

«Элементы средневековой культуры» и монографию на основе диссертационного исследования о Салимбене², привлекать для сравнения.

Разумеется, диссертационное исследование лежало в основе всей работы Бицилли-медиевиста этого периода, но статья в ЖМНП — это не просто скопированный фрагмент диссертации и вышедшей в 1916 г. книги о Салимбене, а совершенно самостоятельное и самодостаточное высказывание-исследование. Рассказчик, построивший нарратив для публикации 1917 г., и диссертант имели разные дискурсы. Бицилли в качестве автора исследования о средневековых общественных движениях знакомит читателей не только с единичными случаями социальных конфликтов в городе, со второстепенными событиями средневековой истории или избранными цитатами из достаточно мало известных хроник эпохи, но со сложной проблемой верификации нарративов, с менталитетом и стереотипами работы хрониста.

Это несколько иной модус теоретических построений чем тот, к которому Бицилли приучал читателя в «Элементах средневековой культуры» или еще позже в «Очерках теории исторической науки» (Прага, 1925), хотя, вероятно, тот и другой метод и подход имеют связь между собой. Ведь и в «Элементах средневековой культуры», несмотря на декларируемое автором «невольное присутствие Карсавина» [15, с. I–II], влияние коллеги считается, пожалуй, только в таком пункте, как желание Бицилли ограничить справочный аппарат. В «Элементах...» описание достаточно казуально, как и в очерке для ЖМНП, автор обходится без жестких схем и обобщений, указы-

² Монография «Салимбене: Очерки итальянской жизни XIII века» была опубликована в 1916 г. в Одессе в «Записках Историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета» (вып. 12). Исследование было выполнено в качестве магистерской диссертации, которая и была представлена Бицилли и официально обсуждалась на историко-филологическом факультете Петроградского университета уже в следующем, революционном году. И здесь, в столице России, на самом закате прежнего мира, в лучах того времени, что позже получит имя Нового средневековья, была осуществлена мечта медиевиста о признании его научным миром: 22 мая 1917 г. состоялась дискуссия и процедура защиты, по итогам которой соискателю была присвоена ученая степень магистра всеобщей истории. Официальными оппонентами выступили профессора И.М. Гревс и Д.К. Петров, в числе оппонентов был и Л.П. Карсавин, изначально ученик Гревса, но к тому времени достаточно радикально расхопившийся во взглядах и методологических установках со своим бывшим профессором. Однако всех оппонентов и рецензентов объединили положительные оценки диссертационного исследования. Подробнее об этом см. в статье И.В. Голубович в настоящем издании.

вая, что это результат его прежней работы «над некоторыми частичными проблемами истории средневековой культуры» [15, с. II].

Публикация 1917 г. также предлагала не способ создания схем и обобщений, а нечто противоположное тому: анализ стереотипов, общих риторических мест, используемых авторами средневековых тестов, которые служат современному историку источником. И все же это не деконструкция, но вариант реконструирования нарратива и его сложной темпоральности, изучение мировосприятия или же, используя более поздний термин исторической науки, ментальности средневековых авторов хроник.

Исследуя средневековые нарративы и создавая свой собственный увлекательный рассказ, используя средневековые источники, Бицилли встречается с проблемой авторской интерпретации истории. Можно было бы сказать и иначе, по принятой формуле: историк-медиевист имеет дело с проблемой достоверности и репрезентативности средневековых источников, которая была и остается острой и актуальной для исследователей всех эпох. Но, как мы увидим, точка зрения Бицилли интереснее, его трактовка мирозерцания авторов хроник и принятых ими клише — более современная, чем этого можно ожидать, когда речь идет о научной работе, которой минула сотня лет. Явным выглядит намерение Бицилли-медиевиста понять особенности менталитета средневековых авторов хроник и оценить их умение отвечать на запросы своего времени. Поисковые постановки вопросов у Бицилли разнообразны, эти вопросы касаются не только очистки текста от поздних наслоений.

С понятием актуальности следует, разумеется, быть очень осторожными: здесь речь идет об особом случае «попадания» актуальных проблем современной автору эпохи в поле исследования медиевиста. Бицилли пишет в 1919 г. в «Элементах...»: «Только по окончании его труда автору удалось уяснить близкое отношение затронутых им вопросов к текущей современности» [15, с. I]. Именно так, думается мне, дело обстояло и с работой 1917 г. издания по теме конфликта в средневековом городе и его описания хронистами. Видимо, уже завершив цикл диссертационных исследований и подготовку работ по истории Пьяченцы и средневековой сецессии простолудинов, а также движения «пастушков», Бицилли смог формализовать свою позицию, оформить точку зрения, которая, собственно, уже проступает в исследовании, но как бы пунктиром.

В предисловии к «Элементам...» Бицилли, в сущности, задается вопросом о восприятии образа прошлого, размышляя о том, почему произведения средневекового искусства выглядят для нас имен-

но так, а не иначе. А было ли сохранено и передано до наших дней оригинальное понимание идеи? И возможно ли, постижимо ли для нас средневековое своеобразие в изображении мира, адекватно ли наше видение восприятию реалий с точки зрения авторов-художников? Как обещает Бицилли читателю в заключительных фразах, сильный ответ дают его «Элементы средневековой культуры».

Те же вопросы, хотя и несколько иные модусы ответа, как кажется, даны исследователем и в более ранней публикации ЖМНП, только в публикации 1917 г. акцентируются частные моменты нелинейного восприятия и воспроизведения хода времени и истории.

Вопросы и ответы, которыми интересовался Бицилли-медиевист, изучая произведения средневековых хронистов, находились в особом поле исследования: исторической психологии и специфики менталитета, а не только в плоскости верификации фактов, дат или выявления намеренных искажений датировок событий автором средневекового текста. Бицилли ясно представляет себе автора нарратива, для которого точность датировки события и его исключительность были гораздо менее важным делом, чем возможность найти адекватный риторический прием, дабы обозначить символическую ценность истории. Проиллюстрировать важный принцип социального согласия, пусть и искусственной вставкой в повествование хроники, представлялось более ценным делом, чем сохранение буквального свидетельства.

Публикация Бицилли в ЖМНП должна была, видимо, дать возможность учителю или преподавателю университета провести полноценный семинар по проблеме использования анналов и хроник средневековья. Основой работы исследователя становится не попытка прочесть и изложить содержание источника, но попытка объяснения позиции автора источника. Бицилли ставит вопросы и задачи, которые мы бы сейчас определили как попытки реконструировать менталитет средневековых авторов-хронистов:

Когда в Европе стала складываться общественная жизнь, когда начались общественные движения, регистраторы текущей действительности, хронисты, оказались в затруднительном положении. Их историческое понимание формировалось в условиях полной пассивности «народов»; в их поле зрения попадали долгое время только «князья» и святые с их подвигами и чудесами.

Восстания в городских общинах, великие религиозно-общественные движения застали хронистов врасплох. Историческая жизнь

предстала пред ними более сложной и многообразной, чем она казалась им до сих пор [14, с. 87].

Стоит ли говорить, что и жизнь Империи на закате, история России в год двух революций, представляла пред учеными-историками, представителями традиции гуманитарной мысли, тем более сложной и многообразной, чем она могла казаться до той поры: гораздо более загадочной и с трудом поддающейся описанию. Не может быть случайным, что именно в 1917 г. на излете культуры Серебряного века русской культуры в статусном, официальном правительственном издании ЖМНП — Бицилли опубликовал свою рафинированную работу под названием «Общественные движения в изображении средневековых историков» [14]³.

Бицилли в 1917 г. разговаривает со своим читателем так:

Если мы узнаем в каком-либо комплексе явлений «революцию», «реформацию», «реакцию», у нас невольно является склонность отыскивать в нем черты нам известных уже ранее «революций»... Но в средние века это делалось грубее и наивнее [12, с. 106].

Повторю, что легко разобраться с этой в кавычках «наивностью» мог только блестяще подготовленный ученый: историк, понимающий реалии средневековья и латинист, который не пренебрегает специфической средневековой латынью, порой близкой к *volgare*. Автором публикации была проделана очень сложная источниковедческая работа.

Однако еще более важным представляется то, что Бицилли видел конечным результатом и смыслом своей работы не саму техническую сторону перевода латинского источника (чем мог бы ограничиться провинциальный начинающий исследователь и педагог в статье для образовательного журнала). Техническая, механическая работа вовсе не вызывает у Бицилли желания заострять внимание на этом черновом этапе осмысления источника в публикации ЖМНП. Развернутый комментарий появляется там, где простодуш-

³ Не так давно, т. е. уже в новом столетии, статья была воспроизведена в новой орфографии [13, с. 85–106], что диктует необходимость цитировать именно по этому изданию. Однако сверка с оригиналом в ЖМНП необходима из-за некоторых неточностей в передаче латинского текста. Кроме того, в журнальной публикации 1917 г. два текста Бицилли объединены как два примера одной идеи в статью с общим предисловием и общим выводом в конце, в публикации же 2006 г. эти два текста указаны в заглавии как разные статьи.

ное желание и умение «просто прочесть» ощущается совершенно недостаточным. Важным вопросом, который заботит Бицилли и при работе над «Общественными движениями...», и в «Элементах...» был такой: «Мы мыслим, а, следовательно, и говорим существенно иначе» [15, с. II], чем люди средневековья. Отсюда авторское опасение бессильности «дать перевод, приближающийся к оригиналу». Но в «Элементах...» декларируется, что цитаты будут минимальны, а в «Общественных движениях...» эти полнокровные цитирования подлинника и строки перевода занимают иной раз гораздо более половины страницы.

Текст хроник, который приводит и в латинском подлиннике, и в своем переводе Бицилли в публикации 1917 г. достаточно ярок и красочен сам по себе, но эта живописность не притупляет инстинкт исследователя и переводчика. Сами теоретические построения кажутся излишними, на первый взгляд, когда встречаешься с таким нарративом, но заключительный анализ только раскрывает полноту нарратива, а не снижает впечатление.

Чем-то рассказ Бицилли о конфликте средневековых итальянских горожан напоминает простодушное начало «Трех мушкетеров», любимой книги детства многих поколений. Обратимся к тексту:

В феврале месяце 1090 года между народом и рыцарями Пьяченцы вспыхнула великая распря вследствие драки, происшедшей в это время на пустыре между церковью Св. Марии Храмовой и дорогой, ведущей к замку. Случилось ненароком, что некий рыцарь с явным перевесом сражался с неким пешим, так что они не могли расцепиться. Простолюдины, наблюдавшие за этой борьбой, заметили, что пехотинец не может сопротивляться рыцарю, и стали бросать в последнего камни и грязь. Бывшие там рыцари, в свою очередь, избили и отхлестали пехотинца. Поднялся всеобщий переполох, все городские рыцари собрались в одном месте, а пешие — в другом, и между ними завязался жестокий бой... [14, с. 86].

Бицилли поясняет:

О событиях этого времени повествуется в так называемой гвельфской летописи, автор которой по характеристике Пертца (предисл. к изд. *Annales Placent. Guelfi* в MGSS, XVII) был прекрасно осведомлен о событиях, ему современных (XIII в.), раннюю же часть своего повествования заимствовал из не дошедшей до нас старой городской летописи (1012–1194). Собственно, и эту раннюю часть, где помещен

рассказ об интересующих меня событиях (1090), можно разбить на две части. С 1154 г. летописные заметки становятся подробнее, переходят подчас в обстоятельные рассказы. До 54 г. на каждый год приходятся одна-две строчки; нередко такие заметки: 1085 г. — «был сильный голод»; 1091 г. — «Пьяченца горела в св. Субботу». Повествование о событиях 1090 г. составляет явное исключение: оно изобилует подробностями... [14, с. 85].

Бицилли рассматривает средневековые анонимные анналы и авторские средневековые нарративы как произведения искусства, имеющие собственные отличительные и типичные черты.

Художественная критика знает примеры произведений искусства, напр<имер> живописи, относительно которых возникают сомнения: принадлежат ли они кисти мастера или его «школе». Ученик зачастую так точно воспроизводит «манеру» мастера, что по внешним признакам (колорит, рисунок, способ накладывать краски, мотив, типы и проч.) ни о чем судить нельзя. Остается только один критерий: органичности художественного произведения. Подражатель непременно выдаст себя наличием «белых» мест, отсутствием внутренней согласованности, что, как следствие, влечет за собою утрировку приемов того, кому он подражает; ибо этим подражатель как бы инстинктивно стремится сделать для чужих глаз незаметным свое бессилие возвыситься до усвоения художественной идеи своего образца [15, с. 87].

Так пишет Бицилли, сравнивая три средневековых исторических источника и приходя к выводу о том, что они подчинены общей схеме, а в одном из, казалось бы, простых, красочных и не вызывающих вопросов мест исторического описания кроется подвох, многослойность, заимствование. Читая эти пассажи, невозможно не вспомнить другого историка-итальяниста, более чем на половину века младше: Карло Гинзбург и его «Indagini su Piero» («Исследования о Пьеро», а в английском переводе «The Enigma of Piero», или «Загадка Пьеро» дельла Франческа). Но вспоминается и приведенный выше зачин «Элементов средневековой культуры» относительно техники и мирозерцания средневековых мастеров, опубликованный вскоре, через два года после статьи в ЖМНП.

Бицилли в работе 1917 г. заключает:

Пора прийти к окончательному выводу. Анализируемое место пьяченцинских анналов стоит в соответствующей части совершен-

но особняком. Это — очевидно позднейшая вставка в летопись. На ее месте в первоначальной городской летописи, вероятно, читалось летописно-сжатое сообщение о столкновении рыцарей и «пеших», заключавшее в себе некоторые хронологические и топографические данные, которых не мог же выдумать автор вставки. Но весь этот материал был им переработан и развит по образцам, которые доставили ему миланские хроники. Что он легко мог быть с ними знаком, само собою понятно: Пьяченца и Милан были в постоянных сношениях... [15, с. 87].

Вопрос о том, какой из трех пересекающихся текстов является первичным, источником заимствования, начальной воспроизводимой матрицей, был далеко не прост, а вывод Бицилли вполне остроумен. Изменен в угоду складывающейся почти литературной схеме был некий примитивный и основанный на реальных событиях сессии источник. Фактура стала служить элементом уже прочерченной схемы. Бицилли указывает:

...тем самым, что мы предполагаем эту двойную зависимость, вероятность нашего предположения возрастает: именно то, что схема, которую мы старались вскрыть из анализа трех отрывков трех хронистов, оказывается у двух налицо в частях, а у третьего в целом, является решающим доводом в пользу предположения, что у двух первых она находится *in statu nascendi*, третий же воспользовался ею в готовом виде [15, с. 87].

При всем том, разумеется, речь не идет о примитивной фальсификации источника рукой более позднего автора, о нарративном дискурсе и особом ощущении хода времени и событий. Бицилли, как мне кажется, прекрасно чувствует разницу, хотя и не сразу постулирует это. Средневековое восприятие времени по умолчанию не сводится к линейности и строгой последовательности событий, скорее, такая линейность воспринимается как исключение. Нет у средневековья и страха перед возможностями модернизации и реактуализации событий прошлого, нет и жестких границ авторского права, все, что накоплено к данному историческому моменту в текстах и известно автору может «пойти в дело». Та тема темпоральности, которую вольно или невольно открывает Бицилли по мере исследования, опубликованного в 1917 г., созвучна гораздо более современным изысканиям в поле исследования истории идей и концептов. Так, Рейнхард Козеллек, рассуждая о «семантике исто-

рического времени», одновременно пытался показать корреляции между социальной историей и историей концептов [6; 10].

Размышляя над вопросом о человеческих возможностях «вершить историю», Р. Козеллек писал также и о том, как менялось восприятие истории. Представление о линейной истории, видение истории как единого процесса формируется лишь в эпоху Просвещения. До того поток истории в сознании свидетелей своего времени, как ученых летописцев, так и обывателей, распадался на частные «истории», которые мыслились как примеры, используемые в богословии, юриспруденции и философии или как истории специально обозначаемых субъектов, например, стран и народов, империй, или же учений и догматов [6; 10].

Можно добавить, что такое же одновременное использование несинхронных исторически моментов отражает житийная икона с клеймами и сохраняет в едином поле. Подобная многослойность ткани времени сохраняется и передается в Новое и Новейшее время уже не в исторических нарративах, но в литературных произведениях, однако эту особенность ясно понимают именно те, кто работал и с историческими (текстовыми) источниками средневековья. Пользуясь удачными определениями, которые сформулировал Ф.Б. Поляков применительно к творчеству А.М. Ремизова, — это «приемы изображения событийной синхронии, допускающие технику коллажа», сочетание мифотворческой интерпретации с документальными свидетельствами, «расширенная временная перспектива, т. е. диахронический аспект событийности» [7, с. 151]⁴. Именно такой элемент игры с историей, сочетание воображаемого с историческим демонстрируется хронистами средневековья, опыт которых изучал и разъяснял Бицилли сто лет тому назад.

Весьма ценна работа Бицилли-текстолога, его анализ способов построения исторического нарратива и восприятия времени на примере хронистов средневековья, но актуальность работы в момент написания придавал выбор в качестве объекта изучения имен-

⁴ Здесь приведем полностью цитату из статьи Ф.Б. Полякова: «Поздняя мемуарная проза Алексея Ремизова использует приемы изображения событийной синхронии, допускающие технику коллажа — описываемая реальность может сочетаться с ее мифотворческой интерпретацией, документальные свидетельства (например, частности историко-литературного быта) — с элементами игры, вымысла и антиповедения (ремизовского “безобразия”). Такой мифопоэтически претворенный материал зачастую содержит отсылки к именам, образам или событиям, в которых прослеживается иная, расширенная временная перспектива, т.е. диахронический аспект событийности, ее исторический ритм» [7, с. 151].

но интерес ко времени перемен, к периоду роста итальянских средневековых коммун и борьбы между элитой и «народом»). Название статьи Бицилли фокусирует именно эту тему противоборства и народных движений, когда акторами становились те, кого раньше называли чернью, низами, маленькими людьми. Но, когда Бицилли сам становится рассказчиком (и рассказчиком интересным), внимание заостряется на проблеме времени и передачи хода этого времени. Проблема интерпретации времени и события — сложная задача, которая осуществлялась и авторами средневековых историй и анналов, но также и самим Бицилли, ученым новой эпохи, свидетелем истории 1917 г. Примечательно, что именно в этот революционный год статья, обращенная к теме социального протеста в средневековье оставила, благодаря Бицилли, след в интеллектуальной истории. Бицилли как медиевист-исследователь, его трактовки особенностей менталитета средневекового хрониста, темы оригинальности и заимствований в медиевальных текстах, проблема восприятия времени — вот тот сюжет, который в наибольшей мере интересует меня сейчас и был акцентирован в данной работе⁵.

Стремление проследить заимствования-вставки, «мемы» и бродячие сюжеты средневекового нарратива — первый уровень рефлексии, который был продемонстрирован этим историком и текстологом весьма здраво. Но разве это стремление самодостаточно? Нет, совершенно естественным для Бицилли-медиевиста стал и переход к актуализации исторического материала. Работая на фоне судьбоносных исторических событий, историк, наверняка чувствовал исторические параллели, оставлял и подсказки читателю и намеки.

Можно сказать, что специалист-историк высказывался на ту же тему, что и философ-проповедник, выражающий идеи наступления Нового средневековья, однако историк работает с этим понятием особым образом, конкретизирует идею, сверяясь с историческими источниками, задумываясь об особенностях менталитета их создателей, оттеняя мысль о современности историческим экскурсом. Медиевист обращался к конкретным историческим (хотя и тщательно отобранным) примерам, препарировал идею и образ средневековья иначе, чем это делал философ, богослов или литератор-романтик. Именно в силу исторической конкретики образа, такой концепт Нового средневековья, отчеканенный медие-

⁵ Другие аспекты были мною затронуты ранее в предшествующей публикации, подготовленной в год столетнего юбилея русской революции и работы Бицилли о социальном кризисе в средневековье [9].

вистом, не мог стать распространенным стереотипом, штампом. Примечательно, однако, то, что в первой трети прошлого столетия, как сейчас, почти век спустя, концепт Нового средневековья — в большой моде.

В работе Бицилли 1917 г. проблемы восприятия средневековья и его реактуализации, как и тема революции и реакции, отразились при разборе казусов социальных переворотов и общественных движений, а также способов их изложения средневековыми хронистами. Такого рода специализированная работа с углубленным вниманием к материалу средневековых латинских источников не могла (да и не сможет никогда!) стать популярной или хотя бы легко цитируемой достаточно широким кругом читателей.

Тем не менее очевидно, что Бицилли-историк, работая в России 1917-го с казусами латинской средневековой истории, проводит для себя самого и своего читателя исторические параллели, пусть и не в явной, лобовой манере сравнения. В единый контекст, в общее поле зрения историка этих лет попадали и источники по истории средневековья, повествующие о социальных кризисах (о Крестовом походе детей, возмущении простолюдинов от поборов на Крестовый поход), и кризис современной ученому социальной системы.

Работа, опубликованная в 1917 г., к великому сожалению, не привлекла в тот момент достойного внимания по многим причинам, именно по тем, по которым она кажется любопытной сейчас. Даже по такому нейтральному периодическому изданию, как ЖМНП можно понять, в какой напряженной политической обстановке происходили публикации (манифест об отречении, приказы и распоряжения временного правительства печатались тут же с пояснениями о причинах задержки очередного выпуска, но журнал продолжал выходить).

Издававшийся с 1834 по 1917 гг., ЖМНП являлся официальным периодическим изданием, которое было призвано информировать об успехах образования и науки в Российской империи, а также о соответствующем мировом опыте по самым различным специализациям. Гуманитарные науки в эту эпоху играли большую роль, и основное место отводилось публикациям историко-филологического характера (классический древний мир, средневековье и Возрождение на западе и на востоке Европы). Издатели журнала не зря убеждали читателя в том, что именно здесь, из этого источника можно почерпнуть представления об актуальном образе наук, хотя первые страницы неизменно отводились министерским распоряжениям, циркулярам и извещениям о наградах.

В большом познавательном значении издания, однако, легко убедиться, листая подшивки журнала, что в данный момент возможно даже и в электронной форме, хотя официальная концепция журнала заключалась в назидательной и нравоучительной формуле, закреплявшей главенство и основную роль власти и правительства в деле правильного образования для настоящих нужд Отечества. Тем не менее статью Бицилли, в которой говорится о народном гневе, восстании и обсуждается идея революции, пусть и революционных изменений далекой средневековой эпохи, с трудом можно отнести к этому официальному правительственному дискурсу. Однако в год свершения «великой русской революции» именно такая статья и могла служить делу истинного народного образования, повышению интереса к истории у читающей публики.

Бицилли суммирует, если так можно выразиться, элементы средневековой социальной культуры и красочные стереотипы описания динамики этой культуры в этой совсем немонументальной работе 1917 г., как будет делать и в дальнейшем. Медиевист анализирует определенный и замкнутый круг идей, который регулировал описания средневековыми хронистами событий, конструируемых в хрониках. В более известной своей общей работе по истории средневековой культуры, вышедшей в свет в 1919 г. Бицилли напишет:

Таким образом замыкается идейный круг: начали с конструирования небесной иерархии, имеющей символическое значение, воспроизводящей в знакомых символах, «наподобие земной иерархии», порядок метафизического мира; затем приписали этой символической картине реальное существование, и уже она — небесная иерархия — становится прообразом земной, которая раньше была ее прообразом. Отношение между обеими «иерархиями» обращается: символизируемое, облекшись в плоть и кровь символа, начинает жить его вещественной, плотской, материальной жизнью. Мир только выигрывает в стройности и целостности, достигает максимальной степени единства [15, с. 62].

В работе 1917 г. по истории конфликтов, бунтов, религиозных движений тоже анализируется обманчивая, сконструированная целостность и стройность картины мира. Кажется, игра смыслов и понятий тут сходная. Да, в книге преобладает демонстрация той самой символической целостности, ступеней и степеней иерархии, а в статье 1917 г. автору была важнее деконструкция, но, в любом случае, изучаются символические ценности миропорядка. Разуме-

ется, есть в этой работе и переключки с более поздними философско-теоретическими построениями, с разработкой идеи Нового средневековья. Возможно, Бицилли угадал, пусть и не в подробностях, эпоху будущих массовых движений, вероятно, будучи историком, думал о природе социальных эволюционных и революционных изменений прошлых веков. В любом случае, очевидно — судя по тексту статьи в ЖМНП, — что в средневековом мире историк видел динамику, изменчивость, а вовсе не ту статичную картину, оплот надежной неподвижности и стабильности, которая служит предметом ностальгии современных поклонников средневековья.

Средневековье для Бицилли — не расхожий стереотип, не определенный образ давно минувшего, который любой журналист или читатель газет может наполнить своими смутными представлениями, как заполняли фотографии прошлого трафарет чередой клиентов. Средневековье Бицилли — хрупкая, хотя и поражающая воображение историческая ткань, которая бесконечно разворачивается перед удивленным зрителем, массовому читателю просто невозможно иметь дело с такой тонкой материей, невозможно выкроить из нее собственное изделие. Средневековье как идея философа Бердяева гораздо лучше годится для роли массового понятия, популярной идеи.

Медиевист обращался к конкретным историческим (хотя и тщательно отобранным) примерам, сам же и создавая казус описания, препарируя идею и образ средневековья иначе, чем философ, богослов или романтик. Именно в силу исторической конкретики образа, такой концепт Нового средневековья, отчеканенный медиевистом, не мог стать распространенным стереотипом, штампом. Примечательно, однако, то, что идея Нового средневековья и штудии по медиевистике могут исходить от одного автора.

Не менее интересны попытки медиевиста работать рассказчиком, как бы раскрывая идею *fiction in the archives*, акцентируя не только то, что исторический источник может быть живым и интересным повествованием, но и просчитывая алгоритм создания средневекового нарратива. Главным мотивом, который, тем не менее, необходимо выделить, является особое чувство времени и возможности повествования о нем, в такой временной перспективе, в таком диахроническом аспекте событийности, который был естественным для средневекового сознания (как у образованного человека, так и самого простого). В любом случае, прием описания истории или историй, сочетающий наслоение доподлинных исторических подробностей и свидетельств с заимствованиями, с элемен-

тами мифотворчества в качестве стержня нарратива — не вызывал вопросов или отрицания, которые этот прием неизбежно порождает у современных профессиональных историков-исследователей.

Необходимо подчеркнуть и то очевидное для Бицилли — историка и текстолога — обстоятельство, что идея может «работать» как объяснительная система, т. е. применяться и приниматься в серии текстов без оглядки на индивидуальное авторство, которое вообще мало релевантно для средневекового сознания. Не так важны конкретные первичные обстоятельства возникновения схемы или интерпретации. Важным является то, что такое объяснение, такое построение текста становится популярной и перенимаемой моделью. Ряд средневековых нарративов воспроизводит сходную и относительно новую для своего времени идею, которая должна объяснить причины социальных контрастов и подчеркнуть момент счастливо-го разрешения конфликта в эпоху перемен.

Видимо, можно сказать, что и концепт Нового средневековья, основное звено в цепи интерпретации новой исторической реальности, наступившей столетие назад, также имеет право на существование не в одной единственной авторской интерпретации, а во множестве вариаций. «Первородство» идеи, первенство в употреблении термина — здесь не главное, главное же — поиск нового языка описания: та проблема, с которой сталкивались средневековые хронисты в описании средневековой истории коммуны, данном Бицилли.

Ведь тот же самый поиск метафор, языка описания для характеристики текущей реальности, осуществлялся и самим Бицилли, и другими русскими мыслителями его поколения, современниками эпохи войн, революций, кризисов [8]. Да, имя должно было быть найдено, но главное, что эта идея начинает множиться, восприниматься в разных контекстах и присваиваться той или иной средой, в том числе средой представителей русской культуры в изгнании. Да, историческая реальность, стоящая за этой ментальной конструкцией, за словами: эпоха Нового средневековья — потребовала объяснений и нового языка повествования от современных ей наблюдателей и рассказчиков, но параллели нашлись в достаточно отдаленном прошлом.

Сам Бицилли — историк, медиевист эпохи Нового средневековья, — как и изучаемый им хронист классического средневековья, был внезапно застигнут новой реальностью, новым течением жизни, и теперь должен был блуждать и теряться в поисках (если не выхода, то новой объяснительной схемы). Как и матрица средневе-

кового нарратива, система описания новой реальности и нормальности, наступившей столетие назад, создавалась усилиями нескольких авторов (и затем заимствовалась друг у друга), но речь здесь не о том, кому принадлежит приоритетное, первичное использование словосочетания «Новое средневековье». Важно, скорее, то, что новая объяснительная система, новый дискурс потребовался и философу, и историку (как и любому свидетелю истории) в момент кризиса, судьбоносных, резких, но не заканчивающихся одномоментно перемен, как требовалась новизна описания авторам средневековых аналогов и хроник (разным по совершенству стиля и изобретательности), но равным образом застигнутых врасплох временем перемен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Васильева М.А.* «Проблематика индивидуальности» в трудах П.М. Бицилли: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 24 с.
2. *Гардзонио С.* Перелистывая «Хождения во Флоренцию», или Тоска по невозвратимому // *Знамя*. 2011. № 4. С. 178–187.
3. *Каганович Б.С.* П.М. Бицилли как историк культуры // *Одиссей. Человек в истории*. 1993: Образ «другого» в культуре. М.: Наука, 1994. С. 256–271.
4. *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 241 с.
5. *Клюев А.И., Свешников А.В.* П.М. Бицилли и Петербургская школа медиевистики // *Средние века*. 2016. Т. 75, № 3–4. С. 387–393.
6. *Козеллек Р.* Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // *Отечественные записки*. 2004. № 5 (44). С. 97–130.
7. *Поляков Ф.Б.* «В розовом блеске» Алексея Ремизова: память культуры и ритуал поминовения // *From Medieval Russian Culture to Modernism. Studies in Honor of Ronald Vroon* / сост. Л. Флейшман, А. Осповат, Ф. Поляков. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2012. С. 151–161. (Russian Culture in Europe. Vol. 8).
8. *Селунская Н.А.* Новое Средневековье и медиевисты после Великой войны [глава в коллективной монографии] // *Событие в истории, памяти и нарративах идентичности*. М.: Аквилон. 2017. С. 211–244.
9. *Селунская Н.А.* Новое Средневековье — русская идея? // *Диалог со временем*. 2018. № 64. С. 179–195.

10. Koselleck R. Über die Verfügbarkeit der Geschichte // *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. 3. Auflage. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979. S. 260–277.

Источники

11. Бицилли П.М. Западное влияние на Руси и начальная летопись. Одесса: «Экономическая» тип., 1914. 29 с.
12. Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / сост. Ф.Б. Успенский; отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. 808 с.
13. Бицилли П.М. *Colonus et conductor* в свете новейших исследований // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 8. С. 358–379.
14. Бицилли П.М. Общественные движения в изображении средневековых историков // Журнал Министерства народного просвещения: Новая серия. СПб., 1917. Ч. 69, № 5. С. 67–87.
15. Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. Одесса: Гносис, 1919. [8], IV, 167 с.

REFERENCES

1. Vasil'eva, M.A. "*Problematika individual'nosti*" v *trudakh P.M. Bitsilli* ["*Problems of Individuality*" in *P.M. Bitsilli's Works*], PhD Thesis, Summary. Moscow, 2009. 24 p. (In Russian)
2. Garzonio, Stefano. "Perelistyvaia 'Khozhdeniia vo Florentsiu', ili Toska po nevozvratimomu" ["Flipping 'Walking to Florence', or Longing for the Irreversible"]. *Znamia*, no. 4, 2011, pp. 178–187. (In Russian)
3. Kaganovich, B.S. "P.M. Bitsilli kak istorik kul'tury" ["P.M. Bitsilli as a Cultural Historian"]. *Odissei. Chelovek v istorii. 1993: Obraz "drugogo" v kul'ture* [*Odysseus. A Man in History. 1993: The Image of the "Other" in Culture*]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 256–271. (In Russian)
4. Kaganovich, B.S. *Russkie medievisty pervoi poloviny XX veka* [*Russian Medievalists of the First Half of the 20th Century*]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2007. 241 p. (In Russian)
5. Kliuev, A.I., and A.V. Sveshnikov. "P.M. Bitsilli i Peterburgskaia shkola medievistiki" ["P.M. Bitsilli and St. Petersburg School of Medieval Studies"]. *Srednie veka*, vol. 75, no. 3–4, 2016, pp. 387–393. (In Russian)
6. Koselleck, Reinhart. "Mozhem li my rasporiazhat'sia istoriei? (Iz knigi 'Proshedshee budushchee. K voprosu o semantike istoricheskogo vremeni'))" ["Can We Manage History? (From the Book 'The Past Future. To the Question

- of the Semantics of Historical Time’”]. *Otechestvennye zapiski*, no. 5 (44), 2004, pp. 97–130. (In Russian)
7. Poliakov, F.B. ““V rozovom bleske’ Alekseia Remizova: pamiat’ kul’tury i ritual pominoveniia [“In Pink Glitter” by Aleksei Remizov: Memory of Culture and Ritual of Remembrance”], *From Medieval Russian Culture to Modernism. Studies in Honor of Ronald Vroon*, comp. by L. Fleishman, L., A. Ospovat, F. Poliakov. Frankfurt am Main, Peter Lang Publ., 2012, pp. 151–161. (Russian Culture in Europe, vol. 8.) (In Russian)
 8. Selunskaiia, N.A. “Novoe Srednevekov’e i medievisty posle Velikoi voiny” [“The New Middle Ages and Medievalists after the Great War”]. *Sobytiie v istorii, pamiati i narrativakh identichnosti* [An Event in the History, Memory and Narratives of Identity]. Moscow, Akvilon Publ., 2017, pp. 211–244. (In Russian)
 9. Selunskaiia, N.A. “Novoe Srednevekov’e — russkaia ideia?” [“New Middle Ages — the Russian Idea?”]. *Dialog so vremenem*, no. 64, 2018, pp. 179–195. (In Russian)
 10. Koselleck, Reinhart. Über die Verfügbarkeit der Geschichte. Koselleck, Reinhart. *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. 3. Auflage. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1979, S. 260–277. (In German)

Дата поступления статьи: 14 июня 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 20 сентября 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 14 June 2021

Approved after reviewing: September 20, 2022

Date of publication: December 26, 2024

«НЕУМЕСТНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ АВТОБИОГРАФИИ» П.М. БИЦИЛЛИ И «БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКЕ

© 2024 г. И.В. Голубович

Аннотация: Статья посвящена анализу формирующегося в ранней работе П.М. Бицилли «Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века» (Одесса, 1916) методологического подхода к изучению автобиографии. Ученый анализирует хорошо известный в профессиональном кругу источник — «Хронику» обычного францисканского монаха Салимбене в новой исследовательской оптике, выявляя на ее примере «духовный строй» индивидуума и эпохи, элементы религиозного и культурного «фонда», особенности личного самосознания «среднего человека» и гения, «зародыши» автобиографического самоанализа и т. д. Теоретические интуиции этой работы соотносятся с проблематикой современного «биографического поворота», который мы рассматриваем на двух уровнях: Kehre и Turn, а также с «онтологией биографии» — экспликацией исходных социокультурных презумпций (универсалий) существования биографии в истории (коммуникационная компетентность человека рассказать о себе как о неповторимой индивидуальности, изоморфизм событийного и нарративного измерений жизни, рационализм, индивидуализм и т. д.).

Ключевые слова: П.М. Бицилли, Салимбене, автобиография, поворот, Kehre, Turn, онтология биографии, личное самосознание, духовный строй эпохи, культурный фонд.

Информация об авторе: Инна Владимировна Голубович — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, Одесский на-

циональный университет им. И.И. Мечникова, ул. Дворянская, 2, 65000 г. Одесса, Украина.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3459-3417>

E-mail: golubinna17@gmail.com

Для цитирования: Голубович И.В. «Неуместное отступление о средневековой автобиографии» П.М. Бицилли и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 285–315.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-285-315>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

“INAPPROPRIATE DIGRESSION ABOUT MEDIEVAL AUTOBIOGRAPHY” BY PIOTR BITSILLI AND “BIOGRAPHICAL TURN” IN MODERN HUMANITIES

© 2024. Inna V. Golubovich

Abstract: The article is devoted to the analysis of Piotr M. Bitsilli’s first book “Salimbene. Essays on the Italian Life of the 13th Century” (Odessa, 1916) in the light of the new methodological approach to the study of autobiography that has begun to take shape during this period. The scholar analyzes a well-known source in the professional community, the “Chronicle” of the ordinary Franciscan monk Salimbene with a new approach, revealing by this example the “spiritual structure” of the individual and the epoch, the elements of the religious and cultural “foundation”, the characteristics of the personal identity of the “ordinary person” and genius, the “germ” of autobiographical introspection, etc. The theoretical intuitions of this work correlate with the problems of the modern “biographical turn”, which we consider at two levels: Kehre and Turn, as well as with the “ontology of biography” — an explication of the basic sociocultural presumptions

(universals) of the existence of biography in history (communicative competence of the person to tell about himself/herself as about unique individuality, an isomorphism of the event/action and narrative/expression dimensions of life, rationalism, individualism, etc.).

Keywords: Piotr M. Bitsilli, Salimbene, autobiography, Kehre, Turn, ontology of biography, personal self-consciousness, spiritual mindset, cultural foundation.

Information about the author: Inna V. Golubovich, DSc in Philosophy, Professor, Head of the Chair of Philosophy, I.I. Mechnikov Odessa National University, Dvorianskaya St. 2, 65086 Odessa, Ukraine.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3459-3417>

E-mail: golubinna17@gmail.com

For citation: Golubovich, I.V. “‘Inappropriate Digression about Medieval Autobiography’ by Piotr Bitsilli and ‘Biographical Turn’ in Modern Humanities.” *Emigrantica*. Moscow, IWL RAS Publ., 2024. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 285–315. (In Russian)
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-285-315>

Эта статья родилась на пересечении нескольких исследовательских интересов, на пути моего собственного «приближения к Бицилли» (если воспользоваться образным выражением известного одесского историка-методолога Т.Н. Поповой, исключительно много сделавшей для того, чтобы очертить контуры «бициллиеведения» на пестрой междисциплинарной карте современной гуманитаристики [22; 23; 30].

Во-первых, определенную роль в этом приближении сыграли многолетние штудии в области теоретической биографистики, постижения философских глубин и загадок биографического жанра/жанров, биографического дискурса и биографических практик культуры, осмысление «онтологии биографии» [8; 9; 10; 11; 12; 13]. Во-вторых, — давний интерес к творчеству еще одного выдающегося выпускника историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета (ИНУ) в Одессе — Г.В. Флоровского (1893–1979), подружившегося с П.М. Бицилли в студенческие годы и сохранившего эту дружбу в эмиграции, по крайней мере,

в ранний ее период. Этот интерес привел к созданию научно-образовательного центра имени Г.В. Флоровского в Одесском национальном университете (ОНУ) имени И.И. Мечникова в 2009 г., одной из задач которого стало изучение традиции историко-филологического факультета ИНУ. Именно так, от ученика к учителю, началось мое собственное «приближение к Бицилли».

Личное и эпистолярное общение П.М. Бицилли с Г.В. Флоровским, его братом Антонием и сестрой Клавдией, непростой, но всегда плодотворный диалог между двумя мыслителями, стали темой нескольких наших публикаций совместно с болгарской исследовательницей Т.Н. Галчевой [6; 7; 14]. И эта тропка — от Флоровского к Бицилли, которая разветвлялась на множество тропинок-тем, все равно вела к осмыслению феномена автобиографии в истории, понимания изоморфизма/гомологии истории и автобиографии, которое в качестве принципиальной установки разделяли два выдающихся представителя университетской корпорации дореволюционной Одессы.

В рамках деятельности Центра имени Г.В. Флоровского мы с коллегами выпустили сборник «Curriculum Vitae», посвященный творчеству П.М. Бицилли в контексте гуманитарной традиции Одесского университета, где я впервые попыталась рассмотреть комплекс идей ученого, связанных с осмыслением им феномена автобиографии и связать этот комплекс с «биографическим поворотом» в современной гуманитаристике [15].

Вернуться к этой теме через 10 лет меня побудили два соображения. Во первых, стремление глубже разобраться в проблематике «биографического поворота», равно как и в сути фигуры «поворота» в целом [16]. Во-вторых, за эти годы появились новые публикации по бициллиеведению, в том числе монографические [1; 3; 23; 24]. Меня прежде всего интересуют те из них, где соединились обе исследовательские линии — изучение жизни и творчества П.М. Бицилли и новые горизонты биографического жанра («биоисториографии») в свете существенных трансформаций междисциплинарного пространства гуманитаристики. Среди авторов, которые вдохновили меня на повторное обращение к теме, с благодарностью и признательностью выделяю моего университетского педагога, профессора исторического факультета Одесского национального университета Т.Н. Попову, представившую в последние годы научному сообществу две книги, в которых теоретически осмыслены сразу два интересующих нас сюжета [22; 23].

Проблематика, связанная с феноменами биографии и автобиографии, стала одной из центральных в современной гуманитаристике. Биографический подход в многообразии своих проявлений приобрел сегодня статус междисциплинарного. В этой связи стоит говорить о своеобразном «биографическом повороте» в сфере Humanities, истоки, основания и контуры которого нуждаются в осмыслении. П.М. Бицилли в своей первой крупной работе «Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII века)», написанной на основе магистерской диссертации, сделал феномен средневековой автобиографии предметом специального анализа [33, с. 233–526; 34]. В настоящей публикации мы попытаемся реконструировать «автобиографическую» составляющую творчества выдающегося ученого, гуманитария широкого профиля в контексте современного «биографического поворота».

Прежде чем обратиться к «биографическому повороту» выделим некоторые важные для нас характеристики феномена «поворота» как такового. Чаще всего для его обозначения используется два слова — немецкое «Kehre» и английское «Turn». «Kehre» использует в новом авторском смысле М. Хайдеггер, делая его названием своего «поворотного» доклада, ознаменовавшего поворот в творчестве самого мыслителя [41, с. 3–14]. В 1949 г. он в поисках «другой публичности», вдали от «запаха академических конюшен» [25, с. 511–512] выступил в неформальном, дорогом и респектабельном, «Бременском клубе» элиты бизнеса с серией из четырех докладов, объединенных названием «Прозрение в то, что есть» («Вещь», «Постав», «Опасность», «Поворот») [25, с. 511–535].

Старонемецкое *die Kehre* — поворот как извилина дороги, соскок с поворотом — теперь означает перемену (судьбы), рубеж, порог (о времени) [22, с. 76, 36; 41, с. 5–6]. Это — «выход к иному простору и зову» и смена локализации истинности [28, с. 83] (нам особенно важен модус «смены локализации истинности» в процессе протекания жизни в фактичности жизненного мира и пограничных ситуаций). Это — конституирование «нового предмета» (прояснение и пересмотр способов опредмечивания и одновременное «оголение» поля до-предметного региона бытия). Это — новая онтология, поднятая в кантовском смысле как фундаментальные условия возможности (опыта, данности, представленности), «переворачивание» (*kehrt um*) привычного смысла языка. Это и вхождение в «сферу опасности», внутри которой и таится возможность поворота, когда «истина бытия в его существе вернется в область сущего» [41,

с. 255]. М. Хайдеггер обращается к любимому им Ф. Гёльдерлину, чтобы его поэтическими строками из гимна «Патмос» выразить связь поворота-Kehre с опасностью: «но где опасность, там вырастает и спасительное» [41, с. 255]. Это — «прозрение в то, что есть», «прозрение как озарение, событие поворота в сущностной констелляции самого бытия» [41, с. 257]. Далее этот магически заволащивающий концепт начинает свою собственную смысловую историю, в той или иной мере отрываясь от хайдеггеровского истока, и начинает обозначать радикальную смену взгляда.

Концепт *the Turn* принято связывать с именем Р. Рорти, провозгласившего «linguistic turn», ставший паттерном для всех других «поворотов» [31]. Turn — это уже самые разнообразные интеллектуальные движения в разных направлениях и дисциплинах, исходной основой которой является глубинный и радикальный Kehre, который на уровне Turn может оставаться непроясненным или псевдоистолкованным. Turn затрагивает отдельные тематически-проблемные регионы, что и фиксируется в соответствующих названиях: лингвистический, культурный, постметафизический, онтологический, антропологический, коммуникативный, диалогический, пространственный, перформативный, постколониальный, визуальный, иконический и т. д. Это — серьезные изменения в методологии гуманитарных наук с высоким синтезирующим потенциалом, это — формирование новых «интеллектуальных полей». В отличие от Kehre, Turn нельзя не заметить, эти повороты провозглашают свои громкие манифесты, создают собственные эпистемы, языки, диктуют интеллектуальную моду, формируют свои дискурсы, равно как и общий «дискурс поворотов», подобный «дискурсу смертей» («смерть человека», «смерть автора», «смерть героя», «смерть рассказчика» и т. д.). Можно согласиться с мнением А.А. Полонникова о том, что поворот лишен самостоятельной онтологии и выступает как продукт социальной конвенции, обеспечивая идентификацию и интеграцию связанных с ним сообществ [21], но только лишь в отношении Turn, а не фундирующего его Kehre.

О «биографическом повороте» можно говорить в двух указанных модусах. В отношении биографии такая парадоксальная смена аспекта в интеллектуальном движении, которое мы обозначаем как «новый биографизм», заключается в утверждении новых начал через тотальное (либо кажущееся тотальным) отрицание биографизма (биографического подхода, биографического метода) как такового. Здесь возникает неразрывно связанный с Kehre мотив опасности-спасения. Провозвестники «нового биографизма» (условно

назовем его «биографическим Kehre») выглядели как могильщики биографического метода, демонстративно отрицая познавательные возможности и непомерные притязания этого метода. Однако на деле они словно бросали спасательный круг биографии и биографизму. Это, к примеру, М. Пруст и М.М. Бахтин.

Так Бахтин, резко критиковавший биографический метод, как «продукт органических эпох», одновременно предложил концептуальные основания «нового биографизма», фиксирующего переориентацию внимания с «внешней биографии» на биографию внутреннюю, событийную, соотнесенную с философией поступка [26; 27]. Бахтин ставил биографический подход в один ряд с вульгарно-социологическим и причинным объяснением в духе естественных наук. Более того, в указанной позитивистской установке биографический анализ оказывался в одном ряду с «деперсонифицированной историчностью» «историей без имен» [32, с. 365]. Этому подходу М. Бахтин попытался противопоставить иную архитектуру биографического описания. Не отказываясь от процедуры понимания как таковой, он отказывается от «наивно-реалистического» ее толкования (вживание, вчувствование, удвоение переживаний другого во мне), а предлагает «сочувственное понимание»¹, использующее бытийное положение «понимающего автора» вне внутренней жизни другого. В установке сочувствующего и сопереживающего понимания автору дано обнаружить в жизни героя события «индивидуального преломления и уплотнения смысла, облечение его во внутреннюю смертную плоть...», так и «идеализировать, героизировать, ритмизировать» их [32, с. 91].

Сходной в указанном смысле была траектория отношения к биографическому у М. Пруста: он резко выступил против «биографического метода» Сент-Бева и одновременно всю свою жизнь разгадывал тайны и загадки автобиографической памяти. Французский писатель представил в 1909 г. эссе «Против Сент-Бева» [39] — из него впоследствии вырос многотомный роман «В поисках утраченного времени», который Пруст писал до конца жизни. В новом типе романа — романе «потока сознания» — воплотился и «новый биографизм», подобный бахтинскому (по отношению к Прусту корректнее говорить именно о «новом автобиографизме»).

Итак, «новый биографизм» как теоретико-методологическое основание современных гуманитарных исследований ориентирует на то, чтобы в биографических и автобиографических актах видеть

¹ Здесь выделено мной — И.Г.

именно внутреннюю историю духовой жизни, «внутреннюю плоть смысла» [32, с. 97]².

Об онтологии биографии, поиске ее фундаментальных основ, укорененных в универсалиях культуры, размышляет украинский философ А.Л. Валевский в работе «Основы биографики» [4]. Берем-ся утверждать, что это как раз режим «биографического Kehre» как новой онтологии. Автор конституирует «онтологию биографии», выявляет исходные презумпции существования биографии в истории и социокультурном бытии. Это набор условий, обеспечивающих возможность текстуального представления индивидуального.

Если мы не обнаружим этих биографических/автобиографических предпосылок или обнаружим в искаженном, деформированном виде, — мы фиксируем опасность, грозящую европейской культуре как таковой и, возможно, на пути спасения. Среди этих условий и фундаментальных допущений: а) коммуникационная компетентность человека рассказать о себе как о неповторимой индивидуальности; б) такое состояние самоидентификации личности, которое позволит ей ответить на вопрос «кто я?», и одновременно наличие возможностей для биографа сказать о своем персонаже «кто он (она)?».

В целом онтологическими предпосылками биографической традиции предстают в этом варианте два «кита» — рационализм и индивидуализм. Мы в свою очередь также рискуем представить две конститутивные презумпции онтологии биографии: принцип внутренней онтогерменевтичности жизни («жизнь толкует жизнь» у В. Дильтея) и идея неразрывной связности (гомологии/изоморфизма) истории-как-свершения и истории-как-рассказа /нарратива, то, что у М. Хайдеггера различается как *Geschichte* и *Historia*.

О поворотах в модусе «Turn» и о биографическом повороте пишет в своей новой книге «Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия» (2019) одесский историк Т.Н. Попова в разделе «О “поворотах” и дисциплинах» [22, с. 54–90]. В этой же книге мы обнаружим и раздел «Бициллиеведение» [22, с. 322–228]. И такое соседство персонцентричного и предельно обобщающего, теоретико-концептуального в самом высоком абстрагирующем регистре под одной обложкой, на наш взгляд, не случайно.

Biographical turn формирует достаточно широкое междисциплинарное «интеллектуальное поле», способствует биографическому ренессансу в разных гуманитарных дисциплинах. Обобщая различ-

² Подробнее о «новом биографизме» см. в нашей работе: [12].

ные опыты рецепции этого поворота, исследовательница резюмирует: биографический поворот — явление значительной длительности, стадияльно различимое спецификой биографического подхода, который в свою очередь меняет свою теоретическую и методологическую нагруженность, не порывая, однако, с разнообразными традициями и вбирая в себя различные элементы междисциплинарного «общего рынка» (Ф. Бродель).

Один из аспектов биографического поворота связан с логикой развития научно-исследовательских программ (в частности, в истории философии, как предлагает рассматривать известный украинский философ В.И. Менжулин [29, с. 61–63]. Сначала биография рассматривается представителями какой-либо традиции как внешний, периферийный аспект, а затем входит в «жесткое ядро» традиции превращается во «внутренний, фундаментальный аспект ее истории» [22, с. 62]. Одновременно подчеркивается, что биографический поворот, хоть и стал достаточно масштабным и респектабельным явлением в современной гуманитаристике, все же не имеет самостоятельного статуса, его смысловое проявление — дополнительность к другим теоретическим моделям, там, где необходимо подчеркнуть уникальность и неповторимость индивидуальной жизни, личность во всей ее многомерности и многогранности.

С этим современными утверждениями и вопрошаниями обратимся теперь к текстам П.М. Бицилли, который в драматическом диалоге со своими современниками способствовал свершению «методологического переворота» в гуманитарном знании, приближая его к уникальной индивидуальности, конкретной и целостной жизни, к биографическому и автобиографическому опыту.

В центре нашего внимания — работа о самом обыкновенном средневековом монахе-францисканце, о фре Салимбене, вышедшая в Одессе в 1916 г. История создания книги и ее контексты реконструированы в монографии М.А. Бирмана «П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество» [3, с. 46–48]. Первые отклики на «Салимбене» в связи с современными спорами об отнесении П.М. Бицилли к петербургской школе медиевистики проанализированы в статье А.В. Свешникова и А.И. Ключева «П.М. Бицилли и петербургская школа медиевистики. Вместо предисловия» [18]. Авторы также впервые представили отзыв главы петербургской школы И.М. Гревса на книгу одесского историка [35].

Монография «Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII века)» была опубликована в «Записках Историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета» (вып. 12) [34], затем П.М. Бицилли представил ее в качестве магистерской диссертации на историко-филологический факультет Петроградского университета. 22 мая 1917 г. здесь состоялась защита, по итогам которой автору диссертации была присвоена ученая степень магистра всеобщей истории. Официальными оппонентами выступили профессора И.М. Гревс и Д.К. Петров, оппонентом «от публики» — Л.П. Карсавин [3, с. 389].

И.М. Гревс в своем отзыве о «Салимбене» подчеркнул, что это исследование питалось вынесенными из возглавляемого им «средневекового семинария» «мотивами научной работы» и с радостью встретил «такие нити взаимного единения» [3, с. 395]³.

Мы вычленим в «Салимбене» те идеи, методологические подходы и исследовательские приемы, которые соотносятся с проблематикой «биографического поворота». Важные для нас теоретические позиции выражены во «Введении» и в главе «Автобиография». Сразу отметим, что сам Бицилли считал интересующие нас акценты некоторым отступлением («неуместным отступлением») от научного канона, принятого в исторической науке вообще и в медиевистике, в частности.

Так мне пришлось решиться на длинное и в общем плане работы *неуместное отступление* о средневековой автобиографии, потому что без этого я не мог бы выяснить как следует особенностей автобиографической части хроники. В результате получилась нагроможденность деталей, давящих целое (курсив мой. — И.Г.) [33, с. 240].

То, что сам Бицилли артикулировал как «неуместное отступление о средневековой автобиографии», разрушающее стройность изложения, сегодня в свете иных запросов и вызовов гуманитаристики в разных ее дисциплинарных регионах оказывается самым ценным, вписывается в «биографический поворот», является смысло- и формообразующим ядром текста о Салимбене.

Указание на некоторый риск и, возможно, неуместность превращения ординарного, ничем не примечательного фра Салимбене в героя исторического исследования неявно присутствует и в упоминанном уже отзыве И.М. Гревса:

³ О «схоларной» принадлежности П.М. Бицилли гревсовскому кругу речь здесь не идет.

У автора чувствуется живой интерес к его герою (если не *опасно* приложить такой образ к фигуре Салимбене) и особенно живая любовь к прошлому страны, к числу многокрасочных сынов которой принадлежал своеобразный писатель (курсив мой. — И.Г.) [35, с. 395].

Гревс критикует и «разбегающуюся» архитектуру текста, частичную «утрату единства задачи»:

...историк не вполне выдерживает и додерживает принятую исходную точку и ориентировку исследования и несколько разбегается в разные стороны, теряя единство задачи. Он то говорит (мы видели), что Салимбене ему важен для уяснения культуры эпохи, то подчеркивает, что он интересен ему сам по себе [35, с. 397].

По мысли Гревса,

ученого специалиста книга П.М. Бицилли натолкнет на многие любопытные и важные добавочные, может быть, пропущенные пункты, если тема и эпоха, избранные им, касаются его интересов, даст повод нечто исправить и пересмотреть, нечто фиксировать вниманием [35, с. 395].

А в современной перспективе в восприятии книги Бицилли происходит смена смысловых акцентов. Это уже не просто фиксация и уточнение любопытных добавочных деталей. И на «любопытные детали», попавшие в водоворот Kehre, пережившие «смену локализации истинности» [28, с. 83], падает новый свет. Разбегающиеся же тропинки текста как раз и вели к тому самому просвету.

Итак, П.М. Бицилли намечает возможности «иной жизни» в науке для хорошо известного источника по политической и культурной истории Италии, перспективы его современного прочтения. Связаны же эти надежды на своеобразный «ренессанс» хроники Салимбене как раз с теми ее особенностями, которые с позиций традиционной «событийной» истории выглядели как существенные недостатки.

Салимбене — самый ординарный, ничем не выдающийся исторический персонаж. Правда, ему довелось выполнять важные дипломатические поручения и знать в связи с этим выдающихся деятелей своей эпохи и даже столоваться с Людовиком XI. В этом

и ценность свидетельства безвестного автора, об истории жизни которого по другим источникам почти ничего не удалось узнать. Зато Салимбене очень подробно описывает собственную жизнь сам. Его хроника изобилует автобиографическими элементами, и в этом еще один ее недостаток — она слишком субъективно свидетельствует об объективных фактах.

Историки XIX в., тщательно изучившие хронику, вынесли вердикт: восстановить реальную биографию Салимбене невозможно, поскольку нельзя узнать истину о жизни человека только по тем сведениям, которые он дает о себе сам. Не стоит обозначать их позицию как сугубо позитивистскую и объективистскую. Их интересовала не только внешняя биография, но и внутренняя история монаха, история его души. Однако реализовать этот интерес без знания точных дат и событий жизни они не считали возможным. Бицилли, учитывая обрывочность, неполноту источника, множество умолчаний, содержащихся в нем, ставит задачу в другом ракурсе.

Я беру внутреннее «Я» Салимбене, так сказать в поперечном разрезе, — в ту пору, когда он, перевалив за шестой десяток, принялся писать свою хронику [33, с. 235].

Таким образом, центр исследовательского интереса смещается от героя автобиографии к ее автору.

Работа П.М. Бицилли демонстрирует гармоничное, сбалансированное, взаимодополняющее соотношение между двумя измерениями историко-культурной реальности: личность и исторический процесс. Тезис ученого о том, что «личность есть в конце концов единственный реальный фактор исторического процесса» [33, с. 235], еще не означает, что личность становится самодовлеющим предметом анализа. Главное исследовательское усилие направлено все-таки на реконструкцию мировоззрения, мироощущения, умонастроения, религиозного и культурного «фонда эпохи», «картины мира», — того, что вскоре будет названо словом «ментальность». А путь к пониманию этой неуловимой и трудноопределимой социокультурной материи, по мнению Бицилли, лежит через отдельную личность, выражающую себя и говорящую о своем времени в тех автобиографических формах, которые данному времени присущи.

Еще один выдающийся выпускник историко-филологического факультета Новороссийского университета Г.В. Флоровский, младший друг П.М. Бицилли, многие годы состоявший с ним в переписке, сходным образом понимал данную проблему. Скорее всего, эта

сродность в главных мировоззренческих и исследовательских приоритетах не была случайной. В 1923 г. Флоровский напишет в своей работе «Метафизические предпосылки утопизма»:

В некотором смысле всякое мировоззрение есть автобиографическое повествование, рассказ и отчет об увиденном и услышанном, описание пережитого опыта. Но было бы превратно понимать этот опыт психологически и субъективно. Опыт есть реальное предметное касание, «выхождение из себя», встреча, общение и сожительство с «другими», с «не-я» [40, с. 197–98].

К перекличке двух выдающихся представителей историко-филологического факультета ИНУ, оказавшихся в эмиграции, мы еще вернемся.

П.М. Бицилли интересуется «средний», «типический», и даже «пошлый» Салимбене: он

поверхностен и мелочен; он не умеет сосредоточиться и уйти с головой во что-либо. Его интересует все, что угодно. В его мелкой и невозмутимой душе отражаются, как на глади пруда, все впечатления, которые давал ему его богатый содержанием век, и все бури этого века подергивают ее легкой рябью [33, с. 236].

Весь репертуар «предметных миров» эпохи, которые могут быть избраны для индивидуально-личностного «обитания» отражаются в «ординарном», «дюжинном» сознании и автобиографическом свидетельстве.

В начале прошлого века методология работы со «средним», «типическим» индивидуальным сознанием эпохи только начинала складываться, она была предметом дискуссий. Одна из них представлена на страницах исследования П.М. Бицилли, который уточняет свое понимание в полемике с Л.П. Карсавиным, анализируя его книгу «Основы средневековой религиозности XII–XIII веках преимущественно в Италии», вышедшую в 1915 г. [37]. Л.П. Карсавин, изучая «религиозный фонд» эпохи оперирует понятием «носителя религиозного фонда» — предполагаемого «среднего человека». Он считает методологически необходимым изучать «среднее (религиозный фонд)» по индивидуумам, через личностное измерение культуры познавать ее надындивидуальные феномены. При этом в качестве «средних» и «типических индивидуальностей» предстают прежде всего выдающиеся персонажи эпохи, а типическое понима-

ется как «распространенное», «бросающееся в глаза» и даже «гипертрофированное».

Глава петербургской/петроградской школы медиевистики И.М. Гревс радикально критикует «принцип среднего человека»:

Об этом фантастическом среднем человеке говорить не буду: о несостоятельности этого понятия, самой его сути и как руководящей историческим исследованием методической идеи я высказывал свое мнение в рецензии на магистерскую диссертацию г<осподина> Карсавина и дополнил свое построение на его докторском диспуте. Кроме того, проф<ессор> Н.И. Кареев в статье о докторской работе Карсавина («Русские заметки») вполне ясно показал пустоту этого принципа. Можно только пожалеть, что «средний человек» продолжает смущать мысль историков [35, с. 396].

Тем не менее П.М. Бицилли «смущается» принципом «среднего человека», однако вносит существенные уточнения в карсавинский вариант. Бицилли критикует его за то, что в размышлениях о «типичности» и даже «гипертипичности» героев эпохи здесь акцент сделан на количественные параметры. В частности, в примере, приводимом Бицилли по тексту Карсавина, великие подвижники духа — «более мистики», «сильнее мистики», чем самые обычные «тоже мистики».

То, что «типично» для целой толпы галлюцинов, неврастеников и кликуш, вовсе не «типично» для героев духа, выработавших свои особые пути приближения к Богу. <...> Нельзя сказать, чтобы св. Бернард был «более мистиком», «сильнее мистиком», чем какая-нибудь сестра Адельгейда. Но он — мистик по-иному [33, с. 237].

Различие не количественное, а качественное. Каждый из «малых сих» представляет свою эпоху по-иному, создавая свою неповторимую конфигурацию из «общего культурного фонда эпохи». А историк наблюдает эту конфигурацию как «причудливую игру более или менее искаженных идей в пределах индивидуального сознания “среднего человека”, идей самого разнообразного происхождения и характера», как удивительную способность «включить в свой умственный и нравственный обиход множество духовных ценностей, руководствуясь исключительно их “авторитетностью”», как потрясающее умение «обывателя» нагромоздить в своей квартире «всех “Людвиков”», не особенно беспокоясь о единстве стиля» [33, с. 239].

Автобиография Салимбене как раз и позволяет феноменологически, в режиме микровидения описать эту социокультурную практику («габитус» в терминологии Бурдьё) «всеядности», превращения идейных, политических, религиозных «бурь эпохи» в «легкую рябь» разностильных «Людовиков». И в этом смысле хронике Салимбене просто нет цены.

Бицилли подчеркивает, что автобиография среднего человека для эпохи Средневековья — отнюдь не ординарное явление. Для XIII в. этот документ — почти единственный памятник такого рода. Историк ищет главный предмет своего вопрошания о нем: «...я считал исторически интересным изучение духовной природы этого “среднего человека”» [33, с. 236]. Он использует термин «*духовный строй*»⁴ эпохи и подчеркивает, что вопрос о «духовном строе» должен решаться по-разному в отношении «выдающихся индивидуальностей» и их простых современников. Если упростить мысль Бицилли до схемы: гении создают духовный строй, современники усваивали и осваивали брошенные гением идеи. Однако здесь нет никаких однозначных соответствий. Ученый говорит о «гениях компромисса», о «гениальной мере» как полумере (именно такой комплекс воздействует на массу).

Приступая к достаточно хорошо известному памятнику с новым для своего времени мировоззренческим и методологическим инструментарием, П.М. Бицилли говорит и о еще одном принципиальном затруднении — о «заколдованном круге», куда попадает любой исследователь «изучающий отдельную личность в целях характеристики ее эпохи» [33, с. 239]. Это хорошо известная фигура «герменевтического круга», имеющего разные модификации. В данном случае ставится задача реконструировать общие черты духовной жизни европейского средневековья (целое) через реконструкцию мировоззренческого, религиозного, культурного строя одного из ее представителей (часть). Однако предусловием такой реконструкции будет базовое представление об «общем культурном фонде». Круг замкнулся. Где же выход? Бицилли предлагает единственный возможный путь, еще не гарантирующий успеха: не приписывать своим предварительным концепциям окончательного значения. И это как раз то методологическое и методическое требование, которое воплощено в современных исследовательских стратегиях со-

⁴ Здесь и далее выделяем курсивом те слова и фразы, которые у Бицилли терминологически насыщаются.

временной гуманитаристики, выросших из практики работы с «личными», «человеческими», автобиографическими» документами.

И еще одно герменевтическое правило выполняется Бицилли при работе с «Хроникой» Салимбене: специфика предмета исследования диктует способы его описания. Историк сетует на то, что его работа страдает нестройностью изложения, неравномерностью частей, частыми отступлениями.

Некоторым оправданием послужит мне свойство источника, над которым я работал, и личность человека, которого я изучал. Хроника Салимбене так пестра по своему составу, касается такого множества предметов, ее автор прожил такую разнообразную жизнь, перевидал столько людей, вращался в стольких общественных кругах, что мне поневоле пришлось, рассматривая Салимбене в связи с окружающей его обстановкой, делать экскурсии в самые разнообразные области [33, с. 240].

То, что в традиции классического типа науки видится как недостаток, в контексте современного этапа развития гуманитарного знания предстает как достоинство. Это подчеркивает и А.Ф. Лосев, предлагая в своей работе о биоисториографе античной эпохи Диогене Лаэртском апологию стратегии «пестрой смеси» и оду «привольности и беззаботности» его сумбурного стиля, «кувыркающегося» и «барахтающегося» в необозримой массе житейских и философских мелочей [38, с. 8].

Сила систематизации, генерализации, упорядочивания уступает здесь свои права власти понимания, сопричастности, конгениальности. П.М. Бицилли кажется, что он поддался «внешней форме» и даже внешней «бесформенности» своего источника и своего героя, потерпев определенное поражение. А нам представляется, что он воспроизвел «внутреннюю форму» жизни и текста своего негероического героя, что еще классики универсальной герменевтики называли «триумфом воспроизводящей конструкции», дающей надежду на то, что «у каждого смысла будет свой праздник возрождения» [32, с. 374]. На это, размышляя о Большом времени и о диалоге культур, нацеливал гуманитарное знание М.М. Бахтин — еще один знаменитый «студизус» историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета, слушавший многие курсы, но не зафиксированный ни в каких официальных документах (что одесские историки и библиографы Научной библиотеки ОНУ имени И.И. Мечникова неоднократно проверяли).

Бицилли интересно в автобиографии фра Салимбене обнаружить «мерку» *личного сознания* (выделяю курсивом то, что чревата концептуализацией и трансформацией в терминологию). Такой меркой становится «потребность и умение приглядываться к индивидуальным особенностям людей» или «степень охоты и умения говорить о себе» [33, с. 293]. Соотнесем такой прием с презумпциями «онтологии биографии», сформулированными А.Л. Валевским: а) набор условий, обеспечивающий возможность текстуального представления индивидуального; б) коммуникационная компетентность человека рассказать о себе как о неповторимой индивидуальности.

К этому умению у своего негероического героя, к его прорывам сквозь рутину и типизацию или, напротив, застревание в рутине и типизации, Бицилли предельно внимателен. Он по крупницам собирает в хронике те эпитеты и характеристики, которые дает фра Салимбене конкретным людям, с которым сводит его судьба. И оказывается, что положительные характеристики одинаковы для всех. И для брата Джакобино из Реджа, и для Джерадо из Модены, и для многих, многих, многих: он был человек благородный, щедрый, доброжелательный и любезный. Эти трафареты в свете онтологии биографии и онтологии культуры оказываются культурно-биографическими универсалиями и габитусами определенной эпохи. Сам Бицилли говорит об этом другими словами:

Мы присутствуем здесь таким образом при самой выработке трафарета <...> пользование готовыми формулами не было следствием неумения иначе выразить свою мысль. Не было оно и результатом неумения индивидуализировать [33, с. 295–296].

И именно здесь — в специфике обращения с трафаретными формами («литературными приличиями») в обозначении индивидуальной персоны у Салимбене есть неоценимые преимущества, и он оказывается настоящим героем культуры.

К счастью, Салимбене нередко забывает о литературных приличиях и пишет, передавая свои непосредственные впечатления, не считаясь с шаблонными образцами. Тогда сказывается его свойство, делающее его хронику таким драгоценным источником для нас, — его умение наблюдать. Наблюдение было незнакомо «типичному» средневековому человеку. Он смотрел внутрь, в себя, и <...> развил

в себе исключительную способность к самонаблюдению, но по отношению к окружающему миру он был глух и слеп [33, с. 296].

Салимбене, таким образом, оказывается гением повседневной наблюдательности — той культурной практики, для которой не хватало в репертуаре данной эпохи трафаретов и шаблонов.

С точки зрения генеалогии и структуры автобиографии важны термины, которые употребляет здесь Бицилли — «автобиографический элемент» и «автобиографический зародыш». Об «автобиографическом элементе» он говорит в связи с тем, что этот элемент вторгается в хронику больше, чем нужно. А «автобиографическим зародышем» ученый назвал заметки о собственных литературных произведениях у средневековых авторов, для которых в «культурно-историческом фонде» средневековья не нашлось вполне легитимного «права на биографию» (Ю.М. Лотман) [19], права на полноценную интеллектуальную автобиографию. Часто — это не просто перечень собственных писаний, но итог прожитой жизни, свидетельство того, что автор не желает остаться анонимным, что его «личное сознание» развивается и ищет язык своей репрезентации.

Чревата очень интересными расширениями ремарка Бицилли о редких средневековых «экземплях» отчета о собственной литературной деятельности («заботливости о своем литературном имени») как самостоятельных произведений — такова «Книжка о вздорных занятиях некоего глупца» Райнера, монаха Лайденского монастыря св. Лаврентия, где историк специально обращает внимание на фразу «*idiotia quidam*» в названии (какой-то идиот, некий идиот) [33, с. 304]. Если же обратиться к древнегреческому корню (греч. *idiotēs*) — отдельный человек, частное лицо, — «идиот» выступит как синоним индивида.

И далее во фрагменте, связанном непосредственно с Салимбене, Бицилли вновь возвращается к мотиву *idiotia*, но уже в смысловом сочетании с понятием «простоты», *simplicitas* [33, с. 315]. Он пишет о психологической ценности простоты в связи с освобождением от всего, мешающего непосредственному общению с божеством. Указывая на частое сочетание *simplex* с *idiotia* и *illiterates*, подчеркивается, что *simplex* (простак) — не глупец (*stupidus*), поскольку простоту следует понимать как оригинальность и самобытность, «единственная дозволительная форма, в которой мог свободно проявляться индивидуализм» [33, с. 316].

Еще один парадокс, нюанс, к которому Бицилли очень внимателен, — это смысловая связка «простота/самобытность», он вряд

ли увидится издалека, сквозь века, для этого надо войти в историческую ткань, погрузиться микрофизику культуры средневековья. И там искать ответы. «В среде, где личное сознание было трагедией для любого, доросшего до него, но убежденного в его греховности и необходимости его подавления, простаки не испытывают угнетения от своей оригинальности» [33, с. 316]. Простакон в этом смысле, не испытывающим угнетения от своей оригинальности и даже о ней не подозревающим, оказывается Салимбене.

В связи с анализом средневековой автобиографии Бицилли ставит вопрос о базовых «биографических презумпциях» культуры, и его размышления могли бы существенно обогатить любой серьезный современный разговор об онтологии биографии. Эти презумпции, вычлененные им из разнообразного корпуса средневековых текстов, таковы: «недопустимо говорить о себе без настоящей необходимости», публично «хулить себя непристойно», «хвалить себя или порицать — все равно, что давать ложное показание: никто не судья самому себе» [33, с. 301]. Исключение возможно лишь в двух случаях: когда нельзя умолчать о себе без опасности подвергнуться бесчестию (Бозций) и когда пример собственной жизни может стать поучением для других (Августин). Еще одна презумпция высказана вне зависимости от исторического контекста: для того, чтобы говорить о себе, требуется, чтобы собственная личность считалась предметом, достойным внимания и самостоятельного изучения. И тогда каждая историческая эпоха предлагает свою собственную шкалу самозначимости персоны, где у средневековья будут почти минимальные показатели, во всяком случае, во внешнем плане выраженности:

это условие, по-видимому, отсутствовало вполне или отчасти для многих средневековых авторов, оставивших нам сведения о себе. Поэтому они и не дали автобиографий в подлинном смысле слова [33, с. 302].

Также онтологическая презумпция (универсалия культуры) «личное сознание» по степени проявленности в той или иной исторической эпохе оказывается разной. И здесь необходимо прислушаться к неявным указаниям ученого на то, что не стоит верить внешним признакам присутствия (или недостатка присутствия) личного сознания в той или иной эпохе, как, например, в средневековую эпоху, где, как кажется на первый взгляд, этот элемент проявлен достаточно слабо. Однако необходимо обладать исторической и культуроло-

гической чуткостью, которой Бицилли, несомненно, обладал, чтобы усматривать неявное, опосредованное, но достаточно сильное присутствие «личного сознания» и в эту эпоху.

Уроки исторической чуткости хорошо усвоили историки культуры последующей эпохи, в частности, Л.М. Баткин, который очень тонко продемонстрировал наличие «личного чувства» любви в средневековье, которое «прячется» от глаз наших современников в складках культурных матриц и опосредований [2]. Бицилли ищет сгущенное «личное сознание» в сплетениях средневековой писательской автобиографии, Л.М. Баткин в данном тексте — в сплетениях высокой любовной переписки.

Бицилли представляет виды средневековой автобиографии: писательская автобиография и автобиография в форме исповеди. Он ставит вопрос о влиянии исповеди на форму биографии.

Влияние исповеди на форму автобиографии сказалось еще в одном отношении: автобиографы говорят о себе в третьем лице. Таким образом, «Ichform», пользуясь удобным немецким выражением, — в средневековой биографии обусловлена ее происхождением и сама по себе, следовательно, нисколько не служит показателем степени самосознания. Как раз наиболее преисполненный самоуважения автор, Гиральд, — говорит о себе в третьем лице. Но он не пишет исповеди [33, с. 309].

Историк, которого современные исследователи называют мастером микроанализа, «метода мелких наблюдений», постижения микрофизики истории и культуры, снова призывает быть внимательным к деталям и неочевидностям: очевидно, что личное самосознания связано с я-формой (*Ichform*), а на практике эта очевидность переворачивается — наиболее сильные акты самосознания в средневековых текстах нередко выражаются в форме третьего лица. За ясной и четкой формулой «исповедь дает форму автобиографии» [33, с. 309] следует детальная, но не громоздкая дескрипция этого культурного формотворчества и формообразования, его ступеней. Исследователь пишет о выработке *склонности к самоизучению, воспитании необходимых приемов и навыков, составлении образцов самоисследования, руководств по индивидуализации каждого случая* (например, трактат Бернарда Клервальского (Клервосского) «*De interiore domo*»). Это то, что сегодня можно было бы назвать «практиками» и «хабитусами».

Но не только исповедь играет решающую роль в «выработке навыков самоисследования». Бицилли обращается и к средневековому

мистическому богопознанию, описывая на примерах (Руперт Дейцский, Гугон из аббатства св. Виктора, Бернард Клервальский) «духовный процесс» такого рода, данный тип «духовной дрессировки личности»: душа в «практических упражнениях» самоисследования и самопознания сосредотачивается на себе и познает Бога. При этом

слово *самопознание* имеет у мистиков другой смысл, чем у авторов руководств по покаянию. От кающегося требуется изучение своей *индивидуальной личности*, мистик познает не себя, а человека вообще... [33, с. 311].

И далее ученый добавляет — не только познавать, но и «осуществлять» понятие «человек», чтобы конкретная личность приблизилась к своему идеалу.

Снова здесь внимание к неочевидным и парадоксальным акцентам: в мистических практиках навык самоисследования непременно сопряжен с «умерщвлением плоти», но не в смысле самоистязания, а «искусственного притупления самой способности ощущать» [33, с. 311]. Мы же усилим этот акцент и поставим вопрос о специфике самоисследования и автобиографирования в культурных репертуарах разных эпох: прислушиваться к чувственному опыту, создавать рядом с автобиографией еще и «vita/zoi-графию» или притуплять «чувствилище»? Эта латентно присутствующая в тексте Бицилли дилемма персонифицирована у него фигурами св. Бернарда и фра Салимбене.

Бернард убил в себе самую способность ощущать. Его биограф рассказывал, как он постепенно освободился от власти восприятий. Постоянное упражнение в том, чтобы сделаться невосприимчивым к внешним раздражениям, стало для него привычкой, а привычка — натурой <...> Известно, как он целый день шел мимо Женевского озера и не заметил его [33, с. 312].

Св. Бернард умертвил в себе чувство любопытства, память его была занята другим. И рядом — Салимбене с противоположной стратегией: постоянно практиковать внешнее любопытство, любознательность, наблюдательность.

Громадный внутренний опыт, «автобиографические признания высокой ценности», которыми полны работы мистиков, достигаются высоким напряжением внутреннего внимания, удивительной способностью самососредоточения, придирчивым самоконтролем,

подчеркивает Бицилли и добавляет, что такие «автобиографические признания» вырываются из души помимо воли этих «тщательных судей и исследователей самого себя» [33, с. 312].

Точная и метафорически яркая фраза «автобиографические признания высокой ценности» произнесена ученым как бы в предчувствии термина, который вошел позднее в научный обиход — «духовная автобиография». Но если общераспространенный термин несколько рутинизируется и становится стереотипным, то у этой почти метафоры Бицилли гораздо больше шансов устоять у истоков невыразимого внутреннего опыта, где вопрос об отношениях «между словом и душою», «естественная потребность разобраться в пережитом и перечувствованном» [33, с. 312] — не академическая тема, а дело жизни. Между тем это пережитое — не что иное, как опыт высших экстазов, мгновений непосредственных касаний Бога, мгновений преходящих, после которых душа вновь возвращается к косной жизни. В связи с этим Бицилли пишет о появлении новой формы биографии, отдаляющейся от житий, и называет эту форму «опытом правдивой истории человеческой души» [33, с. 314]. Однако Бицилли ведет свое повествование так, чтобы у читателя не было соблазна «застрять» на полюсе персонологии, он все время возвращает нас к полюсу надындивидуального, «культурного фонда» эпохи. После рассказа о высших экстазах мистиков-гениев, он «заземляет» тему, подчеркивая, что индивидуализм отнюдь не был порождением мистики, а мистика — лишь одна из форм индивидуализма, рост которого объясняется «общим культурным подъемом» эпохи, общим «умственным движением», рождением гуманизма как нового направления.

В рамках ограниченной по объему публикации мы смогли коснуться лишь некоторых тем и сюжетов, методологических новаций «Салимбене», касающихся феномена автобиографии, от которых можно протянуть смысловые линии к современному биографическому повороту. Мы зафиксируем финальные принципиальные положения «неуместного отступления» о средневековой автобиографии.

«Чувство личности» (Selbstgefühl) этого периода пока еще не выходит за пределы готовности признать свои заслуги и достоинства, воздать самому себе хвалу за правильно выполненное житейское назначение. Его нельзя отождествлять с безусловным самоутверждением личности эпохи Возрождения. Человек XIII ст<олетия> мерит себя общепризнанной мерой и еще не обзавелся собственным аршином (курсив наш. — И.Г.) [33, с. 314].

В этом резюме целый букет терминов и метафор для автобиографического и аутопоэзисного лексикона.

Реконструкция целостной архитектоники универсума идей, концепций, интуиций П.М. Бицилли, касающихся феномена автобиографии, безусловно, требует тщательной дескрипции и аналитического объяснения исследовательского движения ученого от «неуместного отступления» о личном самосознании, *Selbstgefühl*, воплощенном в определенных типах автобиографии, до осознанного и хорошо артикулированного методологического кредо и даже «прославления» собственного метода «погружения в чужую психею»⁵.

Логически из всего вышеизложенного вытекает задача соотнесения методологических интуиций индивидуализации в «Салимбене...» со всем корпусом трудов П.М. Бицилли. Однако эта задача не может быть полноценно реализована в рамках одной статьи. В целом такая задача, обеспечивающая целостность, архитектурно-художественную завершенность рассматриваемой нами проблематики, уже в достаточной мере осуществлена в работах исследователей (см., например: [5]).

В заключение обратимся к статье болгарской исследовательницы Г. Петковой — единственной, насколько нам известно, тематизированной работе, в которой перекидывается мостик от «Салимбене» к более поздним сюжетам и героям — «Литературоведческий проект П.М. Бицилли: между Салимбене и Пушкиным (опыт реконструкции)» [20]. Не акцентируя специально внимания на феномене

⁵ Показательно в этом смысле обнаруженное нами в архиве Г.В. Флоровского, хранящемся в библиотеке Свято-Владимирской духовной семинарии (Крествуд, США), письмо П.М. Бицилли своему бывшему студенту от 17 ноября 1922 г. [см.: 7, с. 169–174]. Этот эпистолярный документ является по сути развернутой рецензией на магистерскую диссертацию Флоровского «Историческая философия Герцена», которую он первоначально хотел защитить в конце 1922 г. Бицилли собирался «непрерывно» выступить на диспуте и использовать эту трибуну «для прославления Вашего (NB и моего собств<енного>) метода интерпретации “текстов” при помощи “перемещения себя внутрь” их автора» и поговорить о том, «насколько это правильно и удобно не только для “философа”, но и для историка. Ведь в сущности вся моя книга <речь идет о готовящейся тогда к публикации книге “Очерки теории исторической науки”, изданной в 1925 г. — И.Г.> посвящена именно проблеме возможности — или невозможности *sich in den Geist der Zeiten zu versetzen* <перемещаться в дух времени, переноситься в дух былых столетий (нем.)>» [7, с. 172].

автобиографии, Г. Петкова подчеркивает главную и для нас мысль: в «Салимбене» Бицилли подходит «к идее индивидуальности, индивидуализации любого культурного феномена» [20]. По мысли исследовательницы,

постепенно Бицилли «переносит» свой метод анализа «особенностей формы» средневековых текстов на художественную литературу Нового времени, особенно заинтересовавшую ученого в годы эмиграции. Именно в литературоведческой практике Бицилли откладываются его медиевистские интуиции [20].

На наш взгляд, интуиции индивидуализации, представленные в «Салимбене», отражаются в более позднем творчестве ученого-гуманитария не только в отношении литературоведения, но и в его модели теории и методологии истории, исторической психологии и герменевтики.

Г. Петкова высказывает и более провокативную мысль об «иохи-митской субституции»:

Францисканский монах Салимбене «обменивается» на Пушкина, к творчеству которого Бицилли постоянно прибегает в эмиграции, и этим жестом разрубаются неразрешимые узлы: размышления о Пушкине составляют арматуру русской идеи, и «разгадать тайну Пушкина» означало бы «дать себе отчет о сущности русской культуры», по словам самого Бицилли [20].

Мысль спорная и касается острого для бициллиеведения вопроса о причинах и истоках трансформации научных интересов и дисциплинарных дрейфов историка по образованию. Этот вопрос стоит обсуждать отдельно и очень детально. Мне здесь важнее добавить некоторые акценты в тезис о символическом обмене Салимбене на Пушкина. Может быть, стоит говорить о взаимодополнительности, о мерцающем «сфумато» («биографическая» метафора Ю.М. Лотмана, когда одно просвечивает сквозь другое, один лик несет на себе отпечаток другого): сквозь Салимбене — Пушкин, сквозь Пушкина — Салимбене... И эта метафора становится когнитивно и эвристически плодотворной, на наш взгляд, именно в свете вариативности и инвариантности автобиографического опыта культуры.

Зачем же нам понадобилось обращаться к «поворотным» прозрениям М. Хайдеггера в работе, посвященной столь далекому от него гуманитария, да к тому же пишущему таким прозрачным, изящным

и легким слогом? Нам видится возможность через Kehre германского мастера, где «поворот» соединяется с опасностью-спасением, осмыслить феномен «неуместного отступления», рискованного для «цеховой науки» («цехового тупоумия», словами самого Бицилли) [7, с. 172], но чреватого выходом на открытый простор, содержащий «прозрение в то, что есть».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Анненкова И.В. Неизгнанная мысль. Филология П.М. Бицилли. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 148 с.
2. Баткин Л.М. Письма Элоизы к Абеляру. Личное чувство и его культурное опосредование // Человек и культура. Индивидуальность в истории культуры: сб. ст. / отв. ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 1990. С. 126–163.
3. Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
4. Валеvский А.Л. Основы биографии. Киев: Наукова думка, 1993. 111 с.
5. Васильева М.А. «Проблематика индивидуальности» в трудах П.М. Бицилли: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.
6. Галчева Т.Н., Голубович И.В. Забота о себе в опыте русской эмиграции (по материалам эпистолярного наследия П.М. Бицилли) // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры: Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015) / под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Ч. 1: Постоянство пребывания с собою. М.: Канон+, 2015. С. 83–98.
7. Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”»: П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. 320 с.
8. Голубович И.В. Биографический акт: на острие жизни и письма (соотношение нарративного и экзистенциального измерений) // Філософські пошуки. Львів; Одеса, 2004. Вип. XVII–XVIII. С. 588–597.
9. Голубович И.В. Биографический подход в современном гуманитарном знании: «двойная гуманитарность» и «любобное созерцание» // От бытия к бытию: грани творчества Галины Иванченко: Сб. науч. ст. и воспоминаний. М.: Высшая школа экономики, 2010. С. 336–350.
10. Голубович И.В. Биография как социокультурный феномен (философ-

- ско-методологический анализ): автореф. дис. ... докт. филос. наук. Одесса, 2009. 40 с.
11. Голубович И.В. Биография. Методология анализа в гуманитарном знании // Эпистемология и философия науки. 2012. № 3. С. 84–97.
 12. Голубович И.В. *Биография: силует на фоне Humanities* (методология анализа в социогуманитарном знании). Одесса: Фридман, 2008. 327 с.
 13. Голубович И.В. Основы теоретической биографистики: Учеб. пособие (для магистров философских факультетов). Одесса: Акватория, 2015. 120 с.
 14. Голубович И.В. П.М. Бицилли и Г.В. Флоровский о формах исторического истолкования // Гуманитарная наука в России и перелом 1917 года: экзистенциальное измерение / под. ред. О.А. Довгополовой и А.А. Каменских. СПб.: Алетейя, 2017. С. 193–206.
 15. Голубович И.В. П.М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // Curriculum Vitae. Одесса: О.С. Фридман, 2010. Вып. 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета / под ред. О.А. Довгополовой, И.В. Голубович и др. С. 183–194.
 16. Голубович И.В. «Ситуации», «повороты», «смерти» в языке описания современной культуры // VII Уйомовські читання. Матеріали наукових читань пам'яті Авеніра Уйомова / відп. ред. К.В. Райхерт. Одеса: Одеський національний університет імені І.І. Мечникова, 2019. С. 18–22.
 17. Голубович И.В., Попова Т.Н. Размышление на два голоса. Читаем книгу // ПЕРЕ-ПОСТ: Философский журнал. 2019. № 5. URL: <http://philosophy-multidimensionality.com/index.php/comp> (дата обращения: 15.04.2020).
 18. Ключев А.И., Свешников А.В. П.М. Бицилли и петербургская школа медиовистики. Вместо предисловия // Средние века. 2014. Т. 75, вып. 4. С. 387–394.
 19. Лотман Ю.М. *Биография — живое лицо* // Новый мир. 1985. № 2. С. 228–236.
 20. Петкова Г. Литературоведческий проект П.М. Бицилли: между Салимбене и Пушкиным (Опыт реконструкции) // *Бицилли П. Салимбене и Пушкин* / сост., предговор и бележки Г. Петкова. Варна: Электронно издателство LiterNet, 2004. URL: https://liternet.bg/publish10/gpetkova/proekt_ru.htm (дата обращения: 30.05.2020).
 21. Полонников А.А. «Иконический поворот»: образовательные стратегии и альтернативы // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 127–136.
 22. Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: М.А. Бондаренко, 2019. 372 с.

23. *Попова Т.Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: М.А. Бондаренко, 2017. 457 с.
24. *Рудман М.Н.* Л.П. Карсавин и П.М. Бицилли об историческом синтезе. London: Lambert Academic Publishing, 2011. 244 с.
25. *Сафрански Р.* Хайдеггер: германский мастер и его время / пер. с нем. Т.А. Баскаковой при участии В.А. Брун-Цехового; вступ. ст. В.В. Бибикина. М.: Молодая гвардия, 2002. 614 с.
26. *Щитцова Т.В.* К истокам экзистенциальной онтологии: Паскаль, Киркегор, Бахтин. Минск: И.П. Логвинов, 1999. 163 с.
27. *Щитцова Т.В.* Событие в философии Бахтина. Минск: И.П. Логвинов, 2002. 300 с.
28. *Комаров О.* Розчакловуючи Гайдегера. Що таке «поворот»? // *Філософська думка*. 2019. № 3. С. 77–91.
29. *Менжулін В.І.* Біографічний підхід в історико-філософському пізнанні: монографія. Київ: НАУКМА [Аграр Медіа Груп], 2010. 455 с.
30. *Попова Т.М.* Біцилли Петро Михайлович. 1879–1953 // *Одеські історики: Енциклопедичне видання*. Одеса: Друкарський дом, 2009. Т. 1. С. 49–52.
31. *The Linguistic turn. Essays in Philosophical Methods* / ed. and with inthrod. by R. Rorty. Chicago: Chicago University Press, 1967. 416 p.

Источники

32. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
33. *Бицилли П.М.* Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / сост. Ф.Б. Успенский; отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянской культуры, 2006. 808 с.
34. *Бицилли П.М.* Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века). Одесса, 1916. 389 с. (Зап. Имп. Новорос. ун-та, ист.-филол. ф-та; вып. 12).
35. *Гревс И.* Отзыв о книге П.М. Бицилли «Салимбене»: Очерк итальянской жизни XIII века. Одесса, 1916 / публ. А.И. Ключева и А.В. Свешникова // *Средние века*. 2014. Т. 75, вып. 4. С. 394–405.
36. *Данилов В.* Шпилька Хайдеггера. URL: <https://censura.ru/articles/kehre.htm> (дата обращения: 12.05.2020).
37. *Карсавин Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках (преимущественно в Италии). Пг.: Тип. «Научное дело», 1915. 360 с. (Зап. ист.-филол. ф-та Имп. Петрогр. ун-та).
38. *Лосев А.Ф.* Диоген Лаэртский и его метод // *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* / ред. тома и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев; пер. М.Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986. С. 3–54.

39. Пруст М. Против Сент-Бева: статьи и эссе / пер. с фр. Т.В. Чугунова. М.: ЧеРо, 1999. 222 с.
40. Флоровский Г.В. Метафизические предпосылки утопизма // Флоровский Г.В. Христианство и цивилизация: Избранные труды по богословию и философии / сост. И.И. Евлампиев. СПб.: РХГА, 2005. С. 197–228.
41. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. 445, [2] с.

REFERENCES

1. Annenkova, I.V. *Neizgnannaia mysl'. Filologiya P.M. Bitsilli* [Unexiled Thought. Philology of P.M. Bitsilli]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2011. 148 p. (In Russian)
2. Batkin, L.M. "Pis'ma Eloizy k Abeliaru. Lichnoe chuvstvo i ego kul'turnoe oposredovanie" ["Letters of Eloise to Abelard. Personal Feeling and its Cultural Mediation"]. Gurevich, A.Ia., editor. *Chelovek i kul'tura. Individual'nost' v istorii kul'tury* [Man and Culture. Individuality in the History of Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 126–163. (In Russian)
3. Birman, M.A. *P.M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo* [P.M. Bitsilli (1879–1953). Life and Work]. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 444 p. (In Russian)
4. Valevskii, A.L. *Osnovy biografiki* [Basics of Biography Theory]. Kiev, Naukovadumka Publ., 1993. 111 p. (In Russian)
5. Vasil'eva, M.A. "Problematika individual'nosti" v trudakh P.M. Bitsilli ["The Problems of Individuality" in the Works of P.M. Bitsilli]: PhD Thesis, Summary. Moscow, 2009. 25 p. (In Russian)
6. Galcheva, T.N., and I.V. Golubovich. "Zabota o sebe v opyte russkoi emigratsii (po materialam epistolarnogo naslediiia P.M. Bitsilli)" ["Self-Care in the Experience of Russian Emigration (Based on the Materials of the Epistolary Heritage of P.M. Bitsilli)"], ed. by M.A. Kozlova, V.G. Bezrogov. *My vse v zabote postoianno... Kontseptsiiia zaboty o sebe v istorii pedagogiki i kul'tury* [We Are All in Constant Care... The Concept of Self-Care in the History of Pedagogy and Culture], part 1. Moscow, Kanon+ Publ., 2015, pp. 83–98. (In Russian)
7. Galcheva, Tania N., and I.V. Golubovich. "Ponemnogu prispособliaiushch' k 'nezavisiaschim obstoiatel'stvam': P.M. Bitsilli i sem'ia Florovskikh v pervye gody emigratsii" ["Little by Little I Am Adapting Myself to the 'Circumstances beyond Control': P.M. Bitsilli and the Florovskii Family in the Early Years of Emigration]. Sofia, Solntse Publ., 2015, 320 p. (In Russian)
8. Golubovich, I.V. "Biograficheskii akt: na ostrie zhizni i pis'ma (sootnoshenie narrativnogo i ekzistsentsial'nogo izmerenii)" ["Biographical Act: on the Cutting Edge of Life and Writing (Correlation of Narrative and Existential Di-

- mensions)"]]. *Filosofs'ki poshuki* [Philosophical Searches], issue XVII–XVIII. Lviv, Odessa, 2004, pp. 588–597. (In Russian)
9. Golubovich, I.V. "Biograficheskii podkhod v sovremennom gumanitarnom znanii: 'dvoinaia gumanitarnost' i 'liubovnoe sozertsanie'" ["Biographical Approach in Modern Humanities: 'Double Humanitarianism' and 'Contemplation in Love'"]. *Ot sobytiia k bytiiu: grani tvorchestva Galiny Ivanchenko* [From Event to Being: the Aspects of Galina Ivanchenko's Work]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2010, pp. 336–350. (In Russian)
10. Golubovich, I.V. *Biografiia kak sotsiokul'turnyi fenomen (filosofsko-metodologicheskii analiz)* [Biography as a Sociocultural Phenomenon (Philosophical and Methodological Analysis)], DSc Thesis, Summary. Odessa, 2009. 40 p. (In Russian)
11. Golubovich, I.V. "Biografiia. Metodologiiia analiza v gumanitarnom znanii" ["Biography. Methodology of the Analysis in Humanitarian Knowledge"]. *Epistemologiiia i filosofiiia nauki*, no. 3, 2012, pp. 84–97. (In Russian)
12. Golubovich, I.V. *Biografiia: siluet na fone Humanities (metodologiiia analiza v sotsiogumanitarnom znanii)* [Biography: Silhouette on the Background of Humanities (Methodology of Analysis in Socio-Humanitarian Sciences)]. Odessa, Fridman Publ., 2008. 327 p. (In Russian)
13. Golubovich, I.V. *Osnovy teoreticheskoi biografistiki* [Basics of the Theory of Biography]. Odessa, Akvatoriia Publ., 2015. 120 p. (In Russian)
14. Golubovich, I.V. "P.M. Bitsilli i G.V. Florovskii o formakh istoricheskogo istolkovaniia" ["P.M. Bitsilli and G.V. Florovsky on the Forms of Historical Interpretation"], ed. by O.A. Dovgoplova, A.A. Kamenskikh. *Gumanitarnaia nauka v Rossii i perelom 1917 goda: ekzistentsial'noe izmerenie* [Humanities in Russia and the Turning Point of 1917: the Existential Dimension]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2017, pp. 193–206. (In Russian)
15. Golubovich, I.V. "P.M. Bitsilli o fenomene avtobiografii i 'biograficheskii povorot' v sovremennoi gumanitaristike" ["P.M. Bitsilli on the Phenomenon of Autobiography and the 'Biographical Turn' in Modern Humanities"]. *Curriculum Vitae*, issue 2: Tvorchestvo P.M. Bitsilli i fenomen gumanitarnoi traditsii Odesskogo universiteta [Work of P.M. Bitsilli and the Phenomenon of the Humanitarian Tradition of Odessa University], ed. by O.A. Dovgoplova, I.V. Golubovich et al. Odessa, O.S. Fridman Publ., 2010. pp. 183–194. (In Russian)
16. Golubovich, I.V. ""Situatsii", 'povoroty', 'smerti' v iazyke opisaniia sovremennoi kul'tury" ["Situations', 'Turns', 'Deaths' in the Language of the Description of Modern Culture"]. *VII Uiomovs'ki chitannia. Materiali naukovikh chitan' pam'iaty Aveniru Uiomova* [7th Uiomovsky Readings. Materials of Scientific Readings in Memory of Avenir Uiomov], ed. by K.V. Reichert. Odessa, I.I. Mechnikov Odessa National University Publ., 2019, pp. 18–22. (In Russian)

17. Golubovich, I.V., and T.N. Popova. "Razmyshlenie na dva golosa. Chitaem knigu" ["Thinking in Two Voices. Reading the Book"]. *PERE-POST: Filosofskii zhurnal*, no. 5, 2019. Available at: <http://philosophy-multidimensionality.com/index.php/comp> (Accessed 15 April 2020). (In Russian)
18. Kliuev, A.I., and A.V. Sveshnikov. "P.M. Bitsilli i peterburgskaia shkola medievistiki. Vmesto predisloviia" ["P.M. Bitsilli and the St. Petersburg School of Medieval Studies. Instead of the Foreword"]. *Srednie veka*, vol. 75, issue 4, 2014, pp. 387–394. (In Russian)
19. Lotman, Iu.M. "Biografiia — zhivoe litso" ["Biography — a Living Face"]. *Novyi mir*, no. 2, 1985, pp. 228–236. (In Russian)
20. Petkova, Galina. "Literaturovedcheskii proekt P.M. Bitsilli: mezhdu Salimbene i Pushkinym (Opyt rekonstruktsii)" ["Literary Project of P.M. Bitsilli: Between Salimbene and Pushkin (A Reconstruction Experience)"]. Bitsilli, P. *Salimbene i Pushkin [Salimbene and Pushkin]*. Varna, LiterNet Publ., 2004. Available at: http://litenet.bg/publish/O/gpetkova/proekt_ru.htm (Accessed 30 May 2020). (In Russian)
21. Polonnikov, A.A. "'Ikonicheski povorot': obrazovatel'nye strategii i al'ternativy" ["'The Iconic Turn': Educational Strategies and Alternatives"]. *Vysshie obrazovanie v Rossii*, no. 6, 2013, pp. 127–136. (In Russian)
22. Popova, T.N. *Distsiplinaryi obraz nauki: podkhody i poniatiia [Disciplinary Image of Science: Approaches and Concepts]*. Odessa, M.A. Bondarenko Publ., 2019. 372 p. (In Russian)
23. Popova, T.N. *Zhizneopisanie uchenogo-istorika na perekrestke istoriograficheskikh traditsii. Teoriia. Metodologiya. Praktika [Biography of a Historian at the Crossroads of Historiographical Traditions. Theory. Methodology. Practice]*. Odessa, M.A. Bondarenko Publ., 2017. 457 p. (In Russian)
24. Rudman, M.N. *L.P. Karsavin i P.M. Bitsilli ob istoricheskom sinteze [L.P. Karsavin and P.M. Bitsilli on Historical Synthesis]*. London, Lambert Academic Publishing, 2011. 244 p. (In Russian)
25. Safranski, Rüdiger. *Heidegger: germanskii master i ego vremia [Heidegger: German Master and his Time]*, transl. from German by T.A. Baskakova with the participation of V.A. Brun-Tsekhovoy, introd. by V.V. Bibikhin. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2002. 614 p. (In Russian)
26. Shchittsova, T.V. *K istokam ekzistentsial'noi ontologii: Paskal', Kirkegor, Bakhtin [To the Origins of Existential Ontology: Pascal, Kierkegaard, Bakhtin]*. Minsk, I.P. Logvinov Publ., 1999. 163 p. (In Russian)
27. Shchittsova, T.V. *Sobytie v filosofii Bakhtina [Event in the Bakhtin's Philosophy]*. Minsk: I.P. Logvinov Publ., 2002. 300 p. (In Russian)
28. Komarov, O. "Rozchaklovuiuchy Heideggera. Shcho take 'povorot'?" ["Dis-

- enchanting of Heidegger. What is a “Turn?”]. *Filosofs'ka dumka*, no. 3, 2019, pp. 77–91. (In Ukrainian)
29. Menzhulin, V.I. *Biografichnyi pidkhid v istoryko-filosofs'komu piznanni* [Biographical Approach in the History of Philosophy]. Kyiv, NaUKMA [Agrar Media Grup] Publ., 2010. 455 p. (In Ukrainian)
30. Popova, T.M. “Bitsilli Petro Mykhailovych. 1879–1953” [“Bitsilli Piotr Mikhailovich. 1879–1953”]. *Odes'ki istoryky: Encyklopedychne vydannia* [Odessa Historians: Encyclopedic Edition], vol. 1. Odessa, Drukars'kyi dom Publ., 2009, pp. 49–52. (In Ukrainian)
31. Rorty, Richard, editor. *The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Methods*. Chicago, Chicago University Press Publ., 1967. 416 p. (In English)

Дата поступления статьи: 12 августа 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 14 сентября 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 12 August 2021

Approved after reviewing: September 14, 2022

Date of publication: December 26, 2024

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-316-331>

<https://elibrary.ru/YYNJXO>

П.М. БИЦИЛЛИ И СОЦИАЛИЗМ: ОТ «ОСНОВ СОЦИАЛИЗМА» (ОДЕССА, 1917) ДО «ИСТОРИЯ НА СОЦИАЛИЗМА» (СОФИЯ, 1952)

© 2024 г. Т.Н. Галчева

Аннотация: Статья посвящена диахроническому анализу взглядов П.М. Бицилли на проблему истории возникновения социалистической доктрины. Основное содержание с точки зрения изучаемой темы составляет разбор учебников и учебных пособий, созданных историком на протяжении 1917–1952 гг. Используются неопубликованные архивные источники. Утверждается, что интерес П.М. Бицилли к теоретическому осмыслению социалистического движения не был спровоцирован изменениями политической конъюнктуры, а являлся одним из устойчивых познавательных приоритетов на протяжении всей творческой жизни ученого. Выявляются общие характеристики выработанной модели социалистического учения в разных работах историка, систематизируются изменения в его взглядах, анализируются обстоятельства и причины зафиксированных трансформаций.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, история социализма, учебники, история русской эмиграции в Болгарии.

Информация об авторе: Таня Неделчева Галчева — независимый исследователь, г. София, Болгария.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-8684-6626>

E-mail: tanyagalcheva@gmail.com

Для цитирования: Галчева Т.Н. П.М. Бицилли и социализм: от «Основ социализма» (Одесса, 1917) до «История на социализма» (София, 1952) // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная

наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 316–331.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-316-331>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

PIOTR BITSILLI AND SOCIALISM: FROM “THE FOUNDATIONS OF SOCIALISM” (ODESSA, 1917) TO “THE HISTORY OF SOCIALISM” (SOFIA, 1952)

© 2024. Tania N. Galcheva

Abstract: The paper is devoted the concept of socialism in the intellectual heritage of professor Piotr M. Bitsilli (1879–1953). The study is an attempt to reconstruct the changes in his personal scholarly thinking due to historical cataclysmic events of the 20th century. Special attention is paid to the differences in the position of Bitsilli in the period of his emigration in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (1920–1924) and Bulgaria (1924–1953). Based on some unpublished archival materials, as well as on the textbooks written by the historian, the article speaks on the necessity to comprehensively investigate the voluminous and diverse heritage of Piotr Bitsilli.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, history of socialism, textbooks, the history of Russian emigration in Bulgaria.

Information about the author: Tania N. Galcheva, Independent Researcher, 1504 Sofia, Bulgaria.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-8684-6626>

E-mail: tanyagalcheva@gmail.com

For citation: Galcheva, Tania N. “Piotr Bitsilli and Socialism: from ‘Foundations of Socialism’ (Odessa, 1917) to ‘History of Socialism’ (Sofia, 1952).” *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia

Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 316–331. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-316-331>

...У каждого общества должна быть своя духовная аристократия, —
иначе оно выродится и одичает.

П.М. Бицилли. Основы Социализма

Вопрос о том, какое место в биографии и научном наследии П.М. Бицилли занимала проблема теории и практики социализма, насколько мне известно, до сих пор не являлся объектом самостоятельного исследования, за исключением доклада болгарского историка Аси Атанасовой: «Взгляды П.М. Бицилли на социализм», прочитанного в 2015 г. [3]. Отдельные упоминания о присутствии данной темы, равно как и указания на то, что в статье «Основы социализма» можно обнаружить профетические высказывания, встречаются в работах всех основоположников «бициллиеведения»: Б.С. Кагановича, Т.Н. Поповой, М.А. Васильевой, М.А. Бирмана. Причины отсутствия такого интереса могут быть обоснованы разными соображениями: от определенной конъюнктурной неактуальности темы до нехватки источникового материала, учитывая факт, что последняя рукопись ученого до сих пор осталась неопубликованной.

Отчасти этому способствовал и сам профессор П.М. Бицилли, который в одном из немногих сохранившихся эго-документов подчеркнул, что «в общественно-политической деятельности принимал лишь слабое участие, будучи поглощен преподавательской и научной деятельностью» [7, с. 134]. За последние 30 лет эта цитата повторялась не раз в книгах и статьях и обрела тем самым некую заранее заданную форму отказа от углубленного изучения имеющихся ресурсов.

На мой взгляд, необходимость сосредоточить внимание на этой теме обусловлена, по крайней мере, двумя факторами. Во-первых, ее многолетним присутствием в научном наследии автора; во-вторых, ее важностью в качестве полезной модели. Она служит своего рода индикатором основного недостатка современной рецепции творчества Бицилли, особенно в контексте асимметричного интереса к построению матрицы жизненного пути ученого, а именно: гипостазирование процесса периодизации биографии, фрагментарное рас-

пределение его работ по полкам тех лет и тех языков, на которых они были написаны.

В соответствии с предыдущим пунктом возникает также необходимость обговорить следующее ограничение. В настоящей статье в качестве исходного материала для конструирования герменевтической парадигмы используются исключительно научно-образовательные тексты проф. П.М. Бицилли. Это документы разного жанра (за исключением авторских отступлений в виде эго-заметок, включенных в канву источникового материала) — такие, как письма, автобиографические заметки, а также свидетельства другого порядка (устные воспоминания родственников и знакомых лиц) — привлекаются только в той степени, в которой они необходимы для уточнения фактов.

Одним из первых вызывающих упоминаний о социализме в трудах П.М. Бицилли является вполне невинное, даже на первый взгляд случайно брошенное в «Салимбене» утверждение о том, что не следует считать дерзостью сравнение йоахимизма с «научным социализмом» Карла Маркса [6, с. 46]. Следующие соображения, однако, опровергают предположение о том, что молодой исследователь чрезмерно увлекся фигурой аллегорического сопоставления. Во-первых, словосочетание «научный социализм» заключено в кавычки. Во-вторых, включение фразы, в которой содержится своего рода авторская игра с будущим читателем, в текст магистерской диссертации требует не только стилистической храбрости, но и показывает известную готовность далее расширять и обосновывать позицию в ходе ожидаемой, даже провоцируемой автором полемики. В-третьих, из контекста сравнения формируется оценка автора, которая послужит основанием для его последующей самостоятельной работы, посвященной истории социализма: признание, что социализм как теория сыграл важную роль в создании историографии XIX в. Отметим, что в «Салимбене» ученый осторожно выбирает слова: понятие «теория» по отношению к разбираемой идее сопровождается предупреждением, что любое уموпостроение включает элемент предвзятости и для его проверки следует применять не критерий «верности / неверности», а эталон «эластичности / окаменелости».

Очевидно, что тема о «могучем течении» стоит особняком в области интересов автора, сосредоточенных в основном на средневековой культуре. На сегодняшний день трудно с точностью проследить историю написания лекции «Основы социализма» [4]. Я бы, однако, рискнула выдвинуть предположение, что она создавалась для определенной целевой аудитории. 15 октября 1917 г. в Одессе был

открыт Народный университет. Накануне этого события, 1 августа 1917 г., состоялось заседание историко-филологической секции нового образовательного учреждения. Чуть ли не первым результатом работы этого академического собрания стало принятие единогласного решения «кооптировать П.М. Бицилли, утерявшего свое право на мандат от партии социалистов-революционеров» [8, с. 90]. Сразу после полноправного восстановления в составе участников новой структуры, историк вступил в полемику со своим коллегой К.Б. Бархиным о содержании программы занятий будущего просветительского центра. В протоколе¹ было зафиксировано четкое указание проф. Бицилли, что

целью Университета является углубление знания современных исторических явлений у слушателей, каковое может быть достигнуто лишь систематическими курсами [5, с. 90].

Если «Основы социализма» рассматривать как пропедевтическое изложение темы, то отчасти это снимает проблему предвзятости выдвинутого предположения о формальном поводе создания этой работы. Найти аргументы несложно: в исследовании, составленном согласно требованиям научного изложения, отсутствует четкое историографическое освещение постановки вопроса в существующей к тому моменту литературе; временами публицистический пафос пронизывает стремящееся к дидактически-нравоучительному балансу повествование.

По своим стилистическим особенностям, однако, эта работа полностью принадлежит к специфическому канону учебного нарратива, созданного П.М. Бицилли в годы эмиграции, когда приходилось знакомить читателей и слушателей с темами, по которым невозможно было найти справочную литературу, а профессор университета должен был продуцировать текст исключительно «из ума своего».

Вместе с тем растяжение жанровых границ конвенционального систематического изложения позволяет автору расставить акценты по своей воле и добиться новизны цельной интерпретации. В ней логически выделяются следующие элементы:

1. Социализм рассматривается как общественный идеал современности, включающий в себя элемент веры.
2. Несмотря на различия в концепциях разных представите-

¹ Выражаю свою глубокую благодарность В.В. Левченко за предоставление этих материалов — изданной в Одессе книги и копии самого цитируемого документа.

лей этого учения, их объединяет одна цель: добиться справедливого распределения благ и реализовать идею общества как режима мирного общения людей.

3. Оценка осуществимости этого «справедливейшего из всех возможных» режима показывает, что социализм далеко не законченная доктрина.

Научная ценность теории К. Маркса, согласно проф. П.М. Бицилли, не в том, что она является принципиально новым взлетом общественно-политической мысли. Корни этого учения уходят в концепцию А. Сен-Симона о классовой борьбе как основной детерминанте исторического процесса; в сформулированную впервые Ш. Фурье модель концентрации капитала и «оскудения» пролетариата; даже представление о труде как факторе, создающем ценность, возникло в результате усилий английских экономистов. В заслугу К. Марксу и Ф. Энгельсу историк ставит «простую как всякое гениальное открытие» мысль, что будущее социализма не в «буржуазных салонах», а в рабочих кварталах; его преобразующая сила развивается тогда, когда созданная интеллигенцией доктрина превращается в идеологию пролетариата.

Скепсис по поводу сроков и этапов развития этого процесса Бицилли не раз выразил и повторил в своем труде: условные конструкции вроде «если» и «когда-либо осуществится» сопровождают любую проекцию картин будущего общества, обрисованных в трудах основоположников «научного социализма». Самое наглядное подтверждение, что «жизнь оказывается сложнее теории Маркса и Энгельса» [4, с. 288], историк обнаруживает в области, близкой ему самому. Заданный Бицилли вопрос «как расценивать умственный труд» не только не находит ответа в рассматриваемой схеме, ищущей соответствия между приложенными усилиями и созданным продуктом, но, боюсь, остается риторическим и по сей день.

Наперекор всем сомнениям и несогласиям, и вопреки даже своей тренированной наблюдательности и выработанной исторической интуиции, Бицилли поддается искушению представить возможные пути к морально обоснованному идеалу социализма. Наиболее вероятный из них (соопровождаемый неизменно трудностями) — «поставить людей в условия, которые позволили бы всем стать истинно-культурными людьми» [4, с. 283]. Тоска по независимой, обеспеченной отдельными фондами, автономной культуре побуждает автора искать наиболее подходящий выход и таким представляется открытый доступ для всех и для каждого к разным степеням образования.

Как бы ни была заманчива вероятность запустить на черный экран будущего счастливый сценарий осуществленного идеала, Би-

цилли уходит от риска попасть в собственную ловушку: одной вере противопоставить другую. Историческое чутье подсказывает ему, что, если религия социализма овладеет «тем классом, который более всех страдает от капитализма, — пролетариатом», до того как руками верующих будет сотворено социалистическое царство правды, «социальная революция будет сопровождаться неминуемой “переоценкой ценностей”, в том числе и “культурных ценностей”» [4, с. 284]. «Основы социализма» также выдвигают гипотезу, что «экспроприация экспроприаторов» может выродиться в спорадические грабежи и насилия и завершиться расхищением общественного достояния. Профетический вопрос о наступлении «сумерек цивилизации» и нового средневековья, заданный Бицилли в конце первой его самостоятельной работы о социализме, остался без ответа почти до середины 1920 х гг., когда уже в эмиграции, на сербском и болгарском языках ученый будет вспоминать о пережитом (см.: [9; 10]).

До этого, однако, еще в двух работах 1919 г. — «Падение Римской Империи» и «Элементы средневековой культуры» — Бицилли повторит тезис о параллелях между христианством и социализмом. В обеих подчеркивается, что социализм базируется целиком на христианской философии истории и ее учении о прогрессе. В «Элементах...» автор даже заостряет внимание на духе догматизма, которым питается и на котором держится самый значимый в ту пору общественный идеал. С предельной краткостью сформулирован и вывод, пространно аргументированный в «Основах...»: идея личного совершенства в христианстве занимает центральное место и является предусловием для идеального общественного состояния, тогда как в социализме она является следствием установления наилучшего социального строя.

Как известно, семья Бицилли покинула Одессу в спешке, эмиграция не была результатом тщательно обдуманного решения. Нет сомнений, однако, что к концу 1919 г. проф. Бицилли не питал иллюзий относительно природы советской власти, ожидал введения в действие нового порядка и знал, что перед неизбежностью некоторой «убыли» культуры, которая в истории всегда сопутствует замене господства одного класса господством другого, «остается только преклониться» [4, с. 284].

На протяжении трех лет — с 1920 по 1923 гг., — в условиях неясных перспектив с трудоустройством и сохранением академического статуса², Бицилли работает над двумя изданиями, вышедши-

² Формально в первые годы эмиграции П.М. Бицилли удалось сохранить свой

ми соответственно на сербском и русском языках — в Белграде и в Праге. Первое наглядно демонстрирует особенность авторского почерка: «билингвизм» ученого обладает своими собственными измерениями: однажды высказанные идеи не повторяются как заклинание, не переносятся механически при переводе с родного языка на иностранный язык соответствующего государства — они изменяются в зависимости от уровня восприятия рецепиента, абсорбируют накопленный опыт и поддаются интерпретации.

В «Очерках теории исторической науки» (Прага, 1925) вопрос о социализме как бы выходит за рамки исторической концепции, в некотором отношении отсутствие комментария к этой теме уже является знаком того, что в научной парадигме нет места для названного теоретического построения. Настоящее предположение зиждется и на кратком, как приговор, утверждении автора:

Социализм — неотразимо действующий на массы, не может считаться религией и философией духовно первенствующих представителей культуры нашего века [5, с. 77].

Более обстоятельно учение о социализме рассматривается в написанном на сербском языке сочинении «Введение во всемирную историю» (1923) [10]. Этот факт не удивляет: согласно признаниям самого П.М. Бицилли, издание предназначалось для решения проблем педагогического характера, и его следует отнести к категории учебных нарративов. Не будем останавливаться на неизбежных повторях в процессе освещения истории возникновения и развития темы, в ее историографическом описании. Отметим, однако, те новые элементы, которые автор посчитал нужным внести:

1. Идеиное банкротство социализма оказалось неизбежным; Европа потеряла свою последнюю религию из-за противоречия между личным интересом и общественным идеалом [10, с. 193].

2. Личность Маркса детерминирована родовой принадлежностью: в теории этого «религиозного типажа» воплощена семитская

академический статус, будучи преподавателем на философском факультете Белградского университета в городе Скопье. Трудности, однако, возникали постоянно, о чем свидетельствует письмо С.М. Кульбакина председателю Государственной комиссии по делам русских беженцев в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, профессору Белградского университета А. Беличу: «Бицилли <...> не может получить экстраординарного профессора. Впрочем, дело не в звании: он не получает, как русские гонимые профессора в Белграде, 6 тысяч динар основного оклада, а получает 4,8 тысяч динар» (цит. по: [2, с. 323]).

ментальность истинного пророка, религиозного предводителя; фигура таких поклонников абсолютной истины изобилует среди «семитской расы» [10, с. 185].

3. Основным проявлением классового сознания пролетариата является ненависть к любым формам буржуазного общества, в том числе — к буржуазной культуре.

4. Не следует забывать, что на начальном этапе распространения коммунистических идей Маркс объявлялся противником любой революционной деятельности, однако в переходном периоде диктатуры пролетариата не отрицал возможности террора и допускал отдельные случаи физического уничтожения представителей буржуазии.

5. Марксисты считают себя безоговорочными атеистами, но корни этого убеждения уходят в практику, а не в теорию «научного социализма». Христианская вера в Царство Божие является препятствием перед разрастанием числа поклонников нового социального идеала, поскольку человек, ожидающий награду на небесах, не беспокоится о том, как ему жить на земле.

В 1924 г. проф. П.М. Бицилли начал преподавать в Софийском университете на отделении историко-филологического факультета. По тем же причинам, по которым было подготовлено сербское издание, через три года после переезда в Болгарию, в Софии была опубликована работа «Введение в изучение новой и новейшей истории» [9]. Написанная на русском языке, но изданная в переводе на болгарский, она, к огромному моему изумлению, не привлекла внимания как современников, так и нынешних исследователей, на нее не отреагировало ни болгарское научное сообщество того времени (автор единственной опубликованной рецензии, болгарский философ Янко Янев, защитивший диссертацию в Германии, был в эти годы чиновником в Министерстве народного просвещения), ни международное содружество «бициллиеведов». В этой книге, предназначенной в основном для студентов, автор четко формулирует свою концепцию реконструкции исторического развития — путем периодизации истории культуры и истории социально-политических систем. В соответствии с этим пониманием вопрос об оценке социализма присутствует в двух разделах названного сочинения.

Как идейное течение социализм, согласно взглядам Бицилли в 1927 г., является компиляцией доведенных до крайности, упрощенных выводов из науки и философии XVIII – начала XIX вв. Социализм может привлечь внимание историков единственно тем, что является доказательством кризиса современной культуры. Отвергая

буржуазное искусство, заменяя его «пролетарским», представители этого направления не объясняют суть новых задач не только в области литературы, но даже науки.

Более подробно Бицилли рассматривает вопрос о социализме с точки зрения социально-политической мировой истории. Именно в этом разделе можно заметить и некоторую эволюцию во взглядах историка по сравнению с исследованием 1919 г. («одесского периода»). С предельной откровенностью автор делится своими размышлениями о том, что следует воспринимать социализм как интеллигентскую теорию, в которой проявлены основные мировоззренческие позиции людей, принадлежавших к этому социальному слою: оторванность от реальной жизни и «мечтательный историко-философский утопизм» [9, с. 229].

Если в 1917 г. ученый считал, что превращение социализма в пролетарскую идеологию является гениальным открытием Маркса, то десять лет спустя он уже был готов к анализу свершившегося общественного перелома: распространение названной идеологии среди рабочих выродилось в диктатуру пролетариата и в попытку перестроить общественную иерархию в пользу этого социального сословия. В своем «Введении...» П.М. Бицилли впервые анализирует — без замалчивания и полутонов — историю России после революции 1917 г. и попытку установления «справедливейшего из всех возможных режимов» [4, с. 282].

Власть коммунистической партии, ее утверждение в качестве правящего субъекта, замечает историк, стало возможным благодаря разным формам террора (слово «террор» в книге выделено разрядкой). Захват государственного аппарата позволил новому правящему классу «учредить незапамятный в истории культурного человечества олигархический деспотизм» [9, с. 253–254]. На месте закона был введен революционный принцип целесообразности, что привело к полному разрыву со всеми нормами совести и морали. Пройдя через собственный индивидуальный опыт, Бицилли выразил — категорически и без самоцензуры — свою резкую оценку исторических событий.

Вопрос о социализме занимает центральное место в понимании того перелома, который произошел в судьбе ученого в последние годы академической карьеры и после ее завершения — вплоть до конца его жизненного пути. Особенно следует отметить, что с точки зрения количественных показателей, этот отрезок времени — с середины 1940 х гг. до 1952 г. — можно назвать периодом самой высокой творческой концентрации в биографии П.М. Бицилли.

Не считая филологических сочинений, в эти годы им было написано три большие работы на исторические темы. В 1947 г. была опубликована только первая из них, а именно — монография «История России. С начала XIX века до второй революции 1917 г. Внутренняя политика и общественные движения», написанная на болгарском языке. Две другие — «Факторы русской истории нового времени» и «История на социализма» («История социализма») — остались в рукописи и начали обрывать различными предположениями, порой совершенно фантастическими.

При попытке реконструкции последних семи лет жизни П.М. Бицилли нужно учитывать некоторые особенности среды, в которой оказался ученый.

Государственный переворот 1944 г. не изменил разом политическую систему Болгарии — почти до конца 1946 г. страна конституционно оставалась монархией. Одним из регентов несовершеннолетнего царя был профессор Венелин Ганев — основатель философско-социологического общества, в котором профессор Бицилли участвовал до конца его существования (май 1947 г.). В сохранившихся протоколах заседаний зафиксирована информация о том, что 22 апреля 1945 г. историк прочитал доклад на тему «Безработица согласно новейшим исследованиям»³. В октябре 1947 г. проф. Венелин Ганев был уволен из Софийского университета и сослан в поселок Дряново. К тому времени профессору Бицилли дважды было отказано в получении советского подданства. 10 января 1948 г. историк пишет подробную автобиографию в дополнение к заявлению, направленному в третий раз в дипмиссию СССР в Болгарии. В этом документе разительно выделяются следующие признания:

...ужасы фашизма ясно показали, что только Советский Союз является мировым оплотом в борьбе с рецидивом варварства <...> ... живой контакт с советскими людьми показал мне огромные успехи, достигнутые Советским Союзом не только в области материальной культуры, но и в том, что важнее всего — в создании нового типа человека, гражданина нового, социалистического общества [1, с. 154].

Для людей нашего поколения эти слова могут сойти за лозунги коммунистической эпохи... В разных вариантах, однако, они повторяются во всех трех указанных выше последних исторических работах Бицилли.

³ Университетски архив на НБУ. Ф. 12. Выражаю признательность доктору Александре Трифионовой (НБУ, София) за возможность ознакомиться с содержанием этих протоколов.

Я не буду останавливаться на рукописи, выложенной в Интернете под названием «У истоков русской общественной мысли». Отмечу только, что согласно утверждению ее публикатора, она осуществлена по машинописной копии. Отсутствуют какие-либо конкретные данные о происхождении использованного экземпляра, авторство П.М. Бицилли принято безоговорочно, не рассмотрена гипотеза о возможном редакторском вмешательстве, в том числе и в названии сочинения. На мой взгляд, на данном этапе существует немало вопросов вокруг появления машинописных экземпляров рукописи, созданной Бицилли в 1948 г. на родном языке и отправленной во Францию для опубликования в переводе на французский. Есть обоснованные предположения, что Н.Л. Гурфинкель, переводившая этот текст, осуществила правку оригинала, которая и нашла отражение в машинописном экземпляре. Впрочем, весьма отраднo, что авторский оригинал не пропал бесследно. В семейном архиве П.М. Бицилли хранится рукопись под названием «Факторы русской истории нового времени» — она была возвращена дочери П.М. Бицилли в 1983 г. Считаю, что, до тех пор пока не опубликован верифицированный текст этого сочинения, как и переписка П.М. Бицилли с Н.Л. Гурфинкель, не следует спешить с анализом, опирающимся на публикацию в Сети.

Немало вопросов и вокруг последней работы, о которой до сих пор было известно только, что она написана на болгарском языке и называется «История на социализма». Некоторые исследователи относят ее создание к 1946–1948 гг.

Почти 30 лет тому назад я своими глазами видела эту рукопись один раз в доме А.П. Мещерского, зятя профессора П.М. Бицилли и автора первой «Биобиблиографии» ученого. Последние счастливые для меня годы, когда я имела возможность близко общаться с дочерью А.П. Мещерского и всегда получать своевременный ответ на многочисленные вопросы, укрепили мое предположение, что работу следует считать пропавшей. Несколько месяцев тому назад, однако, судьба мне улыбнулась, и я нашла машинопись с рукописными поправками, принадлежащими П.М. Бицилли, объемом 110 машинописных страниц под названием «История на социализма. Социалистически теории и общественни движения». Рукой А.П. Мещерского сверху помечено, что данную машинопись следует датировать 1951–1952 гг., а согласно одной из стенограмм разговоров с ним⁴, публикация задумывалась в софийском издательстве Тодора Чипева, но не осуществилась по причине его ликвидации.

⁴ Собрание автора данной статьи.

В последнем фундаментальном исследовании П.М. Бицилли история социализма систематизирована в пятнадцати разделах, хронологически рассматривающих элементы данной идеологии в разных философских учениях, начиная с теории государства Платона и заканчивая доктриной В.И. Ленина. Постараюсь представить только самые важные пункты, в которых мы видим новые положения или, напротив, — резкие расхождения с позицией Бицилли в его предыдущих работах.

1. В поле исторической науки и философии истории Маркс и Энгельс произвели настоящую революцию, поскольку обосновали огромную роль экономического фактора в становлении общества.

2. Октябрьская революция 1917 г. имеет эпохальное значение в истории Европы. Пример России служит доказательством того, что коренное переустройство общества не является утопией.

3. В сознании европейской интеллектуальной элиты произошел огромный переворот, и пролетарский социализм уже превратился в идеологию этого социального слоя.

4. Моральный престиж СССР, выработанный во время войны с гитлеровской коалицией, способствует к усилению коммунистических тенденций в Европе.

Рукопись П.М. Бицилли об истории социализма свидетельствует о том, что в последние годы жизни ученому пришлось на своем опыте испытать мучительный синтез истории и обосновать его. Мы с позиции современников последующего политического переворота, начавшегося 30 лет тому назад, могли бы счесть ошибкой некоторые выводы, сформулированные мыслителем в его заключительном труде. Нельзя, однако, отрицать одно из предсказаний профессора П.М. Бицилли: социализм действительно оказался «эластичной» теорией. Непростая судьба этого замечательного знатока средневековья является самым веским аргументом в пользу подобного утверждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Левченко В.В., Попова Т.Н. П.М. Бицилли: новые архивные материалы (к 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения: сб. науч. ст. и материалов. Брянск: Ладомир, 2014. Вып. 16. С. 148–157.
2. Пуятин В.С. Филолог-славист С.М. Кульбакин и другие российские

профессора Философского факультета в Скопье в 20–30-е годы XX в. // Столетие двух эмиграций. 1919–2019: сб. ст. Москва; Белград: Ин-т славяноведения РАН; Информатика, 2019. С. 311–332. DOI: 10.31168/0433-6.17

3. Атанасова А. Възгледите на Пьотр Бицилли за социализма // Четвърта национална конференция «Пътуване към България». България в европейската култура, наука, образование, религия. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2015. Т. 2. С. 135–145.

Источники

4. Бицилли П.М. Основы социализма // Исторически преглед. 2008. № 1–2. С. 264–295.
5. Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Пламя, 1925. 340 с.
6. Бицилли П.М. Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века). Одесса, 1916. 389 с. (Зап. Имп. Новорос. ун-та, ист.-филол. ф-та; вып. 12).
7. Бицилли П.М. Статьи: История. Культура. Литература / вступ. ст. В.А. Туниманова // Русская литература. 1990. № 2. С. 134–154.
8. Протокол заседания историко-филологической секции Одесского народного университета от 1 августа 1917 г. // Научное наследие Н.Н. Ланге в университетской библиотеке. Одесса: Астропринт, 2010. С. 90–92.
9. Бицилли П. Увод в изучаването на новата и най-новата история (опит за периодизация). София: Печатница «Художник», 1927. 344 с.
10. Бицилли П. Увод у светску историју. Београд: Геце Кон, 1923. 203 с.

REFERENCES

1. Levchenko, V.V., and T.N. Popova. “P.M. Bitsilli: novye arkhivnye materialy (K 135-letiu so dnia rozhdeniia)” [“P.M. Bitsilli: New Archival Materials (on the Occasion of the 135th Birthday)”]. *Problemy slavianovedeniia* [Problems of Slavic Studies], issue 16. Briansk, Ladomir Publ., 2014, pp. 149–157. DOI: 10.31168/0433-6.17 (In Russian)
2. Putiatin, V.S. “Filolog-slavist S.M. Kul’bakin i drugie rossiiskie professora Filosofskogo fakul’teta v Skop’e v 20–30-e gody XX v.” [“S.M. Kulbakin, Specialist in Slavic Studies, and Other Russian Professors of the Faculty of Philosophy in Skopje on the 1920s and 1930s”]. *Stoletie dvukh emigratsii. 1919–2019* [The Centennial of Two Emigrations. 1919–2019]. Moscow, Bel-

grad, Institute of Slavic Studies RAS Publ., Informatika Publ., 2019, pp. 311–332. (In Russian)

3. Atanasova, Asia. “Vazgledite na Piotr Bitsilli za sotsializma” [“Petr Bitsilli’s Concept of Socialism”]. *Chetvarta natsionalna konferentsiia “Patuvane kam Bulgaria.” Bulgaria v evropeiskata kultura, nauka, obrazovanie, religiia.* [The Fourth National Conference “Travel to Bulgaria”. Bulgaria in European Culture, Science, Education, Religion], vol. 2. Shumen, University Publishing House “Episkop Konstantin Preslavsky”, 2015, pp. 135–145. (In Bulgarian)

Дата поступления статьи: 31 июля 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 20 февраля 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 31 July 2021

Approved after reviewing: February 20, 2022

Date of publication: December 26, 2024

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-332-344>

<https://elibrary.ru/YNYRRE>

ИСТОРИЯ КАК КРИТИКА: ОБ «ОПЫТЕ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ» П.М. БИЦИЛЛИ

© 2024 г. А.А. Тесля

Аннотация: Предметом рассмотрения является понимание П.М. Бицилли современного ему исторического знания как по существу своему романтического и вытекающей из этого концепции исторического знания. Особо анализируется соотношение между историей и автобиографией. На этом основании дается определение специфики положения историка и близости его к позиции критика. Соответственно сама история предстает как художественный объект, а проблема периодизации фактически становится вариантом определения специфической художественной формы.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, русская историография, романтизм, теория истории, философия истории, философия культуры.

Информация об авторе: Андрей Александрович Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель Центра исследований русской мысли, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, ул. Чернышевского, д. 56а, 236022 г. Калининград, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2437-5002>

E-mail: AnATeslya@kantiana.ru

Для цитирования: Тесля А.А. История как критика: об «Опыте теории исторической науки» П.М. Бицилли // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 332–344.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-332-344>

Research Article

HISTORY AS CRITICISM: ABOUT “AN ATTEMPT AT THE THEORY OF HISTORICAL SCIENCE” BY PIOTR BITSILLI

© 2024. Andrey A. Teslya

Abstract: The subject of consideration is Piotr M. Bitsilli's understanding of modern historical knowledge as essentially romantic and stemming from this concept of history. Particularly analyzed is the relationship between history and autobiography. On this basis, the specificity of the historian's position and his proximity to the position of the critic are determined. Accordingly, the history itself appears as an art object — and the problem of periodization actually becomes an option for determining a specific art form.

Keywords: Russian historiography, romanticism, theory of history, philosophy of history, philosophy of culture.

Information about the author: Andrey A. Teslya, PhD in Philosophy, Senior Researcher, Scientific Director of Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Chernyshevsky St. 56a, 236022 Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2437-5002>

E-mail: mestr81@gmail.com

For citation: Teslya, A.A. “History as Criticism: About ‘An Attempt at the Theory of Historical Science’ by Piotr Bitsilli.” *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 332–344. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-332-344>

«Очерки теории исторической науки» (1925) [8; 9] — в одно и то же время и главная работа П.М. Бицилли, и тот из его трудов, который остается не только малоизученным, но, по существу, и мало кем прочитанным, по крайней мере в оптике, соответствующей изначальным задачам автора¹. Увы, для данного положения вещей есть целый ряд совершенно объективных причин — и маловероятно, чтобы ситуация существенно изменилась. Работа эта писалась в рамках дискуссий о природе, целях и путях развития исторического знания, развернувшихся с начала XX в. и приобретших новую остроту в первые послевоенные годы. Подчеркнем, что речь идет именно о широкой, практически общеевропейской — и в первую очередь германской — дискуссии, описание которой, даваемое Бицилли, восходит к разграничению наук «номотетических» и «идеографических» Генри Риккертом (вслед за Вильгельмом Виндельбандом), но, по существу, сосредоточено вокруг полемики последних лет 1910-х и первых лет начинающихся 20-х — когда Бицилли выстраивает в ряды работы Макса Вебера и Освальда Шпенглера, Эрнста Трельча и Бенедетто Кроче. Ощущение кризиса исторического знания — при всех достигнутых им во второй половине XIX — начале XX в. совершенно очевидных успехах — широко распространено в эти годы.

Работа, обращенная к самому средоточию актуальных споров, оказывается достаточно герметична для последующего читателя — в этом плане даже само название «Очерки...» скорее, вводит в заблуждение. Три очерка и серия сопровождающих их специальных экскурсов — отнюдь не серия зарисовок, лишь достаточно условно связанных общей темой. Напротив, Бицилли выстраивает очень сжатый текст, целиком посвященный одной проблеме — и при этом ограничивается подробным рассмотрением трех ее аспектов, трех ее ракурсов, прочие обозначая мимоходом, отсылками и краткими замечаниями, предполагая, что читатель восполнит целое — и, не имея ни, возможно, желания, ни (что, видимо, намного важнее, по обстоятельствам места и времени) ресурсов² для того, чтобы с равной полнотой рассмотреть все стороны.

¹ См. краткий, но весьма насыщенный как фактическими сведениями, так и концептуальными соображениями очерк Б.С. Кагановича [9, с. 409–411]. Общий обзор представлений Бицилли о теории истории и историческом процессе в эмигрантский период дан в работе В.И. Повилайтиса [4, с. 121–127].

² Напомним, что к работе над «Очерками...» Бицилли приступает в бытность в Сербии (Скопье), стремясь подготовить текст, который рассчитывает защитить в качестве докторской. Смена исследовательской проблематики от медиевистики к теории истории связана со скудностью книжных собраний, доступных ему в Сербии, но она во многом сохраняется и после переезда в Болгарию, на профессорскую позицию в Софийском университете (см.: [2; 3, с. 161–230]).

Книга, написанная Бицилли, обращена к напряженным теоретическим спорам — в первую очередь к академическому пространству — и достаточно «закрыта» от посторонних, которым сложно реконструировать нерв и направление осуществляемой автором теоретической работы, те позиции, на обоснование или критику которых направлены его рассуждения. Однако того академического пространства, к которому обращался Бицилли, в русской эмигрантской среде фактически не существовало — если подразумевать под этим академические институты, карьеры, выстраиваемые в их рамках, конкуренцию школ и направлений. Работа, вышедшая по-русски, оказалась невостребованной — не в смысле «непрочитанной»³, но не включенной в профессиональную дискуссию (по причине отсутствия таковой) в русском эмигрантском историческом сообществе — и, в силу тех же причин, оказавшейся неспособной инициировать подобную дискуссию, а языковой барьер, помимо прочих обстоятельств, сделал голос Бицилли почти неразличимым в дебатах европейских историков.

Понятно, что уже во второй половине 1920 х гг. контекст существенно меняется — а последующие десятилетия настолько изменяют картину исторического знания и переопределяют актуальные линии противостояния, что работа отойдет в область историографии, так и не став по большому счету событием в области актуального исторического знания.

Вопрос, который здесь стоит и который сам Бицилли обозначает как «проблему исторического синтеза» [9, с. 17], по существу, — вопрос о смысле истории, причем в двояком значении — о смысле исторического процесса и о смысле деятельности историка, об объективной значимости последней. Фактически он упирается в ключевую проблему — вопрос о возможности говорить о некой единой «истории». Либо перед нами разрозненные «истории», повествующие о чем-то и описывающие реальность прошлого какими-то корректными способами, отвечающими на частные вопросы — и тогда у всей этой деятельности нет никакого общего смысла, последний — конкретен, ситуативен. Либо — некая «история» вообще, по отношению к которой определяется смысл любых конкретных сюжетов и частных повествований, от понимания которой зависит суждение о верности или ошибочности суждения о конкретном событии, персонаже и т. д.

³ Хорошо известно, что книга Бицилли вызвала целый ряд рецензий (см.: [1, с. 104–105; 9, с. 410–411]), в том числе обстоятельный и вдумчивый отклик, принадлежащий Д.И. Чижевскому, опубликованный в 1929 г. в «Современных записках» [12].

И опыт ответа Бицилли на поставленный вопрос — одновременно и рефлексия над своими прежними историческими трудами (см.: [5]) и конкретными работами современников (что обогащает текст массой конкретных замечаний и примеров по проблематике средневековой истории), и выработка, систематизация тех идей и представлений, которые лягут в основание последующих работ, непроизвольно обосновывая в том числе и вынужденную широту занятий — поскольку всякая история осмысливается им, по существу, как «история культуры» [9, с. 9–42], а граница между историком и художественным критиком окажется, как станет видно из последующего изложения, более чем условной, в связи с чем активность Бицилли как критика во второй половине 1920 х — 1930 е гг. (см.: [10]) перестает казаться лишь случайностью.

«Очерки...» дают нам возможность реконструировать самые основания мировоззрения Бицилли, которое оказывается последовательно и рефлексивно романтическим⁴. Прежде всего это постулат личности, «реального индивидуума», принципом которого выступает «абсолютная непрерывность сознания» [9, с. 220].

В акте воспоминания субъект, воскрешая любой момент своего прошлого, относит его к себе как к единой и нераздельной психической величине <...>, он всегда переживает свою историю *всю целиком* <...> единичная личность в единичном акте сознания переживает в своей памяти *все те* в каждый момент прошлого сосуществовавшие возможности проявления своей психической энергии, из которых *одна* приобрела оформление; все мотивы своих поступков, из которых *один* возобладали; все эмоции, из которых *одна* доминировала: его *эволюция* и его *творческое развитие*, ретроспективно воссоздаваемые памятью, *совпадают* [9, с. 220–221].

⁴ Характерно, например, следующее суждение: «Романтизм в узком смысле, стремясь к освобождению искусства, не достиг своей цели. Освободив его от его собственных законов, он подчинил его чужим. Романтизм в широком смысле есть подлинное освобождение искусства» [9, с. 285]. Здесь, с одной стороны, исторический романтизм понимается как путь, ведущий в конце концов к подчинению искусства принципам «натурализма», в то время как «подлинное освобождение искусства» понимается как подчинение собственной «идее» [9, с. 287], отображения действительности в соответствии с ней — в связи с чем «современное движение в области искусства, как бы мы ни оценивали его достижения, во всех своих с точки зрения этих достижений столь расходящихся течениях имеет общий характер возврата к классицизму» [9, с. 285].

Личность проявляет себя в творчестве — и высшим таким проявлением является искусство. Все прочее — неизбежно оказывается неполным, расколотым. Здесь выстраивается удивительная характеристика истории — вслед за Кроче и Джентиле Бицилли соглашается, что с формально-логической стороны нельзя провести границу между историей и искусством, чтобы следом обнаружить уже содержательную специфику исторического знания. Историк для Бицилли — не «художник», художниками (творцами) являются сами люди в своей истории — они создают себя, свою реальность. Историк же

выполняет по отношению к реальной действительности ту же задачу, которую художественный критик выполняет по отношению к продуктам художественной деятельности. Он подходит к жизни как к художественному произведению. В известном смысле эта критическая работа является *обратной* той, которую выполняет художник [9, с. 290].

Используя в качестве предмета полемики утверждение Лампрехта об индивидуализирующей истории как «деле художника», Бицилли утверждает: здесь смешаны

два различных рода деятельности: деятельность художника — творца символов и деятельность критика, смысл этих символов раскрывающего [9, с. 290].

Тем самым — труд историка есть труд герменевтический: историк осознает, истолковывает прошлое, раскрывает его смысл. Но прошлое является по определению чем-то внешним, другим по отношению к нему. В отличие от собственной индивидуальности, не только и не столько доступной непосредственно, сколько данной как «единая и нераздельная» (*individuum*), прошлое не дано целиком:

Передать жизнь как абсолютное единство оказывается возможным, только отождествив ее в акте художественного творчества с творцом индивидуумом. Историк, поскольку он обращается к тому в других людях, что у него общего со всеми ними, к их интеллекту, совершает в процессе своей работы род самоубийства, а в силу этого умерщвляет и свой объект. Таково существо всякой науки: разум «осиливает», «убивая» [9, с. 350].

История в понимании Бицилли сущностно «романтична», романтизм и открывает «историю», делает ее возможной, так что «...с моей точки зрения прогресс современной исторической мысли — то же самое, что прогресс романтического мирозерцания» [9, с. 146], а «современный кризис исторической науки не является отказом от “историзма”, resp. романтизма» [9, с. 175]. Но, выявляя природу «современного кризиса», Бицилли фиксирует трагедию романтизма — вернее, отмечает, что романтическое стремление не может быть удовлетворено вполне, целиком где-либо за пределами художественного творчества. Историческим идеалом оказывается автобиография — там и открывается, и реализуется тот принцип, которым руководствуется история:

Мы видели, что в высших образцах автобиографии задача единого синтеза, совмещающего в себе и генетическую, и эстетико-индивидуализирующую точки зрения, была разрешена. Мы старались далее показать, что новая концепция истории была порождением того переворота в личном сознании, который был ознаменован появлением автобиографии и что автобиография предшествовала новой историографии» (курсив мой. — А.Т.) [9, с. 220].

Отсюда — не только особая роль, которую Бицилли отводит рассмотрению истории автобиографического повествования, но и специфика его понимания «высших образцов» — «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо и «Поэзии правды» И.-В. Гете (к этому ряду можно причислить и упоминаемые Бицилли в том же контексте «Былое и думы» А.И. Герцена [9, с. 127]). Она заключается в том, что перед нами — «несравненные изобразители» «опоэтизированного прошлого» [9, с. 129]:

...Они нашли секрет дать ему [прошлому] прелесть очарования, с каким действует все воспринимаемое единственным и неповторяемым. Нельзя сказать, чтобы Руссо не был откровенен, повествуя о своих отношениях к госпоже де Варан; и никто не назовет этих отношений ни красивыми, ни чистыми. И, однако, в его передаче они приобретают какую-то особую привлекательность; они не представлены в лучшем, чем были на деле, свете; они *опоэтизированы*. В этом смысле автобиография Гёте и называется «*Dichtung und Wahrheit*» <«Поэзия и правда» (нем.)> — не потому, чтобы *Dichtung*, в смысле поэтического вымысла, примешивалась к *Wahrheit* в смысле протокольной точности передачи, а потому, что «правда» силою художественного воссоздания ее возведена на степень «поэзии» [9, с. 130].

Свои истории рассказывают люди прошлого — произвольно или непроизвольно, в рассказах о себе и в том, что они делают — создают или уничтожают. Историк рассказывает чужую историю. В этом плане он имеет много общего с художественным критиком: последний (в той мере, в которой он отвечает своему назначению) не пересказывает, а анализирует художественное произведение — точно так же и задачей историка оказывается, например, при изучении биографии Гёте отнюдь не мелочная проверка соответствия действительности рассказа Гёте о себе, а истолкование этого рассказа (для чего нужна и фактическая проверка). Рассказ Гёте о себе остается опытом самопонимания, который не может быть ни отменен, ни превзойден историком — уже по одному тому, что они занимаются различным: один — распознает себя, второй — распознает другого:

В «Поэзии и правде» нет никакой «фикции» <...> «фиктивные» или реальные, лица и события как-то «нужны» для самого художника, он с ними сливается, воплощает в них себя, тогда как историк их от себя отделяет и отдаляет [9, с. 350].

Отсюда вытекает специфичность позиции Бицилли в отношении путей исторической науки: обрисовав свою версию генезиса современной исторической науки, он демонстрирует, что ей изначально присуща антиномичность — «эволюционизма» и «генетизма», «эволюции» и «творчества» [9, с. 177]. Но при этом он отказывается считать эту антиномию структурной, неразрешимой — она обусловлена изначальной романтической оптикой, стремлением истолковать историю (именно «историю в целом») как единство, причем уподобляемое вплоть до отождествления с единством, присущим человеческой личности. Собственно, цель истории — в том числе и прямо проговариваемая в целом ряде работ, выносящих данную формулировку в заглавие или фиксирующие ее в тексте — создать биографию человечества⁵. Но для Бицилли такая цель — принципиально недостижима. Прежде всего — следует возражение, относящееся к наличному положению вещей, а именно к тому обстоятельству, что

⁵ «Историзм есть перенос на мир представления субъекта о себе как развивающейся, т. е. творчески самораскрывающейся индивидуальности. <...> Переживание “собственно исторического” как духовного равносильно переживанию его как живого, движущегося и как единого среди своих изменений — из себя, изнутри развивающегося» [9, с. 196].

человечество — понятие, которому никакая реальность не соответствует. «Человечество» <в смысле исторического субъекта. — А.Т.> есть собирательное имя; на самом деле оно еще не имело собственной истории [9, с. 332].

Для того, чтобы иметь возможность написать подобную историю, необходима «идея прогресса»: она

«сама по себе не создает еще историзма, но она навязывается, как постулат, историческому сознанию, ибо без нее от идеи человечества как единого целого не останется ничего» [9, с. 332], —

идея прогресса может существовать вне исторического сознания, примером чего для Бицилли выступает мировоззрение XVIII в., но история, которая претендует быть историей человечества, нуждается в ней⁶. Видение будущего, становления «общей истории», в ретроспективе позволяет частные истории понять как части одного повествования.

Однако сам данный тезис появляется лишь в конце рассуждений Бицилли — и, следует заметить, отнюдь не носит принципиального характера. Как уже сказано выше, фундаментальное затруднение здесь другое — стремление к единой истории направлено, по существу, к тому, чтобы реализовать романтический идеал, — в действительности осуществить не «биографию», а именно «автобиографию» человечества. На этом уровне должны сняться антиномии исторического знания — и именно поэтому одной из вершин, если не высшим достижением исторического видения, оказываются гегелевские «Лекции по философии истории», снятие противоречия свободы и необходимости, объект, понятый как субъект, и т. д. Но историк остается именно собой — т. е. конкретным, индивидуальным субъектом, для которого предмет его изучения и описания, в любом случае, есть нечто внешнее по отношению к нему, отсюда постоянное колебание в действительности между тремя (а даже не двумя, прямо называемыми Бицилли) планами: а) логикой, вскрытой Трельчем, восходящей к монадологии Лейбница [9, с. 303] и лежащей в основе всего нового исторического знания — способности

⁶ В данном случае, полагаем, Бицилли «идею прогресса» как необходимую для понимания единства человеческой истории толкует весьма широко, включая в нее и христианское понимание истории как единой исторической драмы — от Творения до Страшного Суда.

понимать «другое», поскольку оно сокрыто в нас, поскольку в нас — собственно, все — и, следовательно, нет ничего принципиально «иного»⁷; б) пониманием истории как «единого» в «органическом» смысле процесса — естественной целостности, где все индивидуальное — лишь часть целого и получает свой смысл от последнего, где инстанция понимания находится вовне, историк понимает процесс *sub specie aeternitatis* <с точки зрения вечности (лат.)>, которое тяготеет к совпадению либо к наличному положению сужающего (где вся история представляет путь к наличному положению вещей), либо к той перспективе, которая выступает с его точки зрения истинной целью исторического развития; тем самым история оказывается необходимостью для понимания современности и понимания смысла и целей собственной деятельности, для самопонимания — поскольку понимание логики истории открывает направление движения, своего собственного места в современности — и, напротив, только из перспективы современности прошлое обретает единство (см. выше об «идее прогресса»); с) и эстетическое отношение к истории — как раскрытие, созерцание объектов, обладающих собственной формой. Здесь романтизм вновь оказывается двойственным — в рамках связи со вторым планом истории как проявлением смысла уже наличного, конкретное оказывается «проявлением» чего-то иного, некой сущ-

⁷ Именно проблематичность этой позиции с точки зрения исторического сознания станет центральным пунктом критики Бицилли «Философии истории» Карсавина [11], где теоретическая рамка, обозначаемая Бицилли как гносеологическая, обосновывающая возможность познания прошлого человечества, в конечном счете «всепроницаемость» через восхождение к Абсолюту, где каждая историческая индивидуальность предстает «стяженным всеединством», в итоге приводит, по мысли Бицилли, к бессмысленности собственно истории — конкретного, отличного одного от другого, значения следования одного за другим. Здесь на основе конкретного материала возникает та самая противоположность, к которой апеллирует Бицилли в основном тексте «Очерков...», противопоставляя историческому, «романтическому», «эстетическому» — «интеллектуализму», где Спиноза и Маркс оказываются равно «по ту сторону» исторического в авторском понимании. Правда, если вспомнить не только особенности исторического понимания самого Карсавина, но и характеристику антиномий романтизма, то «Философия истории» Карсавина предстает именно как другой вариант развития романтического взгляда, в частности — в понимании эротической составляющей познания, подобному тому, как Бицилли отмечает, правда, в роли наблюдателя, а не действующего лица: «Быть может, всего показательнее с этой точки зрения оказалась бы романтическая любовь; особенности интимного, чисто личного переживания всего лучше вскрывают психологическую подпочву того или иного мирозерцания. «Слияние душ», полная самоотдача себя любимой — так у Новалиса, впервые после эпохи «мистики любви», определяется это чувство. <...> С другой стороны, это саморастворение своего Я в высшей духовной сфере является и его самоутверждением; духовное взаимооплотворение *создает личность*» [11, с. 151].

ности, — но своеобразное, собственно романтическое, связанное с творчеством, дает радикально иное понимание, как создания — «общее», «дух эпохи» возникает через конкретное.

Примером такой трактовки, фактически опытом частного приложения, реализации общих положений «Очерков», станет вышедшая в 1933 г. небольшая работа «Место Ренессанса в истории культуры», в которой Бицилли будет пытаться не показать «дух» Ренессанса на конкретных примерах, а через ключевых деятелей Ренессанса обрисовывать формирование, расцвет и исход этого «духа» — или, как он обрисует в напечатанной в том же году небольшой статье «Трагедия русской культуры»:

Исключительная, беспримерная свобода развития русской культуры, ее кажущаяся, внешняя неустроенность, неупорядоченность, наряду с ее предельным совершенством, — все это отнюдь не показатель каких-то неизменных свойств «русской души» (или «*âme slave*»): культура и есть творимая, становящаяся национальная душа; особенности же ее определяются социологическим строением нации [6, с. 157].

Антиномия в логике Бицилли возникает постольку, поскольку два последних плана пытаются совместить в одной плоскости — наложение возможно, но противоречие не только не устраняется, но и в той мере, в какой историк стремится к этому, оно лишь усиливается. Отсюда — из попытки преодолеть им самим обозначенную антиномию — парадоксальное на первый взгляд утверждение, помещенное в самом начале «Очерков...», что философия культуры не нуждается в истории и «рассматривает ценности вне всякой зависимости от их происхождения» [9, с. 29]:

Философия истории была способом постижения Абсолюта *sub specie* <здесь: с точки зрения (лат.)> истории. В наши дни Клио стала строга и не разрешает этого. Но за нами осталось право исповедовать веру в абсолютный идеал, не заботясь об «уроках истории» и даже вопреки им. У истории свои пути, у жизни свои. Пытаться же свести их посредством «философии истории» — задача невыполнимая и ненужная [9, с. 31–32].

«Философия истории» понимается Бицилли как попытка открыть вечное в самом ходе времени — и осмыслиется им как невозможное для сегодняшнего понимания, вместо нее утверждается «философия культуры», занимающая, как он пишет, «метаисторическую точку зрения» [9, с. 29], однако конкретный приводимый им пример вы-

нуждает охарактеризовать ее не как мета-, а как историческую, ведь «для философа культуры совершенно безразлично, где и когда родился Данте: во Флоренции или в Париже, в 1265 или 1865 году» [9, с. 29].

В «философии культуры» Бицилли утверждает полную свободу от истории — она обращена к современности в странном ее понимании как отсутствия исторической перспективы, но тем самым решается антиномия — исторический взгляд оказывается эстетическим, стремящимся уловить своеобразие прошлого как такового — в перспективе, которая задается современностью, позицией историка как современника своего мгновения, рефлекслируемой философией культуры. Отсюда — предельная важность периодизации, которую Бицилли мыслит, на первый взгляд, странно, как другую сторону проблемы исторического синтеза [7, с. 3; 9, с. 204–219]. Периодизация в этом понимании — это вопрос выделения «исторических индивидуальностей», различения объектов, ведь это

признание того, что в определенный отрезок времени за непрерывными изменениями лежит нечто, что «пребывает» — хотя не как мертвая вещь, а как «гений», «характер», «душа» этого времени, нечто, обнаруживающее себя в бесконечно разнообразных проявлениях [7, с. 3],

что позволяет историку написать «историю», т. е. повествование о чем-то, обладающим внутренней целостностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
2. Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независимым обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. 320 с.
3. Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 240 с.
4. Повилайтис В.И. Что есть история? Версии русского зарубежья. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. 184 с.

Источники

5. Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия

- и Запад / сост. Ф.Б. Успенский, отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. 808 с.
6. Бицилли П.М. Избранные труды по филологии / сост., подгот. текстов и коммент. В.П. Вомперского, И.В. Анненковой. М.: Наследие, 1996. 709 с.
 7. Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры / сост., предисл. и коммент. Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. XIV, 256 с.
 8. Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Пламя, 1925. 340 с.
 9. Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / послесл. и примеч. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. 427 с.
 10. Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / сост., вступ. ст. и коммент. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. 608 с.
 11. Карсавин Л.П. Философия истории / подгот. текста, коммент. С.С. Хоружего. СПб.: Алетея, 1993. 351 с.
 12. Чижевский Д.И. [Рец. на кн.:] П.М. Бицилли. Очерки теории исторической науки. Прага, 1925. 338 с. // Современные записки. Париж, 1929. Кн. 39. С. 542–547.

REFERENCES

1. Birman, M.A. P.M. Bitsilli (1879–1953). *Zhizn' i tvorchestvo* [P.M. Bitsilli (1879–1953). *Life and Work*]. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 444 p. (In Russian)
2. Galcheva, Tania N., and I.V. Golubovich. “*Ponemnogu prisposobliaiushchiesia k ‘nezavisishchim obstoiatel'stvam’*.” P.M. Bitsilli i sem'ia Florovskikh v pervye gody emigratsii [“Little by Little I Am Adapting Myself to the ‘Circumstances beyond Control’.” P.M. Bitsilli and the Florovskii Family in the Early Years of Emigration]. Sofia: Solntse Publ., 2015. 320 p. (In Russian)
3. Kaganovich, B.S. *Russkie medievisty pervoi poloviny XX veka* [Russian Medievalists of the First Half of the 20th Century]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2007. 240 p. (In Russian)
4. Povilaitis, V.I. *Chto est' istoriia? Versii russkogo zarubezh'ia* [What is History? Versions of the Russia Abroad]. Kaliningrad, Immanuel Kant Russian State University Publ., 2009. 184 p. (In Russian)

Дата поступления статьи: 7 августа 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 11 июля 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 7 August 2021

Approved after reviewing: July 11, 2022

Date of publication: December 26, 2024

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-345-366>

<https://elibrary.ru/YQBGPIX>

П.М. БИЦИЛЛИ КАК ТЕОРЕТИК ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

© 2024 г. М.Э. Байссвенгер

Аннотация: Данная статья посвящена анализу малоизвестной работы П.М. Бицилли начала 1930-х гг. о прошлом, настоящем и будущем европейского объединения. Откликнувшись своей статьей на так называемый «План Бриана» 1929–1930 гг. и концепцию «Пан-Европы» Р.Н. Куденхове-Калерги, Бицилли развивает собственное видение объединения Европы. В центре его концепции стоит преодоление обособленности национальных государств при помощи того, что нация освобождается из-под давления государства и становится, по мысли Бицилли, чисто духовной сущностью, — так же, как и будущие «Соединенные Штаты Европы». Работа Бицилли является важной частью малоизученной русской дискуссии о процессе европейского объединения, в которой участвовали различные авторы — от политиков В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого до юристов Я.А. Новикова и А.А. Гольденвейзера.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, Пан-Европа, План Бриана, европейское объединение, русская эмиграция, нация, государство, религия.

Информация об авторе: Мартин Эрвин Байссвенгер — PhD, доцент, Школа исторических наук, Факультет гуманитарных наук, Высшая школа экономики, ул. Старая Басманная, д. 21/4, 105066 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5582-9276>

E-mail: mbeisswenger@hse.ru

Для цитирования: Байссвенгер М.Э. П.М. Бицилли как теоретик европейского объединения // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева,

науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 345–366.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-345-366>

Research Article

PIOTR BITSILLI AS THEORIST OF EUROPEAN UNIFICATION

© 2024. Martin E. Beisswenger

Abstract: This article analyzes a little-known essay by Piotr M. Bitsilli of the early 1930s on the past, present and future of European unification. Responding to the so-called “Briand Plan” (1929–1930) and the concept of “Pan-Europe” by R.N. Coudenhove-Kalergi, Bitsilli develops his own vision of a future united Europe, which will be achieved through the transformation of European nation-states. This transformation, in Bitsilli’s view, will be caused by the liberation of the nation from the domination of the state, turning the nation — and a future “United States of Europe” — into a purely spiritual entity. Bitsilli’s essay represents an important contribution to the largely understudied Russian discussion on the process of European unification that also involved a variety of other authors: from politicians, such as V.I. Lenin and L.D. Trotsky, to jurists, such as Ia.A. Novikov and A.A. Goldenweizer.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, Pan-Europe, Briand Plan, European Unification, Russian emigration, nation, state, religion.

Information about the author: Martin E. Beisswenger, PhD, Associate Professor, School of History, Faculty of Humanities, Higher School of Economics, Staraya Basmanaya St. 21/4, 105066 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5582-9276>

E-mail: mbeisswenger@hse.ru

For citation: Beisswenger, Martin E. “Piotr Bitsilli as Theorist of European Unification.” *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev,

ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 345–366. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-345-366>

Среди ученых и мыслителей Русского зарубежья П.М. Бицилли занимает неординарное место. Его научное творчество, необычайное по своей широте и глубине, было выдающимся даже по меркам русской эмиграции, включавшей в себя многих видных представителей русской интеллигенции. Идеи и труды Бицилли-историка, публициста, литературоведа и языковеда в последние годы уже стали предметом многочисленных исследований¹. Неоднократно переиздавались и его работы, заполнившие собою многостраничные сборники [12; 13; 14; 15]. Отдельной главой в историографии о Бицилли стала история его сложного и многогранного сотрудничества с так называемым Евразийским движением [2; 4]. Тем не менее, как нам кажется, круг интересов Бицилли включал в себя еще один неожиданный аспект, который пока остался вне внимания исследователей. Речь здесь пойдет о Бицилли как теоретике европейского объединения.

Будучи историком западного средневековья и внимательно наблюдая за современной ему европейской литературой и публицистикой, Бицилли, безусловно, был тесно связан с европейской интеллектуальной жизнью. Он обращал пристальное внимание на творчество европейских ученых, литераторов и публицистов. Однако взгляд Бицилли был обращен не только на прошлое и настоящее, но и на будущее Европы. В начале 1930-х гг. он выступил в неожиданной роли, опубликовав содержательную и одновременно критическую статью «U.S.E.?» о процессе современного ему и будущего европейского объединения [16]. Эта статья Бицилли стоит несколько особняком в его научном творчестве и, насколько нам известно, пока не привлекала специального внимания исследователей. В отличие от множества других его трудов, испытавших неоднократные переиздания, она в русском оригинале никогда не была переиздана, оставшись малодоступной журнальной публикацией². В то же время статья связана с другими тематическими «блоками», над которыми Бицилли работал на рубеже 1930 х гг., в первую очередь с его про-

¹ Последней крупной работой о Бицилли стала его биография, написанная М.А. Бирманом [3].

² В 2004 г. она была переиздана на болгарском языке [3, с. 356].

ектом «философии нации» [3, с. 114–116]. В целом, как представляется, статья позволяет не только осветить интеллектуальное наследие Бицилли с новой и неожиданной стороны, но и показать его как внимательного наблюдателя современных ему общественно-политических процессов.

Теории «объединенной Европы»

Когда Бицилли обратился к идее «Европы», он, безусловно, не был первопроходцем среди русских мыслителей [5; 6]. Эта тема, как хорошо известно, занимала в русской мысли одно из центральных мест, выступая, как правило, в качестве противопоставления к теме «России» [10]. Однако «Европа» имела и самостоятельное звучание. Примечательно, что в дореволюционной России жил один из более видных теоретиков объединенной Европы — Яков Александрович Новиков (1849–1912), уроженец Одессы — так же, как и Бицилли³. Юрист по образованию, предприниматель по профессии и пацифист по призванию, Новиков в своей книге «Федерация Европы» («La Fédération d'Europe») проповедовал создание Европейской Федерации. Он видел в ней не только средство для предотвращения будущих войн между государствами, но и способ достижения более справедливого и благополучного сосуществования как в Европе, так и во всем мире. Книга Новикова была широко растиражирована: изначально она была опубликована в 1895 г. на итальянском языке, а затем в 1901 г. вышла по-французски и по-немецки. Однако о самом авторе известно очень мало, если не считать сведений о том, что он провел большую часть своей жизни в Одессе и был активным членом различных торгово-промышленных комитетов. Большинство его книг было написано и опубликовано по французски. Поэтому исследователи обычно не обращают внимания на российский контекст, в котором формировались его идеи. И даже имя его обычно приводится на французский манер как «Jacques Novicow»⁴.

Позднее тема объединенной Европы перекочевала и в труды русских политических деятелей, в том числе «вождя пролетариата» В.И. Ленина. В своей критической статье «О лозунге “Соединенные Штаты Европы”» (1915) он негативно оценил перспективы европей-

³ Вопрос о том, был ли Бицилли знаком с Новиковым и его книгой, требует более подробного изучения.

⁴ О миротворческом проекте Новикова см. статью К. Аллено [7]. О международных контактах Новикова см. статью С. Аль-Матари [1].

ского объединения, по крайней мере, в рамках капиталистического строя. Если в политическом плане лозунг будущих «республиканских Соединенных Штатов Европы» он признавал «совершенно неизлечимым», то экономическая составляющая вызывала у него серьезные сомнения. Ленин утверждал:

С точки зрения экономических условий империализма, т. е. вывоза капитала и раздела мира «передовыми» и «цивилизованными» колониальными державами, Соединенные Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны, либо реакционны [18, с. 352].

Свершившаяся вскоре «великая русская революция» не сняла тему «Европы» с повестки дня. Напротив, она продолжала занимать одно из центральных мест в мыслях и трудах русских философов и литераторов, в особенности под влиянием выхода в свет нашедшей книги «Закат Европы» за авторством немецкого мыслителя Освальда Шпенглера⁵. Видение Европы в эти годы, впрочем, претерпело существенные изменения. Так, до кризиса Первой мировой войны и Русской революции будущее «Европы», в том числе объединенной Европы, в целом виделось положительным. Этому не мешали ни отдельные голоса пессимистов, ни вызовы единой Европе со стороны идеологии национализма. Однако после Первой мировой войны европейская тематика окрасилась в кризисные цвета: европейские и русские авторы писали о чувстве тревоги и страха перед политическим, но также культурным уничтожением Европы⁶.

Контраст между восприятием будущего объединенной Европы в XIX в. и в межвоенный период, пожалуй, нельзя обнаружить более отчетливо, чем при сравнении известной речи Виктора Гюго о «Соединенных Штатах Европы» (1849) с книгой графа Р.Н. Куденхове-Калерги «Пан-Европа» (1923). Оба автора выдвигали схожие проекты, но они были выдержаны в совершенно различных тонах. Речь Гюго была полна веры в прогресс человечества. В ней не только сквозил оптимизм в отношении возможности учреждения «Соединенных Штатов Европы», но и утверждалась неизбежность их создания:

⁵ См., например, сборник со статьями Н.А. Бердяева, Я.М. Букшана, Ф.А. Степуна и С.Л. Франка [21].

⁶ См., например, книгу Дени де Ружмона, особенно часть 6 («Europe at Issue: From Spengler to Ortega») [11, р. 337–362].

...мир во всем мире, неразрывное единение всех наций, признание Евангелия верховным законом, замена войны мирным посредничеством... Я не только говорю, что эта цель достижима, я говорю: она несомненно будет достигнута; можно только отсрочить или приблизить этот момент — вот и все [17, с. 207].

Шестью десятилетиями спустя Куденхове рисовал совершенно иную Европу — находящуюся в глубоком, смертельном кризисе [26]. В отличие от Шпенглера, его современника, этот кризис для Куденхове имел не «биологическую», а политическую природу. При этом, Куденхове был убежден, что времени для спасения Европы осталось совсем мало. «Завтра уже может быть слишком поздно для решения Европейского Вопросы», — утверждал он, указывая на нависшую над Европой угрозу со стороны США — с запада и СССР — с востока [26, р. 8]. Его взгляду рисовались апокалиптические картины настоящего и будущего:

Мировое господство Европы навсегда разрушено. <...> Из своей доминирующей позиции она была вытеснена на оборонительную позицию: под военной угрозой со стороны русского вторжения — под экономической угрозой со стороны превосходящей организацией Америки; Европа в долгах, расколота, беспокойна, ослаблена; разорвана национальными и социальными конфликтами. <...> Так она из отчаянного настоящего идет навстречу неизвестному будущему [26, р. 15]⁷.

Для преодоления современного ему кризиса Куденхове предложил концепцию «Пан-Европы», которая была, в первую очередь, философским и историософским конструктом. Говоря о проекте политического объединения европейских государств, Куденхове не поясняет, как именно должен формироваться его панъевропейский союз, и какую политическую роль в нем должны были играть отдельные нации и государства. Утверждая, что нация — это не общество, основанное на общности крови, а «царство духа [Reich des Geistes]» и что «вся современная культура в Европе национальна» [26, р. 128], Куденхове так и не предложил практическое решение вопроса о национальном государственном суверенитете. Высказываясь по-разному по этому поводу в разное время, он, в конце концов, выступил за сохранение суверенитета, т. е. предпочел союз

⁷ Здесь и далее все выделения курсивом в оригинале.

суверенных государств (*Staatenbund*) федеративному государству (*Bundesstaat*) [8, p. 18].

Несмотря на кризисные настроения, а вероятнее всего, именно благодаря им, после Первой мировой войны идея европейского объединения, приобрела удивительную популярность. Межвоенные годы можно даже назвать «золотым веком» проектов объединенной Европы и бурного их обсуждения в самых разных контекстах и с самых разных точек зрения [9]. Для России советской и эмигрантской эта тема также оказалась чрезвычайно актуальна, причем в центре дискуссий оказалась именно книга-манифест Куденхове «Пан-Европа».

Хотя труд Куденхове был опубликован в октябре 1923 г., с идеями его автора в Советской России были хорошо знакомы уже до этого — по-видимому, по статье Куденхове «Пан-Европа. Проект», опубликованной в конце 1922 г. в одной из венских газет [27]. На идею объединения Европы на страницах газеты «Правда» в июне 1923 г. откликнулся не кто иной, как Л.Д. Троцкий. Вопреки скептическим взглядам Ленина на этот вопрос, Троцкому идея «Соединенных Штатов Европы» понравилась. Он утверждал, что этот лозунг стоит «в том же историческом плане, что и лозунг “правительства рабочих и крестьян”: это переходной лозунг, указывающий выход, открывающий перспективу спасения и тем самым толкающий трудящиеся массы на революционный путь» [25]. В отличие от Ленина, Троцкий видел в объединенной Европе силу революционную, а не реакционную. Европа должна была объединиться экономически, преодолеть ограничения пост-версальского экономического порядка, в частности недавно созданные таможенные барьеры; иначе Европе грозили бы деградация и распад. Только как «Соединенные Штаты Европы», пророчил Троцкий, Европа могла стать революционной силой и продвигать мировую революцию.

Идея европейского объединения и, в частности, книга Куденхове также широко обсуждались в эти годы среди мыслителей русского зарубежья. Например, в Берлине в мае 1926 г. с докладом «Лига Наций или Соединенные Штаты Европы» выступил эмигрантский юрист и еврейский общественный деятель А.А. Гольденвейзер. Докладчик поддержал идею объединенной Европы, выдвинутую Куденхове, видя в ней промежуточное звено между национальными государствами, с одной стороны, и Лигой Наций — с другой. С ее помощью, полагал он, можно было бы вывести Лигу Наций из того кризисного состояния, в котором она тогда находилась. Однако Гольденвейзер счел «весьма спорным» утверждение Куденхове, что

в «Пан-Европу» не войдут ни Великобритания, ни Россия. Он согласился, что «Советской России нет места ни в Лиге Нации, ни панъ-европейском объединении». Однако он был убежден, что «грядущая демократическая Россия будет здесь и там желанным и почетным сочленом» [24].

Почти два года спустя, в марте 1928 г., там же, в Берлине, вопрос об объединенной Европе был вновь поднят — на тот раз журналистом и мыслителем Г.А. Ландау в докладе «Сверхгосударственные объединения». В отличие от Гольденвейзера, Ландау считал «Пан-Европу» Куденхове «неосуществимой» и не годной для решения современных международных проблем. «Европейские державы <...> имеют значительные внеевропейские интересы и разделены органическим европейским соперничеством; материковый признак не исчерпывает <их> основных интересов», — утверждал Ландау. Вместо создания «Пан-Европы», предположил он, «народы, ища выхода, должны вернуться к старым формулам — к строительству империй» [23].

«План Бриана»

Продолжавшиеся все 1920-е гг. дебаты о европейском объединении к концу десятилетия приобрели новую динамику в связи с тем, что министр иностранных дел Франции Аристид Бриан выдвинул собственный план создания «Европейского союза», отталкиваясь от панъевропейской идеи Куденхове. Изначально план был представлен в речи Бриана в Лиге Наций в сентябре 1929 г. За устным докладом последовал письменный меморандум, опубликованный в мае 1930 г.: в нем Бриан более детально изложил свои основные идеи. Письменный меморандум очертил ключевые принципы «морального союза Европы», который должен был создать «постоянную систему солидарности на основе согласия о рациональной организации Европы». Согласно Бриану, «узы солидарности» в рамках этого союза позволили бы «европейским нациям реализовать свое географическое единство и заключить в рамках Лиги региональное соглашение» [28, р. 1181–1182]. Призывая к европейской солидарности и даже предполагая создание регулярно действующей «Европейской конференции», план Бриана, в то же время, не шел так далеко, чтобы попытаться ограничить суверенитет государств — его членов. Напротив, в документе недвусмысленно говорилось о том, что

европейское политическое сотрудничество должно ориентироваться <...> на принцип федерации, построенной на идее не единства, но

союза; или, говоря иными словами, быть достаточно гибким, чтобы уважать независимость и национальный суверенитет каждого из ее Государств [28, p. 1185].

Речь Бриана перед Лигой Наций и представленный им более развернутый «план» дали толчок новому кругу дискуссий о будущем единой Европы и в среде русской эмиграции. Например, берлинская эмигрантская газета «Руль» сообщила и о речи, и о «плане» на титульном листе своего издания [19; 20]. Меморандуму была также посвящена передовица газеты, в которой автор, поддержав план Бриана в принципе, засомневался в его своевременности.

Явно, что если Европейский Союз осуществится, он должен ослабить суверенитет отдельных государств и стремиться вытеснить Лигу из сферы своей компетенции. <...> Не слишком ли рано выставлен этот план? Бриан думает, что время для него исключительно благоприятное. Откуда это предположение и основательно ли оно» [22], —

в этом заключались основные сомнения автора «Руля».

Прямой реакцией на меморандум Бриана явилась и статья Бицилли, опубликованная под названием «U.S.E.?» в 45-й книжке за 1931 г. парижского журнала «Современные записки». «Е», заменившая в понятной аббревиатуре букву «А», отражала основное содержание статьи, которая была посвящена проекту «Соединенных Штатов Европы». Опираясь на глубокие познания в области современной европейской интеллектуальной истории и литературы, Бицилли сформулировал в этом тексте собственное — оригинальное и многогранное — видение будущего европейского объединения и европейской интеграции. Статья Бицилли не сводилась к абстрактным метафизическим рассуждениям о будущем единой Европы. Не являлась она и практическим планом по созданию европейского объединения. В этой работе Бицилли, скорее, попытался переосмыслить в едином синтезе как историософские, так и практические аспекты будущих «Соединенных Штатов Европы». Статья предлагала проницательный анализ процесса объединения Европы того времени, но также, подспудно, выдавала ясное видение Бицилли себя как европейца.

«План Бриана» как «негодная утопия»

Бицилли, отталкиваясь в своих рассуждениях от плана Бриана, с самого начала дал понять, что его цели не ограничиваются обсуж-

дением политических аспектов этого проекта. В целом, он оценивал план критически — «как показатель известной общей тенденции в развитии нашей цивилизации, вернее — как пример того, как обычно подобные тенденции извращаются практическими политиками» [16, с. 362]. Подобное «извращение» Бицилли увидел в том, что план Бриана содержал по своей сути две идеи, которые едва ли были совместимы. С одной стороны, это была «идея солидарности европейских народов и государств», а с другой — «идея независимости — “самоопределения” — этих народов» [16, с. 362]. В основе данного противоречия, по мнению Бицилли, лежал принцип национального суверенитета. Если согласиться с тем, что «общество, наделенное суверенитетом, *есть Нация*» [16, с. 362], то это определение полностью пренебрегает проблемой национальных меньшинств. Эту проблему, согласно Бицилли, Бриан просто игнорировал, предполагая, что все меньшинства рано или поздно должны исчезнуть, будучи ассимилированными в «чистые» национальные государства. Такой подход был присущ всем современным политикам, которые, как утверждал Бицилли, использовали понятие «нация» и «государство» как взаимозаменяющие, часто путая их значение. Результатом, по мнению Бицилли, был «чистый догматизм — что Государство *непрерывно* должно быть национальным и Нация *непрерывно* должна стремиться к огосударствлению» [16, с. 364].

Бицилли же, напротив, утверждал, что отождествление нации и государства совершенно необоснованно. В его понимании, «нация» определяется только одной постоянной характеристикой, а именно языком. Язык, как утверждал он, это «“душа” народа, ибо нация есть психическая величина» [16, с. 364]. Следовательно, нации можно было концептуализировать различными способами, и

вопрос о более справедливом и целесообразном устройстве европейского (а может быть, и не только *европейского*) человечества, как совокупность *Наций*, может быть решаем и независимо от вопроса о национально-государственных границах [16, с. 364].

Бицилли даже считал возможным найти *modus vivendi* для всех наций, в результате чего проблема межгосударственных границ утратила бы значение.

«Старое» и «новое» средневековые

Критикуя план Бриана, а вместе с ним и принципы «Пан-Европы» Куденхове, от которых отталкивался Бриан, Бицилли выдвинул аль-

тернативный проект, который он сам считал утопичным, но в то же время более многообещающим и перспективным, чем «утопию» Бриана или Куденхове. Бицилли, безусловно, поддерживал идею европейского объединения, однако считал, что это объединение должно строиться на иных принципах. Он сомневался в том, что Европу можно объединить так, как предлагал это сделать Куденхове, выдвинувший идею «высшей нации», которая существовала бы поверх традиционных европейских национальных государств. Куденхове, очевидно, следовал модели американского и германского объединения. Однако Бицилли был убежден, что эта модель неприменима к Европе. Во-первых, американское и германское объединение являлись динамичным процессом, где речь не шла о стабильных «нациях» или «государствах». Во-вторых, Европе недоставало центральной и самой существенной, по мнению Бицилли, черты «нации»: общего языка. Конечно, у Европы имелась общая культура, но эта культура, уходящая корнями в средневековье, была по сути своей религиозной. Следовательно, как считал Бицилли, именно религиозные основы Европы являлись той исходной точкой, от которой должны были отталкиваться все размышления о европейском объединении [16, с. 367–368].

Необходимость обращения к религиозным основам и к опыту средневековья Бицилли объяснял тем, что в Средние века Европа была более объединенной, чем в современности. Следуя Шпенглеру и другим мыслителям, он считал современную Европу, ее культуру и идею «европеизма» чрезмерно рационалистичными, неизбежно ведущими к культурному кризису. Относясь скептически к концепции «нового средневековья», ссылаясь на идею Дж. Вико, который говорил о цикличном ходе истории (*ricorsi*), развивающемуся по спирали на новом уровне [16, с. 369–370], Бицилли тем не менее считал идею «нового средневековья» не совсем ошибочной. Он допускал, что она может быть использована продуктивно, если внимательно изучить значение прошлого для современности.

Например, Бицилли считал важным и полезным обращение к опыту средневекового «корпоративного строя». В средние века общество состояло из различных союзов, которые стремились к автономности. Рыцари, ученые или монахи создавали международные универсальные корпорации, которые были подчеркнута внешне-национальны. В современную эпоху такие корпорации оказались подчинены государству или уничтожены. Однако в недавнее время, по мнению Бицилли, новые корпорации стали выходить из-под гнета государства. Это были, например, профсоюзы и промышленные

тресты, которые стремились к международному сотрудничеству, за рамками одного государства. Обращая внимание на эти процессы, он заключал: «Интернационал рабочих идет на смену Интернационала клириков и магистров» [16, с. 371].

Если сравнивать средние века с современной Европой в сфере культуры, то здесь, как объяснял Бицилли, произошли более радикальные изменения. Средним векам был присущ своего рода «общий культурный стиль» и «единая культура» [16, с. 371], которая, по крайней мере в идеальном ее выражении, являлась в высшей мере комплексной, но также и выстроенной в соответствии с четкой иерархической системой. В ней присутствовали ясные сферы подчинения: «Разума — Интуиции, Знания — Вере, или, что то же, Жизни деятельной — Жизни Созерцательной» [16, с. 372]. Культура же нового времени, напротив, исходила из того, что все аспекты культуры и жизни приобрели равный статус. В итоге, предыдущая «единая культура» распалась на сферу «культуры», с одной стороны, и «цивилизации», с другой. Бицилли подчеркивал, что «в основе современной культуры лежит принцип *множественности* оценок и, соответственно, — *относительной иерархичности*» [16, с. 372], что современную жизнь и отношения между людьми теперь регулирует «господство общего *права* вместо засилья *незыблемых привилегий*», и что, таким образом, в современную эпоху «демократизация коснулась всех видов человеческой деятельности, всех сфер культуры» [16, с. 372].

Отталкиваясь от вышесказанного, Бицилли видел, что средние века отличались от современности, в первую очередь, своими целями. В то время как «средневековое стремилось осуществить идею <...> человечества, как некоторой высшей индивидуальности, совершеннейшего образа Бога на земле», современное человечество — это «не что иное, как система взаимодействующих личностей и групп» [16, с. 375]; в то время как «средневековое человечество реализовалось в общей *молитве*, областью общения современного человечества является прежде всего — *хозяйство*» [16, с. 375].

Бицилли признавал, что подобный критический подход к современности в сравнении с прошлым вызвал в более широком плане «моду» на пессимистические оценки современной эпохи. Эти тенденции Бицилли прослеживал от книги «Прошлое и настоящее» («Past and Present», 1834) британского литератора Томаса Карлейля до своих современников — Освальда Шпенглера и французского писателя Жоржа Дюамеля и его «Сцен из будущей жизни» («Scènes de la vie future», 1930). Сам же Бицилли, хотя и относился критически

к современному ему миру, предостерегал от слишком некритичного видения средних веков, от идеализации их «органического» образа, которого на деле никогда не существовало. Бицилли полагал, что этот образ является в большей степени современной конструкцией, созданной мыслителями Нового времени, начиная с Жозефа де Местра или Анри Сен-Симона, а также романтиками [16, с. 376]. Подводя итоги своим размышлениям, Бицилли высказывал сомнение в том, что средневековый ремесленник жил более благополучно, чем современные рабочие [16, с. 377].

Таким образом, для Бицилли средние века вовсе не были раем органической общественной гармонии. Напротив, наблюдалось частое и порой вредоносное вмешательство одних сфер в другие — например, император мог вмешиваться в дела Папы (и наоборот) и т. п. Определяющей же чертой современной культуры, по мнению Бицилли, являлось именно то, что разные люди, создавая свои собственные «союзы» на основе личных способностей, «делают, каждый, *свое* дело, не вмешиваясь в чужие и только согласуя, координируя свои деятельности» [16, с. 378]. Отвергал он и сомнения в «бездуховности» современного ему мира и утверждал, что даже крайняя «рационализация» всех возможных для рационализации сфер, «не убивает, сама по себе, непременно “духовного человека”». Скорее, она содействовала «освобождению “духа” от “души” (интеллект) и от “плоти”» [16, с. 378]. В выигрыше, по его убеждению, оказалась индивидуальная личность и ее «внутренняя жизнь», которая получила большую оригинальность и автономность и освободилась от наследственных ритуалов и символов. И даже «церковь», пройдя через распад конфессиональных связей, как «общение “духовных человек»», не умирает»; наоборот, она ныне стала «невидимой», что иногда дает ложный повод характеризовать современную эпоху как «безбожную» [16, с. 379].

Появление национального государства и его распад под напором мирового капитализма

Какую же связь с процессом европейского объединения имеют историософские размышления Бицилли о религии, о средних веках и об их сравнении с современностью?

На самом деле, именно с такой расширенной перспективы Бицилли намеревался «*определить и оценить* историческое место национального Государства в современной Культуре» [16, с. 379]. Национальное государство, как утверждал Бицилли, не было про-

дуктом модерности. Также не являлось оно и высшей формой развития человеческого сосуществования. Напротив, национальное государство зародилось в борьбе со «средневековой системой» и вышло победителем из этой борьбы. Современное государство одержало победу над церковью, унаследовав ее функции и обязанности. Впоследствии государство прошло секуляризацию и рационализацию, но тем не менее «удержало свою прежнюю символику и свой ритуал» [16, с. 379]. Потерю своей прежней «сверхъестественной», «мифической» власти государство пыталось восполнить, обратившись к новому источнику легитимности: к идее «нации». Отныне все сферы государства стали «национальными»: его границы, его хозяйство, даже «его Воля» [16, с. 379].

Однако этот синтез старой символики и новой национальной «души» государства, оказался фатальным для самой идеи нации, как считал Бицилли. Призванная подкрепить государство новой легитимностью, «нация» в итоге утратила свою собственную символическую силу: «Возникши, как *средство* ограждения и укрепления Нации, Государство кончилось тем, что обменялось с ней ролями: Нация, из самоцели, обратилась в средство» [16, с. 380]. Впоследствии, после того как государство разрушило религиозные основы средневековой государственности, нация все время находилась под государственным давлением. В результате пострадала и сама идея Нации:

В рамках Национального Государства, Национальная идея <...> обездушивается, другими словами, — перестает быть Идеей, овеществляется, умирает [16, с. 380].

Чем более росла экономическая роль и ответственность государства, тем сильнее нация теряла свою метафизическую и духовную суть. Более того, «рационализация экономической жизни», как утверждал Бицилли, поставила на грань разлома и сами рамки национального государства как экономической общности. «Национальные государства сметены победоносным движением Капитализма», — заявлял Бицилли; следуя за германскими учеными Отто Гинце (Otto Hintze) и Вернером Зомбартом (Werner Sombart), он полагал, что современный ему мир уже достиг стадии позднего капитализма (*Spätkapitalismus*), так как «европейскому капиталу приходится считаться с внеевропейским» [16, с. 382]. Именно эти новые условия глобальной экономики, как ожидал Бицилли, приведут «к крушению европейских империй, основанных на господстве той или иной

европейской Нации-Государства» [16, с. 382]. Будущее же принадлежало новым формам федеративной государственности, таким как Международный союз американских республик, который должен был расшириться и преобразоваться в «Пан-Америку», или Британская империя, «которая на деле уже из “Империи” превратилась в федерацию автономных и равноправных государств» [16, с. 382].

Бицилли представлял себе грядущий мир как отмеченный сосуществованием рационально организованных экономических зон и равенством между людьми, которое было основано на рациональной системе гражданских законов. Он предсказывал, что «цивилизованный мир представит собою в конечном счете систему взаимодействующих хозяйственных зон, границы которых будут очерчены вне всякого отношения к их историческому прошлому, или к прошлому их составных частей, чисто “рационалистически”», и ожидал, что в результате индустриализма и урбанизма произойдет и нивелировка бытовых отношений и «унификация права» [16, с. 382–383].

Разделение «нации» и «государства»

Будущее, как был убежден Бицилли, не принадлежало ни национальному государству, ни «Пан-Европе», заключенной в идеях Бриана или Куденхове-Калерги, которую он понимал как механическую федерацию европейских национальных государств. Он полагал, что уже относительно недалекое будущее почти неизбежно принесет с собой исчезновение наций в форме национальных государств. Результатом этого процесса станет трансформация «нации» как государства в «нацию» как «культуру» — прошлую и настоящую. Таким образом, будущая трансформация нации в определенном смысле, повторяла прежнюю трансформацию религии — через «распад конфессиональных связей» к более индивидуальному «общению “духовных человек»» [16, с. 379]⁸.

⁸ Следует указать, что идея Бицилли о будущем разделении государства и нации здесь совпадает с такой же идеей Куденхове, хотя оба автора делают из этого разные выводы: «Каждый культурный человек должен трудиться над тем, чтобы как сегодня религия, так завтра нация стала частным делом каждого человека. Будущее разделение нации и государства будет таким же великим делом, как и разделение церкви и государства. Понятие “государственного народа (Staatsvolk)” так же изживет себя, как и понятие государственной церкви, и будет заменен принципом: *свободная нация в свободном государстве*». [26, р. 136]. Впрочем, более систематическое сравнение идей Бицилли и Куденхове еще ждет своего исследователя.

На смену государству, как размышлял Бицилли, должны были прийти профессиональные или деловые организации и союзы. Следовательно, «Лига Наций» рано ли поздно должна была превратиться в федерацию фермеров, производителей автомобилей, производителей нефти и т. д. Представители этих организаций, возможно, также заседали бы в Женеве, где располагалась и штаб квартира Лиги Наций, но при этом они представляли бы уже не национальные государства [16, с. 381–383]. Бицилли допускал, что в будущем по-прежнему могли иметь место конфликты между разными группами людей и что эти конфликты даже могут вылиться в вооруженные столкновения. Но в этих столкновениях уже не будут участвовать национальные армии. «Если у Национальных Государств были свои собственные армии, — спрашивал Бицилли, — то почему и нефтяным или железнодорожным “королям” не иметь своих?» [16, с. 385].

Вероятнее всего, Бицилли полагал, что будущие конфликты между экономическими субъектами и зонами будут разрешаться мирным способом. В любом случае, утверждал он, «чистое» хозяйствование будет столь строго рациональным, что никто не рискнет повергнуть судьбу своего треста, своего синдиката, своих рудников» угрозе непредсказуемого случайного развития [16, с. 385].

Что же тогда случится с нацией? Если государство, согласно Бицилли, трансформируется в бизнес-корпорации или профсоюзы и откажется от своих национальных признаков, нация станет воплощением культурного наследия и бессмертных творений классических авторов:

Платон и Гомер живы и по сей день. И они-то, вместе с Данте, Шекспиром и Достоевским образуют подлинное «общество Наций». А то, что теперь носит это название, по всей вероятности, заменится рано или поздно федерацией «хлебобобов», производителей автомобилей, добывателей нефти и т. д. <...> единственной резиденцией «Общества Наций» будет книжная полка грамотного человека [16, с. 383].

Бицилли приводил ряд фактов, которые могли бы подкрепить его видение будущей «утопии». Например, от отмечал тот факт, что величайшая национальная катастрофа его времени, Первая мировая война, наложила не слишком сильный отпечаток на европейские национальные литературы:

Нация, в ее идеальной сущности, Нация, как особый вид коллективной духовной энергии, уже морально оторвалась от своего нынешнего внешнего оформления — Государства [16, с. 384].

Почему же еще, спрашивал Бицилли, величайшие и наиболее выдающиеся произведения современной французской художественной литературы — «Обретенное время» Марселя Пруста, «Подземелья Ватикана» и «Фальшивомонетчики» Андре Жиды, поэмы Поля Валери совсем не касаются событий Великой войны — войны, которая поставила под угрозу существование Франции как национального государства?

Нация, как утверждал Бицилли, будет иметь свое воплощение в «живых» и «творческих» формах общения, таких как личные, частные разговоры людей. Помимо этого, «Нация также будет реализоваться в высших сферах духовной деятельности, — Науки, литературы, философии, религии» [16, с. 386]. Именно в этих сферах будет организовываться общество. А все остальные формы общения будут происходить на основе какого-нибудь искусственного, чрезвычайно рационалистичного и универсального языка. При этом, этот новый «общий» и «насквозь рационализированный» язык, согласно Бицилли, не обязательно должен быть языком в традиционном смысле. Это может быть просто «язык», состоящий из «условных знаков вроде алгебраических, язык иероглифов, в разных местах произносимых по-разному, — а может быть и не произносимых никак» и просто состоять из «сигнализации» [16, с. 386].

Обобщая прошлое и будущее своей «утопии», Бицилли приходит к следующему заключению:

Национальное Государство античного мира совпало с церковью. <...> Государство Средних веков было подчиненной частью Государства-Церкви. Национальное государство Нового времени было секуляризированным государством-церковью. В современной демократии Церковь отделилась от Государства. В «утопии» — от Государства отделится *Нация*, которая сама превратится в общество церковного типа [16, с. 387].

Таким образом, нация освободится от служения государству и вернется к своей изначальной, чисто духовной функции. При этом, в отличие от государства, имеющего свои границы, нация — это не замкнутая в себе единица, а живой участник международного общения. По мнению Бицилли, именно

в духовном общении Наций <...> реализуется Человечество, как неделимое духовное целое, единое в своем многообразии, как живой синтез национальных культур, Grand Être Огюста Конта, — великий,

всеохватывающий организм, возносящий над механизмом отвлеченных «хозяйственных» единиц и их союзов, объединенных в мировом хозяйстве [16, с. 387].

Бицилли видел эту свою «утопию» уже отчасти осуществленной в Соединенных Штатах Америки, где «рационализация хозяйства и всех связанных с ним сторон человеческой деятельности дошла уже до крайних пределов» [16, с. 387–388]. Государство в США все более превращалось в силу, направленную в первую очередь на экономическую деятельность, притом не только внутри собственных границ, но и в «панамериканском масштабе»:

Америка — вся Америка, весь Новый Свет, — все более и более становится *единым* хозяйственно-политическим миром. Параллельно этому хозяйствующее Государство («цивилизация») все более обособляется от Общества («культуры») [16, с. 388].

Безусловно, Бицилли хорошо знал, что и в США с самого момента их основания существовали и национализм, и ксенофобия, направленные против определенных групп иммигрантов, приток которых был регулирован системой различных квот. Но в то же время, утверждал Бицилли, также там присутствовала и другая тенденция:

...что Америка — «Новый Свет», открытый для *всех* людей, *всех* наций, *всех* культур, что американская демократия призвана осуществить их синтез, не поглощая их, не нивелируя, но открывая им пути к свободному самобытному развитию [16, с. 388].

Ссылаясь на книгу «Культура и демократия в Соединенных Штатах» («Culture and Democracy in the United States», 1924) американского философа, германо-еврейского происхождения Горация Каллена (Kallen), Бицилли указывал, «что американский “melting pot” далеко не везде и не всегда выполняет свое назначение: “сплавлять” отдельные народности и их культуры в общую “американскую” массу»; Каллен, по мнению Бицилли, показал, что в Америке, например,

некоторые европейские народы обнаруживают особенно интенсивную деятельность по поддержанию и развитию *их собственных* культур [16, с. 388].

Таким образом, США вполне могли служить примером той «годной» утопии, которую Бицилли в своей статье старался противопоставить «негодной» утопии Бриана и Куденхове. Это была утопия, где государство занималось бы хозяйством в транснациональном масштабе и где нации существовали бы исключительно в культурной сфере. И именно эта утопия, по мнению Бицилли, отчасти уже была реализована в США и ее примеру надо было следовать и в Европе. И такая утопия, заключал он, в любом случае, была «жизненнее Бриановской» [16, с. 388].

Заключение

Размышления Бицилли о будущем европейским объединении сейчас представляются не только оригинальными, но и во многом пророческими. Конечно, современный Европейский Союз не является теми Объединенными Штатами Европы, которые предвидел Бицилли. Также нет сомнения, что он переоценил силу рациональности в экономической сфере и ее способность разрушать национальные государства или предотвращать войны. Но тем не менее он верно предугадал роль именно экономического фактора в преодолении национальной обособленности, в расширении экономического пространства и уменьшении значения национальных границ (по крайней мере внутри Европейского Союза), в достижении более или менее мирного сосуществования людей разных культур внутри традиционных европейских национальных государств и унификации там гражданского права. Также весьма оригинальна и показательна идея Бицилли о том, что «единственной резиденцией “Общества Наций” будет книжная полка грамотного человека». Именно эта идея, на наш взгляд, наглядно свидетельствует о том, что и самого себя Бицилли, видимо, считал не просто «грамотным человеком», но именно гражданином этого европейского «общества наций», а может быть, и гражданином мира. Его статья поражает обилием и разнообразием процитированных книг и авторов. Интеллектуальные собеседники Бицилли — экономисты, писатели, философы, историки, мыслители самых разных направлений. Но кроме того — это авторы самых разных культур и национальностей: греки, немцы, русские, британцы, французы и т. д. Представляется, что сама статья Бицилли — это та самая книжная полка, о которой он писал, и ее автор предстает перед нами весьма «грамотным» европейцем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Аль-Матар* С. Счастье в борьбе. Пять писем Якова Новикова Габриэлю Тарду // *Ab Imperio*. 2014. № 4. С. 197–219.
2. *Бирман* М. П.М. Бицилли и евразийцы в 1922–1927 гг. (очерки и фрагменты) // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): сб. ст. и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 241–253.
3. *Бирман* М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
4. *Каганович* Б.С. К теме: П.М. Бицилли и евразийцы // *Диаспора: Новые материалы* / отв. ред. О.А. Коростелев. СПб: Феникс, 2001. Вып. 2. С. 291–299.
5. *Чубарьян* А.О. Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М.: Международные отношения, 1987. 352 с.
6. *Чубарьян* А.О. Российский европеизм. М.: Олма-Пресс, 2006. 414 с.
7. *Aleno* K. Un projet de paix perpétuelle. Fédéralisme et pacifisme chez Jacques Novicow // *Relations internationales*. 2013. Vol. 154. № 2. P. 7–20.
8. *Conze* V. Richard Coudenhove-Kalergi. Umstrittener Visionär Europas. Zürich: Muster-Schmidt Verlag, 2004. 108 S.
9. *Europe in Crisis: Intellectuals and the European Idea, 1917–1957*. New York: Berghahn Books, 2012. 350 p.
10. *Neumann* I.B. Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations. London; New York: Routledge, 1996. 253 p.
11. *Rougemont* D. de. The Idea of Europe. New York: The Macmillan Company, 1966. 434 p.

Источники

12. *Бицилли* П.М. Избранное. Историко-культурологические работы. София: Издательство на Министерството на отбраната “Св. Георги Победоносец”, 1993. Т. 1. 396 с.
13. *Бицилли* П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / сост. Ф.Б. Успенский; отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. 808 с.
14. *Бицилли* П.М. Избранные труды по филологии / сост., подгот. текстов и коммент. В.П. Вомперского и И.В. Анненковой. М.: Наследие, 1996. 709 с.
15. *Бицилли* П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, ре-

- цензии / сост., вступ. ст., коммент. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. 608 с.
16. *Бицилли П.М.* U.S.E.? // *Современные записки*. Париж, 1931. Кн. 45. С. 362–388.
 17. *Гюго В.* Речь при открытии Конгресса мира в Париже (21 августа 1849 года) // *Гюго В.* Собр. соч.: в 15 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 15. С. 206–214.
 18. *Ленин В.И.* О лозунге «Соединенные Штаты Европы» // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Изд-во политической лит., 1969. Т. 26. С. 351–355.
 19. Обсуждение плана Бриана // *Руль*. Берлин, 1929. 11 сентября. № 2673. С. 1.
 20. Организация Европы. Меморандум Бриана // *Руль*. 1930. 20 мая. № 2881. С. 1.
 21. Освальд Шпенглер и Закат Европы: [сб. ст.]. М.: Берег, 1922. 95 с.
 22. План Бриана // *Руль*. 1930. 20 мая. № 2881. С. 2.
 23. Сверхгосударственные объединения // *Руль*. 1928. 28 марта. № 2231. С. 5.
 24. Соединенные Штаты Европы (Доклад А.А. Гольденвейзера) // *Руль*. 1926. 20 мая № 1659. С. 4.
 25. *Троцкий Л.Д.* В порядке международной дискуссии. О своевременности лозунга «Соединенные Штаты Европы» // *Правда*. 1923. 30 июня. № 144. С. 2.
 26. *Coudenhove-Kalergi R.N.* Pan-Europa. 4. Aufl. Wien: Paneuropa-Verlag, 1926. 169 p.
 27. *Coudenhove-Kalergi R.N.* Paneuropa. Ein Vorschlag // *Neue Freie Presse*. Wien, 1922. 17 November. № 20903. P. 2–3.
 28. Text of Briand's Plan for a European Union. Memorandum on the Organization of a System of European Federal Union // *Current History*. New York, 1930. Vol. 32. P. 1181–1186.

REFERENCES

1. Al'-Matari, S. "Schast'e v bor'be. Piat' pisem Iakova Novikova Gabrieliu Tardu" ["Happiness in Struggle. Five Letters from Iakov Novikov to Gabriel Tarde"]. *Ab Imperio*, no. 4, 2014, pp. 197–219. (In Russian)
2. Birman, M.A. "P.M. Bitsilli i evraziitsy v 1922–1927 gg. (oчерki i fragmenty)" ["P.M. Bitsilli and the Eurasianists (Essays and Fragments)"], ed. by O. Korostelev, M.Shruba. *Vokrug redaktsionnogo arkhiva "Sovremennykh zapisok" (Parizh, 1920–1940)* [Around the Editorial Archive of "Sovremennye Zapiski" (Paris, 1920–1940)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 241–253. (In Russian)

3. Birman, M.A. *P.M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo* [P.M. Bitsilli (1879–1953). *Life and Work*]. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 444 p. (In Russian)
4. Kaganovich, B.S. “K teme: P.M. Bitsilli i evraziitsy” [“On the Topic: P.M. Bitsilli and the Eurasianists”], ed. by O. Korostev. *Diaspora: Novye materialy* [Diaspora: *New Materials*], issue 2. St. Petersburg, Feniks Publ., 2001, pp. 291–299. (In Russian)
5. Chubar'ian, A.O. *Evropeiskaia ideia v istorii. Problemy voyny i mira* [The *European Idea in History. Problems of War and Peace*]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1987. 352 p. (In Russian)
6. Chubar'ian, A.O. *Rossiiskii evropeizm* [Russian *Europeanism*]. Moscow, Olma-Press Publ., 2006. 414 p. (In Russian)
7. Alleno, K. “Un projet de paix perpétuelle. Fédéralisme et pacifisme chez Jacques Novicow”. *Relations internationales*, vol. 154, no. 2, 2013, pp. 7–20. (In French)
8. Conze, Vanessa. *Richard Coudenhove-Kalergi. Umstrittener Visionär Europas*. Zürich, Muster-Schmidt Verlag, 2004. 108 S. (In German)
9. *Europe in Crisis: Intellectuals and the European Idea, 1917–1957*. New York, Berghahn Books Publ., 2012. 350 p. (In English)
10. Neumann, Iver B. *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. London, New York, Routledge Publ., 1996. 253 p. (In English)
11. Rougemont, Denis de. *The Idea of Europe*. New York, The Macmillan Company Publ., 1966. 434 p. (In English)

Дата поступления статьи: 31 июля 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 24 января 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 31 July 2021

Approved after reviewing: January 24, 2022

Date of publication: December 26, 2024

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-367-390>

<https://elibrary.ru/YRFCSY>

П.М. БИЦИЛЛИ И ЖУРНАЛ «НОВЫЙ ГРАД»

© 2024 г. М.А. Васильева

Аннотация: Статья посвящена истории сотрудничества выдающегося гуманитария-энциклопедиста П.М. Бицилли с парижским эмигрантским журналом «Новый Град» (1931–1939). Бицилли был не только одним из самых активных авторов журнала, но оказал немалое влияние на становление новоградства — оригинального пореволюционного течения русского зарубежья, во многом определившего умонастроения эмиграции и эмигрантской молодежи в предвоенное десятилетие. Статья исследует глубинные пересечения воззрений Бицилли и новоградских идеологов, разрабатывавших концепцию «социального христианства». В статье также анализируется ряд программных публикаций Бицилли на страницах «Нового Града».

Ключевые слова: межвоенная эмигрантская периодика, философская публицистика П.М. Бицилли, пореволюционные течения русской эмиграции, феномен новоградства, христианский социализм, национальный вопрос, концепция «нового средневековья», спор о молодой эмигрантской литературе.

Информация об авторе: Мария Анатольевна Васильева — кандидат филологических наук, ученый секретарь, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, ул. Нижняя Радищевская, д. 2, 109240 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4197-658X>

E-mail: marijvasil@mail.ru

Для цитирования: Васильева М.А. П.М. Бицилли и журнал «Новый Град» // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 367–390.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-367-390>

Research Article

PIOTR BITSILLI AND THE JOURNAL “NOVYI GRAD”

© 2024. Maria A. Vasilieva

Abstract: The article is devoted to the history of cooperation of the outstanding humanist-encyclopedist Piotr M. Bitsilli with the Paris emigrant journal “Novyi Grad” (1931–1939). Bitsilli was not only one of the most active authors of the journal, but had a considerable impact on the formation of the “novogradstvo” — the original post-revolutionary movement of the Russian diaspora, which largely determined the mindset of emigration and emigrant youth in the pre-war decade. The article explores the deep intersections of the Bitsilli’s views with those of “Novyi Grad” ideologists who developed the concept of “social Christianity”. The article also analyzes a number of Bitsilli’s program publications on the pages of the “Novyi Grad” journal.

Keywords: interwar emigrant periodicals, philosophical journalism by Piotr M. Bitsilli, post-revolutionary movements of Russian emigration, the “Novyi Grad” phenomenon, Christian socialism, national question, concept of the “New Middle Ages”, dispute about young emigrant literature.

Information about the author: Maria A. Vasilieva, PhD in Philology, Academic Secretary, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad, Nizhniaya Radishchevskaya St. 2, 109240 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4197-658X>

E-mail: marijavasil@mail.ru

For citation: Vasilieva, M.A. “Piotr Bitsilli and the Journal ‘Novyi Grad’.” *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 367–390. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-367-390>

Отдельная тема, достойная всяческого изучения в эмигрантоведении, — история сотрудничества выдающегося гуманитария-энциклопедиста Петра Михайловича Бицилли (1879–1953) с эмигрантской периодикой, в том числе парижской. Наиболее полно сегодня изучено его присутствие в самом влиятельном эмигрантском журнале «Современные записки» (1920–1940) [40, с. 479–646], где Бицилли начал печататься с 1925 г. и опубликовал в общем счете 32 статьи и рекордное число (104) рецензии. Издание обширной переписки ученого с представителями редакции «Современных записок» (В.В. Рудневым, М.В. Вишняком, И.И. Фондаминским) дает возможность в полной мере оценить его участие в судьбе журнала не только как «рядового» автора, но как единомышленника — от рекомендации новых имен до содействия в поиске типографии. В период внутриредакционного кризиса, который охватил журнал в середине 1930 х гг., именно Бицилли оказался доверенным лицом, с которым редакция в лице Руднева подробно обсуждала свою дальнейшую стратегию. Очевидно, что для «Современных записок» Бицилли был фигурой значимой. Не случайно его диалог с авторитетным периодическим изданием рассматривается публикаторами редакционного эпистолярия М.А. Бирманом и М. Шрубой как история взаимных достижений — «Современные записки» помогли представителю старшего поколения адаптироваться к эмигрантской реальности в той же степени, в какой и он сам влиял на облик журнала. Благодаря «Современным запискам» Бицилли, обосновавшийся с 1924 г. в Софии (в сущности, на периферии русского рассеяния), прочно вписал себя в литературную среду межвоенных лет как востребованный автор с высокой дореволюционной научной культурой, блестяще владеющий мобильными жанрами периодики (журнальная аналитическая статья, обзор, эссе, рецензия).

Представляется закономерным, что в монографии М.А. Бирмана «П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество» (М., 2018) эволюция сотрудничества софийского профессора с эмигрантской прессой рассмотрена через призму публикаций на страницах легендарного парижского журнала и переписки с его редакцией. Присутствие Бицилли в других периодических изданиях обрисовано исследователем кратко:

Кроме поименованных публикаций в «С<овременных> з<аписках>» Бицилли еще с конца 1920 х гг. напечатал в иных изданиях ряд статей небольшого объема и рецензий, откликаясь на волновавшие его проблемы демократии и культуры. Они были обна-

родованы преимущественно в издававшихся в Париже журналах «Новый Град» и «Числа» и в софийских журналах (на болгарском языке) «Просвета» и «Философски преглед» [3, с. 193].

Это показательное библиографическое «ранжирование» можно объяснить уже хотя бы несопоставимо меньшим числом публикаций в «иных изданиях».

Между тем для воссоздания целостного образа мыслителя представляет не меньший интерес его сотрудничество с альтернативными «Современным запискам» журналами «Числа» (1930–1934) и «Новый Град» (1931–1939). История его взаимоотношений с трибуной молодых эмигрантских писателей — парижским журналом «Числа» — отчасти была затронута автором этих строк (см.: [4]), а изучение новоградского дискурса в творчестве Бицилли до сих пор не получило должной оценки.

Оба журнала возникли почти одновременно, в начале переломного десятилетия, став обоюдоострым полемическим ответом как старшему эмигрантскому поколению с его «старозаветным» идейным багажом, так и современности с ее новейшим эсхатологическим сценарием. И «Числа», и «Новый Град», несмотря на немалую долю критики в их адрес, не только прочно заняли отдельную нишу в ряду эмигрантских журналов и нашли своего читателя, но по факту вошли в число наиболее успешных проектов повременной печати русского зарубежья. Особую роль «Чисел» так определял один из идеологов издания Г.В. Адамович:

По всей вероятности, успех их основан именно на заполнении того «пробела», который давно уже здесь чувствовался, — на широкой, быстрой и притом критической отзывчивости к явлениям общей культуры. <...> Предпосылкой их служит стремление понять, уразуметь, почувствовать наше время, признание «сдвига», происшедшего в мире, и утверждение того, что у эмигрантского «человека тридцатых годов» <...> есть что остальным людям сказать [12, с. 2].

Журнал «Новый Град», созданный по инициативе И.И. Фондаминского (Бунакова), Г.П. Федотова и Ф.А. Степуна, был также всецело эмигрантским почином, обращенным к реалиям времени, к мировидению человека тридцатых годов. «Не легкомысленная жажда новизны, не слепая ненависть к старине соединила нас, искателей Нового Града. Нет, в старом городе просто становится невозможно жить» [36, с. 3], — говорилось во вступительной статье от редакции.

Несмотря на то что «Новый Град» просуществовал вдвое дольше «Чисел» и выработал иную тактику («Числа» изгнали политику, отдав предпочтение литературе и искусству, а «Новый Град» был открыт для обсуждения различных политических пореволюционных концепций), эти издания взаимодополняли друг друга. Были и демаркационные линии, на которые указывали сами идеологи журналов. Ощутимый водораздел пролегал между созерцательным «монпарнассским» мистицизмом (или «темой нирваны», по определению Г.П. Федотова [49, с. 146]), к которому тяготели «Числа», и христианским активизмом «Нового Града», иронично названным Г.В. Адамовичем «революцией на лампадном масле» [10, с. 156]. Вместе с тем оба парижских журнала, обратившись к современности, целенаправленно преломили мнемоническую традицию русской эмиграции. Не случайно тот же Адамович указывал на скрытую опасность охранительной стратегии «Современных записок»:

Именно в том, что называется «хранением заветов», редакция видела свою задачу. Но шли годы — и мало-помалу стало выясняться, что «заветы» — не консервы, которые можно хранить сколько угодно, лишь бы только не подвергать их действию свежего воздуха. Появилась опасность отрыва от жизни ради холодноватого музейного благолепия [11, с. 3].

Характерно, что И. Фондаминский в письме к В. Рудневу от 20 июня 1934 г. настойчиво предлагал обновить «Современные записки» разделами по образцу «Нового Града» и «Чисел», заметив при этом:

Постепенно мы составим себе репутацию устаревших и даже мертвых людей, а такая репутация действительно убивает. Я решительно перешел бы на молодежь, тем более, что скоро это станет физически необходимым <...> А, главное, мир сейчас переживает такой захватывающе жуткий и интересный момент, что все наше внимание должно быть сосредоточено на нем. Повторю то, что сказал о беллетристике: мнение, складывающееся о нашем журнале, как о «мертвом» (архив, музей), убьет его (курсив мой. — М.В.) [39, с. 754].

В силу непреодолимых идеологических разногласий «Новый Град» не стал и не мог стать ориентиром для «Современных записок», а Руднев и Вишняк обрушились с последовательной крити-

кой на «новое увлечение» [31, с. 107] фактически отколовшегося от редакции Фондаминского¹. Между тем к середине 1930 х гг. содержание «Современных записок» заметно обновляется — журнал корректирует свой «музейный» нарратив и обращается к современности. Знаменательно, что одним из наиболее востребованных консультантов в эти годы выступил именно П.М. Бицилли. Его разбор номеров, сделанный по просьбе Руднева, падает как раз на период «редакционной гражданской войны»² (так определял «внутрикорпоративный» конфликт сам ученый). Ответные письма софийского профессора, по сути, являются внутренними рецензиями на журнал. В целом Бицилли был склонен давать не формально-комплементарные, а мотивирующие оценки, в которых четко просматривалось его личное видение целей и задач эмигрантского «толстого» журнала:

...мне кажется, что «С<овременные> зап<иски>» все ближе и ближе подходят к тому, чего я лично хотел от них; они все более оправдывают свое название, становятся все чувствительнее к «современности» с ее трагической проблематикой³, —

напишет Бицилли Рудневу в 1936 г. Сам ученый к этому году уже прочно вошел в состав «Нового Града», ориентированного на «трагическую проблематику» текущего момента. Вместе с тем на фоне активной вовлеченности в новейшие эмигрантские проекты, в переписке с Рудневым он выскажет следующее соображение:

...исключительность — и единственное преимущество русской эмиграции, находящейся, в силу проклятой необходимости, т<ак> сказ<ать>, en marge <на краю (фр.)> истории, — это возможность для того, кто вообще на это способен, — *сохранить свою духовную свободу, свободу выбора в духовном наследии «старого» и в духовных ценностях «нового»*⁴.

В постановке вопроса о «духовной свободе» снова просматривается понимание мыслителем не только беспрецедентной роли русской эмиграции как звена между гибнущей цивилизацией дореволюци-

¹ Полемику см.: [5; 36; 37]; см. также: [33, с. 294–333].

² П.М. Бицилли — В.В. Рудневу, 10 августа 1936 г. [40, с. 587].

³ П.М. Бицилли — В.В. Рудневу, 23 июля 1936 г. [40, с. 581].

⁴ П.М. Бицилли — В.В. Рудневу, 3 августа 1936 г. [40, с. 582].

онной России и новым мироустройством и не только исключительного места «Современных записок» в эмигрантской повременной печати как золотого фонда русской культуры, но и своего, личного места в переломной эпохе. Одновременное участие Бицилли в столь разных парижских журналах — наглядная иллюстрация диалогического совмещения в его мировидении двух парадигм — «духовного наследия “старого”» и «духовных ценностей “нового”».

Документальных свидетельств сотрудничества П.М. Бицилли с «Новым Градом» немного. Тому есть несколько причин. Межвоенных архивов эмигрантской периодики почти не сохранилось, поскольку некому и негде их было собирать, вести и хранить. Отдельные материалы, как правило, оседали в личных архивах редакторов (пример тому — архив «Современных записок», в основу которого легли личные собрания Руднева и Вишняка). В случае «Нового Града» ситуация осложнена тем, что архив Фондаминского пропал вместе с его библиотекой при аресте в 1941 г., довоенное собрание Степуна погибло во время бомбардировки Дрездена в 1945 м. Наиболее полно в фондах представлены материалы Федотова, а также отложившиеся в собраниях адресатов и раскиданные по разным местам многочисленные исходящие письма. В целом, этого было бы достаточно для издания в будущем тома переписки, относящейся к «Новому Граду».

Если же обратиться к публикации редакционного эпистолярия «Современных записок», то в обширном архивном массиве можно отследить плотный новоградский контекст, в том числе в переписке Бицилли. Примечательно аргументированное замечание публикатора М.А. Бирмана, что сотрудничество ученого с журналом было инициировано Фондаминским. Примечательно также, что сам Бицилли, в свою очередь, обратил внимание редакции на Г.П. Федотова (см.: [40, с. 493, 494]). Оба — и Фондаминский, и Федотов — составят идейный костяк «Нового Града». А сама история взаимной протекции, в сущности, отражает идейную близость трех мыслителей.

Показательна и содержательная направленность статей Бицилли в «Современных записках», она претерпевает ощутимую эволюцию на фоне внутриредакционных коллизий и запуска новоградского проекта. До 1930 г. он публикует здесь внушительное число текстов на стыке историко-культурологического и общественно-политического дискурсов. Примером может служить цикл статей, посвященных «философии нации» (см.: [16; 18; 19; 27]), по своей злободневности больше отвечающий новоградско-

му пафосу⁵, нежели мнемоническому канону авторитетного журнала. С большой долей вероятности этот цикл статей был одобрен или инспирирован Фондаминским, который хотел публицистической Бицилли «усилить общественно-социальную часть» «Современных записок»⁶. Сам ученый в письме к Рудневу влияние Фондаминского описывал не без иронии:

...что бы он ни заказывал мне для «Н<ового> Града», а раньше и для «Совр<еменных> зап<исок>», всегда прибавлял неизменное cliché: «только, пожалуйста, возможно острее»⁷.

Многие актуальные темы Бицилли разрабатывал независимо от стратегических приоритетов Фондаминского, чему свидетельство — исследования по национальному вопросу, опубликованные в те же годы в виде статей и брошюр в США, Праге, Софии и Загребе (см.: [17; 22; 50; 51; 52]). Однако совпадение интересов и публикация программных статей на ту же тему в «Современных записках» весьма показательны.

С 1931 г., когда Фондаминский, по его собственному замечанию, «отказался от задачи, на которую отдал годы своей жизни: оформления в “С<овременных> з<аписках>” дорогого мне мирозерцания» и был «весь поглощен заботами мыслями о создании маленького журнала, где бы наше мирозерцание могло бы свободно оформиться»⁸, отдельное направление публицистики Бицилли перераспределяется в пользу нового издания. Определенную роль здесь играла и редакционная «охранительная» политика Вишняка. Знамательно, что в том же переломном 1931 г. Фондаминский настойчиво убеждал редакцию «Современных записок» сохранить в составе ближайшего номера статью Бицилли «U.S.E.?» (Современные записки. 1931. Кн. 45), посвященную животрепещущему вопросу европейского единства и даже пожертвовать ради нее публикацией набоковского «Подвига».

⁵ См. программный призыв в статье от редакции в первом номере «Нового Града»: «Начала нового свободного порядка и справедливости, утверждаемые в государственном общежитии, должны быть обеспечены и в отношениях между нациями. Нации — великие личности — должны сохранить во всей полноте свободу своего творчества, но поступиться долей политической и экономической свободы, чтобы войти в общечеловеческое общение» [36, с. 6].

⁶ И.И. Фондаминский — М.В. Вишняку, 21 июня 1930 г. [39, с. 535].

⁷ П.М. Бицилли — В.В. Рудневу, 3 августа 1936 г. [40, с. 582].

⁸ И.И. Фондаминский — М.В. Вишняку, 12 января 1931 г. [39, с. 552].

По текущим делам только одно пожелание, — обращается он к Вишняку, — ни в коем случае не выбрасывать статьи Бицилли. <...> Я ему писал извинение и сообщил, что она пойдет обязательно в этом номере. Помимо этого, она входит в серию культурно-публицистических статей, на к<о>т<о>р<ых> мы решили утвердить в этом году журнал⁹.

Статья «U.S.E.?» была, как и обещано автору, напечатана в «Современных записках». Вместе с тем его последующие публикации в этом журнале плавно переходят в иную парадигму (литературоведение, философия культуры). Сам Бицилли, видимо, не переставал рассматривать «Современные записки» как проект, чувствительный к современности, — все его публикации после 1931 г. в той или иной степени были отражением актуальных исторических событий, а статьи «Две эпохи крушения старого порядка» (Современные записки. 1935. Кн. 57) и «Вторичное варварство» (Современные записки. 1940. Кн. 70) можно смело отнести к разряду остропублицистических. Однако со счетов нельзя скидывать все ту же «редакционную гражданскую войну» и идейное противостояние журналов, иллюстрацией чему служит сакраментальный вопрос Вишняка, адресованный Рудневу: «Зачем заполнять “С<овременные> з<аписки>” специфически новоградским материалом?»¹⁰.

Знаменательно, что в конце 1930 х Бицилли в одном из писем к Вишняку, без оптимизма встретив просьбу дать статью на далекую от него тему, заметит:

Мне очень бы хотелось написать о кое-чем другом в связи с нынешними событиями: а именно о вскрывшихся в них противоречиях нынешней «Европы» и о тех жутких последствиях, какие эти противоречия вызывают. Буду очень благодарен, если дадите мне для этого 5–6 — не более — страниц. Статья эта сложилась «в голове» уже вполне, так что, как только получу Ваш ответ, то если это будет да — сейчас же напишу и пришлю к сроку¹¹.

Судя по всему, ответа «да» не последовало, так как означенная тема не прозвучала в «Современных записках», не появилась она и в «Русских записках», где Бицилли стал публиковаться по пригла-

⁹ И.И. Фондаминский — М.В. Вишняку, 12 января 1931 г. [39, с. 553].

¹⁰ М.В. Вишняк — В.В. Рудневу, 26 мая 1935 г. [39, с. 796].

¹¹ П.М. Бицилли — М.В. Вишняку, 25 сентября 1938 г. [40, с. 620.]

шению Вишняка. Скорее всего речь идет о программной статье «Урок истории», в ней автор снова обратился к сюжетам (философии нации, объединения Европы), которые активно развивал в «Современных записках» в эпоху Фондаминского на стыке 1920-х и 1930-х гг. «Урок истории» был опубликован в последнем номере «Нового Града» (1939. № 14).

Журнал И.И. Бунакова (Фондаминского), Г.П. Федотова и Ф.А. Степуна возник в период мирового экономического кризиса начала 1930-х гг., назревающего политического кризиса в Европе, кризиса либеральной системы и масштабного кризиса гуманизма, проявившегося в разных странах и в разных изводах, но с характерной одновременностью (всплеск национализма, милитаристская риторика, запуск ГУЛага в СССР и концлагерной машины германского рейха и т. д.). Ответом на энтропийный контекст эпохи и агрессивное наступление идеологии нацизма и большевизма «Новый Град» выдвигал целый комплекс альтернативных концепций, основой которых служило новое деятельное религиозное сознание. Между тем весьма проблематично сводить феномен новоградства к завершенной идеологии с четкими контурами. Это был богатый по составу сплав (или конвергенция) идей из наследия русской мысли (христианская антропология В.С. Соловьева, философия «общего дела» Н.Ф. Федорова и т. д.), дореволюционной «веховской» традиции (идея переустройства общества) и пореволюционного эмигрантского мировоззрения. Однако политической трибуной пореволюционных доктрин «Новый Град» назвать также сложно. В сущности, журнал не столько пропагандировал идеологию многочисленных пореволюционных течений русского рассеяния (евразийцы, младороссы, солидаристы, неодемократы, национал-максималисты, четвертороссы и т. д.), сколько осмыслял ее. Также осмыслением поколенческого вопроса стал диалог журнала с младоэмиграцией. В этом плане показательно редакционное воззвание «К молодежи» («Новый Град». 1932. № 3). На фоне основного авторского состава, представленного большей частью старшим и средним поколением (Н.Н. Алексеев, Н.А. Бердяев, П.М. Бицилли, прот. С. Булгаков, В.В. Вейдле, Б.П. Вышеславцев, С.И. Гессен, В.Н. Ильин, Е.Д. Кускова-Прокопович, Н.О. Лосский, К.В. Мочульский, мать Мария (Е.Ю. Скобцова), П.Н. Савицкий, М.И. Цветаева и др.), авторов из молодых эмигрантов в журнале было немного (В.С. Варшавский, Л.Г. Закутин, Ю.П. Иваск, В.С. Яновский). Однако именно в обращенности к актуальной по-

литической мысли и к эмигрантской молодежи, в осмыслении через философскую публицистику животрепещущих проблем десятилетия было стратегическое завоевание «Нового Града».

Сближало новоградство с другими пореволюционными течениями искание «третьего пути» — нового социального обустройства России и Европы, свободного от идеалов капиталистического Запада и от большевистской доктрины. При этом «замысел о новой России» [42, с. 17–18] не отменял пристального интереса к онтологии и феноменологии социализма — «блудного сына христианства», по определению Г.П. Федотова [47, с. 4]. В целом новоградцы создали оригинальную концепцию социального христианства — «новую апологию вечных истин» [47, с. 4], предлагая разные формулы «активной “утопии”» [28, с. 45]. Немалый интерес новоградцы проявляли и к социальным процессам, происходящим в Советской России, сделав их также предметом последовательного осмысления — без сменовеховской апологетики, но и без априорных инвектив. Пожалуй, именно этот пункт в новоградской аналитике вызывал наибольшую критику со стороны «ортодоксальной» русской эмиграции (см. об этом, например: [1]).

В то же время в многочисленных пореволюционных исканиях тридцатых годов «Новый Град» занимает особое место. В неформальном манифесте (статья от редакции в № 1) журнал выстраивает отдельную новоградскую парадигму:

...признание свободы личности отделяет нас от большинства так называемых пореволюционных течений русской политической мысли, с которыми нас роднит общее понимание политического кризиса и воля к новой жизни. В охране свободы, как драгоценного завещания XIX века, мы занимаем позицию консерваторов [36, с. 6].

Христианский персонализм («вечная истина христианства, согласно которой дороже всего человек» [13, с. 59]) как нравственный императив лежит в основе самых различных новоградских исканий в области политики, культуры, образования, права, хозяйствования (регуляции природы), национального вопроса и т. д. Не случайно при всем многообразии концепций новоградство предстает как многомерный, но целостный феномен. Как целостное социальное действие новоградство проявило себя в ряде эмигрантских починов близких к журналу (собрания литературно-философского объединения «Круг», работа организации «Православное Дело») и достигло апогея во время Второй мировой войны, когда многие русские

эмигранты, разделявшие новоградские воззрения, приняли участие в борьбе с нацизмом, — пополнили ряды Французской армии, вошли в движение Сопротивления. Символичной для новоградства стала судьба самого Фондаминского-Бунакова, — его крещение в 1941 г. в лагере Компьень, мученическая смерть 1942 м в лагере Освенцим и канонизация в 2004 м Константинопольским патриархатом.

Методологически новоградство отличала особая форма мысли, где сомнение, вопрошание, полемика были неотъемлемой частью самораскрытия идеи. Так, в «новоградском манифесте» за программным утверждением «наше поколение вплотную поставлено перед социальным вопросом — не для теоретического анализа, а для практического его решения» следовал не менее программный постскриптум: «У нас нет готовых рецептов» [36, с. 5, 6].

Призыв «Нового Града» к активизму, «практическому решению», хождению в эмигрантский народ [23] вовсе не снимал с повестки дня «теоретического анализа». В истории идей русского зарубежья новоградство предстает как нетривиальная теоретическая проекция, к становлению которой были причастны в первую очередь основатели журнала — Федотов, размышлявший о «теории православного демократического государства» [47, с. 5], Степун, говоривший о необходимости «кропотливой работы над созданием нового мирозерцания, над возвращением нового человека» [44, с. 10]¹², Бунаков (Фондаминский), призывавший воскресить «Орден воинов-монахов, пламенно верующих в правду учения и готовых на жертвы и подвиг для освобождения России» [29, с. 47]. Вместе с тем новоградские построения отмечены характерным «воздержанием от идеологически-отвлеченного прожектерства» [43, с. 19].

Возможно, именно теоретическое сдерживание, видение новоградской идеи как неокончательного становящегося процесса и неподдельный интерес к голосу *другого* уберегли новоградство от участи многих агрессивных идейных конструкций предвоенной эпохи. Критика В.В. Руднева в адрес № 1 журнала, его недоумение по поводу отсутствия общепонятной формулы «Нового Града» и «руководящей статьи» с «отчетливым ответом» [37, с. 506] — в новоградской системе ценностей — суть методологическое завоевание. Вклад «Нового Града» в ментальное пространство межвоенных лет в целом можно свести не к строительству завершенной идеологии, а к явлению иного порядка — «созданию новоградской психологии» [41, с. 64]. Сам журнал свои мировоззренческие принципы сформу-

¹² Подробнее об этом см.: [9].

лировал еще в первом номере: «Мы спрашиваем не о том, во что человек верует, а какого он духа» [36, с. 7].

В сущности, новгородство не столько создавало новый тип человека, сколько пыталось восстановить утерянный замысел о человеке, — живую, духовную, практическую связь между христианством и современностью. О том, какое исключительное место занимала новгородская идея в ряду новых исканий русской эмиграции, можно судить по книге «Незамеченное поколение» (1956) В.С. Варшавского, одного из авторов и апологетов «Нового Града». Настроение младоэмигрантов в межвоенные годы он описывал так:

Чтобы покончить с жизнью одиночества, сожалений и пустоты, им представлялась другая возможность — примкнуть к какому-либо коллективному движению, к какому либо конформизму. В этом объяснение, почему их так легко соблазняли разные фашистско-образные идеологии и почему многие из них стали советскими патриотами. Но, избавляясь в этом отождествлении себя с чем-то сверхличным от ужаса несуществования и бессмысленности, — они отказывались и от своей свободы, от своего права спрашивать и сомневаться. В награду за этот отказ от свободы и за готовность отдать жизнь для победы учения они получали на все ясные готовые ответы... [30, с. 160].

Предоставляя «право спрашивать и сомневаться», новгородство оградило многих младоэмигрантов от искушений фашизма и сменовеховства.

Свобода мнений, ограничение идейной диктатуры, «дух терпимости и диалога» [30, с. 244], — как потом охарактеризует стратегию и тактику «Нового Града» тот же Варшавский — проводились журналом весьма последовательно. Издание публиковало на своих страницах взаимную полемику¹³ и даже критику новгородских построений. Примером такой критики могут служить статьи Бицилли, и одна из наиболее показательных — «Размышления у врат Нового Града», где автор дает обзор достижений и срывов новгородской идеологии и предостерегает от «гипостазирования исторических понятий», «грубого обобщения», наивного эмигрантского прожектерства [35, с. 61, 64], в сущности, опровергая ряд концепций идеологов журнала — Федотова, Бунакова и Степуна. Скорее всего, не только «духовные ценности “нового”», но и диалогичность журнала

¹³ См., например, новгородскую полемику Н.А. Бердяева и Г.П. Федотова о свободе, либерализме и демократии.

предопределили сотрудничество Бицилли с «Новым Градом». Достаточно привести его соображение:

...сколь бы ни была «умна» какая-либо доктрина, ставши официальной, она становится и монопольной и тем самым обращается в догму, т. е. «глупеет» [23, с. 198].

Сам Бицилли для «Нового Града» выступил автором, который постоянно раскачивал маятник полемики, провоцировал дискуссию, чем внес весомый вклад в жизненность новоградства и его эвристический потенциал. Как мыслитель он оказал немалое влияние на становление нового течения. Однако делал это методом не «готовых рецептов», а диалога, тем самым ограждая новоградскую идею от косности монопольной догмы.

Как уже отмечалось, Бицилли сотрудничал с журналом Бунакова (Фондаминского), Федотова и Степуна на протяжении девяти лет с первого до последнего номера (за исключением № 12, 13). При этом по количеству публикаций опередил не только «сторонних» авторов, но и двух новоградских идеологов — Бунакова и Степуна, уступив лишь Федотову. Объективно Бицилли был самым активным участником новоградского проекта: 9 статей (одна за подписью П. Михайлов) и 10 рецензий.

Самораскрытие мысли Бицилли на страницах «Нового Града» показательно и многообразно. Перед нами предстают основные направления его научных исканий как историка, культурфилософа, литературоведа и медиевиста. При этом большую часть публикаций отличает характерный полемичный дискурс. Остановимся на нескольких текстах, программных для автора и журнала. Репрезентативна уже первая статья [26] с критическим разбором парижского журнала «Утверждения» — печатного органа Объединения пореволюционных течений, основанного в 1931 г. идеологом национал-максимализма Ю.А. Ширинским-Шихматовым. Указывая на слабости и противоречия идейных построений «утвержденцев» («превознесение национально-государственной мощи России», «недооценка европейской культуры», «преклонение перед государством, как организованной силой», «недооценка демократии» и т. д.) — Бицилли сравнивает новое пореволюционное течение с евразийством, пережившим к 1931 г. ряд идеологических кризисов и раскол. Сотрудничество Бицил-

ли с евразийцами хорошо изучено¹⁴. Интерес ученого к становящемуся евразийству фактически ограничился ранним софийским периодом и довольно быстро сменился разочарованием, а статья «Два лика евразийства» (Современные записки. 1927. Кн. 31) подвела черту под историей отношений. Возвращаясь в новоградской статье к противоречиям евразийской доктрины, Бицилли пишет:

Идеология «Утверждений» не то же самое, что идеология евразийства. Но она очень похожа на евразийскую — и как раз в том, что составляет, если можно так выразиться, конститутивную порочность последней. <...> Идеологи «Утверждений», как и евразийцы, живут всецело в будущем, т. е., в сущности, не живут [26, с. 84].

Очевидно, что этим сопоставлением мыслитель пытается уберечь стратегию пореволюционного печатного органа от уже отработанных ошибок. Очевидно также, что новоградская статья — очередной вердикт соблазну евразийства. Между тем в этом заочном диалоге не все так очевидно, и сам Бицилли, верный полемичному дискурсу, обратится в следующем номере «Нового Града» к сборнику «Тридцатые годы. Утверждение евразийцев» (Париж, 1931). Отметив сильные теоретические стороны евразийства и неоспоримый вклад в науку ряда его представителей (концепция «месторазвития» Г.В. Вернадского, геополитические и историко-географические идеи П.Н. Савицкого), он завершит разбор издания знаменательной репликой:

В каждой новой научной концепции есть еще одна сторона, всегда положительная, хотя бы даже новая концепция была ложной: она приучает увлеченных ею вообще видеть вещи по-новому [24, с. 92].

Эта небольшая рецензия с «открытым финалом» усложняет рецепцию евразийства в творчестве Бицилли и вместе с тем в новоградском нарративе.

Подчеркнуто дискуссионной предстает на страницах журнала тема «нового средневековья». В русской философии концепция по традиции закреплена за Н.А. Бердяевым как автором книги «Новое средневековье» (1924). Между тем Бицилли ввел понятие «новое средневековье» в лексикон русской мысли раньше Бердяева (см.: [20]), а в статье «Проблема нового средневековья» предложил его

¹⁴ См., например: [2; 7; 8].

новую смысловую проекцию. Указывая на целый ряд социальных конфликтов новейшего времени (конфликт между национальным и мировым хозяйством, конфликт между равенством жизненных сфер и равенством людей и т. д.), Бицилли замечает:

Никогда еще, кажется, мир не был так безобразно хаотичен, так непрочен, так неустойчив, так полон противоречий, как в наше время [21, с. 55], —

и предлагает в противовес этой непрочности что-то вроде утопии на тему «нового средневековья». Она существенно отличается от концепции Бердяева, для которого грядущее «новое средневековье» — апогей культурного универсализма. Бицилли рассматривает феномен прежде всего как медиевист, — через призму специфических черт эпохи средневековья. «Средневековье строило свою жизнь по типу Вселенной, как она ему представлялась», — замечает автор и сравнивает средневековую культуру с рядом концентрических сфер, которые замыкает «всеохватывающая сфера Церкви» [21, с. 56]. Для него «новое средневековье» — это воплощенный замысел о «цельности человеческой жизни»; вместе с тем это всецело обновленный исторический эон, свободный от средневекового детерминизма, начинающий свой разбег «не с подчинения одних сфер другим, а напротив, с последовательного обособления» [21, с. 58].

Знаменательно, что в статье Бицилли не опровергает идеи Бердяева и не ставит вопрос об авторстве термина, а раскрывает его множественные смыслы — и, как итог, расширяет применение нового понятийного языка русской историографии и философии. Предлагая свою авторскую проекцию будущего, ученый вносит вклад и в новоградскую идею «третьего пути». В то же время на страницах «Нового Града» в очередной статье он укажет на «утопический элемент в теории “нового средневековья”, не считающийся достаточно с законом необратимости истории» [15, с. 109], — чем еще больше усложнит интерпретацию концепта, внесет сомнение, амбивалентность и свободу от схематизма.

Как литературовед Бицилли выступил на страницах «Нового Града» с полемичной статьей «Несколько замечаний о современной зарубежной литературе», которая стала прямым ответом на статью Степуна «Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы» (Новый Град. 1935. № 10) и косвенным — на статью Г. Газданова «О молодой эмигрантской литературе» (Современные записки. 1936. Кн. 60). Статья органично влилась в многолетний

спор о творчестве писателей-младоземigrants, в котором приняли участие выдающиеся литераторы русского зарубежья (Г.В. Адамович, А.Л. Бем, З.Н. Гиппиус, М.А. Осоргин, М.Л. Слоним, В.Ф. Ходасевич и др.). Очередной всплеск полемики пришелся на середину 1930-х гг. и во многом был спровоцирован новгородской статьей Степуна с ее призывом к «действенной помощи в <...> борьбе против большевиков» [45, с. 12] и рядом политических заданий, выдвинутых молодым писателям. Обострила полемику ответная статья Газданова, назвавшего призывы Степуна «литературно-эмигрантским недоразумением», направленным «в пустое пространство» [34, с. 404, 405]. Резонанс, который получила статья Газданова, был связан не только с выпадом против новгородского идеолога, но и с крайне пессимистичной оценкой творчества «молодого поколения не получившей эмигрантской литературы» [34, с. 407].

«Несколько замечаний...» Бицилли весьма показательны в этом споре. С одной стороны, он ставит под вопрос отвлеченную программность постулатов Степуна, в которые не вписываются реальные достижения молодых эмигрантских писателей, а с другой, — опосредованно оспаривает скептический вердикт Газданова, указав на те же достижения молодой эмигрантской литературы (проза В. Сирина и самого Газданова, богатейшая по составу антология русской зарубежной поэзии «Якорь»). Небольшая статья Бицилли (всего лишь «несколько замечаний») ценна прежде всего пристальным интересом к предмету спора, вносит определенное равновесие в полемику, перераспределяет ее смысловой центр от отвлеченных идеологов и категоричных суждений — «к самим вещам», конкретному литературному факту. В сущности, метод, которым оперирует Бицилли, созвучен новгородской максиме Федотова:

При анализе настоящего и при гадании о будущем мы обязаны исходить не из абстрактной идеи века, а из конкретной исторической действительности [48, с. 88].

В ряду программных работ Бицилли как историка и культурфилософа стоит поистине новгородская статья «Урок истории», посвященная национальному вопросу и шире — проблеме сосуществования наций и стран накануне масштабной исторической катастрофы. «Болезнь национального сознания» (Г.П. Федотов) [49, с. 22] и пути выхода из кризиса — одни из самых злободневных тем для «Нового Града», в сущности, — центральные. Национальному вопросу посвящена большая часть новгородской публицистики Федотова,

цикл статей Бунакова и Степуна, отдельные статьи Н.А. Бердяева, о. Сергия Булгакова, матери Марии, Н.Н. Алексеева, П.Н. Савицкого и др. Появившись в последнем «предвоенном» номере, «Урок истории» символично завершает этот остроактуальный новгородский дискурс и одновременно — многолетний сюжет «философии нации» в творчестве Бицилли.

В статье автор вернулся к основным положениям ранних работ по национальному вопросу (последствия распада многонациональных империй, кризис национального государства как идеологемы, украинский вопрос, проблема европейского единства, балканский вопрос и т. д.). В то же время переломное десятилетие, разделяющее ранний цикл статей и новгородскую публикацию, сформировало беспрецедентный исторический контекст. В эти годы национальный вопрос стал главенствующим в европейском геополитическом пространстве, проявляясь в разных формах — от национальной идеи Муссолини (в том числе идеи корпоративного государства во имя экономического и национального единства) до набирающей силу эмигрантской русской национальной идеи, представленной многочисленными общественно-политическими пореволюционными течениями (солидаристы, младороссы, национал-максималисты и т. д.).

Решающими событиями десятилетия стали приход к власти национал-социалистов в Германии («декрет о защите народа и Государства», закон о реорганизации империи и т. д.), учреждение концлагерей Третьего рейха и начало Второй мировой войны.

На фоне расцвета «фашизации» Европы Бицилли создает бескомпромиссное философско-публицистическое исследование по национальному вопросу. Не теряя полемичной многомерности, не впадая в политиканство, автор статьи дает целый свод убедительных и лапидарных ответов на ключевые вопросы предвоенной эпохи: «нигде и никогда нация не была базой, на которой создалось государство», «в сущности, нигде нет чистых народов, как нет чистых рас. И в особенности это имеет силу для всех земель, бывших в течение столетий спорными», «очень легко сочувствовать одновременно всем вместе эмансипационным и сепаратистским тенденциям и движениям в средней и восточной Европе, просто-напросто не замечая того, что условием успеха одного какого-нибудь из таких движений был — в силу необходимости — провал другого» [25, с. 64, 63–64, 65].

Ряд проблем, затронутых Бицилли в «Уроке...», и сегодня не теряет своей злободневности. В том числе украинский вопрос, который для историка был неотделим от общемирового контекста и соотно-

сен с процессом национального и политического становления новой Германии (см. об этом: [5; 6]). Подчеркивая, что «украинский вопрос не выдумка каких-нибудь интриганов, авантюристов, или беспочвенных романтиков: он — есть» [25, с. 62], автор статьи замечает, что в современном историческом пространстве он не может быть решен до конца, если только не идти путем «чистки» или принудительной денационализации «чужеродных элементов». Собственно, в этом и есть трагический урок новейшей истории, который преподала новая Германия.

Не менее актуальной в статье предстает дальновидная гипотеза европейского объединения, высказанная Бицилли задолго до создания Европейского Союза. К проблеме европейского единства ученый обращался не раз, однако накануне Второй мировой войны и очередного насильственного передела Европы слова: «...национальная проблема не только не исключает проблемы единства, но только при сохранении единства и может быть “разрешена”» [25, с. 66], — звучали по-новоградски жизненно и менее всего походили на отвлеченную теорию.

«Урок...» символично завершает новоградский проект. Это поистине итоговая статья — и для Бицилли, и для «Нового Града». При этом для «Урока...» весьма показателен уход от амбивалентности, столь характерной для ряда ранних новоградских публикаций Бицилли. Здесь уместно было бы говорить не об эволюции научного метода, а, скорее, о внятной реакции мыслителя на мрачную «эволюцию» политического пространства Европы, на грядущую историческую катастрофу. И в этой этической конкретности — в свете полного затмения гуманизма — символичное совпадение личной нравственной позиции ученого и этической парадигмы новоградства.

Феномен публицистики Бицилли не сводится к феномену новоградства, однако их глубинные пересечения показательны. Во всяком случае, в новоградское течение мыслитель был вовлечен куда активнее, чем в евразийское, а результат сотрудничества оказался долговременным, поступательным и плодотворным. На страницах «Нового Града» ученый продолжает быть верен себе — он провоцирует диалог, бежит от формул и статичных дефиниций, говоря словами самого Бицилли, — «выдвигает проблему, а не просто пишет рецепт» [14, с. 41]. Как новоградский автор он менее всего претендует на завершенную идеологию и вместе с тем вносит весомый вклад в живой, становящийся новоградский текст. Участие Бицилли

в новоградском начинании — идеальный пример его творческой пластичности. Представитель «старшего поколения», дореволюционной академической традиции, знаменитой российской школы медиевистики в эмиграции он один из первых сломал стереотипы «охранительного» мировоззрения, блестяще сочетая в своем творчестве высокую научную культуру и острое чувство современности.

Правда, здесь вполне уместен вопрос — новоградство ли было актуально для Бицилли или Бицилли был актуален для «Нового Града»? Знаменательно, что на страницах журнала мы найдем немало аллюзий на «Очерки теории исторической науки» (1925) — ранний и вместе с тем основополагающий теоретический труд ученого. При этом пересечения встречаются не только в текстах самого Бицилли, но также других авторов, прежде всего в статьях Г.П. Федотова. Здесь можно говорить в равной степени о непреднамеренном совпадении, идейном сближении, творческом усвоении. Здесь также можно предположить предвидение П.М. Бицилли новоградской идеи как органичного воплощения эмигрантского мировоззрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Ананьев О.В., Ермичев А.А.* «Новый Град»: проект духовного и социального переустройства мира // *Философия и общество*. 1999. № 1. С. 154–172.
2. *Бирман М.А.* П.М. Бицилли и евразийцы в 1922–1927 гг. (очерки и фрагменты) // *Вокруг редакционного архива «Современных записок»* (Париж, 1920–1940): сб. ст. и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 241–253.
3. *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
4. *Васильева М.А.* П.М. Бицилли — участник спора «о молодой эмигрантской литературе» // *Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур: сб. науч. тр. / сост. Т.Н. Красавченко, М.А. Васильева, Ф.Х. Хадонова*. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 50–70.
5. *Васильева М.А.* Русско-украинские отношения в исторической концепции П.М. Бицилли // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2020. Т. 3, № 4. С. 133–145. DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-133-145

6. Даренский В.Ю. Анализ парадоксов украинской национальной идентичности в концепции П.М. Бицилли // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 34–42. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-34-42
7. Додонов Р.А. Критика П.М. Бицилли философии истории евразийства // Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії. 2013. Вип. 52. С. 218–226.
8. Каганович Б.С. К теме: П.М. Бицилли и евразийцы // Диаспора: Новые материалы / отв. ред. О.А. Коростелев. СПб.: Феникс, 2001. Вып. 2. С. 291–299.
9. Киселева М.С. Проект человека «Нового града». Ф.А. Степун и В.С. Варшавский // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 144–154. DOI: 10.7868/S0042874418060122

Источники

10. Адамович Г.В. Комментарии // Числа. Париж, 1933. № 7/8. С. 153–165.
11. Адамович Г.В. «Современные записки». Кн. 50-я. Часть литературная // Последние новости. Париж, 1932. 27 октября. № 4236. С. 3.
12. Адамович Г.В. «Числа». Книга 7–8 // Последние новости. 1933. 19 января. № 4320. С. 2.
13. Бердяев Н.А. Христианство и революция // Новый Град. Париж, 1937. № 12. С. 18–62.
14. Бицилли П.М. К проблеме возрождения культуры // Новый Град. 1934. № 8. С. 39–51.
15. Бицилли П.М. На путях к новому граду // Новый Град. 1935. № 10. С. 106–111.
16. Бицилли П.М. Нация и государство // Современные записки. Париж, 1929. Кн. 38. С. 380–400.
17. Бицилли П.М. Нация и гражданство в средневековой коммуне // Buljčev zbornik. Zagreb, 1929. S. 591–593.
18. Бицилли П.М. Нация и народ // Современные записки. 1928. Кн. 37. С. 342–355.
19. Бицилли П.М. Нация и язык // Современные записки 1929. Кн. 40. С. 403–426.
20. Бицилли П.М. Основы социализма. Одесса: [Б.и.], 1917. 45 с.
21. Бицилли П.М. Проблема нового средневековья // Новый Град. 1932. № 2. С. 50–58.
22. Бицилли П.М. Проблема русско-украинских отношений в свете истории. Прага: Единство, 1930. 38 с.
23. Бицилли П.М. [Рец. на кн.:] Thierry Maulnier. — Au delà du Nationalisme. Gallimard. 1938 // Русские записки. Париж, 1938. № 6. С. 197–199.

24. *Бицilli П.М.* [Рец. на кн.:] Тридцатые годы. Утверждение евразийцев, кн. VII, 1931 // Новый Град. 1932. № 2. С. 91–93.
25. *Бицilli П.М.* Урок истории // Новый Град. 1939. № 14. С. 61–69.
26. *Бицilli П.М.* Что следует отрицать в «Утверждениях» // Новый Град. 1931. № 1. С. 81–85.
27. *Бицilli П.М.* Эволюция нации и революция // Современные записки. 1930. Кн. 42. С. 374–384.
28. *Булгаков С., прот.* Душа социализма. Ч. 2 // Новый Град. 1932. № 3. С. 33–45.
29. *Бунаков И.И.* Пути освобождения // Новый Град. 1931. № 1. С. 31–48.
30. *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение / под ред. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Русский путь, 2010. 544 с.
31. *Вишняк М.В.* Годы эмиграции. 1919–1969. Париж — Нью-Йорк: (Воспоминания). Stanford: Hoover Institution Press, 1970. 276 с.
32. *Вишняк М.В.* Политические заметки: (Еще о «Новом Граде») // Современные записки. 1932. Кн. 50. С. 438–455.
33. *Вишняк М.В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington: Indiana University, 1957. 336 с.
34. *Газданов Г.И.* О молодой эмигрантской литературе // Современные записки. 1936. Кн. 60. С. 404–408.
35. *Михайлов П.* [П.М. Бицilli]. Размышления у врат Нового Града // Новый Град. 1933. № 6. С. 60–67.
36. <От редакции>. Новый Град // Новый Град. 1931. № 1. С. 3–7.
37. *Руднев В.В.* Новый град. Кн. 1-я // Современные записки. 1932. Кн. 48. С. 504–509.
38. *Современник [М.В. Вишняк]* Орфей в аду // Дни. Париж, 1931. 22 ноября. № 143. С. 14.
39. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. 952 с.
40. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. 976 с.
41. *Степун Ф.А.* Еще о человеке «Нового Града». Ответ оппонентам // Новый Град. 1932. № 4. С. 63–72.
42. *Степун Ф.А.* Задачи эмиграции // Новый Град. 1932. № 2. С. 15–27.
43. *Степун Ф.А.* Идея России и формы ее раскрытия // Новый Град. 1934. № 8. С. 15–27.
44. *Степун Ф.А.* О человеке «Нового Града» // Новый Град. 1932. № 3. С. 6–20.

45. Степун Ф.А. Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы // Новый Град. 1935. № 10. С. 12–28.
46. Федотов Г.П. О смерти, культуре и «Числах» // Числа. 1930/1931. № 4. С. 143–148.
47. Федотов Г.П. Основы христианской демократии // Новый Град. 1934. № 8. С. 3–14.
48. Федотов Г.П. Ответ Н.А. Бердяеву // Новый Град. 1933. № 7. С. 81–89.
49. Федотов Г.П. Сумерки отечества // Новый Град. 1931. № 1. С. 21–30.
50. Бицилли П.М. Иван Сергеевич Аксаков и неговата философия на нацията // Българска мисъл. 1928. Кн. 2. С. 107–118.
51. Бицилли П. Роля на идеите в политиката: Национални и държавни принципи в Новото време // Българска мисъл. 1929. Кн. 7/8. С. 515–525.
52. Bizzilli P. Geopolitical conditions of the evolution of Russian nationality // The Journal of modern history. Chicago, 1930. Vol. 2, № 1. pp. 27–36.

REFERENCES

1. Ananiev, O.V., and A.A. Ermichev. ““Novyi Grad”: proekt dukhovnogo i sotsial'nogo pereustroistva mira” [““Novyi Grad”: a Project for the Spiritual and Social Reconstruction of the World”]. *Filosofiia i obshchestvo*, no. 1, 1999, pp. 154–172. (In Russian)
2. Birman, M.A. “P.M. Bitsilli i evraziitsy v 1922–1927 gg. (ocherki i fragmenty)” [“P.M. Bitsilli and Eurasianists in 1922–1927 (Essays and Fragments)”]. *Vokrug redaktsionnogo arkhiva “Sovremennykh zapisok” (Parizh, 1920–1940)* [Around the Editorial Archive of “Sovremennye Zapiski” (Paris, 1920–1940)], ed. by O. Korostelev, M. Schrub. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 241–253. (In Russian)
3. Birman, M.A. *P.M. Bitsilli (1879–1953): Zhizn' i tvorchestvo* [P.M. Bitsilli (1879–1953): Life and Work]. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 444 p. (In Russian)
4. Vasil'eva, M.A. “P.M. Bitsilli — uchastnik spora ‘o molodoi emigrantskoi literature’” [“P.M. Bitsilli — a Participant in the Dispute ‘about Young Emigrant Literature’”]. *Gaito Gazdanov i “nezamechennoe pokolenie”: pisatel' na peresechenii traditsii i kul'tur* [Gaito Gazdanov and the “Unnoticed Generation”: Writer at the Intersection of Traditions and Cultures]. comp. by T.N. Krasavchenko, M.A. Vasilieva, F.H. Khadonova. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS Publ., 2005, pp. 50–70. (In Russian)
5. Vasil'eva, M.A. “Russko-ukrainskie otnosheniia v istoricheskoi kontseptsii P.M. Bitsilli” [“Russian-Ukrainian Relations in the Historical Concept of

- P.M. Bitsilli”]. *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog*, vol. 3, no. 4, 2020, pp. 133–145. DOI: 10.7868/S0042874418060122 (In Russian)
6. Darensky, V.Iu. “Analiz paradoksov ukrainskoi natsional'noi identichnosti v kontseptsii P.M. Bitsilli” [“Analysis of the Paradoxes of Ukrainian National Identity in the Concept of P.M. Bitsilli”]. *Gumanitarnyi vektor*, vol. 13, no. 4, 2018, pp. 34–42. (In Russian)
 7. Dodonov, R.A. “Kritika P.M. Bitsilli filosofii istorii evraziistva” [“P.M. Bitsilli's Criticism of the Philosophy of the History of Eurasianism”]. *Gumanitarnyi visnyk Zaporiz'koi derzhavnoi inzhenernoi akademii*, issue 52, 2013, pp. 218–226. DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-133-145 (In Russian)
 8. Kaganovich, B.S. “K teme: P.M. Bitsilli i evraziitsy” [“On the Topic: P.M. Bitsilli and Eurasianists”]. *Diaspora: Novye materialy* [*Diaspora: New Materials*], ed. by O.A. Korostelev, issue 2. St. Petersburg, Feniks Publ., 2001, pp. 291–299. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-34-42 (In Russian)
 9. Kiseleva, M.S. “Proekt cheloveka ‘Novogo grada.’ F.A. Stepun i V.S. Varshavskii” [“The Project of the ‘Novyi Grad’ Man. F.A. Stepun and V.S. Varshavskii”]. *Voprosy filosofii*, no. 6, 2018, pp. 144–154. (In Russian)

Дата поступления статьи: 10 августа 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 18 августа 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 10 August 2021

Approved after reviewing: August 18, 2022

Date of publication: December 26, 2024

КУЛЬТУРА ФРАНЦИИ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО НАЧАЛА XX В. В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ П.М. БИЦИЛЛИ

© 2024 г. Л.А. Сыченкова

Аннотация: В статье рассматривается концепция французской культуры в творческом наследии П.М. Бицилли. Доказывается, что положения работ П.М. Бицилли 1930 х гг. для понимания французской культуры имеют не только историческое, но и теоретико-методологическое значение. Благодаря прекрасному знанию конкретной истории Франции П.М. Бицилли удалось выявить типологические черты французской культуры. Русский ученый предложил оригинальное объяснение лидерству Франции в истории европейской культуры. Вывод П.М. Бицилли о том, что главным условием целостности культуры Франции была непрерывность на протяжении «восьми столетий царствования одной династии», свидетельствовал о блестящем владении методом синтетического анализа прошлого. Констатируя в середине 1930 х гг. важный «рубеж» в культурной истории Франции, П.М. Бицилли предостерегал об опасности культурного сепаратизма, культурных революций и радикальных смен культурных ориентиров. Теория культуры П.М. Бицилли, основанная на синтетическом осмыслении культурного опыта Франции, как это часто бывало, осталась невостребованной культурными практиками и политиками.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, 1930 е гг., культурная история Франции, цивилизация, синтетический метод, факторы целостности культурной истории, наследие, опасности культурного сепаратизма.

Информация об авторе: Лидия Алексеевна Сыченкова — доктор исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, д. 18, 420080 г. Казань, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9420-1206>

E-mail: l.sichenkova@yandex.ru

Для цитирования: Сыченкова Л.А. Культура Франции: от средневековья до начала XX в. в творческом наследии П.М. Бицилли // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 391–410.
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-391-410>

Research Article

CULTURE OF FRANCE: FROM THE MIDDLE AGES TO THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY IN THE CREATIVE HERITAGE OF PIOTR BITSILLI

© 2024. Lydia A. Sychenkova

Abstract: The article deals with the concept of French culture in the creative heritage of Piotr M. Bitsilli. It is proved that the provisions of Bitsilli's works of the 1930s have not only historical, but also theoretical and methodological significance for understanding French culture. Thanks to his excellent knowledge of the specific history of France, Bitsilli was able to identify typological features of French culture. A Russian scholar offered an original explanation for France's leadership in the history of European culture. Bitsilli came to the conclusion that the main condition for the integrity of French culture was immutability during the "eight centuries of one dynasty's reign", which testified to his brilliant synthetic analysis of the past. Stating in the mid-1930s an important "milestone" in the cultural history of France, Bitsilli warned of the danger of cultural separatism, cultural revolutions and radical changes of cultural orientations. Bitsilli's theory of culture, based on a synthetic understanding of the cultural experience of France, as it often happened, remained unclaimed by cultural practitioners and politicians.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, 1930s, cultural history of France, civilization, synthetic method, factors of integrity of cultural history, heritage, dangers of cultural separatism.

Information about the author: Lydia A. Sychenkova, DSc in History, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kremlevskaya St. 18, 420080 Kazan, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9420-1206>

E-mail: l.sichenkova@yandex.ru

For citation: Sychenkova, L.A. "Culture of France: From the Middle Ages to the Beginning of the 20th Century in the Creative Heritage of Piotr Bitsilli." *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 391–410. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-391-410>

Проблема французской культуры в творчестве П.М. Бицилли занимает особое место. Почему Бицилли обратился к теме французской культуры в 1934 г.? Он увидел во Франции, с одной стороны, типичные симптомы культурного кризиса, а с другой стороны, — образец развития для всей европейской культуры.

Наша попытка выявить в наследии Бицилли образ французской культуры на основании его размышлений носит характер гипотетического конструирования. Бицилли не ставил задачи написать специальное исследование о культуре Франции. В публикациях российского историка на эту тему рассматривался широкий круг культурно-исторических и теоретико-культурных проблем: национальной ментальности, периодизации культурных эпох, подъема и кризиса культуры Франции. Бицилли определял особенности типологии французской культуры прежде всего в тех областях, где французам удалось преуспеть больше всего: живопись, архитектура, литература.

Факты, персоналии разных эпох вкраплены Бицилли в общую концепцию осмысления феномена французской культуры. Ученый осмысливал историю французской культуры, следуя принципу культурно-исторического синтеза. «Каждый культурный период имеет свою философию культуры» [10, с. 397], — констатировал ученый. Вот эту философию культуры Франции в каждый отдельный период он и пытался сформулировать.

Бицилли любил французскую культуру, отмечал ее значительное место в системе европейской культуры. Несомненно, еще в 1913–1914 гг. он смог воочию увидеть многие памятники французской

культуры в подлинниках, хотя до сих пор не обнаружено путевых дневников его заграничных поездок. Сохранилось признание в книге «Элементы средневековой культуры»:

Тот, кому случалось бывать в Европе, посещать музеи изящных искусств и старые церкви, конечно, помнит о тех странных впечатлениях, которые вызывали картины старинных мастеров [16, с. 4].

Бицилли обращался к истории французской культуры, для того чтобы понять современную ситуацию:

...жизнь течет сплошным и непрерывным потоком, — и лишь потому, что, сравнивая настоящее с прошлым, мы, в сущности, сравниваем то, что нам непосредственно дано со схемами нашего умерщвляющего живую ткань истории, упрощающих, упорядочивающего сознания, прошлое нам кажется проще, понятнее, свободнее от противоречий, нежели настоящее [10, с. 398].

Почему для Бицилли было важно осмыслить путь, пройденный французской культурой, именно в середине 1930 х гг.? Вероятно, он интуитивно ощущал современную культурную ситуацию, как важный «рубеж» в культурной истории Франции:

Наше время есть время свершений, подведения итогов, окончательного выяснения того, что в колоссальном, необъятном, бесконечно разнообразном наследстве, завещанном нам веками культурной работы европейского человечества, действительно живо, поскольку обладает вечной ценностью, и что мертво время, когда каждый живущий сознательной жизнью человек смутно или отчетливо сознает, как долг совести, необходимость выбора из всей массы того, что ему досталось, как единственно возможного условия спасения от духовной смерти, возрождение, восстановления культуры [10, с. 405].

Для ученого было совершенно ясно, что наступил момент перелома в сознании, после которого культура будет развиваться как-то иначе, в другом направлении. Бицилли, как и многим людям в 1930 е гг. казалось, что в это время происходит распад единства, целостности, преемственности в ментальности, которым французы так гордились. Осмысливая кризис культуры после Первой мировой войны, предчувствовал ли Бицилли в середине 1930 х гг. надвигающую катастрофу Второй мировой войны, ужас антикультуры

в распространяющейся идеологии фашизма, будущие угрозы национальной идентичности под влиянием американизации, последствий деколонизации, губительную стратегию мультикультурализма? Вряд ли ученый загадывал так далеко. Бицилли имел намерение прежде всего разобраться в современной ему ситуации, чутко уловив тенденцию завершения какого-то длительного и важного периода культурной истории Франции.

Осмысливая историческое прошлое французской культуры, русский историк попытался выяснить и определить ключевые моменты, обеспечившие ей целостность и преимущества, которые дали возможность однажды возглавить культурное развитие Европы, стать центром притяжения для всего культурного мира.

Место работ П.М. Бицилли в историографии французской культуры

Оценки и суждения о французской культуре разбросаны в работах Бицилли «Элементы средневековой культуры» [16], «Место Ренессанса в истории культуры» [9], в учебнике по всеобщей истории для сербов 1923 г. [21], в рецензиях на французские издания [13; 14] и особенно в его статье «Оазис», опубликованной в парижском журнале «Современные записки» в 1934 г. [10].

В статьях Бицилли встречается много упоминаний и оценок представителей французской культуры, начиная с эпохи Средневековья до Новейшего времени. Преимущественно «героями» его работ были французские философы и литераторы, редко музыканты и художники. Среди представителей средневековой культуры русский историк уделял внимание П. Абеляру, Гийому Овернскому, Гуго Сен-Викторскому, Жану де Жуанвилю, Григорию Турскому, Раймунду Луллию. Не менее ярок список личностей эпохи Ренессанса на страницах работ Бицилли: Франциск I, Ж. Воклен де ла Френэ, П. Корнель, Н. Буало, П. Беранже, М. Монтень. Культура эпохи Просвещения и классицизма рассматривалась им в связи с такими фигурами, как Мольер, Ш. Мотескье, Ж.-Ж. Руссо, Вольтер, Ж. Мишле. Среди деятелей культуры XIX и XX вв. Бицилли выделял И. Тэна, Э. Ренана, Ш. Пегги, П. Валери, Г. Флобера, А. Бергсона, А. Жида, М. Пруста, А. Франса, Ж.-П. Сартра¹.

¹ Некоторые представители французской культуры XIX–XX вв. упоминаются в работе Бицилли «К вопросу о внутренней форме романа Достоевского» [7, с. 483–549], а также в статье Б.С. Кагановича [3].

В российском гуманитарном знании до 1930 х гг. не было специального сочинения, посвященного типологическому анализу французской культуры. В дореволюционной традиции были исследования отдельных сюжетов и персоналий французской культуры: П. Абеляра, Маргариты Наваррской, К. Маро, поэтов «Плеяды», Ф. Рабле в работах А.Н. Веселовского, Г.П. Федотова, В.Ф. Шишмарева, С.Н. Арсеньева. В советской России тема французской культуры за редким исключением [2, с. 115–143] долгое время оставалась невостребованной². Конечно, было бы интересно сопоставить взгляды Бицилли на французскую культурную историю с конкретно-историческими исследованиями, проводимыми примерно в это же время ленинградским искусствоведом И.И. Иоффе [17], чтобы выявить разницу подходов³. Исключение составляет труд М.М. Бахтина, обратившегося в 1930 е гг. к творчеству Ф. Рабле и народной культуре позднего Средневековья во Франции. Бицилли следил за творчеством этого автора [11]. Но книга М. Бахтина о французской культуре была ему неизвестна⁴. С другой стороны, Бицилли не были известны и публикации французских медиевистов «школы Анналов», которые занимались параллельно культурологическими исследованиями.

Бицилли рассматривал феномен французской культуры как часть западноевропейской культуры — и в этом специфика его анализа. Это был тот редкий случай в российской историографии, когда русский ученый осмысливал путь французской культуры глазами историка, находящегося вне России, в пространстве европейской культуры. В статье «Оазис» (1934) Бицилли почти не встречается попыток проводить сравнения или какие-то параллели с русской культурой. И все-таки одно важное типологическое сравнение при-

² Исследования О.А. Добиаш-Рожественской в 1930 х гг. о средневековой культуре Франции не оказали влияния на развитие советской медиевистики. Часть ее статей по этой тематике была опубликована только посмертно в 1987 г. [17; 4]. Кстати, труды О.А. Добиаш-Рожественской высоко ценил Бицилли и по возможности следил за ее творчеством.

³ Предварительно можно сказать только то, что авторы обращались к одной проблеме на разном материале и с разных методологических подходов. Бицилли рассматривал французскую культуру преимущественно в литературно-философском аспекте. И.И. Иоффе осмысливал способы музейной презентации изобразительного искусства Франции в широком социокультурном контексте.

⁴ Книга М.М. Бахтина была плодом герметичных изысканий автора и долгое время оставалась неопубликованной, поэтому о влиянии ее концепции на эмигрантское наследие Бицилли говорить не приходится (см.: [5, с. 581–588]).

сутствует: «Франция — антипод России, страны “чистой культуры”» [10, с. 408].

Культура и цивилизация

По мнению Бицилли, во Франции культура и цивилизация переплетены, не случайно во французском языке эти понятия синонимичны. «Противопоставление Культуры и Цивилизации стало сейчас настолько общим местом», — замечает он [7, с. 40]. Как спасти культуру от негативных последствий цивилизации? И что является гарантией сохранения культуры?

В 1934 г. на страницах парижского журнала «Новый Град» Бицилли отмечал:

Чем древнее, чем устроеннее культура, тем более похожа на нее порожденная ею цивилизация (классический пример: Франция, где до сих пор культура и цивилизация покрываются общим термином — *civilisation*). Именно то, что соскальзывание культуры в цивилизацию совершается в Европе медленно, по чуть заметному уклону, усугубляет тревогу чутких и дорожащих культурой людей и обостряет их мнительность. Им начинается казаться, что культуры вообще уже нет, что осталась одна лишь ее видимость. <...> Но от этого симбиоза культура Франции не вырождается, не утрачивает жизненной силы, или, что тоже, своей трагической основы, т.е. способности терзаться своими внутренними противоречиями и честно и мужественно искать из них выхода [8, с. 46].

Какие преимущества и особенности духовного развития Франции удалось выявить Бицилли? Русский историк отметил ее важные открытия и достижения, вклад в мировую культуру. Он, безусловно, восхищается целостностью французской культуры, совершенством и отточенностью форм, которые особо выделяли ее на фоне других европейских культур в XIX–XX вв., богатством культурных событий в каждую эпоху (то, что искусствовед М.Ю. Герман называл «напоенностью культурой» [1, с. 8]).

Бицилли выделил главные этапы в истории французской культуры с момента зарождения и оформления в единый тип, со своей картиной мира, системой ценностей и мирозерцания. Русский историк поставил важный вопрос о том, что объединило культуру и нацию во Франции?

Проблема периодизации истории культуры

П.М. Бицилли выдвигает тезис: уникальность культурной истории Франции заключается в ее *непрерывности*. Русский ученый назвал факторы, способствовавшие сохранению целостности французской культуры: *географический, историко-политический и религиозный*. Бицилли выражал категорическое несогласие с

...официозной, сложившейся за период Третьей Республики, исторической вульгаты, согласно которой Франция обрела самое себя, нашла свое собственное лицо только начиная с 1789 г., так что, с точки зрения оценивающей, осмысливающей истории, все предыдущее было как бы подготовкой, или сплошной «ошибкой», относится к плану доисторического бытия.

На самом деле нет в Европе народа, который бы развивался столь органически, с такой непрерывностью, как французский, который бы так мало растерял на своем историческом пути и так много сохранил в неприкосновенности.

<...> Здесь сказалось действие на редкость счастливой комбинации разнообразнейших, и зачастую друг от друга не зависевших, и в этом смысле случайных, условий, в конечном итоге содействовавших формированию того, что мы зовем народной душою [10, с. 402].

Выделив *географический фактор* как условие формирования единой ментальности, Бицилли замечал:

1) Франция находилась (говорю в прошедшем времени, ибо реальное пространство величина переменная) дальше, чем Италия, от Леванта и дальше, чем Испания и Англия, от «обеих Индий»; 2) области Франции экономически восполняли одна другую. В итоге — сосредоточение Франции в своих границах, сотрудничество населения отдельных земель, «автаркия» [10, с. 402].

Что он имеет в виду? То, что Францию не затронули эти внешние угрозы восточных завоеваний, которые затронули Россию и другие страны Европы.

Вторым фактором единства Бицилли называл устройство внутриполитического порядка во Франции, —

...непрерывное, в течение восьми столетий царствование одной династии, сросшейся с Францией, собравшей ее около себя, воплотившей ее в себе.

В общем итоге — выработка уже в начале XVI в., над местными наречиями, на основе северофранцузских, общего языка, не только «изящного», придворного, литературного, как в Италии, но и еще раньше, делового, канцелярского, проникающего глубже в народную толщу [10, с. 402].

Единый язык стал важным условием монолитности французской культуры. В истории этой страны не случилось разделения между культурой аристократии и народа, как это случилось с русской культурой, разделившейся на «дворянскую» и «народную», представители которой говорили на разных языках.

Отношение к вере и церкви во Франции

Национально-государственное бытие Франции было настолько прочно, что папство не могло представлять для нее никакой, ни реальной, ни воображаемой опасности — как для Германии или для Англии. Франция переболела кальвинизмом и выздоровела, укрепив свою целость и свою автаркию «вольностями галликанской Церкви», но оставшись католической. Непрерывный, медленный, «органический» рост территориального, хозяйственного, языкового, правового единства Франции, не возмущаемый никакими сколько-нибудь глупо потрясавшими народную жизнь взрывами, выразивший особенно наглядно свой характер [10, с. 402–403].

А главное, в культурной истории Франции благодаря географическим, религиозным, политическим факторам сохранялась преемственность поколений, культурные богатства накапливались, складывалась ментальность «среднего француза».

В истории учреждений — *ничто никогда не отменялось, не упразднялось начисто*; только, наряду с устаревшими учреждениями, должностями, территориальными делением, в случае нужды создавались новые, конкурировавшие с первыми; отсюда невероятная путаница накануне Революции, — был одним из важнейших факторов, воздействовавших на *формирование душевного склада «среднего» француза*, с его бережливостью, осторожностью, боязнью прогадать, просчитаться, с его подозрительностью, недоверчивостью, привычкой действовать не спеша, и с оглядкой, — со всеми теми «мелкобуржуазными» свойствами, которые были издавна предметом насмешек со стороны самих же французов, но благодаря которым Франция вела

и ведет и свое, так сказать, духовное хозяйство так благоразумно и так мудро, что в моменты — духовных кризисов, у нее всегда оказывается достаточно ресурсов, чтобы перебиться и оправдаться.

Поразительны живучесть и устойчивость французской культуры: *ни одного пустого места в ее истории, ни одного случая упадка в какой бы то ни было области, за исключением только поэзии в XVIII веке* [10, с. 403].

Среди значительных достижений французов в духовной сфере в XVIII в. Бицилли отметил расцвет французской рационалистической культуры и развитие национального языка.

Расцвет французской рационалистической культуры связан с политическим первенством «Короля-Солнца» в Европе. Это превосходство обеспечило, само по себе, распространение французской культуры. Но решающая роль принадлежала французскому языку, который, под влиянием рационализма, обрел необыкновенную совершенность, выразительность и ясность, а также и *картезианству*, вскоре ставшим доступным для всей философии «здорового смысла» (*la saine raison*), т. е. философии Просвещения [21, с. 178].

В бициллевскую характеристику французской культуры в III книге «Эпоха Просвещения» учебника по Всеобщей истории для сербов («Увод у светску историју» 1923 г.) было вкраплено много положений о том, как складывались представления о культуре в среде литераторов XVII и XVIII вв.:

Они считали, что культура, по сути своей, никогда не изменяется, а может только «улучшаться» или «ухудшаться». Спор этот продолжался в течение почти всего XVIII в. [10, с. 403].

Сами литераторы отмечали, что

французская литература вошла в состояние явного упадка, так, например, трагедии XVIII в. не могли равняться с пьесами Расина, что начал «портиться» «хороший» вкус.

Придерживались мнения о том, что искусство уже *достигло своего «верха»*, но это не означало, что в исторической жизни вообще не было «прогресса», просто, что его суть — в распространении «здоровых разумений» и освобождении от «суеверий» и «предрассудков» [21, с. 183].

Высокую оценку Бицилли давал вкладу Вольтера в осмысление целостности французской культуры. Сочинение Вольтера «*Essai sur les Moeurs*» (1756) он рассматривал как

первую книгу, в которой излагается история *всего* культурного мира, не ограничиваясь культурными народами Европы. Кроме того, Вольтер первым написал *синтез* истории, отслеживая культурные явления в связи с политическими событиями [21, с. 196]

Бицилли описывает картину французской культуры эпохи Просвещения большими мазками, создавая типологический образ, который можно дополнять фактами и деталями. Особое внимание он уделяет объяснению причин неудачи религиозной реформы во Франции:

Большинство французов — не только простые люди, но и образованные буржуа — все остались верными католиками; <...> так что «возвращение» Франции к католицизму во времена Наполеона произошло совершенно естественно и, так сказать, «органическим» образом. Вера в человечество проникла и в другие не менее важные интеллектуальные направления. <...> Руссо создал этот идеал «чувствительного» и «гуманного» человека и в то же время и «чистого», «почтенного» и «строного» республиканца, ставшего, так сказать, официальным идеалом каждого «хорошего патриота» 1893 г. [21, с. 197].

По сути, Бицилли в разных работах, где затрагивал проблемы французской культуры, поднял важную тему о формировании идеала человека, гражданина своей страны, который определяет национальное самосознание народа.

Культура Франции XIX – начала XX вв.

Для культуры конца XIX в. характерна лихорадочная смена стилей, направлений в искусстве, в литературе и в моде. Видимые перемены отражали глубинные перемены в культуре. Бицилли отметил и ряд негативных моментов, которые привели к кризису. Он анализирует точку зрения Ж. Гурвича на то, что «прогресс “наук и искусств”, которым сопровождается развитие индустрии и торговли, куплен дорогой ценою падения нравов и нравственности» [14, с. 94–95]. Осознание масштабного кризиса культуры и его объясне-

ние происходило в творчестве М. Пруста, А. Жида, А. Франса и других французских писателей.

Бицилли обращался к разбору рефлексий французов о состоянии своей культуры:

Культура в силу определения предполагает какое-то — существенно человеческое свойство; но это — не то же самое, что современная тревога, *inquiétude*, страх за культуру, ощущение какого-то органически ей присущего не совершенства, а так сказать неблагополучия, ее внутренней обреченности, того именно, что служит источником всяких психоаналитических упражнений над нею. <...> Это и есть нынешняя «болезнь века», *mal de siècle*, *Weltschmerz*⁵, что роднит наше время с периодом романтизма. Но, как тонко заметил один из философов культуры⁶, нынешняя *inquiétude* все же не то, что романтическая «болезнь века» [10, с. 397].

Бицилли обратился к творчеству Флобера и Пруста, пытаясь установить связь между ними. По мнению Бицилли, Пруст и А. Жид — два аспекта новейшего гуманизма в его исходной стадии.

Имморалистический морализм Жида — восполнение бесчеловечного гуманизма Пруста. Пруста мучила проблема, что есть человек. Жида — чем должен быть человек. Пруст отделяет «внутреннего» — подлинного — человека от «внешнего». Пруста мучила проблема, что есть деятель, познаваемый всецело тишь в действии [10, с. 400].

Исключительная сложность задачи выяснить сущность современной культуры состоит в том, что преодоление ее кризиса протекает на путях использования тех самых духовных установок, которые этот кризис обусловили, тех духовных тенденций, в преобладании которых он и состоит, — так что в каждом отдельном случае чрезвычайно трудно сказать, с чем собственно мы имеем дело — с тем ли, что мы зовем кризисом, или с его преодолением, с выходом из него [10, с. 397–398].

Доводя свой анализ истории французской культуры до середины 1930 х гг., Бицилли правомерно ставит актуальный для всех гумани-

⁵ *Weltschmerz* (нем.) — мировая скорбь.

⁶ Имеется в виду Андре Берж и его сочинение «Дух современной литературы» («*L'Esprit de la littérature moderne*», 1930).

тариев вопрос: что такое «настоящее» или — что такое «современность»? Как хронологически определить это «настоящее»? Практически все историки испытывают трудности при оценке новейших событий, так как процессы не завершены и невозможно беспристрастно воспринимать факты. Бицilli приближался к зыбкому краю: он осмысляет историю французской культуры вплоть до первых десятилетий после первой мировой войны и берет на себя смелость оценивать близкое время.

Совершенно справедливо Бицilli считал, что Первая мировая война — это отражение кризиса европейской культуры, который начался гораздо раньше:

Возьмем ли мы, в качестве условной вехи, войну? Это как будто само собою навязывается. Но война ли породила столько кризисов? [10, с. 398].

Он утверждал, что кризис

...в скрытом состоянии, существовавшем еще до войны; <...> уже тогда <...> был почувствован и осознан как духовная смерть демократии теми, чье влияние в наши дни сказывается все больше [10, с. 398].

Кризисное сознание Франции отразили в своих произведениях Ш. Моррас, Ш. Пэги, А. Франс.

И непосредственно перед войною кризис вступает в новую стадию, достигает высшей точки, являющейся вместе началом его изживания. Здесь можно указать точную дату — 1913 год, год выхода первого тома «*À la recherche du temps perdu*»⁷[10, с. 398].

Современную культуру Бицilli считает бездушной, с антигуманной духовностью.

Франция как центр европейской культуры

В начале XX в. среди историков искусства и философов обсуждалась идея перемещения культурного центра. Для многих мыслителей, рефлексирующих по поводу европейского культурного прошлого, актуальным был вопрос о том, какая страна, нация

⁷ Имеется в виду роман М. Пруста «В поисках утраченного времени».

сможет возглавить культурное развитие западного мира. Исследовались причины того, что способствует культурному возвышению регионов, стран и наций. К этой проблеме обращались в советской историографии 1920–1930 х гг. В.М. Фриче, А.В. Луначарский и Ф.И. Шмит, в западной историографии — И. Тэн, Я. Буркхардт, А. Фуллье, А. Золя, О. Шпенглер.

Не все представители европейского гуманитарного знания одинаково хорошо относились к французам. Так, французский философ А. Фуллье (1838–1912) в книге «Психология французского народа» (1898) приводил курьезное высказывание о французах немецкого философа А. Шопенгауэра: «В некоторых частях света водятся обезьяны, в Европе же водятся французы, что почти одно и то же» [18, с. 298]. Такая ироничная оценка формировала отношение к французской нации и культуре в европейском обществе вплоть до начала XX в.

Российский современник Бицилли — историк искусства и культуры Ф. Шмит — еще в 1916 г. предложил свое объяснение лидерству некоторых народов в определенные периоды истории культуры. Шмит назвал феномен перемещения культурных центров «законом диапазона», который означает, что определенному человеческому обществу характерно стремление к определенным художественным проблемам, а также решение и оформление этих проблем определенными художественно образными средствами [19, с. 171–172]. Свою позицию по этому вопросу он сформулировал категорично:

Не всякий народ может всякое. Есть народы, которым суждено сеять и растить, зарождать и разрабатывать новые формы искусства, — таковы классические греки и итальянцы эпохи Возрождения; есть другие, которые пожинают зрелые плоды, — таковы римляне императорской эпохи и *новые французы*; есть третьи, у которых собран богатый урожай, и они роскошно пируют в мудрых беседах, коротая долгие зимние вечера, — такова была Византия, такова, по-видимому, будет Россия [19, с. 156].

Следовательно, Ф.И. Шмит не отводил главную роль в истории культуры французам нового времени, а относил их к тем народам, которые лишь пожинают зрелые плоды. Справедливо ли высказывание?

Вероятнее всего, Бицилли бы не согласился со шмитовской оценкой «новых французов». Бицилли определял эпохи наибольшего расцвета французской культуры и объяснял причины подъема

и потенциал национальной культуры, ставшей в центре европейской культуры:

У каждого народа был свой *великий век*, момент, когда культура его достигла пределов того, — замечает ученый, — до чего вообще может она возвыситься. Такие моменты бесспорны, не допускают разногласия в оценках — стоит только узнать их. Франция пережила два таких момента. В области пластических искусств это было позднее средневековье. В области мысли и слова — XVII век. Но легче увидеть величие известного культурного периода, нежели уяснить себе, в чем это величие заключается [10, с. 405].

Бесспорное достижение художественной культуры Франции эпохи средневековья — это готика. Архитектура соборов стала вершиной французского гения. Важно отметить, что Бицилли высказался в защиту готики гораздо раньше, чем произошла реабилитация стиля в сообществе искусствоведов и историков культуры XX в.⁸ Совершенство готики признавалось искусствоведами от А. Грабара, М. Дворжака до современных американских и европейских исследователей средневекового искусства — П. Дешана, М. Дюрлиа, Ж. Бони, К. Вильсона, Л. Гродецкого, М. Обера, Э. Панофского, А. Фосийона, П. Франкля и др. Но «признание» готики, ее художественных достоинств произошло в европейском искусствознании не сразу [6].

Определяя вершины в истории европейской культуры, Бицилли приводил известные оценки:

Считалось, что всемирная история пережила четыре эпохи величайшего расцвета цивилизации: в Афинах в V в., в Риме — во время «золотой эпохи» (т. е. время Августа), в Италии — в эпоху Ренессанса, и сейчас — в *Париже Луи Великого*, Короля-Солнца. <...> Ставши однажды мировой, эта культура ни на один миг не суживалась до степени провинциальной, не переставала создавать ценности, годные для потребления не только на внутреннем рынке. <...> Нет в Европе другого народа, в истории культуры которого были бы с такою полнотою представлены — и притом во всех областях, за исключением, пожалуй, музыки — все возможные направления, мотивы, манеры, жанры, приемы; так что можно было бы написать историю эволю-

⁸ Признание первенства Франции, ее вклада в развитие готического стиля произошло после того, как были преодолены «лесные теории готики» романтика Ф.Р. Шатобриана (1768–1848) и др., приписывающие зарождение этого стиля германцам.

ции не только литературных жанров, как, этот сделал Брюнетьер⁹, но эволюцию каждой сферы творчества, ограничиваясь исключительно французскими материалами [10, с. 403].

Поиски выхода из кризиса не только для Франции, но и для Европы — плод мучительных раздумий Бицилли. Как осуществить выход их кризиса? Как начать Возрождение культуры? Этот вопрос мучил многих представителей европейской интеллигенции, после осознания кризиса в «Закате Европы» О. Шпенглера (1919). Выход из кризиса, по мнению Бицилли, — это возврат к гуманистическим ценностям, которые Европа и Франция выработали за период своего исторического развития. При этом Бицилли настойчиво подчеркивал: «Возрождения не совершаются по заказу» [9, с. 195].

В чем видел Бицилли опасность для французской культуры, как части европейского, христианского мира? В пору увлечения европейцев культурой Востока, распространением моды на восточную мистику, Бицилли считал необходимым напомнить о таящейся опасности проникновения восточной морали в Европу. Бицилли высказывался о вреде тиражирования идеализированного образа культуры Востока.

Культура может быть высокосовершенной, но *бездушной* и потому безблагодатной. Недавно в газетах приводился отзыв одного индуса об особенностях индусской психологии: индусы не знают, что такое жалость. В этом — сущность различия христианского и восточного миров. Вот почему искусство Китая, Индии, Персии, формально стоящее выше европейского, восхищая, чаруя, вместе с тем и отталкивает нас. Оно не бездуховно — противоположное утверждение было бы логической нелепостью, ибо творчество и есть самообнаружение духа: оно бездушно, бесчеловечно. Поэтому увлечение иных современных философов культуры (тот же Кайзерлинг) культурами Востока само по себе служит внушающим тревогу симптомом.

<...> Но все же душевностью запечатлены преимущественно продукты христианской культуры — и в этом состоит единство последней, то, что роднит друг с другом Бетховена, Сервантеса, Шекспира, Данте. В убывании душевности, а вовсе не в том, что наш мир «закончен» и «кончен», что уже все открыто, изобретено или предугадано, состоит кризис современной культуры [8, с. 48–49].

⁹ Брюнетьер Фердинанд (1849–1906) — французский писатель, историк, теоретик литературы, критик, католик, монархист; воспитанник и приверженец французского классицизма.

Еще одну опасность для французской культуры русский историк видел в культурном суверенитете. Любая изоляция для культуры губительна. Бицилли рассматривал эту проблему на материале диалектов французского языка.

Всякий «диалект» в любой момент *может* возвыситься в чин «языка», и «историческая жизнь» в любой момент *может начаться*.

<...> «Самоопределиться» значит, прежде всего, замкнуться в собственных границах, обзавестись собственными министрами, посланниками, почтовыми марками, денежными знаками и прочими подобными вещами, свидетельствующими о народном суверенитете. Вот тут-то и возникают затруднения [15, с. 63].

Взгляд Бицилли на французскую культуру — это взгляд историка культуры, обладающего не только широким кругозором, но и культурно-историческим мышлением, позволившим гуманитариям рассматривать культурные феномены сквозь призму «историзма». Осмысляя различные сюжеты и аспекты французской культуры, Бицилли оставался историком, что определяло его подход к изучению культурного наследия и тенденций современного развития литературы, изобразительного искусства, философии, языка и религии. Несмотря на то что в 1930-е гг. предметом изучения Бицилли были преимущественно произведения писателей и в качестве литературного критика он написал внушительное количество рецензий, во всех них обнаруживается профессиональный подход историка, следование принципу историзма. Только историк мог оценивать культурный опыт Франции на протяжении тысячелетия! Вывод Бицилли о том, что важнейшим условием постоянного приращения интеллектуального наследия и целостности национальной ментальности Франции была непрерывность на протяжении «восьми столетий царствования одной династии» [10, с. 402], — это вывод историка, блестяще владеющего синтетическим методом анализа прошлого.

Многие положения работ Бицилли, в которых рассматривалась французская культура, имеют как теоретическое, так и практическое значение. Ученый поставил весьма актуальный вопрос об элементах, определяющих целостность культуры, ее историческую долговечность, сформулировал рекомендации для преодоления культурных кризисов. Он предостерегал от опасности перманентных реформ в области культуры, ведущих к разрушению накопленных ценностей, от угроз культурных революций. К сожалению, его глубокие размышления о том, что развитие культуры, как и религии,

нельзя прогнозировать, культуру нельзя планировать, культурой нельзя управлять, — не были услышаны современниками. Теория культуры П.М. Бицилли, основанная на прекрасном знании истории культуры, в том числе и культурного опыта Франции, как это часто бывало, осталась не востребованной ни культурными практиками, ни политиками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Герман М.Ю.* В поисках Парижа, или Вечное возвращение. СПб.: Искусство-СПБ, 2005. 424 с.
2. *Добиаш-Рождественская О.А.* Культура западноевропейского Средневековья: научное наследие. М.: Наука, 1987. 350 с.
3. *Каганович Б.С.* П.М. Бицилли как литературовед: (К постановке вопроса) // *Studia Slavica Hungarica*. Budapest, 1988. Т. 34, № 14. С. 205–222.
4. *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб: Гиперион, 2007. 241 с.
5. *Попова И.Л.* «Рабле» в 1940-е годы: несостоявшиеся издания в СССР и во Франции // *Бахтинский сборник*. М.: Языки славянской культуры, 2004. Вып. 5. С. 76–80.
6. *Хрипкова Е.А.* Общие вопросы изучения готического стиля: [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры «Русарх», 2008. URL: <http://www.rusarch.ru/khripkova1.htm> (дата обращения: 10.02.2019).

Источники

7. *Бицилли П.М.* Избранные труды по филологии / вступ. ст. В.П. Вомперского; сост., подгот. текста и коммент. В.П. Вомперского, И.В. Анненковой. М.: Наследие, 1996. 707 с.
8. *Бицилли П.М.* К проблеме возрождения культуры: (По поводу книги Кайзерлинга, *Phychanalyse de l'Amérique*) // *Новый Град*. 1934. № 8. С. 39–51.
9. *Бицилли П.М.* Место Ренессанса в истории культуры. СПб: Мифрил, 1996. 257 с.
10. *Бицилли П.М.* Оазис // *Современные записки*. 1934. Кн. 55. С. 396–408.
11. *Бицилли П.М.* [Рец. на кн.:] М.М. Бахтин. Проблемы творчества Достоевского. Ленинград, 1929 // *Современные записки*. Париж, 1930. Кн. 42. С. 538–540.

12. Биццлли П.М. [Рец. на кн.:] Н. Бердяев. Христианство и классовая борьба. Его же. Русская религиозная психология и коммунистический атеизм. YMCA-Press, Paris, 1931 // Новый Град. 1932. № 3. С. 87–89.
13. Биццлли П.М. [Рец. на кн.:] Bertrand de Jouvenel. Vers les Etats-Unis d'Europe. Paris, 1930, G. Valois (Bibl. Syndicaliste, XXI) // Новый Град. Париж, 1932. № 4. С. 92–93.
14. Биццлли П.М. [Рец. на кн.:] В. Groethuysen. Origines de l'esprit bourgeois. I (1927) // Новый Град. 1932. № 3. С. 93–95.
15. Биццлли П.М. Урок истории // Новый Град. 1939. № 14. С. 61–69.
16. Биццлли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. 242 с.
17. Иоффе И.И. Французское искусство эпохи разложения феодализма и буржуазной революции. Очерк к выставке. М.; Л.: Ленизогиз, 1932. 94 с.
18. Фульье А. Психология французского народа. СПб.: Ф. Павленков, 1889. 310 с.
19. Шмит Ф.И. Законы истории. Введение к курсу всеобщей истории искусств. Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберг и сыновья, 1916. Вып. 1: Введение; Искусство Египта; Искусство Месопотамии; Искусство критско-микенское. 197 с.
20. Шмит Ф.И. Предмет и границы социологического искусствознания. 2-е изд. Л.: Academia, 1928. 147 с.
21. Биццлли П.М. Увод у светску историју. Београд: Геце Кон, 1923. 203 с.

REFERENCES

1. German, M.Iu. *V poiskakh Parizha, ili Vechnoe vozvrashchenie* [In Search of Paris, or the Eternal Return]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2005. 424 p. (In Russian)
2. Dobiash-Rozhdestvenskaya, O.A. *Kul'tura zapadnoevropeiskogo Srednevekov'ia: nauchnoe nasledie* [Culture of the Western European Middle Ages. Scientific Heritage]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 350 p. (In Russian)
3. Kaganovich, B.S. "P.M. Bitsilli kak literaturoved: (K postanovke voprosa)" ["P.M. Bitsilli as a Literary Critic: (Raising the Question)"]. *Studia Slavica Hungarica*, vol. 34, no. 14, 1988, pp. 205–222. (In Russian)
4. Kaganovich, B.S. *Russkie medievisty pervoi poloviny XX veka* [Russian Medievalists of the First Half of the 20th Century]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2007. 241 p. (In Russian)
5. Popova, I.L. "'Rable' v 1940-e gody: nesostoiavshiesia izdaniia v SSSR i vo Frantsii. ["'Rabelais' in the 1940s: Failed Editions in the USSR and in

- France”]. *Bakhtinskii sbornik* [*Bakhtin Collection*], issue 5. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 76–80. (In Russian)
6. Khripkova, E.A. “Obshchie voprosy izucheniia goticheskogo stilia” [“General Questions of Studying the Gothic Style”]. *Elektronnaia nauchnaia biblioteka po istorii drevnerusskoi arkhitektury “Rusarkh”, 2008* [*Electronic Scientific Library on the History of Ancient Russian Architecture “Rusarch”, 2008*]. Available at: <http://www.rusarch.ru/khripkova1.htm> (Accessed 10 February 2019). (In Russian)

Дата поступления статьи: 23 октября 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 23 июля 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 23 October 2021

Approved after reviewing: July 23, 2022

Date of publication: December 26, 2024

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-411-418>

<https://elibrary.ru/VII BPK>

П.М. БИЦИЛЛИ МЕЖДУ ФОРМАЛИЗМОМ И СОЦИОЛОГИЕЙ

© 2024 г. О.А. Коростелев

Аннотация: В статье рассматривается творчество П.М. Бицилли как литературного критика, указывается место литературно-критического наследия ученого в его творческом наследии, в отечественной филологии в целом и в контексте литературных течений и литературной критики XX в.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, Г.В. Адамович, В.Ф. Ходасевич, литературная критика Советской России и русского зарубежья, символизм, формализм и другие литературные течения XX в.

Информация об авторе: Олег Анатольевич Коростелев (1959–2020) — кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе (2016–2020), Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Российская Академия наук, ул. Поварская, д. 25 А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4618-4223>

Для цитирования: Коростелев О.А. П.М. Бицилли между формализмом и социологией // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 411–418.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-411-418>

Research Article

PIOTR BITSILLI BETWEEN FORMALISM AND SOCIOLOGY

© 2024. Oleg A. Korostelev

Abstract: The article considers the work of P.M. Bitsilli as a literary critic, indicates the place of the literary and critical heritage of the scholar in his creative heritage, in Russian philology in general and in the context of literary movements and literary criticism of the twentieth century.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, Georgii V. Adamovich, Vladislav F. Khodasevich, literary criticism of Soviet Russia and Russian abroad, symbolism, formalism and other literary movements of the twentieth century.

Information about author: Oleg A. Korostelev (1959–2020), PhD in Philology, Deputy Director for Scientific Work (2016–2020), A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 25A, bld. 1, Povarskaya st., 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4618-4223>

For citation: Korostelev, O.A. “Piotr Bitsilli between Formalism and Sociology.” *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 411–418. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-411-418>

Петр Михайлович Бицилли был очень разносторонним человеком, работавшим в разных жанрах. Когда к широкому читателю, к российскому в частности, стало возвращаться его наследие, Бицилли был представлен в разных ипостасях как историк, культуролог, литературовед. Очень характерны названия первых работ о нем: «Бицилли как литературовед», «Бицилли как историк средневековой и ренессансной культуры», «Бицилли — пушкинист», «Бицилли —

гоголевед» [1; 2; 3; 4; 5; 6] и т. д. Появились публикации архивных материалов, эпистолярии, библиографические очерки, монографии о нем. Но есть одна ипостась, которая часто упоминалась, но не была предметом специального изучения или не была собрана в отличие от предыдущих томов. Ведь по каждой из этих ипостасей у Бицилли существует отдельный том: том его работ по истории, по культурологии, по литературоведению. Многолетняя литературно-критическая деятельность Бицилли никогда не была собрана воедино. Если собрать эти его публикации, то получится еще один том, достойно венчающий творчество Бицилли.

Обычно на Западе литературная критика и литературоведение — это одно и то же. В российской филологической традиции не так: эти области представляют два принципиально разных вида деятельности. Бицилли умел делать и то, и другое. Собраны его литературоведческие работы, но литературно-критические, как отдельный вид его творчества, не собраны. Конечно, исчерпывающим образом отделить одну ипостась от другой затруднительно, потому что, по словам современного исследователя: «Для многих, если не для подавляющего большинства публикаций П. Бицилли характерна многопроблемность и многопрофильность». И тем не менее литературно-критические статьи и рецензии Бицилли в эмигрантской зарубежной печати, прежде всего в «Современных записках», открывают нам одного из самых глубоких критиков не только эмиграции, но и всей эпохи. Эмиграция была очень богата на литературно-критические таланты. Литературные критики эмиграции — это, на мой взгляд, лучшие критики за весь период существования русскоязычной литературной критики. Там были личности такого масштаба, что ни до ни после мало кто мог с ними сравниться. Это, по крайней мере, с десяток лиц высшего разряда.

П. Бицилли был профессором в Белградском университете (точнее — в университетском филиале в Скопье), а затем в Софийском университете, то есть по понятиям эмиграции — в эмигрантской провинции. Он и сам в переписке расценивал свое положение примерно так, но у него были свои воззрения на этот счет. Принимая участие в полемике эмигрантов о столичной и провинциальной литературе, Бицилли написал в статье «Две эмигрантские литературы»:

Русские писатели, имена которых стали известны только в эмиграции, и которых возрастной ценз можно, следовательно, считать приблизительно одинаковым, распадаются на две категории. Я на-

зову условно первую — писателями столичными, вторую — провинциальными. Столичные духовно, а всего чаще телесно связаны с мировой столицей, Парижем. Они объединяются по двум общим — отрицательным — признакам: они не пишут о России и их нельзя связать ни с кем из представителей доэмигрантской русской литературы. «Провинциалы» <...>, некоторые из них пишут и о русской жизни, они сохраняют связь с русской стихией, в частности с русской литературой... [7, с. 3].

Думаю, для Бицилли эта провинциальность не была отрицательным знаком, а просто являлась другой частью эмигрантского существования, ничуть не меньшей. Иногда неследование за модой бывает тоже очень полезно и плодотворно. Он за модой не стремился бежать.

Живя вдали от главных центров русского рассеяния, Бицилли напрямую в литературной жизни участия не принимал, но на все более или менее интересные явления откликался, публикуясь в самых центральных и аристократических изданиях: «Современных записках», «Числах», «России и славянстве» и т. д. Будучи одновременно историком, филологом, культурологом, критиком, обладая способностью мыслить целыми культурами, Бицилли достигал в отдельных статьях и рецензиях тончайшей плотности мысли, когда вмещал в несколько страниц содержание целых трактатов. У него есть рецензии, которых другому хватило бы на хорошую докторскую диссертацию, — там заложено столько мыслей, сколько для рецензии совершенно не характерно (обычно рецензии считаются журналистским жанром). Рецензии Бицилли очень глубоки и содержательны.

К сожалению, а может быть, к счастью, у Бицилли никогда не было постоянной литературной колонки, чем славилась вся литературная критика. Не только в крупных литературных центрах все ждали четверга, когда выходили литературные колонки центральных парижских газет «Возрождение», где шла колонка В. Ходасевича, и «Последние новости», где шла колонка Г. Адамовича. Много свидетельств из самых разных регионов от Прибалтики до Китая: все ждали, что они скажут сегодня, как они отругают друг друга и т. д. Это воспринималось как центральное явление литературной жизни. Такой колонки у Бицилли не было. Его рецензии появлялись скорее случайно, по конкретным поводам. Единым полотном они со своим внутренним литературно-критическим сюжетом не связываются, как это было у Ходасевича, Адамовича и др. И тем не менее,

если их собрать вместе, они многое могут добавить и представить более полно фигуру и личность автора.

Поскольку Бицилли был от литературных центров эмиграции далек, в полемиках он участвовал опосредованно, без личных мотивов, нюансов не учитывал. В частности, очень характерна была история с Христофором Мортусом после выхода романа «Дар», в одном из персонажей которого весь литературный Париж узнал Георгия Адамовича. В. Ходасевич писал примерно в 1938 г.: «Бицилли написал о том, что узнал в Мортусе меня, и этот человек еще на свободе» [8, с. 317]. Ходасевича это разозлило страшно.

Именно эта отдаленность от литературной среды позволяла Бицилли писать то, что он думает, без каких бы то ни было ссылок на внешние обстоятельства. В этом смысле он был более свободен, чем известные критики парижской прессы, которые были вынуждены так или иначе применяться к обстоятельствам, чтобы никого не обидеть.

На мой взгляд, Бицилли — один из немногих критиков высшего разряда, слово которых было свободно и от редакционной политики, в отличие от, например, Адамовича и Ходасевича. У Бицилли все было проще: его либо не печатали, либо печатали, поэтому он не кривил душой, просто писал все, что думает. Таких было несколько, например Д. Святополк-Мирский, но на него влияло обратное: стремление переострить, перещеголять весь мир, эпатировать все на свете, что отражалось на его текстах, хотя критик он был блистательный, совершенно непревзойденный в своем роде. Бицилли не был вовлечен во все эти игры, и даже в этом была его свобода.

П. Бицилли жил в эпоху, когда теории получили непомерную власть над людьми. На мой взгляд, никогда еще всевозможные «измы» не довели так, как в первой половине XX в. XIX в. был в этом плане более свободным, а ХХI в. по принципу маятника, видимо, откатнулся и стал на всю эту идеологию смотреть совсем равнодушно. С начала XX в. «измы» пошли один за другим. Сначала возник символизм, его влияние, действительно, громоздко, грандиозно в литературе, а потом в литературоведении. Возникли имажинизм, конструктивизм и пр. Эта тенденция прослеживается не только в России, но и во Франции, Японии, а также в других европейских и азиатских странах. Общая проблема всех «измов» — каждый из них конкретизировал, подчеркивал, обращал пристальное внимание на одну из сторон <предмета>, и односторонним оставалось <их наследие>. Недостаточность становилась очевидной, поиски шли дальше.

В эмиграции нелюбовь к «измам» была явлением нередким. Если попробовать сравнивать литературную критику двух ветвей русской литературы XX в., то можно сказать, что за известными исключениями в советской России преобладал тип социологической критики. В эмиграции ни формалистская, ни социологическая не была главенствующей, формалистов признавали мало.

Бицилли, как и некоторые другие эмигрантские критики, формалистские находки порой использовал, но в целом формалистские устремления не одобрял. К ним вообще относились скорее отрицательно, и мне представляется, что это заслуживает отдельного исследования. Это была бы великолепная книга — хрестоматия отзывов эмигрантских критиков и литературоведов о формализме, притом что люди это были умнейшие.

Эмигрантское общество, как и дореволюционное, продолжало оставаться литературоцентричным, причем литература воспринималась как цель, а не как средство. Для эмигрантской критики были характерны эсхатологические настроения, так что предпринималось большое количество попыток разобраться, что случилось с обществом в последнее десятилетие и почему это произошло.

Бицилли здесь тоже был немного особенным. Он не отвергал с порога все открытия различных «измов», относился к ним с интересом, пользовался удачными находками, но полностью становиться на какую-то заданную платформу не собирався. Бицилли не хотел объединять ни себя, ни литературу, и таким образом счастливо избежал односторонности, оставаясь не с идеологией, а с литературой. Мимо многих увлечений он не прошел, взял у них лучшее, но избежал соблазна отдаться какой-то одной из них целиком, т. е. прошел сквозь них, оставшись самим собой — крупным ученым, человеком, критиком.

Для своих наблюдений и выводов Бицилли часто использовал терминологию самых разных направлений и школ, но ухитрился всякий раз переплавлять это в свое. Найденные термины или очередные теории евразийства, шпенглеризма, русский символизм и прочее он не перенимал и не присваивал, а все эти термины, теории, находки вплетались у него в мыслительное повествование как один из многочисленных голосов, создавая своеобразное теоретическое многоголосие. Как М. Бахтин описывал полифонию у Достоевского, так у Бицилли эти теории соединялись в уникальный сплав, не делая его односторонним и не замещая одним приемом все остальные.

Бицилли, как и другие эмигранты, стремился оставаться на платформе здравого смысла, реальной истории, реальной литературы,

понимая, что любые идеологические и теоретические заострения неминуемо обеднят, сузят их мысль и заставят отказаться от многого.

Нападки на формалистов были совершенно справедливыми. Они много сделали в изучении литературы, но полностью отбросили то, без чего литература немислима, сказав, что это их не интересует, и получился очень односторонний взгляд. Отказаться от этого Бицилли как крупный ученый не хотел, и, на мой взгляд, он правильно сделал. При его разносторонних интересах он не удовлетворился бы одной литературой. Для него не менее важны были и история, и культурология, и вообще жизнь как таковая. Поэтому он и не стал ни чисто литературоведом, ни критиком, а остался большим разносторонним ученым возрожденческого, ренессансного склада. Том его литературно-критических работ непременно должен быть издан, и только тогда наследие Бицилли полностью войдет в оборот, а его личность предстанет во всей полноте звучания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Бирман М.А. Бицилли — пушкинист (заметки к библиографии ученого) // После юбилея / под ред. Р. Тименчика и С. Шварцбанда. Jerusalem, 2000. С. 227–234.
2. Васильева М.А. П.М. Бицилли — пушкинист // Пушкин и культура русского зарубежья: сб. ст. / под ред. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 393–395.
3. Васильева М.А. Проблема человека в трудах Петра Бицилли о Гоголе // Наука о человеке: Гуманитарные исследования. 2014. № 4 (22). С. 10–15.
4. Каганович Б.С. П.М. Бицилли как историк культуры // Одиссей. Человек в истории. 1993: Образ «другого» в культуре. М.: Наука, 1994. С. 256–271.
5. Каганович Б.С. П.М. Бицилли как историк средневековой и ренессансной культуры // Культура Возрождения и средние века. М.: Наука, 1993. С. 186–197.
6. Каганович Б.С. П.М. Бицилли как литературовед: (К постановке вопроса) // *Studia Slavica Hungarica*. 1988. Т. 34, № 14. С. 205–222.

Источники

7. Бицилли П.М. Две эмигрантские литературы // Россия и славянство. Париж, 1933. 4 февраля. № 213. С. 3.
8. Письма В. Ходасевича к Н. Берберовой / публ. Д. Бетеа // Минувшее. Исторический альманах. 1988. № 5. С. 228–327.

REFERENCES

1. Birman, M.A. “Bitsilli — pushkinist (zametki k bibliografii uchenogo)” [“Bitsilli — Pushkin Scholar (Notes on the Bibliography of the Scientist)”]. *Posle iubileia [After the Anniversary]*. ed. by R. Timenchik, S. Schwarzband. Jerusalem, 2000, pp. 227–234. (In Russian)
2. Vasil’eva, M.A. “P.M. Bitsilli — pushkinist” [“P.M. Bitsilli — Pushkin Scholar”]. *Pushkin i kul’tura russkogo zarubezh’ia [Pushkin and the Culture of Russian Abroad]*, ed. by M.A. Vasilieva. Moscow, Russkii put’ Publ., 2000, pp. 393–395. (In Russian)
3. Vasil’eva, M.A. “Problema cheloveka v trudakh Petra Bitsilli o Gogole” [“The Human’s Problem in the Writings of Piotr Bitsilli about Gogol”]. *Nauka o cheloveke: Gumanitarnye issledovaniia*, no. 4 (22), 2014, pp. 10–15. (In Russian)
4. Kaganovich, B.S. “P.M. Bitsilli kak istorik kul’tury” [“P.M. Bitsilli as a Cultural Historian”]. *Odissei. Chelovek v istorii. 1993: Obraz “drugogo” v kul’ture [Odysseus. A Man in History. 1993: The Image of the “Other” in Culture]*. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 256–271. (In Russian)
5. Kaganovich, B.S. “P.M. Bitsilli kak istorik srednevekovoi i renessansnoi kul’tury” [“P.M. Bitsilli as Historian of Medieval and Renaissance Culture”]. *Kul’tura Vozrozhdeniia i srednie veka [Culture of the Renaissance and Middle Ages]*. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 186–197. (In Russian)
6. Kaganovich, B.S. “P.M. Bitsilli kak literaturoved: (K postanovke voprosa)” [“P.M. Bitsilli as a Literary Critic: (Raising the Question)”]. *Studia Slavica Hungarica*, vol. 34, no. 14, 1988, pp. 205–222. (In Russian)

Дата поступления статьи: 31 января 2020 г.

Дата одобрения рецензентами: 17 мая 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 31 January 2020

Approved after reviewing: May 17, 2022

Date of publication: December 26, 2024

Научная статья

УДК 82-94

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-419-430>

<https://elibrary.ru/VREAPD>

П.М. БИЦИЛЛИ И СПОРЫ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ЭМИГРАЦИИ

© 2024 г. М. Вендитти

Аннотация: Статья посвящена разгоревшемуся в 1927–1928 гг. на страницах парижского журнала «Звено» спору о «порче» русского языка. Главными оппонентами в дискуссии выступили П. Бицилли и кн. С. Волконский. Бицилли смотрит на язык, в том числе русский, как на объект философии культуры. Подход Волконского чисто политический: он видит в русском языке выражение духа старой России.

Ключевые слова: П. Бицилли, кн. С. Волконский, реформа правописания, старая русская орфография, философия культуры.

Информация об авторе: Микела Вендитти — доктор филологических наук, профессор, Отделение литературных, лингвистических и компаративных исследований, Неаполитанский университет Л'Ориентале, ул. Дуомо, д. 219, 80138 г. Неаполь, Италия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4072-4604>

Для цитирования: Вендитти М. П.М. Бицилли и споры о русском языке в эмиграции // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 419–430.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-419-430>

Research Article

PIOTR BITSILLI AND DISCUSSIONS ABOUT
RUSSIAN LANGUAGE IN EXILE© 2024. Michela Venditti

Abstract: The article is dedicated to a dispute about the “corruption” of the Russian language which flared up on the pages of the Parisian magazine “Zveno” in the 1927–1928. The main opponents in the discussion were Piotr Bitsilli and prince Sergei Volkonskii. Bitsilli looks at any language, including Russian, as an object of cultural philosophy. Volkonskii’s approach is purely political: he sees in Russian the expression of the spirit of old Russia.

Keywords: Piotr Bitsilli, prince Sergei Volkonskii, spelling reform, old Russian spelling, philosophy of culture.

Information about author: Michela Venditti, DSc in Philology, Professor, Department of Literary, Linguistic and Comparative Studies, Naples University L’Orientale, via Duomo 219, 80138 Naples, Italy.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4072-4604>

For citation: Venditti, Michela. “Piotr Bitsilli and Discussions about Russian Language in Exile.” *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 419–430. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-419-430>

Реформа русской орфографии (1917–1918) спровоцировала в эмигрантской среде в начале 1920 х гг. не только спор о самой реформе, но и о русском языке в целом, о его судьбе вне отечества. Как беречь язык за рубежом, учить ли детей русскому языку и другие схожие вопросы были в центре внимания русской эмигрантской интеллигенции. Со временем удаленность от родной страны неизбежно влияет на лингвистические навыки русскоговорящих.

Интересные соображения по этому поводу находим в письмах писателя Гайто Газданова, особенно внимательного к вопросу о чистоте языка, конца 1950 х гг. В письме Л.Д. Ржевскому от 1 января 1958 г. Г. Газданов хвалит один из его рассказов: «И язык приятный, — *не такой высохший, как у нас, проживших сто лет за границей*» (курсив мой. — М.В.) [10, с. 207]. Позже, в 1962 г., в письме к тому же Ржевскому он огорченно констатирует, что

большинство наших соотечественников плохо знает русский язык и, кроме того, совершенно не умеет читать. И, главное, научить нельзя — не понимают даже такой простой вещи, как логическое ударение [10, с. 217].

Вопрос о реформе орфографии и, следовательно, о русском языке после революции принял чисто политический оттенок: первыми предложили реформу ученые Академии наук — с целью упростить русский алфавит и упразднить устаревшие буквы; однако объявление указа о реформе орфографии в самый период революции было воспринято как «большевистское насилие». Филологи, писатели, философы, педагоги, языковеды — как в России, так и в эмиграции — принимали активное участие в острой дискуссии. О вызванном ею широком резонансе свидетельствует огромное количество материала, разбросанного по газетам, журналам, мемуарам, статьям, не говоря уже о книгах [2]. В эмиграции новая орфография была отвергнута особенно резко как символ большевизма, и большая часть печати не принимала ее вплоть до 1940 х гг. В качестве крайних полюсов можно привести позиции Павла Сакулина и Ивана Бунина: первый, убежденный сторонник реформы, определяет новый язык как «язык свободы» и полное осуществление революционного проекта демократизации; второй резко и гневно осуждает реформу как кощунство и бесцеремонность, в полной мере присущие большевикам [7, с. 120; 13].

В 1920-е гг. в эмиграции вопрос о реформе расширяется до дискуссии о сохранении чистоты русского языка, — главном наследии русской культуры. На страницах парижского журнала «Звено» (1923–1928) в 1927 г. возникла острая дискуссия вокруг «порчи» русского языка, в которой участвовали главным образом Петр Бичилли, Георгий Адамович и кн. Сергей Волконский, а также Константин Мочульский и Григорий Лозинский. Поводом для распри стала статья С. Волконского «О русском языке» (1923), появившаяся в парижском журнале «Современные записки» [8].

Сергей Михайлович Волконский (1860–1937), активный театральный деятель и театровед, эмигрировал в 1921 г. После пребывания в Италии и Австрии он остановился в 1926 г. в Париже, где стал одним из ведущих театральных критиков, печатался в журналах «Звено», «Числа», в газете «Последние новости». Г. Адамович в одном разговоре с М. Цветаевой, обожавшей Волконского, не вполне точно привел высказывание А. Блока о Волконском в дневнике 1911 г.: «Князь Волконский всех учит русскому языку, а сам изъясняется со средне княжеской грамотностью» [5, с. 580].

Статью «О русском языке» Волконский начинает словами тревоги:

Русский язык в опасности. Самое духовное из наследий нашей Родины, то, которое всякий из нас носит в себе и с собой, в опасности [8, с. 243].

По мнению автора, в области языка отсутствует «эстетически-воспитательная цензура», и Российская академия наук, главной задачей которой было сохранить его чистоту, не только не защитила русский язык, но «свое безразличие к ценности языка Академия достойно увенчала признанием нового правописания» (которое Волконский называет «кривописанием») [8, с. 243]. Понятие «упрощение» — одна из главных причин реформы, — по мнению Волконского, означает искажение языка с когнитивной точки зрения, усложняет восприятие содержания адресатом, который не будет узнавать то, что написано:

Язык — орудие, коим мышление высказывается, но оно же и определяет правильность и полноту мышления. Когда орудие не точно, то не точна и работа. <...> Следовательно, мысль, неясно выраженная, сама не ясна [8, с. 245].

Вследствие реформы правописания запас концептов уменьшается и интеллектуальные процессы упрощаются. В опасности, таким образом, оказывается не только русский язык, но и русское мышление, потому что искаженный язык соответствует искаженной мысли. Волконский указывает на разные ошибки речи — на неправильное ударение, произношение, неверное употребление глаголов (возвратные вместо невозвратных) и т. д. В призыве к восстановлению чистоты русского языка он доходит до идеи полного отказа от употребления иностранных слов, которые обедняют выразительное богатство родного языка (почему, например, нужно говорить «ори-

ентироваться», вместо «разобраться» и «осмотреться»; или «фиктивный» вместо «вымышленный» и «мнимый»).

Волконский, таким образом, не ограничивает свое выступление резким отказом от реформы орфографии, а ставит вопрос о чистоте русского языка в целом, употребляя все стандартные аргументы в этом споре. Пример подобных шаблонных аргументов представлен в статье К.В. Мочульского «О порче русского языка», опубликованной в 1924 г. в «Звене» (в ту пору это издание еще выходило в газетном формате):

«Порча русского языка», «распад русского языка», «русский язык в опасности» заявляют литераторы, критики, эстеты. И приводят бесчисленные примеры советского наречия, эмигрантских диалектов, газетного жаргона. А после примеров, цитата из Тургенева о «великом и прекрасном русском языке» и приговор современности: «безграмотно, неправильно» [10].

Отметим, что позиция Мочульского очень близка воззрениям Бицилли, но об этом речь пойдет позже.

Три года спустя, в 1927 г., Петр Бицилли начинает спор с Волконским статьей «В защиту русского языка» [6, с. 598–602], которая появится в № 5 журнала «Звено». Выдающийся филолог и культуролог даже не упоминает реформу орфографии, а направляет свои размышления исключительно на природу языка как такового, обращаясь к Волконскому с иронией:

Я выступаю в защиту русского языка от его усердного, неутомимого, ученого и даровитого защитника и охранителя, кн. С.М. Волконского. <...> Во многих случаях автор глубоко прав, — и тем не менее, читая его статьи, я часто мысленно благодарю Бога за то, что он на этом поле пока — единственный, кажется, воин, и что ему не удалось объединить вокруг себя толпу таких же ревнителей, создать учреждение типа гуманитарных «академий» и присвоить себе над нашим языком и нашей литературой власть *vitae necisque* <над жизнью и смертью (лат.)> [6, с. 598].

Бицилли согласен с Волконским в том, что язык является отражением культуры и духом народа; в более поздней статье 1936 г. Бицилли пишет:

Язык в отношении своего строения, своей лексики, есть одна из важнейших сторон культуры, может быть, — самая важная [6, с. 11].

По Волконскому, язык «воспроизводит» мысль. Бицилли же утверждает, вслед за Гумбольдтом, в статье «Литературные заметки» (1938):

Язык не только орудие мысли и творится мыслью. Он энергия (определение Гумбольдта) и в том отношении, что сам творит мысль [6, с. 622].

Система языка для Бицилли — это функциональная структура, в которой знаки выполняют функцию сообщения в речевой коммуникации. Участники спора движутся, очевидным образом, в разных направлениях; их противопоставление подобно семиотическому конфликту во время Раскола, как его описал в свое время Б.А. Успенский [4, с. 333–367]. Волконский отождествляет слово с содержанием; для Бицилли слово — это условный знак. Кроме того, позиция Волконского, как увидим, — чисто политическая, позиция Бицилли — научная.

Волконский указывает на конкретные искажения в употреблении русского языка, — такие, как неправильные ударения, употребление неологизмов или варваризмов; Бицилли отвечает, что конкретный язык живет в узусе: новые слова рождаются из употребления в определенных исторических обстоятельствах, представляя собой обогащение языка. Он приводит пример употребления слова «месторазвитие» — одного из центральных понятий евразийства, — которое обозначает стяжение воедино географических и исторических начал. Слово прижилось, поскольку его применяют Г.В. Вернадский и другие евразийцы, так как содержание понятия «месторазвитие» богаче, чем содержание отдельно взятых слов «место развития». Примерно то же самое о жизни языка в его узусе писал в 1924 г. К. Мочульский:

Язык — есть быт; не бывает быта правильного и неправого — быт изменяется, иногда неощутимо-медленно, иногда резко, стремительно. Перестройка языка свидетельствует не о «порче», а об огромной внутренней жизни, о новом сильном, пока еще беспомощно ищущем своего выражения [12].

У Бицилли и Мочульского также схожие позиции в отношении введения иностранных слов в русский язык: оба считают данное явление обогащением языка. Бицилли пишет:

Слово самого идиотского, самого «беззаконного» происхождения, укоренившись и ставши общепотребительным, тем самым и облагораживается [6, с. 601].

Мочульский в 1924 г. утверждает, что иностранные слова составляют «плодороднейший ил; — на нем расцветает национальный гений языка. А гнилое и мертвое сносится течением» [12].

Георгий Адамович играет в этом споре роль посредника, публикуя в № 6 «Звена» статью «Литературные беседы. О русском языке и споре кн. Волконского с П. Бицилли». Критик подчеркивает, что вопрос о языке в эмиграции не только «чрезвычайно интересен», но и очень актуален, и продолжает:

П. Бицилли с кн. Волконским заговорили на тему, давно носящуюся в воздухе, нарушили молчание, уже с трудом сдерживаемое [6, с. 661].

Адамович отмечает политическую деликатность вопроса в данной исторической ситуации:

Я понимаю, что сейчас не «момент» для этого. Многие сейчас берегут грамматику, как берегут старую орфографию, — по соображениям отнюдь не грамматическим [6, с. 663].

Критик старается примирить позиции спорящих: Бицилли прав, когда утверждает, что в живом языке нет законов, все условно, даже у Пушкина есть ошибки. Но все-таки, раз правила установлены, надо им подчиняться, как утверждает Волконский. Адамович заключает свою статью развернутой метафорой:

Надо было бы развалить кривое здание, — с сознанием, что оно нами же построено и никакого кошунства в его уничтожении нет. И медленно построить новое, — с сознанием, что без стройного построения нам жизни нет» [6, с. 663].

Итак — к основному бесспорному положению П. Бицилли применить метод кн. Волконского, отказавшись от научной беспристрастности первого и консервативной непримиримости второго.

Очередная ответная статья Волконского «Вопросы языка» (1927), опубликованная в том же номере «Звена», чрезвычайно эмоциональна и полемична, она наглядно демонстрирует, что у оппонентов совершенно разные подходы к теме. Для Бицилли язык, в том числе русский, объект культурологии и философии культуры; Волконский смотрит на русский язык, видя в нем главным образом выражение духа старой России. Бицилли утверждает, что нельзя бороться против лингвистических изменений; Волконский возражает, что если бороться нельзя, то надо хотя бы воспитывать у людей «чувство красоты, сознание красоты родного языка» [6, с. 665].

Волконский еще раз подчеркивает, что опасным является распространение иностранных слов вместо русских, потому что они

вытесняют богатство и разнообразие мыслительных категорий. <...> Да, они <иностранные слова. — М.В.> уродуют, засоряют язык, но они же обедняют мозг [6, с. 665].

Пафос высказываний Волконского о русском языке в основном носит политический характер, как явствует из его соображений о кавычках:

Кавычки, как подчеркивающие неодинаковость умственных уровней, несомненно, одно из проявлений *культурности*. <...> И не удивительно принесенное газетами известие о том, что новым декретом большевицкое правительство *упразднило* кавычки, — не удивительно потому, что вся его деятельность в области языка противокультурна [6, с. 666].

Спор о языке был настолько актуальным, что в № 1 «Звена» за 1928 г. появилась рубрика «Грамматические сомнения» за подписью Меркурий (псевдоним Г.Л. Лозинского [4, с. 280]), открывшая дискуссию с читателями:

Спор, возникший на страницах «Звена» между П. Бицилли, кн. С.М. Волконским и Г.В. Адамовичем, еще не закончен. Со своей стороны, Меркурий позволяет себе предложить на обсуждение читателей несколько частных вопросов, с которыми большинству из нас приходится сталкиваться ежедневно [11, с. 51].

Бицилли продолжил полемику с Волконским в № 3 «Звена» за тот же год в статье «Вопросы русской языковой культуры» [6,

с. 603–606]. Здесь автор почти не затронул злободневного языкового вопроса, изложив свою концепцию о развитии русского литературного языка.

Дальше спор продолжился на страницах парижской еженедельной газеты «Россия и славянство». Статья Бицилли «В защиту варваризмов в русском языке», появившаяся в январе 1929 г., была посвящена критике двух книг: «Борьба за язык» С.В. Завадского (Прага, 1928) и «В защиту русского языка» князей С. и А. Волконских (Берлин, 1928). Авторы обеих книг утверждали, что русский язык портят в основном варваризмы (см., например: [9]). Полемизируя с ними, Бицилли не без иронии приводил примеры из старой статьи Волконского 1923 г.:

«Зачем, — спрашивает кн. С. Волконский, — *ориентироваться*, когда есть: *разобраться*, *рассмотреться*, *опознаться*?» Затем, что ни *разобраться*, ни *рассмотреться*, ни *опознаться* не выражают того оттенка, который есть в *ориентироваться*. Не *разобравшийся* в оттенках этих слов сказал бы, что кн. С. Волконский не *ориентировался* в вопросе [6, с. 611–612].

Как представляется, полемика с Волконским послужила для Бицилли толчком, чтобы систематизировать свои культурологические взгляды. Уже во время спора Бицилли опубликует в «Современных записках» статьи «Два лика евразийства» [6, с. 35–48] и «Нация и народ» (см.: [1, с. 66–78]), затрагивающие лингвистические аспекты его теории культуры. Несколько лет спустя он напечатает еще две важные работы на схожую тему: «Язык и народность (К вопросу об образовании русского литературного языка)» (1932) и «К вопросу о характере русского языкового и литературного развития в новое время» (1936), но это уже тема для другого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Анненкова И.В. Неизгнанная мысль: Филология П.М. Бицилли. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 148 с.
2. Вендитти М. Вопрос о реформе орфографии в эмиграции (Н.К. Кулман и Ф.А. Браун) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени

Александра Солженицына, 2014–2015. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 716–722.

3. Успенский Б.А. Избранные труды: в 2 т. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. 429 с.
4. Шруба М. Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945) / под ред. О.А. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 1064 с.

Источники

5. Адамович Г.В. Собр. соч.: в 18 т. М.: Дмитрий Сечин, 2016. Т. 14. 626 с.
6. Бицилли П.М. Избранные труды по филологии / вступ. ст. В.П. Вомперского; сост., подгот. текста и коммент. В.П. Вомперского, И.В. Анненковой. М.: Наследие, 1996. 707 с.
7. Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 10. 254 с.
8. Волконский С.М. О русском языке // Современные записки. Париж, 1923. Кн. 15. С. 243–261.
9. Волконский С.М., Волконский А.М. В защиту русского языка: сб. ст. Берлин: Медный всадник, 1928. 102 с.
10. Газданов Г. Собр. соч.: в 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 5. 733 с.
11. Меркурий [Лозинский Г.Л.] Грамматические сомнения // Звено. Париж, 1928. № 1. С. 51–52.
12. Мочульский К. О порче русского языка // Звено. 1924. 31 марта. № 61. URL: http://az.lib.ru/m/mochulskij_k_w/text_1924_o_porche_russkogo_yazyka.shtml (дата обращения: 10.06.2021).
13. Сакулин П. Реформа русского правописания. Пг.: Парус, 1917. 69 с.

REFERENCES

1. Annenkova, I.V. *Neizgnannaia mysl': Filologiya P.M. Bitsilli [Unexiled Thought: P.M. Bitsilli's Philology]*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2011. 148 p. (In Russian)
2. Venditti, M. "Vopros o reforme orfografii v emigratsii (N.K. Kul'man i F.A. Braun)" ["Question of Orthographic Reform in Exile (N.K. Kul'man i F.A. Braun)"]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 2014–2015 [Yearbook of Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad, 2014–2015]*. Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad Publ., 2015, pp. 716–722. (In Russian)
3. Uspensky, B.A. *Izbrannye trudy [Selected Works]*, in 2 vol. Vol. 1. *Semiotika*

- istorii. Semiotika kul'tury [Semiotics of History. Semiotics of Culture]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 429 p. (In Russian)
4. Schrubba, M. *Slovar' psevdonimov russkogo zarubezh'ia v Evrope (1917–1945)* [Dictionary of Pseudonyms of Russia Abroad in Europe (1917–1945)], ed. by O.A. Korostelev. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 1064 p. (In Russian)

Дата поступления статьи: 30 июля 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 10 июня 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 30 July 2021

Approved after reviewing: June 10, 2022

Date of publication: December 26, 2024

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-431-443>

<https://elibrary.ru/UUFLRH>

БИЦИЛЛИ-ГОГОЛЕВЕД

© 2024 г. М.Я. Вайскопф

Аннотация: Литературоведческая деятельность П.М. Бицилли рассматривается как постоянные попытки установить или уловить связь между индивидуальностью того или иного писателя и теми горизонтами, которые его творчество открывает перед другими авторами — современниками или потомками. Подобный подход чрезвычайно расширяет панораму исследований и придает ему культурно-историческую глубину, лишенную вместе с тем идеологической доминанты. Сходство между авторами повсеместно корректируется принципиальными различиями, литературная техника — индивидуальная или даже заимствованная — духовными устремлениями классика, лежащими за гранью его художественной эмпирики. Под таким углом зрения интерпретируются здесь гоголеведческие наблюдения Бицилли, как, впрочем, и некоторых иных великих мастеров русской культуры.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, Н.В. Гоголь, внутренняя форма, индивидуализм, евразийство, гармония, идея и комплекс, куклы.

Информация об авторе: Михаил Яковлевич Вайскопф — PhD, независимый исследователь, г. Иерусалим, Израиль.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-0187-479X>

E-mail: michweisskopf@gmail.com

Для цитирования: *Вайскопф М.Я. Бицилли-гоголевед // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. А.В. Протопопова, М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 431–443.*
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-431-443>

Research Article

BITSILLI AS A GOGOL SCHOLAR

© 2024. Michael Y. Weisskopf

Abstract: The literary activity of Piotr M. Bitsilli is considered as a constant attempt to establish a connection between a writer's personality and the horizons that his work opens up to other authors — contemporaries or descendants. This approach greatly expands the panorama of research and gives it a cultural and historical depth, which is at the same time devoid of ideological dominance. The similarity between authors is everywhere corrected by their fundamental differences: the likeness of their individual literary technique cannot be described alone without a discussion of the classic's spiritual strivings that lie beyond his artistic empiricism. From this point of view I interpret Bitsilli's observations on Gogol and some other Russian writers.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, Nikolai V. Gogol, inner form, individualism, Eurasianism, harmony, idea and complex, dolls.

Information about author: Michael Y. Weisskopf, PhD, Independent Researcher, Jerusalem, Israel.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-0187-479X>

E-mail: michweisskopf@gmail.com

For citation: Weisskopf, M.Y. "Bitsilli as a Gogol Scholar." *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 431–443. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-431-443>

Грандиозная фигура П.М. Бицилли-культуролога раскрывается лишь постепенно и с затяжными паузами. Это касается и его работ по Гоголю, без которых, по существу, немыслимо сегодня квалифицированное гоголеведение.

Касаясь его житейской участи, можно заметить, что ему в конечном итоге и повезло, и не повезло. В отличие от А.Л. Бема и других

его коллег-эмигрантов, он все же уцелел в период послевоенного советского правления в Восточной Европе. Правда, его социально-академическое положение с сентября 1944 г. безнадежно ухудшилось, но, может быть, именно это, вместе с фатальной нехваткой квалифицированных ученых в Болгарии, в какой-то мере и спасало его от ареста (сходный пример являет собой, пожалуй, судьба Д.И. Чижевского в Германии, где тот работал «на птичьих правах», что уберегло его сперва от нацистских чисток, а потом от чисток периода денацификации).

Так или иначе, он всегда страдал от бытовой изоляции в Болгарии и вообще на Балканах. В 1920–1930-е гг. они оставались культурным захолустьем, провинцией эмигрантского мира, причем провинцией преимущественно черносотенно-монархического толка, который в период немецкой оккупации густо окрасился в коллаборационистские тона. Я не знаю, как, собственно, жил Бицилли в официально пронацистской Болгарии в период Второй мировой войны, но хорошо помню устный рассказ К.Ф. Тарановского, как он тогда в Белграде предпочел официально записаться в сербы, отказавшись тем самым от немецкого военного пайка, полагавшегося в Сербии русским эмигрантам. «Я день и ночь сидел в пустом и холодном здании Белградского университета, упраздненного немцами, и занимался русской поэзией: без усталости подсчитывал русские двусложные размеры», — вспоминал он. Итогом этих его подвижнических штудий стала классическая книга, выпущенная уже в Югославии при Тито [9].

Конечно, в Болгарии в войну жилось спокойнее, чем в Сербии, но насколько спокойнее, Бог весть. Сумел ли Бицилли побывать в родной Одессе в годы ее румынской оккупации, да и вообще разрешало ли такие наезды правительство Антонеску подданным соседней страны, — не говоря уже об эмигрантах? (Ведь после второго Венского арбитража 1941 г. отношения между двумя этими фашизоидными государствами — Румынией и Болгарией — оставались крайне неприязненными.) Из самой Румынии ее руководство «своих» русских на аннексированные земли все же охотно впускало. Покойный С.З. Лущик — прекрасный знаток Одессы, историк и краевед — рассказывал мне, как в пору оккупации он учился в Одесском университете, причем среди его преподавателей преобладали репатрианты из Румынии. Однако Бицилли он не упоминал.

Мы знаем, что, когда при коммунистах, в конце 1948-го, в Болгарии резко ужесточились репрессии, его уволили, вернее, просто выгнали со службы — без права на пенсию, без права пользоваться университетской библиотекой и без права печататься. Припомнили

ли ему его давнее евразийство (впрочем, исподволь поощрявшееся из СССР)? Насколько связано было это уничижительное увольнение с новой внешнеполитической ситуацией — а именно, с яростной антиюгославской кампанией Сталина, вконец охладившего тогда к идее славянского единства? И в начальственном предисловии В.Н. Ярцевой, и в биографическом очерке В.П. Вомперского, предва-рявшем единственный имеющийся у меня сборник Бицилли, вся эта политическая тема, как и другие, сопутствующие ей, осторожно замалчивается. По необходимости мы сосредоточимся здесь лишь на русистике и культурологии Бицилли, вернее, на отдельных аспектах этой его громадной работы.

Уже в его раннеэмигрантские годы пафос неповторимых авторских индивидуальностей постоянно корректируется у Бицилли-литературоведа стремлением разглядеть в их самобытном и обособленном развитии надличностную перспективу — перспективу, чуждую, однако, какой-либо детерминированности и открывающую себя лишь ретроспективно, во взаимосоотнесенности культурных феноменов: каждый писатель являет собой некую обособленную фазу этой строящейся единой культуры, в своих духовных порывах уходящей за грань нашего мира. Такова, в частности, его блистательная по зоркости детальных наблюдений статья 1926 г. о Лермонтове, названном им «первым подлинным представителем и выразителем мистической религиозности» в русской поэзии [3, с. 475]. Разумеется, такой подход, заданный символистами, но усовершенствованный техникой самого анализа, был несовместим с духом советского благочестия — как, естественно, и с опальным русским формализмом, всячески чуравшимся метафизики.

Несовместимым с общесоветскими установками было и его евразийское противопоставление цивилизации и культуры, идущее, конечно, главным образом от О. Шпенглера, но сопряженное у Бицилли с разграничением народа и нации как явлений, находящихся в процессе постоянного и не слишком скоординированного становления. Цивилизация остается спецификой народа, тогда как культура, постоянно продуцируемая нацией, при всем своем индивидуальном своеобразии в конечном итоге входит в фонд общемирового и наднационального духовного богатства (глава «Нация и Народ» из обширной публикации 1922 г. «“Восток” и “Запад” в истории Старого Света»). Мельком стоит отметить заодно и его завуалированную дискуссию с давней статьей Андрея Белого «Штемпелеванная культура» (1909), где тот доказывал, в частности, что как раз культура является индивидуально-национальным феноменом — в резком от-

личии от цивилизации, всемирной и всеядной по своей сути. Важнее, что взгляд Бицилли заостренно полемичен и по отношению к вдохновлявшему Белого романтическому культу *Volksgeist*'а (как известно, сполна усвоенному нацизмом). В самом же динамизме концепции Бицилли, в идее безудержного становления различимо, мне кажется, воздействие довоенной Италии, одержимой пафосом движения как самоцели.

В концовке статьи «Вопросы русской языковой культуры» (1928) он доходит до того, что проецирует расхождение между народом и нацией на свои историософские прогнозы, причем довольно хмурого толка: «Что-то в русском народе есть, что для русской нации, в качестве элемента, явно непригодно, и даже угрожает самому бытию “нации”» [3, с. 606]. Ведь согласно Бицилли, подлинным творцом языка, т. е. главным культурообразующим фактором тоже предстает именно нация, а не народ, только пассивно усваивающий и попутно деформирующий те или иные новшества, полученные им сверху («Трагедия русской культуры», 1933). В процессе этой адаптации возникают комические зазоры, лакуны недопонимания, плодотворные зато для литературной игры — непреднамеренной, например, у Н. Успенского или же эстетически организованной — у М. Зощенко. О его языке он написал в 1932 г. превосходную статью «Литературные эксперименты Зощенко», в концовке которой назвал писателя «гениальным» — впервые в русской критике. Я должен заметить, что развернутая Бицилли социолингвистическая дихотомия прекрасно подходит и для анализа гротескно-полуинтеллигентского сталинского стиля, чем я и воспользовался в последнем переиздании своей книги «Писатель Сталин» [1].

С учетом общелингвистической доминанты Бицилли, всегда сопрягавшейся у него с выводами более объемного свойства, примечательна его рецензия 1939 г. сразу на две книги В. Сирина (Набокова) — «Приглашение на казнь» и «Соглядатай». Она обращена прежде всего к их языку, и ведущее место занимает в ней положительная — кстати, весьма нетривиальная для недалекой эмигрантской критики — интерпретация набоковских каламбуров и аллитераций. Поразительное новаторство методики заключается в том, что в этих, казалось бы, чисто вспомогательных тропах Бицилли видит благотворное «освобождение от действительности, чтобы, пользуясь эмпирической данностью как материалом, переработать его так, чтобы прикоснуться к иному, идеальному миру» [3, с. 642]. Частично он пересекается тут с известными выводами В.Ф. Ходасевича относительно ключевой роли обнажаемых самим автором ли-

тературных приемов (в «Отчаянии»), но идет значительно дальше в плане их метафизической интерпретации.

Здесь, в самом этом акцентировании технической стороны творчества, он и сходится, и полемизирует с формалистами. На одно из принципиальных разногласий с ними указывает, среди прочего, брошенная им как бы вскользь реплика в чрезвычайно глубокой работе «К вопросу о внутренней форме романа Достоевского» (1945/1946) — касательно полного отсутствия «театральной техники» в «Шинели» [3, с. 521]. Выпад, конечно же, направлен против нашумевшей работы Б.М. Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя». Надо учесть при этом, что в эмиграции, если не говорить о Праге, вообще очень мало кто относился с интересом и уважением к формалистам — однако Бицилли, при всех своих расхождениях с ними, выглядел ярким исключением, особенно в косной среде его земляков на Балканах.

С позиций социолингвистической синхронии он оспаривал тыняновскую эволюционную теорию об «архаистах и новаторах», но в то же время, переключаясь тут и с самим Ю.Н. Тыняновым, и с другими формалистами, подчеркивал важнейшую роль таких низовых жанров, как домашние воспоминания, дневники, письма в процессе развития русской культуры. Однако социологическая культурология и в данном раскладе, как и в работе о Набокове, остается для него путем к тому, что лежит над изучаемой культурной эмпирикой. В том же направлении трактовал он в 1930-м и бахтинскую книгу о Достоевском, не оказавшую, увы, ни малейшего влияния на эмиграцию, — как, впрочем, и на советскую филологию тех же лет. И здесь, и в иных изысканиях Бицилли демонстрирует постоянные колебания между своим персонализмом (в духе Т. Карлейля и Б. Кроче, а не Н.А. Бердяева) и тягой если не к групповым, то к метафизическим началам, лежащим уже за пределами индивидуальных различий.

Живым обитателем самой культуры, а равно и связующим звеном между цивилизацией и культурой, между народом и нацией он считал «дворянские гнезда». Стоит ли напоминать, насколько в СССР подобный подход выглядел, мягко говоря, неуместным? Понятно, что он никак не вписывался и в официально-советское народолюбие, во многом унаследованное коммунистами от народников. С другой стороны, не сочеталась его позиция и с какими-то затеями во вкусе «славянского единства», которые после роспуска Коминтерна начнет было энергично поощрять Сталин.

Мы помним вместе с тем, что Бицилли всегда оставался убежденным противником национальной изоляции отечества и искал пути

к ее преодолению, поначалу в евразийском духе сочетая ориенталистские и западнические притяжения. Уже в программной статье «“Восток” и “Запад” Старого Света» (1922) он чрезвычайно усложнил обе стороны этой дихотомии (разные Запады и разные Востоки), подчеркивая, в частности, роль атавистически-туранских элементов в их сочетании: «Организация большевистской России слишком во многом напоминает организацию “орды”» [3, с. 32]. Тем не менее, и подхватывая, и подправляя риторику блоковских «Скифов», он акцентирует свою тогдашнюю мысль о синкретизме как подлинном назначении родины: «Россия, — пишет он, — не только посредница в культурном обмене между отдельными азиатскими окраинами. Вернее, она меньше всего посредница. В ней творчески осуществляется синтез восточных культур...» [3, с. 31; курсив мой. — М.В.].

Поучительно проследить на этом примере, насколько все же зависело как евразийство, так и совсем недолговечное «скифство» от старой и невероятно живучей по сей день уваровской доктрины — от пресловутой «официальной народности». Один из ее видных глашатаев — М.П. Розберг возвещал еще в 1838-м, за восемьдесят лет до А. Блока, в уваровском официозе: «По всей вероятности, России суждено прекратить кровавые раздоры Запада с Востоком, согласить их распри, кончить их и слить в необъятном лоне своем разнородные стихии обеих враждующих сторон» [6, с. 15], — словом, «скорее, старый меч в ножны, / Товарищи, мы станем братья».

Если не ошибаюсь, в политическом аспекте Бицилли был все же далек от столь глобально-пацифистских иллюзий, не говоря уже об утопии всеядного международного «братства». Идеалом для него всегда, на всех этапах его деятельности, было гармоническое сплетение персонализма, в том числе национального, с надличной культурной общностью, т. е. controversialное единство в многообразии, встроенное в метафизическую перспективу. В то же время и сам этот запредельный синкретический идеал был заведомо недостижим, а потому в пору евразийства отбрасывал на его риторику налет апофатической невнятицы — обычно крайне чуждой этому исследователю с его латинской ясностью слога.

Расставшись с евразийским грезам, он сосредотачивается взамен на мощном европейском заряде, исторически накопленном русской культурой, — и здесь Бицилли уже склоняется к отринутому им ранее европоцентризму. Впрочем, еще до всякого евразийства с идеей чаемой и недостижимой гармонии частей либо индивидов связаны были его работы по медиевистике. В своих «Элементах средневековой культуры» — книге, чудом вышедшей в разгар Граж-

данской войны, — он так описывал мировоззрение средневековья: «Мир есть целое лишь постольку, поскольку он весь, целиком зависит от Бога. <...> Это ключ свода; как только он выпадает, все рассыпается, и мира — как целого — не существует; каждая вещь довлеет самой себе» [4, с. 61]. В своей монографии «Сюжет Гоголя» именно этим архаично-магическим восприятием я пытался объяснить сюжет повести «Нос» [2].

В культуре России Бицилли с годами все отчетливее видит плодотворное соединение тех или иных восточных элементов с мощной западной основой, слои которой латентно накапливались в течение столетий, чтобы прорасти творчеством к предпетровскому и петровскому времени. Высшая ценность — отнюдь не безличное слияние культур, а, напротив, их живительная многоголосица, столь ценная для него и в индивидуальном, и в национальном плане. Именно оттого он, с одной стороны, так сочувственно реагирует на бахтинский принцип полифонии у Достоевского, а с другой — выступает против истовой веры в литературные влияния, дорогой как формалистам, так и враждебной им культурно-исторической школе. Он не то чтобы полностью отвергает воздействия одного писателя на другого — порой охотно их признавая, Бицилли все же настаивает на «конгениальности» великих художников в общем строе культуры — и мировой, и национальной. И когда он рассуждает о гоголевских комедиях — «Женитьбе» и «Ревизоре», — отсылки к предшествующей традиции, например к Мольеру, нужны ему только для того, чтобы подчеркнуть ее решительное преодоление и радикальный пересмотр со стороны Гоголя. То же относится к вопросу о влиянии самого Гоголя на Достоевского, Чехова и даже на Л. Толстого. Отмечая достаточно очевидные случаи такого рода, Бицилли зачастую предпочитает рассуждать все же о сближающем всех этих прозаиков общем своде жизненных впечатлений, обусловленных единством культурной субстанции. Из таких грандиозных индивидов состоит, по его убеждению, и вся великая русская культура, продолжающая созидать себя в процессе динамического самовывяления. Так, он с азартом оспаривает привычную мысль насчет зависимости Лермонтова и от Пушкина, и от Байрона, выстраивая взамен совершенно оригинальную интерпретацию, где делает упор на беспрецедентной специфике Лермонтова — а именно на сквозной и четкой логичности этого поэта, который, как он показывает, обычно развертывал образ или ситуацию посредством дедукции, т. е. детализируя исходную картину, смещая ее от общего к строго конкретным частностям. Не любит Бицилли толковать и о смене литературных эпох, нивелирующих личность художника.

Ясно, что этот подход родственен Ю.И. Айхенвальду, который решительно противопоставлял авторскую индивидуальность любым культурно-историческим обобщениям. Однако общим стимулом как для самого Айхенвальда, так и для Бицилли, послужил, по-видимому, Бенедетто Кроче с его «эстетикой интуиции» и приматом уникальной индивидуальности художника. Известно, что почитателем Айхенвальда был и Набоков, так занимавший Бицилли. Более того, отсветы айхенвальдовских «Силуэтов» различимы и в сириинских романах. Прочитирую хотя бы полемическую реплику художника Ардалиона в «Отчаянии», — реплику, которую мог бы повторить и Бицилли: «Художник видит различия. Сходство видит профан» [7, с. 421].

Переводя разговор в политическую плоскость, рискну предположить, что именно Кроче оказал существенное воздействие на «либеральный аристократизм» Бицилли — а возможно, и того же Набокова. Что касается философии, то, наряду с Кроче, Бицилли высказывает и некоторое расположение к монадологии Г.-В. Лейбница — отсюда столь частое и упорное у него повторение самого слова «монада», хотя бы там, где он размышляет о Достоевском или о «Приглашении на казнь». Правда, в статье о Гоголе он отмечает все же, что литературные «роды» и «виды» — это не «монады без окон и дверей»; и одновременно концентрирует внимание на условиях, позволяющих адаптировать заемные литературные приемы или формы к чисто индивидуальным потребностям автора.

У Лейбница монады связует предустановленная гармония. В русской литературе Бицилли выявляет ее у любимого им Достоевского — во «внутренней форме», или же скрытой драматургической основы его полифонических романов. Но эту гармонию он не находит у Гоголя. В новаторской статье «Проблема человека у Гоголя» (1944–1948), вышедшей в Софии в 1948 г., приводится ряд почти буквальных совпадений между ним и наследующим ему Достоевским, однако ученый подчеркивает одновременно и кардинальные расхождения между обоими писателями. В гоголевских произведениях, утверждает Бицилли, «каждый человек так или иначе во власти какой-нибудь “идеи” и автоматически подчиняется ей» [3, с. 552]. Но это вовсе не диалогически-индивидуализированные «идеи» Достоевского в бахтинском смысле: у Бицилли «идея», или «комплекс» (как видим, он исподволь прибегает здесь к фрейдистской терминологии, восходящей, впрочем, к английской философии) «возникает у гоголевских персонажей в результате какого-нибудь толчка извне» [3, с. 553]. При изумительной зоркости и чуткости такого великого

мастера, каким был автор «Миргорода» и «Мертвых душ», его героев, согласно Бицилли, фатально отличало именно отсутствие этого неповторимо персонального начала, самого ядра личности. Соответственно, «в отвлечении от своего “комплекса”, гоголевский человек не *individuum*, неделимое. Поэтому он так легко разлагается, как в собственном сознании, так и в чужом» [3, с. 557].

Что касается этого исходного импульса, извне определяющего поведение гоголевских героев, то и к самому Бицилли он пришел тоже «извне», — конкретней, из статьи Д.И. Чижевского «О “Шинели” Гоголя» (1938), где говорилось, однако, не об «идее», а о небытии «задоре», или «страсти», поработившей Акакия Акакиевича и «мертвые души» [8]. Другими словами, толкование «Шинели» носило у Чижевского преимущественно религиозный характер, подданный риторикой Г.С. Сковороды и, опосредованно, святоотеческой психологией. Сути дела это терминологическое разночтение не меняет: под псевдонимом «идеи» у Бицилли также подразумевается именно то, что в христианской традиции называлось пагубной *страстью*, затмевающей душу. (Единственное светлое исключение в перечне соответствующих «идей» у Гоголя он находит в трогательной «привычке» друг к другу, соединяющей старосветских помещиков — и в здешнем, и в загробном мире.) Неудивительно, что в болгарской академической публикации 1948 г. Бицилли никак не мог сослаться на своего одиозного предшественника Чижевского, как не мог сослаться и на В.В. Розанова, задолго до них обоих заговорившего об овеществлении людей у Гоголя. Развивая эту уже сложившуюся тенденцию, и в этой, и в другой своей ценной работе — «К вопросу о внутренней форме романа Достоевского» (1945/1946) — ученый подчеркивает, что, в отличие от него, у Гоголя, «нет, строго говоря, лиц; каждый — или почти каждый — человек у него словно бы уже родился “куклой”, “вещью”. Майор Ковалев как бы и вправду мог бы потерять свой нос» (тогда как «у Достоевского распад личности — результат намеренного, сознательного саморазложения» ее [3, с. 505]).

Рамки публикации не позволяют мне существенно расширить эту тему, к которой можно было бы приобщить и явственно просвечивающую у Бицилли полемику со статьей Тынянова «Достоевский и Гоголь (К теории пародии)» (1921), как и некоторые его полемические переключки с работой В.В. Гиппиуса «Люди и куклы в сатире Салтыкова» (1927). Не удастся здесь подробнее коснуться и гоголевской концепции Бицилли в целом — отчасти еще и потому, что она по необходимости приглушена исследователем, поскольку в по-

слевоенное время излагать ее даже в Болгарии было небезопасно. В самом же СССР второй половины 1940-х гг. подобная публикация была просто немислимой: творчество Гоголя там давно уже трактовалось как образчик «критического реализма», запечатлевшего протест писателя против крепостного права и социальной несправедливости. Приведу лишь выразительный пример того, как один и тот же гоголевский пассаж по разному интерпретируется у Бицилли и у замечательного советского литературоведа Г.А. Гуковского в его книге «Реализм Гоголя», создававшейся в те же годы (1946–1949), но оборванной арестом и гибелью автора. В обоих исследованиях цитируются, среди прочего, газетные объявления — «записки» из «Носа»: «В одной значилось, что отпускается в услужение кучер трезвого поведения; в другой — малоподержанная коляска... отпускалась в услужение дворовая девка 19 лет...», и т. д. Бицилли, разумеется, тоже вводит этот материал в контекст «крепостного режима» и, соответственно, — но без особой настойчивости, а как-то мельком, — заключает: «Ужас от сознания, что человек может пользоваться своими ближними как мертвыми вещами, как предметами своего потребления, легко *мог привести* к идее, что такой человек сам — мертвая вещь» [3, с. 562; курсив мой. — М.В.].

Однако это только один из возможных толчков для «Носа» и вообще для гоголевского гротеска. С точки зрения культурно-исторического генезиса, Бицилли предпочитает все же соотнести его не столько с социальной действительностью, сколько с комическими и кукольными жанрами (конечно, не без влияния В. Гиппиуса), за которыми тем не менее просвечивает проблематика совершенно иного, духовного свойства. Зато Гуковский по поводу тех же самых газетных объявлений раздражается антикрепостническими филиппиками, где, как повсюду в своей монографии, гоголевскую технику «овеществлений» исчерпывает без остатка социальной сатирой [5, с. 287]. (Когда через много лет его «Реализм Гоголя» будет наконец опубликован, о книге станут говорить, что в ней верно все, кроме названия.) Кроме того, сталинский имперский настрой тогда, в период «холодной войны», успешно приспособил к своим потребностям уваровско-патриотические декларации Гоголя наподобие речи о «товариществе» из «Тараса Бульбы» и тирады о русской птице тройке, стремительно обгоняющей другие народы и государства в «Мертвых душах». Бицилли все это было чуждо.

На его счастье, в Болгарии советский идеологический канон просто еще не успел затвердеть в силу, так сказать, ее удачной отсталости и пресловутого «балканского провинциализма». Власти огра-

ничились тем, что — безусловно, по приказу из Москвы — с 1948 г. и до самой смерти Сталина нищему, лишенному пенсии Бицилли закрыли доступ к академической, да и любой иной печати. Несмотря на все его прошения о репатриации, в советскую Россию его так и не впустили.

Что ж, вероятно, это его и спасло. При всех его ужасающих мытарствах участь Бицилли в Болгарии оказалась все же несравненно лучше участи его благонамеренного коллеги в Советском Союзе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Вайскопф М.* Писатель Сталин. Язык, приемы, сюжеты. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 520 с.
2. *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М.: Радикс, [1993]. 588 с.

Источники

3. *Бицилли П.М.* Избранные труды по русской филологии / сост., подгот. текстов и коммент. В.П. Вомперского и И.В. Анненковой. СПб.: Наследие, 1996. 709 с.
4. *Бицилли П.* Элементы средневековой культуры. Одесса, 1919. [8], IV, 167 с.
5. *Гуковский Г.А.* Реализм Гоголя. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. 531 с.
6. Журнал Министерства народного просвещения. 1838. Ч. 7. Отд. 2. С. 15.
7. *Набоков В.* Отчаяние / Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 3. СПб., 2000.
8. *Чижевский Д.* О «Шинели» Гоголя // Современные записки. Париж, 1938. Кн. 67. С. 172–195.
9. *Тарановски К.* Руски дводелни ритмови. I–II. Београд: Српска Академија наука, 1953. 376 с.

REFERENCES

1. *Weisskopf, M.* *Pisatel' Stalin. Iazyk, priemy, siuzhety* [*Stalin the Writer. Language, Techniques, Plots*], 3rd ed. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. 520 p. (In Russian)

2. Weisskopf, M. *Siuzhet Gogolia: Morfologiia. Ideologiia. Kontekst* [*The Plot of Gogol': Morphology. Ideology. Context*]. Moscow, Radiks Publ., [1993]. 588 p. (In Russian)

Дата поступления статьи: 11 августа 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 13 апреля 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 11 August 2021

Approved after reviewing: April 13, 2022

Date of publication: December 26, 2024

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-444-459>

<https://elibrary.ru/XJABQW>

РЕЦЕНЗИИ П.М. БИЦИЛЛИ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

© 2024 г. А.В. Громова

Аннотация: В статье рассмотрены рецензии П.М. Бицилли на произведения современных ему эмигрантских авторов (И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, Г.Н. Кузнецовой, Л.Ф. Зурова, В.В. Набокова (В. Сирина) и др.); показано, что отзывы затрагивают новаторские тенденции в литературе русского зарубежья и характеризуют оригинальный метод критика, близкий к «имманентному» методу Ю.И. Айхенвальда.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, литература русского зарубежья, рецензия, литературная критика.

Информация об авторе: Алла Витальевна Громова — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, 129226 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8420-7567>

E-mail: gromovaav@mail.ru

Для цитирования: Громова А.В. Рецензии П.М. Бицилли в контексте литературного процесса русского зарубежья // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 444–459. <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-444-459>

Research Article

PIOTR BITSILLI'S BOOK REVIEWS IN THE CONTEXT OF THE LITERARY PROCESS OF RUSSIA ABROAD

© 2024. Alla V. Gromova

Abstract: The article deals with P.M. Bitsilli's reviews of books by contemporary emigrant writers I.A. Bunin, B.K. Zaitsev, G.N. Kuznetsova, L.F. Zurov, V.V. Nabokov (V. Sirin), etc. These reviews touch on actual trends in the literature of the Russia Abroad and characterize Bitsilli's original critical method, close to the "immanent" method of Yu.I. Aykhenval'd

Keywords: Piotr M. Bitsilli, Russian Literature Abroad, book reviews, literature critics.

Information about author: Alla V. Gromova, DSc in Philology, Professor, Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University, 2nd Selskohoziastvennyi proezd 4, 129226 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8420-7567>

E-mail: gromovaav@mail.ru

For citation: Gromova, A.V. "Piotr Bitsilli's Book Reviews in the Context of the Literary Process of Russia Abroad." *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 444–459. (In Russian)
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-444-459>

Будучи ученым-энциклопедистом, Петр Михайлович Бицилли (1879–1953) проявлял интерес к чрезвычайно широкому кругу явлений, включая не только историю и методику исторических исследований, но и политику, социологию, искусство, культурологию, лингвистику. Он также много внимания уделял русской литературе — классической и актуальной, советской и эмигрантской, — следил за развитием современного литературоведения, на многие произведения отзывался рецензиями и статьями. В результате наследие

ученого пополнилось значительным количеством литературно-критических работ, которые регулярно публиковались в различных изданиях эмиграции.

Как известно, Бицилли был самым печатаемым автором «Современных записок», которого издатели-«общественники», слабо разбиравшиеся в литературе, часто привлекали в качестве критика. Редакторы также обращались к авторам с просьбой откликаться на новые номера журнала, и Бицилли «писал весьма обстоятельные отзывы, подробно разбирая свежие номера, характеризуя едва ли не каждый материал» [22, с. 101]. Публикации Бицилли появлялись также в журналах «Числа», «Новый Град», «Русские записки», в газетах «Россия и славянство», «Последние новости». Стараниями современных исследователей эта часть наследия ученого после долгого забвения вводится в научный оборот [9; 16].

Литературно-критическое творчество Бицилли отличается тематическим и жанровым многообразием. В его наследии находим статьи и заметки (в том числе на болгарском языке) о русских писателях-классиках: А.С. Пушкине, Г.Р. Державине, А.С. Грибоедове, М.Ю. Лермонтове, Н.В. Гоголе, М.Н. Загоскине, Н.А. Некрасове, И.С. Аксакове, И.С. Тургеневе, Ф.М. Достоевском, Л.Н. Толстом, А.П. Чехове, историю русской литературы и хрестоматии для школ, рецензии на книги советских авторов и писателей эмиграции, а также множество откликов на труды литературоведов зарубежья и метрополии: В.В. Виноградова, М.Л. Гофмана, М.О. Гершензона, И.Д. Ермакова, В.М. Жирмунского и С.А. Серапина о Пушкине, К.И. Чуковского о Некрасове, М.М. Бахтина, А.Л. Бема и Л.П. Гроссмана о Достоевском, И.М. Гревса о Тургеневе, В.Б. Шкловского о Л. Толстом, теоретические и историко-литературные работы А. Белого, П.Н. Сакулина, Н.К. Пиксанова.

Пристально наблюдая за развитием филологической науки, Бицилли выработал свой литературно-критический метод, который складывался как бы между двумя полюсами: научным и эссеистским. Как отмечает И.В. Анненкова:

Академическая квалификация позволяла ему не выпускать из поля «критического зрения» те аспекты литературы, которыми занимались филологи: текстологию, функциональную семантику и др. Такая открытость понимания литературы как единого метаконтекста позволяет рассматривать штудии ученого по истории русской литературы и языка художественных произведений как своеобразную литературоведческую критику. Граница между критикой как искус-

ством и критикой как наукой (литературоведением) в таких работах П.М. Бицилли размыта [2, с. 34–35].

М.А. Бирман, говоря о научном почерке публикаций Бицилли, отмечает, что «при освещении избранных проблем ученый мыслит, оперирует веками, эпохами, культурами», его размышления «базируются на фундаменте большого запаса знаний, хорошо усвоенных и переработанных», а особый шарм его работам придает «сопряжение интеллектуальной насыщенности со специфическим и блистательным колоритом литературного стиля» [21, с. 491]. Эти характеристики могут быть отнесены и к литературно-критическим публикациям ученого.

М.А. Васильева фиксирует оригинальный подход Бицилли к филологическому анализу, который

отталкивался от «мелких» наблюдений над стилем, нередко сближаясь с методами лингвостилистического анализа формалистов, однако в ходе исследования совершал «головокружительные» траектории и выходил далеко за пределы стилового анализа текста [3, с. 7].

Справедливым представляется вывод о том, что

Бицилли был ярчайшим представителем оригинального направления в литературоведении русской эмиграции, самоопределившегося между двумя мощными полюсами русской литературоведческой традиции первой половины XX в., — философской литературной критикой и формальным методом литературоведения [3, с. 7].

Сам Бицилли обосновывал возможность такого подхода к литературному произведению тем, что у подлинного творца форма всегда является выражением содержания. Например, о манере Бунина он пишет, что

в ней нет ничего, что бы не было строжайше обусловлено первоосновной интуицией и определяющейся последнею художественной идеей [15, с. 461];

в рецензии на произведения В. Сирина утверждает, что постоянно встречающиеся у писателя стилистические особенности помогают

приблизиться к уразумению его руководящей идеи — в полном смысле этого слова, т. е. его видения мира и жизни — поскольку у настоящего писателя «форма» и «содержание» — одно и то же [11, с. 474].

Одним из ведущих жанров литературно-критического творчества Бицилли была рецензия. Он опубликовал порядка 100 рецензий [9, с. 673–692], среди которых отзывы на научные издания по истории, философии и литературоведению, на новинки литературы русского зарубежья (М.А. Алданова, И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, Н.А. Тэффи, Г.Н. Кузнецовой, Л.Ф. Зурова, В. Сирина, поэтов «парижской ноты») и метрополии (Вс.В. Иванова, М.М. Зощенко), а также рецензии на иностранные книги и переводы, в том числе на иностранных языках.

В данной статье внимание сосредоточено на литературных рецензиях, которые в совокупности отражают динамику литературного процесса русского зарубежья и характеризуют метод Бицилли-критика. И здесь важны не только конкретные оценки и наблюдения, но в целом своеобразие критического подхода, который позволил рецензенту уловить происходившие в литературе изменения. Интерес представляет и особый стиль изложения, позволявший включать в структуру рецензии не только необходимые для этого жанра компоненты (краткую характеристику произведения и его оценку), но и множество отступлений и попутных суждений, содержащих как тонкие наблюдения, так и масштабные обобщения, а иногда предвосхищающих особенности дальнейшего литературного развития.

Так, несмотря на принадлежность к дореволюционной академической школе, Бицилли чутко отзывался на новаторские жанры и художественные формы, предлагаемые современным литературным процессом.

Большой блок рецензий Бицилли посвятил поэтам парижской школы: Г. Адамовичу, Ю. Иваску, Н. Оцупу, Д. Кнуту, Д. Скобцову-Кондратьеву, Вл. Смоленскому, антологии русской зарубежной поэзии «Якорь». Данный материал был подробно освещен М.А. Васильевой, пришедшей к справедливому выводу о причинах пристального интереса Бицилли к «парижской ноте»:

В его системе ценностей, выросшей из философского осмысления исторических потрясений, органично переведенной в область филологии, обнаружились совпадения с поиском «парижан» на уровне не приёма, а «метода» и, возможно, на уровне историзма: филология Бицилли, глубоко историчная по своей сути, была его своеобразным

ответом на неразрешимые противоречия истории; «нота» по-своему была также глубоко историчным явлением. Здесь во многом и кроется объяснение не «случайного», а скорее основанного на «внутреннем, скрытом от посторонних глаз» методологическом сближении сотрудничества Бицилли с журналом «Числа» [4].

Другим примером чуткого отклика на новации литературного процесса служат отзывы Бицилли о произведениях биографического жанра.

В 1920-е гг. парижское издательство YMCA-Press выпустило ряд изданий, представлявших собой современные интерпретации житий русских святых и церковных деятелей. В этой серии появились книги А.Н. Гиппиус «Св. Тихон Задонский», Б.К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский», В.Н. Ильина «Преподобный Серафим Саровский», Н.А. Клепинина «Святой и благоверный великий князь Александр Невский», Г.П. Федотова «Святой Филипп, митрополит Московский». В их произведениях обозначился новый подход к истории, который во многом был противопоставлен «академическому». Если официальная наука конца XIX в. интересовалась преимущественно закономерностями общественного развития, то в новых версиях жизнеописаний на первый план выдвинулась человеческая личность.

Данная мысль выражена в рецензии Бицилли на книгу Федотова (на тот момент неизвестного историка, который стал печататься в «Современных записках» по его протекции) «Святой Филипп, митрополит Московский» (1928):

Его книга — это реакция против того, что принято по какому-то недоразумению считать «научной» трактовкой истории, то есть подведения исторической реальности под отвлеченные категории формальных наук, как: теория права, социология, политическая экономия. Так вместо Ивана Грозного получалась «государственная необходимость», вместо митрополита Филиппа — «боярская» (или «феодальная») «реакция»; живые, подлинные люди обращались в «представителей» или «носителей» тех или иных «начал», или «общественных слоев», или тому подобных мнимых величин, иными словами, попросту куда-то исчезали за пределы поля зрения истории [13, с. 540].

Новая, или беллетризованная, биография начала распространяться в литературе эмиграции в начале XX в. под влиянием тенден-

ций западной словесности (в частности, произведений Л. Стрейчи и А. Моруа) как жанр, разрушавший каноны традиционного академического жизнеописания и фокусирующий внимание на личности изображаемого исторического деятеля.

Такова, например, «Жизнь Тургенева» (1932) Б.К. Зайцева. Книга основана на документальных материалах, однако отбор фактов, их компоновка и оценка весьма своеобразны. Биограф уделил особое внимание скрытой стороне жизни писателя, попытался проникнуть в тайны его подсознания, изобразить иррациональные импульсы, влиявшие на творчество. Такой подход отвечал общим тенденциям культуры XX в. с интересом к бессознательному и теориям об интуитивистской природе творчества.

Не все современные Зайцеву читатели были готовы принять такое изображение писателя-классика, что отразилось в критических оценках произведения. Например, Н. Андреев считал такой подход слишком субъективным и назвал его «опозтезированным фрейдизмом» [7, с. 96]. Ф.А. Степун, давший высокую оценку произведению, заметил, что

в книге важен и интересен не образ всем образованным людям известного Тургенева — западника, либерала, позитивиста и вдумчивого наблюдателя быстрых изменений в обществе, но иной, как бы ночной образ Тургенева с его страхами, страстями, печалью и причудами [23, с. 27].

На этом фоне отзыв Бицилли отличается тонким пониманием не только художественного результата, но и метода Зайцева. Рецензент отметил правдивость биографа в повествовании о Тургеневе и глубокое понимание «нежилых» тайн личности героя — «обреченность своему фатуму», «не встречающую отпора власть одной души над другою»:

Борис Зайцев задался целью изобразить конкретного Тургенева. По-видимому, это ему вполне удалось. По крайней мере, его Тургенев производит впечатление, аналогичное тому, какое остается от тургеневских произведений, если читать их, отрешившись от представлений, созданных о них русской критикой: все написанное Тургеневым поэтично, изумительно умно, тонко, высокохудожественно, высококультурно, и в то же время читателю от них как-то не по себе [10, с. 477].

Такая оценка не только адекватна задаче автора биографии — изобразить внутренний мир художника при помощи «психологического вчувствования», но и характеризует метод самого Бицилли, близкий «имманентной критике» Ю.И. Айхенвальда.

В 1900-е гг. Айхенвальд, автор «Силуэтов русских писателей», выступил против традиционного подхода в истории литературы, не уделявшего, по его мнению, должного внимания индивидуальности писателя и художественной эмоции читателя. Во вступлении к третьему выпуску «Силуэтов» он теоретически обосновал новый метод. В соответствии с его концепцией, ни биография, ни особенности исторической эпохи не дают ключа к пониманию личности творца, об этом могут адекватно поведать только его творения, поэтому критик опирается преимущественно на свои впечатления от чтения произведений. Свой метод Айхенвальд определил как «имманентный», то есть такой, «когда исследователь художественному творению органически сопричащается и всегда держится внутри, а не вне его» [6, с. 24]. Исходным положением для критика служило представление об иррациональной природе таланта, не поддающегося логическому анализу.

Первоначально новаторство Айхенвальда было встречено хорошо — как попытка противопоставить «метод сердца» (Ю. Балтрушайтис [8, с. 155]) устаревшим методам истории литературы [18; 24]. Между тем приверженцы традиционных подходов к изучению литературы критиковали Айхенвальда за то, что он воспринимает писателя как беспочвенного [20], злоупотребляет субъективными впечатлениями и оценками [19], допускает «неумышленную лживость» и создает не объективный образ, а «легенду о писателе» [17, с. 274]. В современной литературоведческой науке «импрессионистическая» или «эссеистская» критика рассматривается как одна из тенденций литературного развития Серебряного века, нашедшая продолжение в критике эмиграции. Очевидно, что в определенных аспектах к ней приближается и литературно-критический подход Бицилли.

Так, в его рецензиях всегда открыто присутствует авторское «я», и путь к пониманию произведения идет через погружение в его художественный мир, через нахождение «внутри» его. Творчество трактуется Бицилли как форма соприкосновения с миром идеальным, а литература воспринимается как особое пространство, хотя и вымышленное, но реальное в своей пластичности:

Всякое искусство, как и вся культура вообще, — результат усилия освободиться от действительности и, пользуясь все же эмпирической данностью как материалом, переработать его так, чтобы прикоснуться к иному, идеальному, Миру. Но эта данность воспринимается и мыслится как реальное бытие... [11, с. 476].

Высшим образцом такого рода литературы для Бицилли является творчество Л.Н. Толстого, с которым он сравнивает все понравившиеся ему произведения. Так, в рецензии на роман Г.Н. Кузнецовой «Пролог» (1933) он пишет:

Надо сделать над собою большое усилие, чтобы дать себе отчет, как написаны «Война и мир» или рассказы Чехова, ибо, однажды воспринявши эти произведения мы уже не мыслим их вне нас [12, с. 453].

А в отзыве на переиздание путевых очерков Бунина прямо сопоставляет его произведение с творениями Толстого:

Начинаешь читать «Тень Птицы», доходишь до описаны отплытия парохода из одесского порта — и сразу же магия бунинского слова оказывает свое неотразимое действие: с читателем происходит приблизительно то же самое, что при приступе к «Войне и миру» или к «Анне Карениной». Толстой вводит нас в семью, и вот она уже — наша семья, мы уже в ней живем, и нам кажется, что жили в ней с детства, как ее неотрывная часть. Вместе с Буниным мы проделаем его паломничество, видим посещенный им Восток так, как если бы он в «самом деле» был нам показан [14, с. 493].

Рецензии Бицилли имеют свободную форму и включают отступления, часто возникающие в авторском сознании не столько в соответствии с логикой анализа, сколько по ассоциации. Подобные отступления иногда предстают в виде сверхобобщений, уводящих от конкретного текста к размышлениям совершенно иного масштаба.

Например, в той же рецензии на «Тень Птицы» Бицилли обобщенно (с точки зрения типологии литературного процесса) сравнивает бунинский травелог с книгой Ф.-Р. де Шатобриана «Путешествие из Парижа в Иерусалим» («Itinéraire de Paris à Jerusalem...», 1811) и приходит к следующему выводу: «Повторяя Шатобриана, Бунин совершил “романтическое” путешествие по следам Христа — и Христа не нашел. Это вполне естественно» [14, с. 493]. Далее следует объяснение причины:

Ибо истинная родина евангельского Христа не там, где разыгрывается евангельское действие. Эта сухость и четкость линий, этот предельный лаконизм, эти несравненные трезвость, ясность, простота <...>, находящаяся в столь резкой противоположности с варварской громоздкостью, с потрясающей и изнуряющей грандиозностью Ветхого Завета, — наследие иного, не восточного, а эллинского гения [14, с. 493–494].

А за этим эссеистически выраженным, «искусствоведческим» объяснением следует одна из бициллиевских «головокружительных траекторий», содержащая суждение о судьбах всей мировой культуры и в финале возвращающаяся к книге Бунина:

Замечательно, как слабо повлияло Евангелие на всю последующую культуру христианского человечества — доказательство, как бесповоротно умерла Эллада: ведь вся история христианского искусства, западного и восточного, связана гораздо более с апокрифами, нежели с каноническими книгами Нового Завета. И то немного, что говорит о Христе Бунин, наваяно, как кажется, скорее всего выросшим на почве апокрифической литературы искусством христианского средневековья, а не Евангелием и не местами, которые он посетил <...> Зато Ветхий Завет может быть понят всецело лишь тем, кто видел места его возникновения, кто знает по личному опыту, что такое пески пустыни и испепеляющие все живое беспощадные и всюду настаивающие лучи Ваала-Солнца. В этом отношении, для понимания Библии, никакой реально-исторический комментарий к ней не дает столько, сколько маленькая книга Бунина... [14, с. 494].

В рецензиях на произведения молодых прозаиков эмиграции, отмечая особенности их художественной манеры, Бицилли также выходит к более общим вопросам, касающимся литературного процесса, а также специфики литературы как вида искусства.

Например, отзыв на автобиографический роман Г.Н. Кузнецовой «Пролог» затрагивает две проблемы: «женской литературы» и формы «фиктивных воспоминаний», предполагающих особый метод художественного воспроизведения жизни.

Рецензент разделяет произведения повествовательной литературы на «художественное воплощение мысли», где читателя отделяет от образов какое-то расстояние, и на те, в которых реализуется обозначенная выше «толстовская» традиция — в том смысле, что в них

воспринимается не повествование о людях и событиях, но сами люди и эти события, сливаясь в нашей памяти с людьми, которых мы лично знали, и с событиями, которых мы сами были участниками или свидетелями [12, с. 453]

Г. Кузнецова, по мнению рецензента, при минимуме деталей и подробностей создает образы, которые воспринимаются как реальные, благодаря авторской любви, восстанавливающей «единство жизни», — и в этом он видит «женское в высшей степени искусство» [12, с. 454]. Указание на особенность творческой манеры Кузнецовой влечет за собой размышления о «женской литературе»:

Женское начало и есть начало не рассуждающей, не основанной на выборе, на оценке, обусловленной непосредственным чувством благодати всякой жизни, все приемлющей любви, начало чисто душевное, одушевляющее, животворящее, но еще не осмысливающее жизни, требующее своего восполнения в начале духовном, мужском, которое в свою очередь нуждается в женском, ибо без него становится безблагодатным, демоническим, мертвящим. Мне кажется, что разmultiplication и повышение качества женской литературы — характерная черта как раз нашего времени, этого поистине жестокого века: жизнь словно сама вносит «поправки» в свою эволюцию [12, с. 454].

Бицилли высоко оценил и другого начинающего писателя «бунинской школы» — Л.Ф. Зурова в отзыве на его роман «Древний путь» (1934). Хотя рецензент утверждает, что ведущие стилистические приемы Зурова — это черты манеры Бунина, но отмечает новаторство молодого писателя и вновь подчеркивает обусловленность формы содержанием, методом отражения жизни. Бессюжетность, отсутствие центральных героев и непрописанность персонажей, появляющихся «как бы во сне», объясняется темой — изображением революции и Гражданской войны, которые воспринимаются как стихийные силы, полностью подчиняющие себе людей.

Книга без завязки и развязки, вообще без сюжета, без центральной оси, без «главных героев», только «эпизодические» лица, без «сцепления» событий, чему придавал такое значение Толстой, следовательно, без «развертывания» — и тем не менее художественное целое; вернее, именно благодаря всему этому художественное целое. Ибо только такая форма стоит в соответствии с содержанием, где речь идет о событиях, происходящих словно помимо людской воли, где люди подчиня-

ются какой-то инерции, делают ужасны вещи, не отдавая себе отчета в том, что они делают, — так же, как, наряду с этим, и самые обыкновенные, будничные. В том-то и ужас последней войны и вызванной ею Революции, что они для подавляющего большинства людей явились какими-то трансцендентными и непреодолимыми силами, событиями, в которых нельзя сказать, что люди участвовали, как нельзя сказать, что захваченный морской бурей пловец «участвует» в буре.

Раз так, то показывать людей во всех подробностях, индивидуализировать их характеры, подводить их под какие-либо «типы», было бы ненужностью и, значит, художественной фальшью [15, с. 461].

Содержательность рецензии на роман «Древний путь» обусловлена еще и тем, что попутно приведенный список черт стиля Зурова, которые Бицилли считает чертами бунинского стиля («бессюжетность, построение по типу “сюиты”, а не “симфонии”, сплошная метафоричность речи <...>, постоянное обращение ко всем нашим органам восприятия» [15, с. 461]), содержит в зародыше целую программу возможного изучения поэтики обоих писателей.

Внимание к приемам, порождающее размышления о методе и далее — о картине мира — отличает и рецензии на книги В. Сирина.

Одной из ведущих стилистических черт писателя Бицилли считает «своего рода “каламбур”, игру сходно звучащими словами» [11, с. 474], в том числе ритмизацию внутри предложений, «“симметрические” в звуковом отношении словесные группы» [11, с. 475], аллитерации и ассонансы, — и этот тезис подтверждается множеством конкретных примеров. Рецензент указал, что подобные приемы в литературе не новы, но все же более типичны для лирики, а не для повествовательной прозы. При этом он заметил специфические образы, которые начали широко распространяться только в литературе XX в. как элементы импрессионистического стиля, а именно:

перенесение <...> на понятия, порождаемые восприятиями одной категории, качеств, относящихся к восприятиям другой: «бархатная тишина платя, расширяясь книзу, сливалась с темнотой» <...> Здесь словесные указания на отдельные восприятия сочетаются так, что вместо восприятий нам передается одно целостное впечатление [11, с. 475].

В современной науке подобные образы называют синестетическими. Понятие синестезии применяется в психологии, лингвистике, эстетике, искусствоведении, литературоведении, под ней понимают

межчувственные связи в психике и результаты их проявлений в конкретных областях искусства: а) поэтические тропы и стилистические фигуры, связанные с межчувственными переносами; б) цветовые и пространственные образы, вызываемые музыкой; в) взаимодействия между искусствами (зрительными и слуховыми) [5, с. 200].

Бицилли считал Сирина-Набокова выдающимся представителем отечественной литературы, сопоставляя с такими корифеями как Гоголь, Достоевский и Салтыков-Щедрин, хотя и находил чрезмерными его стилистические эксперименты. В одном из писем В.В. Рудневу Бицилли писал:

Прочитавши до конца «Приглашение на казнь», убедился окончательно, что Сирин — гениальный писатель, но все еще не выучившийся себя ограничивать и слишком часто увлекающийся собственной виртуозностью [21, с. 571].

Смелое развитие традиции Гофмана, Гоголя и Щедрина проявилось и в композиции произведений Сирина, «где фантастика, небывальщина как-то вкрадываются туда, где мы их не ожидаем», где присутствует «включение небывальщины в вульгарную обыденщину» [11, с. 476], причем в отличие от предшественников фантастические мотивы не выходят на первый план, в результате все «выворачивается наизнанку», «реальность» начинает восприниматься как «бред», а «бред» как действительность:

Прием «каламбур» выполняет таким образом функцию восстановления какой-то «действительности», прикрываемой привычной «реальностью» [11, с. 476].

Таким образом, рецензия Бицилли содержит не только меткие наблюдения над стилистическими изысками писателя, но и пронизательное предположение о скрытых философских глубинах его художественного мира. Утверждая, что «искусство Сирина — искусство аллегории, “иносказания”», рецензент увидел в его произведениях не только «чувство нереальности, бессмысленности жизни», но и «смутное видение чего-то, лежащего за всем этим, “сущего”», «платоновского мира идей» [11, с. 477], — т. е. того, что В.Е. Александров в своей монографии о писателе назвал набоксовской «потусторонностью» [1].

Обзор рецензий Бицилли раскрывает некоторые особенности литературно-критического подхода и позиции рецензента по отно-

шению к современному ему литературному процессу. Подход, сочетающий внимание к стилистическим особенностям текста (аналитический) и опору на личные, непосредственные впечатления от прочитанных произведений (эмоционально-интуитивный), приближается к «имманентной критике» Айхенвальда. Рецензиям Бицилли присуще свободное построение, при котором отзыв не только включает рассуждения о самых разнообразных явлениях словесности и истории («фиктивные воспоминания», «женская литература», читательская рецепция), но и позволяет делать на основании личных впечатлений достаточно обобщенные выводы о специфике литературы, художественном вымысле, истории культуры.

Интуитивная основа восприятия произведений словесности позволила Бицилли чутко откликнуться на актуальные явления литературного процесса: появление новых жанров и трансформацию традиционных (травелог, беллетризованная биография, современное житийное повествование, автобиографический роман), формирование особого типа повествовательного произведения, в котором фабула перестает играть решающую роль, новый тип изображения человека, связанный с усилением внимания к человеческой индивидуальности, стилистические инновации в творчестве молодых прозаиков.

Рецензии Бицилли очень содержательны, поскольку в сжатой форме фиксируют значимые особенности литературных новинок и тем самым намечают пути дальнейшего углубленного изучения как отдельных произведений, так и творчества автора в целом, а подчас и всего литературного процесса. Безусловно, актуальной и значимой задачей современного литературоведения видится переиздание и глубокое изучение рецензий Бицилли, а также всего литературно-критического наследия ученого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Александров В.Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика / пер. с англ. Н.А. Анастасьева; под ред. Б.В. Аверина и Т.Ю. Смирновой. СПб.: Алетейя, 1999. 313 с.
2. Анненкова И.В. «Чистая критика» Петра Бицилли // Русская речь. 2003. № 1. С. 34–37.
3. Васильева М.А. «Проблематика индивидуальности» в трудах П.М. Бицилли: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.

4. *Васильева М.А. П.М. Бицилли — участник спора о «молодой эмигрантской литературе» // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур / сост. Т.Н. Красавченко, М.А. Васильева, Ф.Х. Хадонова. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 50–70.*
5. *Галеев Б.М., Ванечкина И.Л. Синестезия // Корневище ОА. Книга неклассической эстетики. М.: ИФ РАН, 1999. URL: http://prometheus.kai.ru/sinest2_r.htm (дата обращения: 21.05.2020).*

Источники

6. *Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. 591 с.*
7. *Андреев Н. «Жизнь Тургенева» Б. Зайцева // Воля России. 1932. № 1/3. С. 94–96.*
8. *Балтрушайтис Ю. Ю. Айхенвальд. Силуэты русских писателей // Золотое руно. 1906. № 11/12. С. 154–155.*
9. *Бицилли П.М. Избранные труды по филологии / сост., подгот. текстов и коммент. В.П. Вомперского и И.В. Анненковой. М.: Наследие, 1996. 709 с.*
10. *Бицилли П. [Рец. на кн.:] Бор. Зайцев. Жизнь Тургенева. Париж, 1932 // Современные записки. Париж, 1932. Кн. 48. С. 475–477.*
11. *Бицилли П. [Рец. на кн.:] В. Сирин. Приглашение на казнь. — Его же. Сглядатай. Париж, 1938 // Современные записки. 1939. Кн. 68. С. 474–477.*
12. *Бицилли П. [Рец. на кн.:] Галина Кузнецова. Пролог. Изд. «Совр. записки». Париж, 1933 // Современные записки. 1933. Кн. 53. С. 453–454.*
13. *Бицилли П. [Рец. на кн.:] Г.П. Федотов. Святой Филипп, митрополит Московский. YMCA-Press, Париж, 1927 // Современные записки. 1928. Кн. 36. С. 539–542.*
14. *Бицилли П. [Рец. на кн.:] Ив. Бунин. Тень Птицы. Изд. «Современные записки», Париж. 1931 // Современные записки. 1931. Кн. 47. С. 493–494.*
15. *Бицилли П. [Рец. на кн.:] Л. Зуров. Древний путь. Изд. «Современные записки», 1934 // Современные записки. 1934. Кн. 54. С. 460–461.*
16. *Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / сост., вступ. ст., коммент. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. 608 с.*
17. *Голиков В.Г. Имманентная критика // Вестник знания. Пг., 1914. № 4. С. 274–286.*
18. *Грифцов Б. Метод Айхенвальда // Русская мысль. М., 1913. № 11, отд. II. С. 27–30.*
19. *Кранихфельд В. О критике и критиках // Современный мир. СПб., 1911. № 8. С. 327–342.*
20. *Львов-Рогачевский В.Л. Самовдохновенная критика // Львов-Рогачевский В.Л. Снова накануне. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1913. С. 137–141.*

21. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. 976 с.
22. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2013. Т. 3. 1016 с.
23. Стенун Ф. Б.К. Зайцеву: К его 80-летию // Мосты. Мюнхен, 1961. № 7. С. 19–32.
24. Эйхенбаум Б. Ю. Айхенвальд. Силуэты русских писателей // Русская мысль. 1913. № 9, отд. II. С. 330–331.

REFERENCES

1. Aleksandrov, V.E. *Nabokov i potustoronnost': metafizika, etika, estetika* [Nabokov and Otherworldliness: Metaphysics, Ethics, Aesthetics], transl. from the English by N.A. Anastasiev, ed. by B.V. Averin and T.Iu. Smirnova. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1999. 313 p. (In Russian)
2. Annenkova, I.V. “Chistaia kritika' Petra Bitsilli” [“Pure Criticism' of Piotr Bitsilli”]. *Russkaia rech*, no. 1, 2003, pp. 34–37. (In Russian)
3. Vasil'eva, M.A. “Problematika individual'nosti” v trudakh P.M. Bitsilli [Problems of Individuality in the Works of P.M. Bitsilli], PhD Thesis, Summary. Moscow, 2009. 25 p. (In Russian)
4. Vasil'eva, M.A. “P.M. Bitsilli — uchastnik spora o 'molodoi emigrantskoi literature'” [“P.M. Bitsilli — Participant in a Dispute about a 'Young Emigrant Literature'”]. *Gaito Gazdanov i “nezamechennoe pokolenie”: pisatel' na peresechenii traditsii i kultur* [Gaito Gazdanov and “Unnoticed Generation”: Writer at the Intersection of Traditions and Cultures], comp. by T.N. Krasavchenko, M.A. Vasilieva, F.H. Khadonova. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS Publ., 2005, pp. 50–70. (In Russian)
5. Galeev, B.M., and I.L. Vanechkina. “Sinestezia” [“Synesthesia”]. *Kornev-iSChHe OA. Kniga neklassicheskoi estetiki* [RhizoMe OA. Book of Non-classical Aesthetics]. Moscow, Institute of Philosophy RAS Publ., 1999. Available at: http://prometheus.kai.ru/sinest2_r.htm (Accessed 21 May 2020). (In Russian)

Дата поступления статьи: 7 августа 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 30 июня 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 7 August 2021

Approved after reviewing: June 30, 2022

Date of publication: December 26, 2024

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-460-473>

<https://elibrary.ru/XHNVJE>

ПАРТИТУРНОЕ МЫШЛЕНИЕ П.М. БИЦИЛЛИ

© 2024 г. С.Р. Федякин

Научное исследование выполнено в Институте им. А.М. Горького ИМЛИ РАН при финансовой поддержке РНФ (проект № 17-18-01432).

Аннотация: В статье впервые рассматриваются статьи и рецензии П.М. Бицилли как часть большого единого целого, построенного не как последовательная разработка тех или иных вопросов, но в согласии с музыкальным принципом, где многоголосие допускает одновременное проведение разных тем-мыслей. Есть здесь сходство с В.В. Розановым, но тот от научного языка переходит к художественному, тогда как Бицилли остается в рамках научного мышления. В своих работах Бицилли часто проводит параллели между различными процессами (история и музыка, история и роман, особенности изображения в живописи и в художественной прозе), четко очерчивая границы сравнения. При этом многие особенности исследуемых процессов без такого сопоставления обрисовать было бы невозможно. Вместе с тем в разных работах Бицилли появляются одни и те же темы-лейтмотивы: поэтический «пра-язык»; изучение предмета как основа художественного изображения; «плагиат», понимаемый не как простое заимствование, но как одна из сторон жизни культуры; «второй» русский литературный язык; «цивилизация» и «культура» как разные стороны одного исторического процесса и т. д. Сами статьи Бицилли напоминают не законченное целое, но «отрезок» процесса мышления. Таким образом, все его литературное наследие — это своеобразная «партитура мысли». И знание о таком «партитурном» мышлении позволяет прочитывать каждую отдельную его работу в более широком контексте.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, В.В. Розанов, русская литература, язык, контрапункт, лейтмотив, партитура.

Информация об авторе: Сергей Романович Федякин — кандидат филологических наук, доцент, кафедра новейшей русской литературы, Литературный институт им. А.М. Горького, Тверской б-р, д. 25, 123104 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8900-7967>

E-mail: serofeddmoll@yandex.ru

Для цитирования: Федякин С.Р. Партитурное мышление П.М. Бицилли // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. А.В. Протопопова, М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 460–473.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-460-473>

Research Article

PIOTR BITSILLI'S THINKING IN THE WAY OF ORCHESTRAL SCORE

© 2024. Sergey R. Fediakin

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support of Russian Science Foundation (the project № 17-18-01432).

Abstract: The article is the first work to consider articles and reviews by Piotr M. Bitsilli as a part of a large unified whole, built not as a consistent development of certain issues, but in accordance with the musical principle, where polyphony allows for the simultaneous carrying out of different themes-thoughts. There is a similarity here with Vasilii V. Rozanov, but he moves from the academic to the artistic language, while Bitsilli remains within the framework of academic thinking. In his works, Bitsilli often draws parallels between various processes (history and music, history and novel, features of the image in painting and in fiction), clearly outlining the boundaries of comparison. At the same time, it would be impossible to outline many features of the processes under study without such a comparison. Bitsilli's articles themselves do not resemble a complete whole, but a "segment" of the thinking process. Thus, all of his literary heritage is a kind of "sheet music

of thought". And the knowledge of such "sheet-music-like" thinking allows us to read each individual work in a broader context.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, Vasilii V. Rozanov, Russian literature, language, counterpoint, the leitmotif, the score.

Information about author: Sergey R. Fediakin, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature of Modern Times, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Tverskoy boul. 25, 123104 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8900-7967>

E-mail: serofeddmoll@yandex.ru

For citation: Fediakin, S.R. "Piotr Bitsilli's Thinking in the Way of Orchestral Score." *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 460–473. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-460-473>

Когда впервые открываешь его статьи, — и большие, и даже маленькие, как в парижском «Звене», — бросаются в глаза постоянные отсылки на чье-то мнение. Иногда это авторы известные, иногда — недавно мелькнувшие. Есть среди них имена почти позабытые. Но Бицилли внимателен к каждому, стараясь воздать должное и неудачникам¹.

Столь же часты у него неожиданные сопоставления:

Возьмем для уяснения пример такого музыкального произведения, жизнь которого ближе всего подходит к действительной, исторической: фуги. Общая жизнь семейств, народов складывается из множества «сцеплений», как выражался Толстой, сцеплений отдельных, индивидуальных жизней. Этому соответствуют сцепления отдельных голосов фуги [6, с. 488].

¹ См., например, рецензию Бицилли на книгу Всеволода Никаноровича Иванова «Мы», настоящего прозаика, но сомнительного «историсофа». Первое впечатление от книги «скорее неприятное», но после критического разбора ученым отмечена «его заслуга» в постановке важной историко-культурной задачи [5, с. 371].

Это из статьи «Кризис истории». Сопоставить историю и фугу — не слишком ли смело? Поневоле вспомнишь одно странное розановское сближение:

Обычай бани есть гораздо более замечательное историческое явление, нежели английская конституция. Во-первых, баня архаичнее, т. е. с точки зрения самих англичан — почтеннее: она более, нежели конституция, историческое *comme il faut*; во-вторых, она демократичнее, т. е. более отвечает духу новых и особенно ожидаемых перемен. Идея равенства удивительно в ней выдержана. Наконец, английская конституция для самых первых мыслителей Европы имеет спорные в себе стороны; бани никаких таких сторон не имеют [7, с. 346].

Читатель неподготовленный может решить, что, сравнивая столь далекие явления, Розанов показывает отсутствие способности мыслить логически. Но всякий, кто прикасался к розановскому переводу Аристотеля, к сопутствующим перевод комментариям или к книгам «О понимании», «Природа и история», где автор не просто показал способности к аналитическому мышлению, но даже у известных ученых — Дарвина, Бокля — нашел прорехи в способности отчетливо мыслить, — не будет делать поспешных выводов. Он уловит: Розанов сравнивает несравнимое вполне намеренно. Сблизив русскую баню с английской конституцией, он двинулся псевдо-логическим путем. И это будто бы сопоставление родило два образа: явление живое, естественное — и явление выморочное.

Розанов и шел — год от году — к усилению образного мышления. И в результате этого движения создал свою огромную мыслительную партитуру, частью которой стали его статьи, его комментарии к письмам современников (Страхов, Леонтьев, Говоруха-Отрок и т. д.), его «уединенные» книги². Бицилли тоже сравнивает то, что не всякому придет в голову поставить рядом. И все же на язык образов он не переходит.

Сама идея «музыкального» сопоставления пришла от другого автора, Эухенио д'Орса. К нему отсылает автор «Кризиса истории», пересказав идею в двух фразах: «История — “наука времени” — разделила судьбу музыки — “искусства времени”». Они вместе расцвели и вместе увяли, считает d'Ors» [6, с. 488]. Сам Бицилли, к музыке не раз в своих статьях обращавшийся, возможность такого сопоставления принимает, но тут же дает «разметку» его возможных границ:

¹ Подробнее о «партитурном» мышлении Розанова см.: [1].

«Это верно и неверно. Время в музыке не одно и то же, что время в истории» [6, с. 488]. Он знает: в фуге, — сложной полифонической форме, — весьма жестки законы голосоведения. В истории все обстоит иначе:

Бесчисленные отдельные жизни настолько самостоятельны в своем развитии, их сцепления между собою, из которых складывается история, настолько случайны, что историк то и дело рискует упустить эти сцепления из виду [6, с. 489].

Наметив возможные границы одного сравнения, Бицилли — уже без посредства других источников — очерчивает другую возможность:

Науку истории лучше сблизить с еще одним «искусством времени», реалистическим романом [6, с. 489].

И тут же дает основание и для этого сравнения:

Хронологически развитие истории и развитие романа совпадают ближе, чем истории и музыки. В сущности, роман и история — одно и то же: фиктивная жизнь, изображаемая в романе, воспринимается ведь как действительная [6, с. 489].

Способность мыслить разными смысловыми «пластами» могла прийти из его знаний: историк, философ, историософ, культуролог, филолог, литературный критик, способный отозваться и на музыковедение, и на изобразительное искусство³. Но, всего вероятнее, это замечательное «многознайство» Бицилли происходит из внутренней потребности уяснить «смысл явлений», найти общее в мировом разнообразии. Эта пытливость ощущается даже за строчками самых крохотных его работ. В больших же, — как в «Кризисе истории», — она становится двигателем мысли. Важен не канон (в статье должно поставить вопрос и на него ответить). Важно наметить все возможные решения означенных задач, — и не так существенно, что путь

³ Характерен его отклик на рисунки болгарского карикатуриста Божинова с тем же «двойным зрением»: «Весьма многие, хохочущие над рассказами Тэффи и Зощенко, вероятно, удивились бы, и даже вознегодовали, если бы услышали, что Тэффи и Зощенко такие же классики русского художественного слова, как и те, которых портреты вешают в гимназиях и которых чтят “юбилеями”» [3].

этот порождает множество новых вопросов, которые еще только будут ждать своей разгадки.

Сближение истории и романа произвело на свет целый каскад тем. Каждая — только намечена, хотя могла бы стать основой целой монографии. Но именно соединение таких мыслительных «потенций» воедино порождает и особую форму движения мысли: возможность говорить и об истории литературы (включая историю восприятия художественных произведений), и о сказаниях (библейских, античных) — как прообразе будущих романов, и о Евангелии как своего рода «пра-источнике» фурийизма (обещание преображения мира в будущем). В Новом Завете Бицилли провидит исток и целого мировоззрения: идея «прогресса» — как основа исторического движения.

XX в. привел к кризису этого убеждения:

Культурный человек, в отличие от среднего человека, уже не верит в золотой век, ни в тот, что «впереди нас», ни в тот, что «за нами». Историки уже не в состоянии писать увесистых «всеобщих историй» по типу английского семейного романа — с угадываемым, обещанным, благополучным окончанием; ни таких, по образцу идиллий и пасторалей, где изображалось доброе старое время, когда жизнь была если не добродетельнее и счастливее, то хоть «красивее» [6, с. 492].

Мысль Бицилли слоится. Верхний ее «пласт»: чуткий читатель не верит в неизбежное «лучшее будущее» (или «лучшее прошлое»), которое «подсовывает» ему историк, как не верит и в благополучные финалы прежних романов. «Пласт» нижний — как бы «второй голос» в этом контрапункте — проявленная история читателя (ранее в статье уже намеченная): в прежние времена (от Филдинга до Толстого) «круг читателей великих и невеликих романистов был один и тот же» [6, с. 489], хотя читались произведения по разному. Теперь же читатель расслоился, как разошлась надвое и литература (беллетристика и художественная проза).

В этом искусстве движения мысли он часто использует «приемы», близкие к приемам композиторов. Так, в «Поэме экстаза» у Скрябина «тема воли» в первый раз проводится не полностью, как бы «намеком», чтобы после стать одной из главных тем музыкального произведения⁴. Когда Бицилли, только приступая к «музыкальному» сравнению, т. е. до углубления в историю литературы, упомянул ря-

⁴ См. подробнее: [2, с. 309].

дом с фугой *словцо* Толстого (жизнь «слагается из множества “сцеплений”, как выражался Толстой»⁵), он подспудно — с именем всемирно известного писателя — уже наметил сравнение истории с романом, т. е. тема «история как роман» сначала прозвучала неявно — точно так же, как «тема воли» в «Поэме экстаза».

Склонность к «контрапунктному» мышлению не могла не породить как внезапные сопоставления, так и поиск общих основ для разных явлений. Одну из статей он даже так и назвал — «Параллели». Обнаружил сходство в соотношениях: Маркс и марксизм, Толстой и толстовство, Фрейд и фрейдизм. (В усложненном варианте обнаружил ту же закономерность в соотношении: Пруст и прустинанцы.) Здесь сопоставление «несопоставимого» дало возможность увидеть и особенность «доктрин» с подобной судьбой (сходная черта у «вождей» — разрыв «между интуицией и умственной работой» [6, с. 407]), и само «строение» такого типа влияния: во всех этих случаях вклад в науку или культуру учителя (вождя) был в высшей степени плодотворен, тогда как вклад его последователей (школы, секты, научного окружения) ограничивался лишь «доктринерством».

Знакомый уже подход Бицилли: проводить параллели между разными явлениями можно, если четко заданы границы этого сближения. В сущности, и тут выдержан музыкальный принцип: марксизм, толстовство, фрейдизм, прустинанство — явления «не совпадающие», но внутри них соотношение «основатель — последователи» имеет одно и то же «строение». Темы («идеи») могут быть разные, но музыкальное произведение будет строиться согласно определенной форме («фуга», «соната», «рондо», «вариации» и так далее).

Отдельные лейтмотивы особо важных «тем» переходят из статьи в статью. «Человек умер и очнулся в царстве теней» [6, с. 451], — начало отклика на «Отплытие на остров Цитеру» Георгия Иванова цитируют довольно часто. И не всегда обращают внимание на конец:

У Г. Иванова ничто не «бросается в глаза», потому что каждое его стихотворение — более того, все они вместе — воспринимаются как одно целое, как одно слово, чем и был, по предположению лингвистов, первый человеческий язык, язык по своей природе чисто поэтический — самопроизвольное и адекватное выражение целостного переживания, а не «орудие», не «средство» сообщения «отвлеченной» — общей и ничьей — мысли [6, с. 452].

⁵ Толстовское словцо «сцепление» после повторяется, словно бы превращаясь — как в музыкальном произведении — в «узнаваемый мотив».

Финал рецензии — не случайная ассоциация. Ранее этот лейтмотив уже звучал. Тогда Бицилли обратил внимание на многочисленные «неправильности» в стихах Блока, заметив: поэт готов жертвовать смыслом или правилами грамматики ради звука:

Блок, игнорируя самостоятельность местоимений, прилагательных (мы видели примеры); сливая их с «именами», сливая вместе, в одно «пра слово», целые фразы («да, так любить, как любит наша кровь» и т. д.), возвращается к исходной точке, к «пред-языку», который выразительнее, целостнее всякого языка [4].

Если смотреть на литературное наследие Бицилли как на «сумму» книг, статей, рецензий, заметок, — мы не увидим главного: этого «поли-мыслителя» волновали не только герои его откликов. Есть вопросы, в нем звучавшие, к коим он возвращался снова и снова. Видит явление (поэтический «пра язык» — предшественник членораздельной речи) — и отслеживает все возможные его воплощения. И в разговоре о Блоке, и в разговоре о Георгии Иванове первоотчетчиком к «проведению темы» пра языка стали те особенности их стихов, которые могут прочитываться как «изъязыны», а на самом деле это — особенность языка поэтического рядом с любым другим.

Лейтмотив классического метода изображения рождается вместе с именем Бунина. В рецензии на книгу «Божье древо» (собранные вместе коротенькие рассказы, иной раз менее страницы) — очередная параллель, на этот раз живописная. Ботичелли готов увидеть будущую картину в любом случайном цветовом пятне («достаточно бросить в стену губку, напитанную различными красками, и получится пятно, в котором можно увидеть прекрасный пейзаж» [6, с. 425]). Леонардо да Винчи предпочитает иной, более трудный путь: «изучение *не средства* выражения, а самого *материала*, вещей и их форм» [6, с. 425]. Бунин — писатель совершенной «словесной живописи» [6, с. 425] — идет именно таким путем, тогда как у многих — пусть и по-настоящему талантливых (Набоков, Цветаева, Пастернак и т. д.) — путь и более простой, и более «безответственный» (так у Юрия Олеши «переулочек» идет «суставчиками», а герой движется по ним «ревматизмом» [6, с. 425]).

Тот же лейтмотив звучит и в статье того же времени «Бунин и его место в русской литературе». Здесь он вписан в историко-литературный контекст, запечатлев рубеж XIX–XX вв.:

Отталкиваясь от той же самой сентиментально-«реалистической» дешевки, от которой отталкивались и символисты, Бунин создал свой метод, который оказался прямой противоположностью методу символистов. Последние шли от слов к вещам⁶. Бунин шел от вещей к словам. Он стал изучать то единственное, что вне субъекта ему непосредственно дано: самые вещи, предметный мир [6, с. 421].

Еще раз — снова с отсылкой к живописи — лейтмотив проводится в одной из главнейших статей Бицилли «Трагедия русской культуры». Здесь контекст еще шире — история мировой культуры. И речь идет уже не о рассказах-коротышках из «Божьего древа», но об автобиографическом герое Бунина, Арсеньеве:

Нам становится понятен глубокий философский смысл его восторга, когда он делает открытие, что нос пропойцы похож на клубнику, — восторга Гёте и Леонардо да Винчи, открывающих связи между формами вещей, прозревающих породившую их Перво форму [6, с. 364].

Эта статья — из особо «показательных». Самый краткий конспект «Трагедии русской культуры» будет не многим короче (если не длинней) оригинала, настолько плотно здесь явлена историософская картина. Пред тезис: Россия отставала от Европы в историческом развитии, вынуждена была нагонять. Тезис: это — несчастье для русской цивилизации; но это же — дар судьбы, когда речь идет о культуре. Далее тезисы следуют в обрисовке сразу и главной мысли, и мыслей «частных», которые касаются отдельных ее эпизодов, т. е. здесь — то же «расслоение» по двум голосам (особенности русской культуры — особенности творчества ее представителей). Такое двухголосие помогает раскрыть тему наиболее полно.

Россия впитывала все нужное из Европы сразу. Достоевский — создатель нового художественного пространства — «заимствует, не стесняясь, что ему надо, у Бальзака и у Диккенса», «его роман восходит к уже тогда устарелому жанру “романа ужасов”» [6, с. 362]. Гоголь воссоздает старую европейскую комедию, где расторопный «друг» или «слуга» — «устраивает счастье» возлюбленных, не забывая и о своих выгодах. Но русский комедиограф преобразил этот сюжет. У него «друг» (Кочкарев) помогает без особой к тому нужды,

⁶ Пояснение самого Бицилли в той же статье: «уравнение А. Белого: “человек” = “чело века” — просто чепуха» [6, с. 422].

в силу своего характера, тем самым Гоголь «создал совершенно новый комический эффект» [6, с. 362].

Бицилли проходит по творчеству русских классиков (включая современного классика — Бунина), очерчивает одновременное сосуществование в русской литературе жанров, которые Европа проходила в процессе длительного времени, и рисует обобщающую картину:

Великие русские писатели «не знали» друг о друге, как не знает «одна истина о другой», как «не знает» пифагорова теорема о постулате Евклида [6, с. 370].

Исторический взгляд может искать причинные цепочки и какую-то последовательность в появлении произведений. Бицилли дает «вневременное» видение:

В историко-литературном плане Блок, считавший своим авторитетом Брюсова, а на самом деле учившийся поэтическому искусству у авторов «цыганских романсов», объясним и без Пушкина. Но в Царстве Духа, в мире чистых идей, Блок требует Пушкина и Пушкин Блока [6, с. 370].

Сама эта особенность русской культуры, где глубинные связи между очень разными художниками возникают как внутренняя ее необходимость, — есть ее «величайшее чудо и величайшая редкость» [6, с. 370].

Статья впитала в себя то, что нарабатывалось мыслителем годами: отклики на идеи Шпенглера, на «Антикультуру» Павла Муратова; на идеи Михаила Бахтина («полифонический» роман Достоевского), идеи его брата Николая (нынешнее повсеместное «разложение личности» — в том числе и в романах Пруста) и т. д. Все это умножается на многочисленные штудии русских (и не только русских) литературных классиков, на знание других культур и музыки (близкими к «вневременности» русской литературы названы немецкая и русская музыка, древнегреческая философия).

Дает Бицилли и ответ на вопрос глубинного смысла русского изгнанничества, который был рассыпан по множеству его работ:

В том, что русская культура, в силу особых свойств строения русского общества, была «чистой» культурой; что Россия оказалась из всех стран европейского — христианского — культурного круга един-

ственной, где культура лишь в малой степени затронула собою цивилизацию и потому не переродилась в цивилизацию; что поэтому она гибнет трагически, вместо того чтобы исподволь угасать в артериосклерозе; что тем самым она облагородила исход европейской культуры и что ее гибель служит залогом мирового Возрождения, немыслимого без великих потрясений, без мучительного осознания трагедии становящегося Духа, — историческая миссия России [6, с. 371].

Творчество Бицилли не просто «многослойно» (история, философия, языкознание, история культуры и литературы и т. д.). Оно открыто для «чужого слова». Он готов откликнуться на любую свежую мысль, любую идею, заодно — «переобдумать» ее, поправить или даже выправить. (Поэтому так часты ссылки на чужие слова и чужую мысль.) В каком-то смысле многие статьи Бицилли — вольные рассуждения, отрезки из его «потока мышления» («Параллели», «Жизнь и литература», «Кризис истории»...). В этом смысле он близок к Розанову. Но если последний тяготел к запечатлению «мгновения мысли» (еще до «Уединенного», как в «Эмбрионах», как в комментариях к чужим письмам, как в комментариях к чужим комментариям — в книге «В мире неясного и нерешенного»), то Бицилли стремится проявить «становление» мысли. Это особый род искусства — искусства идей. Оно проявлено не в стиле, а в движении мысли, в том впечатлении, которое производит соотношение разных идейно-культурных «характеров».

Вместе с тем статья — это не только ответ на заданную тему, но это и жизнь сквозных тем-лейтмотивов, что пронизывают самые разные его работы: поэтический «пра язык»; изучение предмета, как основы подлинного искусства; «плагиат», понимаемый не как «воровство», но как одна из сторон жизни культуры; «второй» русский литературный язык (связанный с именами Лескова, Розанова, Ремизова); литературный или мыслительный «эксперимент», как возможность обнажить какую-либо проблему; «цивилизация» и «культура» как разные стороны одного исторического процесса, и т. д.

Сквозные темы говорят о том, что, в сущности, каждая статья или рецензия — это лишь отрывок большого произведения, а все лейтмотивы — часть единой мысли. И если статья — это подобие музыкальной «горизонтالي», то сквозные темы — основа музыкальной «вертикали». Эти вертикали и «прочерчивают» почти каждое его выступление, давая невероятные «созвучия идей». И не важно, что это — крошечная статья, где проблема лишь намечена (как бы набросок большой монографии), или — статья покрупнее (а то и се-

рия статей), с характерными «контрапунктами» в движении мысли. Наступает мгновение, когда темы, уже до детали проработанные в других работах, — множество подобных «лейтмотивов», — сплетаются в единый и сложный контрапункт, в единое «музыкальное» целое. Тогда в ряду других работ «вспыхивают» статьи-обобщения, такие как «Трагедия русской культуры». Они озаряют особым смыслом и то, что было уже им написано, и то, что написано будет позже.

В сущности, Бицилли и пишет одно произведение, пытаясь понять современность через прошлое и прошлое через современность, чтобы «нащупать» — сквозь «поток мыслей» — Единое. Двигаясь — из года в год, от статьи к статье, — он создает какую-то огромную «партитуру мысли». Она не могла быть закончена, — таково свойство этого «поликультурного», «полифонического» мышления. Но именно это не законченное «музыкальное целое» и дает возможность с большей точностью понять каждое отдельное произведение, поскольку рождает для него этот многомерный, много- и разно-смысленный — необходимый — контекст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Федякин С.Р. Неоконченная «партитура» Розанова // Литературоведческий журнал. 2019. № 45. С. 13–20.
2. Федякин С.Р. Скрябин. М.: Молодая гвардия, 2004. 557 с.

Источники

3. Бицилли П.М. Карикатурист-классик: Искусство А. Божинова // Россия и славянство. Париж, 1931. 17 января. № 112. С. 3.
4. Бицилли П.М. Литературные эксперименты. 2. Блок // Россия и славянство. 1932. 3 сентября. № 197. С. 3.
5. Бицилли П.М. [Рец. на кн.:] Всеволод Иванов. Мы. Харбин, 1926, XVI+369 стр. // Современные записки. Париж, 1926. Кн. 29. С. 489–495.
6. Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / вступ. ст., сост. и коммент. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. 608 с.
7. Розанов В.В. Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1996. 701 с.

REFERENCES

1. Fediakin, S.R. “Neokonchennaia ‘partitura’ Rozanova” [“Unfinished ‘Score’ of Rozanov”]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 45, 2019, pp. 13–20. (In Russian)
2. Fediakin, S.R. *Skriabin [Scriabin]*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2004. 557 p. (In Russian)

Дата поступления статьи: 7 августа 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 16 декабря 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 7 August 2021

Approved after reviewing: December 16, 2022

Date of publication: December 26, 2024

Илл. 1. Фотопортрет И.А. Бунина с надписью его рукой: «Дорогому Петру Михайловичу сердечно Ив. Бунин 22.XII.37. Ivan Bunin Novembre 1937 Paris». РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Письма (Т. 1)

Fig. 1. A photographic portrait of I.A. Bunin with an inscription by his hand: 'To Dear Piotr Mikhailovich dearly Iv. Bunin 22.XII.37. Ivan Bunin Novembre 1937 Paris'. Manuscript Department of IRL RAS. F. 804. Inv. 1. Letters (Vol. 1)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

На фронтисписе:

П.М. Бицилли. София 1930-е.

Васильева М.А. От составителя

Международная научная конференция «Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П.М. Бицилли» (Москва, ИМЛИ РАН, 18–19 ноября 2019)

Илл. 1. Б.С. Каганович, О.А. Коростелев, М.А. Васильева

Илл. 2. О.А. Коростелев, Т. Галчева

Илл. 3. О.А. Коростелев, С.Р. Федякин, Л.В. Герашко, М. Вендитти

Илл. 4. Сидят: М.А. Васильева, Л.А. Сыченкова, Е.А. Тахо-Годи, М. Шруба, И.В. Анненкова. Стоят: С.И. Петряков, Т. Галчева, М. Вендитти, А.В. Антощенко, О.В. Марченко, О.А. Коростелев

Левченко В.В., Левченко Г.С. П.М. Бицилли в городском пространстве Одессы: прошлое и настоящее

Илл. 1. Одесса. Покровская церковь. 1898

Илл. 2. Одесса. Одесское городское кредитное общество. Конец XIX в.

Илл. 3. Одесса. Дом № 4 на ул. Черноморской. Фото В.В. и Г.С. Левченко, 2013

Илл. 4. Одесса. Здание Одесской мужской 2-й гимназии. 1898

Илл. 5. Одесса. Здание Южноукраинского национального педагогического университета имени К.Д. Ушинского. Фото В.В. и Г.С. Левченко, 2018

Илл. 6. Одесса. Здание Императорского Новороссийского университета. Открытка, начало XX в.

Илл. 7, 7а. Одесса. Барельефы в Музее изящных искусств. Фото В.В. и Г.С. Левченко, 2018

Илл. 8. Одесса. Здание бывшей Одесской женской гимназии О.С. Белен-де-Баллю. Фото В.В. и Г.С. Левченко, 2018

Илл. 9. Одесса. Здание бывших Одесских высших женских курсов. Фото В.В. и Г.С. Левченко, 2018

Илл. 10. Одесса. Здание бывшей Одесской женской гимназии О.В. Кандыбы. Фото В.В. и Г.С. Левченко, 2018

Левченко В.В. К истории формирования и развития научных приоритетов П.М. Бицилли

Илл. 1. Инскрипт П.М. Бицилли, посвященный профессору Б.В. Варнеке, на отгиске своей статьи «Новгородское сказание о IV-м крестовом походе», опубликованной в журнале «Исторические известия», 1916. Т. III–IV. С. 53–60.

Ковалев М.В. П.М. Бицилли и русская Прага: к истории взаимоотношений

Илл. 1. П.М. Бицилли, А.А. Кизеветтер (сидит), Е.В. Спекторский (?), неизвестная. Прага, 1924. Из личного собрания Л.Н. Белошевой (Прага)

Киeйзик Л. П.М. Бицилли и К.В. Флоровская (по ее письмам к Г.В. и А.В. Флоровским)

Илл. 1. Открытка Г.В. Флоровского П.М. Бицилли. 27 (14) апреля 1937. РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 132. Л. 1

Илл. 2. П.М. Бицилли, К.В. Флоровская, П.М. Любошинский, С.Н. Любошинская. Персенк (Болгария), конец 1930-х. Из личного собрания Е.П. Ивановой-Аначковой (София)

Шруба М. Петр Бицилли и Владимир Вейдле

Илл. 1. Письмо В.В. Вейдле к П.М. Бицилли. 10 октября 1933. РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 74. Л. 1

Герашко Л.В. Последние годы жизни Анатолия Штейгера по его письмам из архива П.М. Бицилли в Пушкинском Доме

Илл. 1, 1а. Письмо А.С. Штейгера к А.П. Мещерскому. 5 июля 1939. Почтовая открытка. РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 135. Л. 3

Илл. 2. Письмо А.С. Штейгера к П.М. Бицилли и членам его семьи. 18 декабря 1942. РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 135. Л. 39

Илл. 3. Письмо А.С. Головиной к А.П. Мещерскому. 17 декабря 1945. РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 147. Л. 1

Илл. 4. Автограф стихотворения А. Штейгера «Бессарабия». 1939. РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 135. Л. 15

Илл. 5, 5а. Письмо А.С. Штейгера к П.М. Бицилли. 5 августа 1941. Почтовая открытка. РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 135. Л. 33

Илл. 6. Книга «Первые строители Руси» (София, 1935) с дарственной надписью: «Дорогому Владиславу Фелициановичу Ходасевичу с просьбой просмотреть эту книгу. Вы не пожалеете. А. Штейгер. София 1939». РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 184

Галчева Т. П.М. Бицилли и социализм: от «Основ социализма» (Одесса, 1917) до «История на социализма» (София, 1952)

Илл. 1. Автограф монографии П.М. Бицилли «История на социализма. Социалистически теории и обществени движения» (первая страница). 1951–1952. РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 21. Л. 1

Вендитти М. П.М. Бицилли и споры о русском языке в эмиграции

Илл. 1. Автограф статьи П.М. Бицилли «О некоторых особенностях развития русского литературного языка». <1939>. РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 19. Л. 1

Федякин С.Р. Партитурное мышление П.М. Бицилли

Илл. 1. Фотопортрет И.А. Бунина с надписью его рукой: «Дорогому Петру Михайловичу сердечно Ив. Бунин 22.XII.37. Ivan Bunin Novembre 1937 Paris». РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Письма (Т. 1)

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

АКР — Архив «Комисия за разкриване на документите и за обявяване на принадлежност на български граждани към държавна сигурност и разузнавателните служби на Българската народна армия» (Архив Комиссии по раскрытию документов и установлению принадлежности болгарских граждан к службе государственной безопасности и разведки Болгарской народной армии, София, Болгария)

АРАН — Архив Российской академии наук (Москва)

ГАОО — Государственный архив Одесской области (Одесса, Украина)

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)

ДРЗ — Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва)

МГУ — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва)

НБУ — Нов български университет (Новый болгарский университет, София, Болгария)

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)

ОНУ — Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова (Одесса, Украина)

РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

РО ИРЛИ РАН — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (Санкт-Петербург)

AINPK — Археологический институт им. Н.П. Кондакова (Прага, Чехия) — Archeologický institut N.P. Kondakova (Praha, Česko)

BAR — Архив русской и восточно-европейской истории и культуры (Бахметевский архив) (Нью-Йорк, США) — The Archive of Russian and East European History and Culture (Bakhmeteff) at Columbia University (New York, USA)

ODÚDU — Отдел документации Института истории искусств Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия) — Oddělení dokumentace Ústavu dějin umění AV ČR (Praha, Česko)

UCLA — Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе (Лос-Анджелес, США) — University of California, Los Angeles (Los Angeles, USA)

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом Института мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук

EMIGRANTICA

Выпуск 2

*П.М. Бицилли и гуманитарная наука
русского зарубежья*

Составитель М.А. Васильева

Научные редакторы М.А. Васильева, А.В. Бакунцев

Редакторы А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев

Переводчики А.В. Протопопова, Т.А. Пирусская

Выпускающий редактор Е.А. Андреева

Макет тома А.Б. Башкова

Компьютерная верстка А.Б. Башкова

Подписано в печать

Формат 60х90¹/₁₆ Усл.-печ. 30 Тираж 300

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

121069 г. Москва, ул. Поварская, д. 25 а

Тел. (495) 609-05-61

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт» 109316, г. Москва,
Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

ISBN 978-5-9208-0787-8

9 785920 807878 >